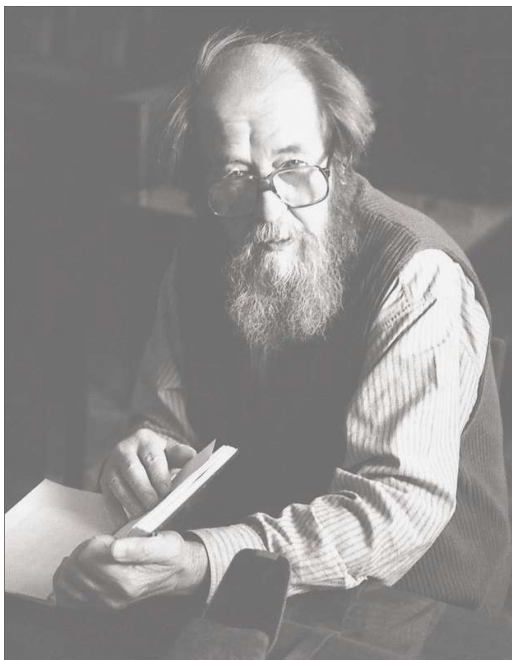

БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ**

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В БРЕСТЕ

**АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

БРЕСТ 2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2-Рос)6
С60

Рецензенты:

заведующий кафедрой истории славянских народов учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», доктор исторических наук, профессор

А. Н. Вабищевич

профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ), доктор филологических наук, профессор

А. Н. Андреев

заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», доктор филологических наук, профессор

В. И. Коваль

Редакционная коллегия:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат филологических наук, доцент

Н. Н. Борсук

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

Ю. Н. Чагайда

старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

Ю. А. Кошова

Под общей редакцией

заведующего научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, доктора педагогических наук, действительного члена Академии педагогических и социальных наук РФ, профессора кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

М. П. Жигаловой

С60 А. И. Солженицын на постсоветском пространстве: история и современность:
коллективная монография; под общ. ред. М. П. Жигаловой. – Брест: БрГТУ, 2018. – 324 с.

ISBN 978-985-493-443-3

Коллективная монография обобщает результаты исследований ведущих учёных Беларуси, Германии, Грузии, Молдовы, Польши, России, Румынии, Украины по изучению жизни и творчества А. И. Солженицына.

Исторические, лингвистические, литературоведческие, психологические, педагогические проблемы рассматриваются в контексте времени, диалога и полилога культур, определения места и роли в них общечеловеческих и национальных ценностей, отражённых в творчестве писателя.

Материалы адресуются специалистам-историкам, литературоведам, педагогам и психологам, а также аспирантам, магистрантам и студентам, всем, кто интересуется жизнью и творчеством писателя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2-Рос)6

ISBN 978-985-493-443-3

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство БрГТУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА 1. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: ИСТОРИЯ, ВЗГЛЯДЫ, СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, ИМЕНА	
Беженару Л. Е. Правда – память – свобода в понимании А. И. Солженицына (Яссы, Румыния)	8
Бельскі А. І. Аляксандр Салжаніцын і тэма рэпрэсій у беларускай літаратуры канца ХХ стагоддзя (Мінск, Беларусь).....	11
Даренский В. Ю. Концепция преемственности советской и постсоветской истории в книге А. И. Солженицына «Россия в обвале» (Луганск, Украина).....	19
Стрелец М. В. Правозащитное движение в СССР в эпоху Л. И. Брежнева: некоторые аспекты истории (Брест, Беларусь)	28
Кудинов С. И., Михайлова О. Б. Жизнестойкость и самореализация личности в психологическом портрете и творчестве А. И. Солженицына (Москва, Россия).....	38
Андреев А. Н. Разум vs интеллект: версия философии литературы (Москва, Россия)	44
ГЛАВА 2. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ	
Борсук Н. Н. Динамика познания философии жизни А. Солженицыным (на основе анализа циклов «Крохотки») (Брест, Беларусь).....	54
Кравченкова Е. А. А. И. Солженицын и русская рэп-культура: жить не по лжи (Москва, Россия)	66
Захарчук Л. А. Творческое наследие А. И. Солженицына в современной музыкальной культуре (Брест, Беларусь).....	74
Потолков Ю. В. Нравственные проблемы романа А. Солженицына «В круге первом» (Брест, Беларусь)	78
Коптева Э. И. Традиции пасхального рассказа XIX в. в очерке А. И. Солженицына «Пасхальный крестный ход» (Омск, Россия).....	83
Осипова Т. А. Репрезентация социальных концептов в художественной прозе и публицистике А. Солженицына (Гомель, Беларусь)	86
Луцаков В. Э. Религиозность послевоенной русской деревни (по рассказу «Матрёнин двор») (Брест, Беларусь)	94
Мельнікава З. П. Праведнасць. Асэнсаванне трагічных старонак айчынай гісторыі ў творчасці А. Салжаніцына і В. Быкава (Брэст, Беларусь)	99
Мартыанова С. А. Творчество А. И. Солженицына и «Тюремные тексты» В. Гюго (Владимир, Россия)	108
Скибицкая Л. В. Публицистический дискурс творчества А. И. Солженицына	114
Будник О. А. Вобраз-канцэпт жанчыны ў апавяданнях А. Салжаніцына «Матронін двор» і І. Пташнікава «Тры пуды жыта» (Брэст, Беларусь)	119
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ	
Гарипова Г. Т. Александр Солженицын «Раковый корпус»: тайны, которые хранит текст - город (Владимир, Россия)	125
Шаламова-Красевская Л. Н. От Солженицына к себе (Брест, Беларусь).....	131
Ляўчук З. С. «Раковый корпус» А. Салжаніцына ў інтэрпрэтацыі Эвы Томпсан (Брэст, Беларусь).....	156

Васильев Е. М. Личность и творчество Александра Солженицына в рецепции Игоря Качуровского (Ровно, Украина).....	159
Левонюк А. Е. Афоризмы в творчестве А. И. Солженицына (Брест, Беларусь).....	169
Сичинава Н. Г. Особенности использования прецедентных текстов в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» (Кутаиси, Грузия).....	174
Ходынюк Ю. Э. Лексическое своеобразие произведений А. И. Солженицына (на примере рассказа «Один день Ивана Денисовича») (Бяла Подляска, Польша).....	181
Чагайда Ю. Н. Ономазиологический план действующего лица в рассказе А. Солженицына «Матренин двор» (Брест, Беларусь).....	186
Статкевич Е. В. Ценности жизни и способы их достижения в произведениях А. И. Солженицына (Пинск, Беларусь)	192
Чечилия Матичук. Рецепция творчества А. И. Солженицына в Румынии (Яссы, Румыния).....	198
Березовская Т. Ю. «Русский словарь» А. Солженицына и русский язык XXI века: осмысление, сопоставление, обобщение (Москва, Россия).....	200

ГЛАВА 4. ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кулибина Н. В. Интерактивные уроки чтения по «Крохоткам» А. И. Солженицына (Москва, Россия)	207
Жигалова М. П. Творчество А. И. Солженицына в контексте школьного литературного образования Беларуси (Брест, Беларусь)	211
Критарова Ж. Н. Изучение творчества А. Солженицына в российской школе (Москва, Россия).....	222
Атрощенко А. С., Бисерова М. В. Восприятие творчества А. И. Солженицына современными студентами (Санкт-Петербург, Россия).....	230
Кобылянская Л. И. Отражение философско-аксиологических парадигм А. И. Солженицына в постсоветском пространстве в выборе стратегий поведения человека в трудных жизненных ситуациях (на примере Республики Молдова) (Кишинёв, Молдова).....	233
Койнова-Цёльнер Ю. В. Воспитание чувств в произведениях А. И. Солженицына (Дрезден, Германия)	245
Романичева Е. С., Маранцман Е. К. Работа со статьей учебника по литературе об А. И. Солженицыне как погружение в историко-литературный контекст (Москва, Санкт-Петербург, Россия).....	250

ГЛАВА 5. А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пашкевич Л. С. Торжественное мероприятие в Брестской областной библиотеке им. М. Горького	257
Потолков Ю. В. Стихи о рассказе А. Солженицына «Матрёнин двор» (1959 г). О романе А. Солженицына «В круге первом» (1968 г.).....	261
Столярчук С. Стихотворение о произведениях А. Солженицына	262

ГЛАВА 6. ИЗ ФОНДОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

Александр Исаевич Солженицын в жизни и творчестве (1918–2008). Из фондов Брестской областной библиотеки им. М. Горького. Биобиблиографический указатель Составители: В. А. Горбачевская, А. П. Зайко.	263
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы правильно рассмотреть большую картину, надо встать перед ней не слишком близко и не слишком далеко, потому что если мы будем смотреть слишком близко, то детали заслонят от нас целое – и мы не сможем понять главное. Если же картину рассматривать издалека, то сможем не заметить драгоценных и тонких нюансов, часто являющихся ключом к пониманию целого. Одним словом, необходимо найти такую «фокусную» точку зрения, которая даст нам правильное понимание и деталей, и целого.

Такая «фокусная» точка зрения существует и в духовном восприятии личности человека. Её очень трудно найти, так как родные люди знают все мелочи и недостатки человека, но часто не понимают личности в целом. Чужие же и дальние наоборот: схватывают только поверхностную целостность и не понимают деталей. Особенно трудно представить личность человека, отдалённого эпохой.

А ещё труднее понять моральные и духовные ценности человека, который почти всю свою жизнь находился в бескомпромиссной оппозиции к власти и тоталитарному режиму. Понять неординарного писателя, осмелившегося рассказать в своих художественных, исторических и публицистических произведениях всему миру о необычных героях, этапных событиях российской истории и их влиянии на человеческие судьбы.

Коллективная монография, которую вы держите в руках, – это попытка учёных Беларуси, Германии, Грузии, Молдовы, Польши, России, Румынии, Украины осмыслить роль и место личности и творчества А. И. Солженицына в современном поликультурном пространстве.

Это и рассуждения учёных о философе-заступнике России.

Это и взгляд историков, психологов на проблемы сталинской эпохи и осмысление её ужасов с позиций нашего времени и культуры разных народов с целью понимания психологии характеров, той летописи страданий, которую прошли без «вины виноватые» политзаключённые.

Это и способ понять биографию души писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, учёными – представителями разных народов.

Это и средство переосмысления имеющихся в современном информационном пространстве суждений и оценок.

Это и прикосновение в очередной раз к истокам творчества Александра Солженицына, так неоднозначно воспринимаемого в современном мультикультурном технологизированном мире, с целью определения собственной позиции.

Это и путь к пониманию значимости русского писателя, общественного деятеля для прошлого и настоящего.

Это и определение концепции изучения наследия Александра Солженицына в учебных заведениях разных государств.

Это и демонстрация тех методов и приёмов, которые помогут выделить наиболее эффективное влияние произведений писателя на формирование жизненной философии личности.

А может быть, в эти минуты, познакомившись с исследованиями, представленными в монографии, Вы обретёте надежду, духовное равновесие, веру... И придут они от самих скромных праведников писателя.

Несмотря на «вихри враждебные», грозно веющие и сегодня на планете, на крутящиеся «колёса» войн, бунтов, терроризма, герои А.И. Солженицына скромно воздвигают, кладя «кирпич за кирпичом», реальную и символическую стену преград на пути человеческого безумия, трагического ожесточения и деградации, призывают каждого к самопознанию и прозрению, чтобы не допустить повторений лжи, насилия, бесчеловечности.

А века и десятилетия с верой и надеждой всматриваются в зыбкий «один день», который может в один миг решить судьбу не только отдельного человека, нации, государства, но и всей цивилизации.

М. П. Жигалова

УЧАСТНИКАМ И ОРГАНИЗАТОРАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «А. СОЛЖЕНИЦЫН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Уважаемые коллеги и друзья!

Сердечно поздравляю всех, кого объединяет любовь к русской литературе, кто испытывает неподдельный интерес к личности А. И. Солженицына, к изучению его творчества, с проведением в Республике Беларусь Международной конференции «А. Солженицын на постсоветском пространстве: история и современность»!

А. И. Солженицын олицетворяет собой тип «симфонической личности», который, в понимании русского философа Льва Красавина, является условием «личного бытия народа или многонародного целого». В судьбе А. И. Солженицына отразились все самые катастрофические события XX века, его творчество выразило тот мучительный поиск ответов на «проклятые» вопросы эпохи «дегуманизации искусства», сопряжённые с желанием найти выход из тупика истории. Глубокий философский ум, способность к переоценке ценностей, смелость мышления, открытость личной позиции — все это сделало А. И. Солженицына личностью мирового масштаба, неотъемлемой частью культурного и духовного наследия мировой цивилизации.

Спасибо организаторам и участникам конференции за интерес к творчеству такого яркого и самобытного писателя, сыгравшего неопределимую роль в проведении идеи самоценности Человека, его Свободы и Достоинства в современном мире. Сегодня неоспоримой является его роль в духовно-культурной консолидации творческого и научного сообщества России и Белоруссии.

Уверена, что проходящая в Бресте Международная конференция, посвящённая А. Солженицыну, будет способствовать объединению российских и белорусских учёных и деятелей культуры вокруг идеи «гуманистической глобализации» современного мира.

Искренне надеюсь, что это важное культурно-образовательное мероприятие привлечет к личности русского писателя еще большее внимание исследовате-

лей, даст новый импульс дальнейшему росту интереса изучения его творчества в контексте мировой культуры, станет основой для популяризации имени писателя и общественного деятеля, философа и просто уникального человека XX века А. И. Солженицына.

Хочется особо отметить и выразить благодарность всем организаторам конференции и особенно заведующей кафедрой белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета, кандидату филологических наук, доценту Борсук Нине Николаевне, руководителю научно-исследовательской лаборатории по социокультурным проблемам пограничья, доктору педагогических наук, профессору Брестского государственного технического университета Жигаловой Марии Петровне за сотрудничество, вклад в дело популяризации изучения творческого наследия А.И. Солженицына и активизации процесса русско-белорусской гуманитарной проективности.

Желаю всем участникам успешной работы на конференции, ярких открытий, незабываемых встреч!

С глубоким уважением и благодарностью,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирского государственного университета
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ),
академик МАНПО, почётный академик Академии наук ТУРОН
Гарипова Гульчира Талгатовна

ГЛАВА 1. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: ИСТОРИЯ, ВЗГЛЯДЫ, СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, ИМЕНА

Беженару Л. Е.
(Яссы, Румыния)

УДК 82.091

ПРАВДА – ПАМЯТЬ – СВОБОДА В ПОНИМАНИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: правда; память; свобода; А. И. Солженицын.

Аннотация: в статье рассматриваются понятия «правда-память-свобода» в понимании А. И. Солженицына, чье творчество стало рупором свободоловобия в советскую эпоху, в контексте культурно-политической жизни СССР в XX веке и борьбы автора «Архипелаг ГУЛАГ» против тоталитаризма XX века.

А. И. Солженицын – один из самых титулованных писателей современности (среди них лауреатство Нобелевской (1970) и Темплтоновской (1983) премий), человек, «изменивший лицо мира» (Т. Вольтская), «демонический пророк» (О. Антонов), «отец нации» (В. Сердюченко), «выдающийся русский характер, которому счастливилось быть осуществленным в России раз в 300 лет» (поэт Давид Самойлов).

Личность и творчество Александра Солженицына отнюдь не всеми одинаково приняты. Обычные люди и специалисты в области литературоведения, социологи, политики и политологи глубоко эмоционально отзывались о писателе. «Нравственный поводыр», «мученик», «пророк», «правдоискатель», «светоносец», «властитель дум», «великан», «Моисей», – преклоняясь перед его талантом, перед его мужеством, перед его Свободой и Правдой, произносили одни. Другие, переполненные гневом, бросали в его адрес: «предатель», «клеветник», «изменник». А он продолжал жить, писать, потому что видел в этом свою миссию, свое предназначение.

Огромное по масштабу документальное исследование «Архипелаг ГУЛАГ» (1968), полифоничное «Красное Колесо» (1986), трактат «Двести лет вместе», научный труд «Русский словарь языкового расширения» (1947–1988) и литературная «коллекция» портретов русских писателей (его история в лицах) поражают величайшей фактичностью, силой исследовательской мысли. Однако они не заслонили его «малой прозы» – классические произведения «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Матренин двор» (1963) и серии поздних двучастных рассказов 1990-х годов: «На изломах» (1996), «Крохотки» (1958–1998). Как «персонификация пророка» (используя метафору В. Максимова), как «гений борьбы», шедший сквозь бурную историю России XX века, предстает Солженицын в своей публицистике: «На возврате дыхания и сознания», «Образованщина», «Жить не по лжи!», «“Русский вопрос” к концу XX века».

Авторы едины в оценке масштаба такого явления, как Александр Солженицын, однако расходятся в определении его направленности. Такие разноплановые оценки возможны при разном осознании личностных особенностей творче-

ской личности писателя, его идей и мыслей, а также индивидуального восприятия личности и деятельности А. И. Солженицына. Его значение несколько поторопились преуменьшить в начале нового тысячелетия, но, может быть, именно его голоса нам больше всего не хватает в сегодняшнем мировом кризисе при полном молчании всех духовных авторитетов! В канун его 100-летия нельзя не задуматься о масштабе великого дарования этого сложного мыслителя, художника с пророческим призванием, о глубине его взаимосвязей с Россией, с «Узлами» ее исторического бытия, о его литературных и исторических шедеврах.

По нашему мнению, после ухода А. И. Солженицына один из главных вопросов, который стоит перед нами, – это понимание *сути* напутствия, которое оставил всем своим творчеством Александр Исаевич; некий общий посыл, который он оставил современным людям, смирившимся с диктатом условностей.

Творчество Солженицына идет намного дальше обличения ГУЛАГа и дальше сопротивления коммунистической идеологии. **Правда – Память – Свобода** – так бы мы определили то наставление, которое оставил человечеству через Время А. И. Солженицын.

Память как фундаментальная категория времени и в то же время общекультурный концепт связана с концептом *прошлое*. В литературном контексте этот концепт включает в себя *время, вечность, прошлое, минувшее, прошедшее, былое, давнее*, а еще *беспамятство и традицию*. Еще в XX веке русский философ Н. А. Бердяев указывал на такое свойство памяти, как ее *загадочность*: «Память в человеке есть величайшая метафизическая тайна» [1.1.]. Образ прошлого в культуре формирует *коллективную память*, когда индивид не только хранит в памяти прошлое, но и меняет собственный образ, исходя из коллективного опыта. Коллективная память неотъемлема от памяти нации и от внеличностной *памяти культуры*; о последней Ю. Лотман и Б. Успенский писали, что она состоит из воспоминаний, закодированных элементов прошлого опыта, которые существуют в самых различных формах, – от письменных текстов, произведений искусства до народных обычаев, традиций (2.2). Старуха Дарья, главный идейный персонаж повести Распутина, формулирует главную мысль произведения «Прощание с Матерой»: «Правда в памяти. У кого нет Памяти, у того нет жизни». *Память* у Распутина является некой хранильницей вечности. Эту мысль мы встречаем и у Александра Исаевича Солженицына, который свою роль писателя понимал так: «Я хочу вернуть России ее память». Различное понимание итогов XX века, когда за основу берется либо уважение к прошлому, либо отвращение к нему, и сегодня разделяет не только российское общество, но и мировое сообщество. Политики, общественные деятели, историки призывают либо возненавидеть свое прошлое, либо возлюбить его, либо хотя бы понять его. Интерпретация уроков истории русского XX века, оценки знаковых его эпизодов формируют идеологии политических партий. На построениях философии истории строится национальное сознание. Поэтому Александр Солженицын хотел быть «памятью народа, который постигла большая беда» и не хотел находиться в плену иллюзорных сравнений и сопоставлений.

В 1974 году, когда разворачиваются драматичные события в жизни писателя, мы видим в нем человека, который сделал свой окончательный выбор, и продолжает, несмотря на все потери, жертвы, идти вперед, не подавая ни единого повода для предположения, что могло быть иначе.

В основе преклонения одних и ненависти других лежит разное понимание представления о том, что есть истина, что значит говорить правду. В понимании Солженицына «Говорить правду – это значит возродить свободу, не считаясь ни с давлением, ни с интересами, ни с модами». В начале 1970-ых годов, незадолго до высылки из СССР, А. Солженицын написал обращение к интеллигенции, к молодежи, ко всем соотечественникам. «Жить не по лжи» – вот какой путь определяет писатель для каждого человека, особенно для молодых, «желающих жить по правде». Он обращается к каждому человеку так, как будто именно от этого человека зависит судьба человечества. С таким пониманием несовместимы никакие нравственные компромиссы: человек ответственен за свою судьбу, судьбу своего народа, судьбу своей страны. Если он оказывается не в состоянии нести бремя такой ответственности, если прощает себе малодушие и трусость, то, по мнению Солженицына, заслуживает только презрение. Поэтому позиция писателя нередко воспринимается как излишне категоричная, так как многие не принимают обвинения в нравственной беспринципности.

Солженицын вступил на путь служения Истине вслед за русскими писателями, чья жертвенная жизнь была для автора «Архипелага...» одним из тех нравственных ориентиров, которые не позволяли писателю сойти с избранного пути. Писатель считал, что человек не имеет права в мыслях и делах скрывать даже самую малую часть правды. Пережив трагические события, познав разочарование, отчаяние, А. Солженицын переосмыслил свою жизнь, осознал свое предназначение. Он понял, что обязан служить Истине.

Чтобы найти Истину, в каждом броске своей жизни он стремился понять истинный разум происшедшего, то Нечто, что направляло его: «Многое в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая верного пути, – и всегда меня поправляло Нечто».

Солженицын считал, что у Толстого, Достоевского, Чехова сложились убеждения, будто не нужна политическая свобода, а только моральное совершенствование. Не нужна свобода тому, у кого она уже есть. Ясная Поляна при Толстом была открытым клубком мысли. «А оцепили б ее в блокаду, как квартиру Ахматовой, <...> запросил бы тогда и Толстой политической свободы». Свое «Слово» при получении премии «Фонда Свободы» Солженицын завершил точным и ёмким заявлением о «некоторых аспектах свободы», показывая, что «современные свободные системы» утратили многое во внутренней силе и устойчивости. А. И Солженицын осмыслил понятие «высшей формы свободы» с нравственных, христианских позиций. И в этом принципиальное отличие его понимания свободы от того, чем живет и гордится современный цивилизованный мир. Назвав себя летописцем лагерной жизни, он стал строителем и главным действующим лицом истории XX века, рупором Памяти, Истины и Свободы.

Человеческая и историческая память, внутренняя свобода, жизнь «по совести» и по правде – вот нравственный, моральный и духовный посыл писателя. В современном информационном пространстве сохранение ответственного, образованного, деятельного и внутренне содержательного человека становится задачей номер один. Содержательный человек – это неисчерпаемый ресурс всего человечества. Без Солженицына, чье творчество стало рупором свободологии в советскую эпоху, в контексте культурно-политической жизни СССР

в XX веке и борьбы автора романа «Архипелаг ГУЛАГ» против тоталитаризмов XX века нам не научиться внутренней свободе и содержательности.

«Цель жизни человека не в счастье, а в том, чтобы за долгий жизненный путь духовно подняться, стать к смерти существом духовно более высоким, чем родился». Путь Александра Исаевича Солженицына в Большом Времени продолжается.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. Книга, 1991, стр.292.
2. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Wiener Slawistischer Almanach, Bd, 16, 1985.
3. Солженицын А. И., Интервью журналу «Ле Пуэн» // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. стр. 329.
4. Солженицын А. И., Бодался теленок с дубом. стр.126.
5. Солженицын А. И., Круглый стол в газете «Йомиури» // Солженицын А.И. Публицистика Т. 3. стр. 88.

Бельскі А. І.

(Мінск, Беларусь)

УДК 821.161.1.09-31+929 Солженицын+821.161.3.09

АЛЯКСАНДР САЛЖАНИЦЫН І ТЭМА РЭПРЭСІЙ У БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ КАНЦА XX СТАГОДДЗЯ

***Ключавыя словы:** літаратура; рэпрэсіі; ахвяры; даваеннае мінулае; лагерная рэчаіснасць; калектывізацыя; В. Быкаў.*

***Анатацыя:** аўтар артыкула акцэнтуюе ўвагу на асобе Аляксандра Салжаницына як пачынальніка гулагаўскай тэмы, запяняецца на мастацкім увасабленні тэмы сталінскіх рэпрэсій у беларускай паэзіі і прозе. Значнае месца адведзена разгляду твораў антысталінскай накіраванасці В. Быкава, аналізуюцца іх сюжэты і вобразы, аўтарская інтэрпрэтацыя падзей даваеннага мінулага.*

Пісьменнік Аляксандр Салжаницын з дакументальнай праўдзівасцю, пастацку ўражальна, нават з ашаламляльнай псіхалагічнай пераканальнасцю распавёў свету пра сталінскія рэпрэсіі і лёс ахвяр палітычных рэпрэсій у СССР яшчэ ў савецкі час. Аднак праўда пра сталінізм з яго карнай сістэмай і лагерна-турэмным рэжымам стала шырокавядомай толькі на хвалі так званай «гарбачоўскай» перабудовы. Хаця развянчанне культу асобы Сталіна пачалося значна раней, у гады «хрушчоўскай адлігі». Салжаницынскі «Архипелаг ГУЛАГ» зрабіў сапраўдную рэвалюцыю ў свядомасці грамадства і народа, якія былі пазбаўлены праўды пра жахлівае сталінскае мінулае. Заслуга аўтара «Архипелагу...» як мастака-грамадзяніна палягае ў тым, што ён сказаў суровую праўду пра тагачасную даваенную эпоху з яе атмасферай страху, даносаў, гвалту і катаванняў, паказаў трагічны лёс і нечалавечыя пакуты савецкіх вязняў ва ўмовах лагернай рэчаіснасці. Пісьменнік зрабіў значны ўплыў на актыўнае развіццё і асэнсаванне літаратуры антысталінскай, антытоталітарнай

накіраванасці. Безумоўна, трэба аддаць належнае і іншым аўтарам твораў пра ГУЛАГ (В. Шаламаў, Я. Гінзбург і інш.).

Пачатковы перыяд грамадскай перабудовы ў другой палове 1980-х гг. гэтак, як і абнаўленчы час пасля XX з'езда КПСС, зноў даў магчымасць тагачасным савецкім пісьменнікам, вязням сталінскіх лагераў, праўдзіва і сумленна выказацца пра зведанае ў сталінскіх засценках і ў лагернай няволі (А. Рыбакоў, Л. Разгон і інш.). Беларускія пісьменнікі — былыя катаржнікі, ахвяры культуры асобы — у час перабудовы і першыя постсавецкія гады таксама выказаліся ў сваіх творах і кнігах на поўны голас. Менавіта тады пабачыла свет «спавядальная» паэзія і проза С. Грахоўскага («І радасць, і боль», 1988, «Сповідзь», 1990), П. Пруднікава («Познія ягады», 1990, «За калючым дротам», 1993), Я. Бяганскай («Мая Галгофа», 1990), А. Звонака («Светлацені», 1992), В. Хомчанкі («Цар-зэк Сямён Івашкін», 1992), С. Новіка-Пеюна («Песні з-за кратаў», 1993), В. Супруна («Крык», 1993) і інш. Чытач атрымаў магчымасць пазнаёміцца з напісанымі раней «лагернымі» вершамі Л. Геніюш («Белы сон», 1990). У 1994 г. выйшла перавыданне антысталінскай кнігі аднаго з першых савецкіх вязняў Ф. Аляхновіча «У капцюрох ГПУ» [1], якая ўпершыню пабачыла свет яшчэ ў далёкім 1937 г. у Вільні. Гэтая дакументальная аповесць выйшла да канца 1930-х гг. на сямі еўрапейскіх мовах. Беларускі пісьменнік Ф. Аляхновіч задоўга да А. Салжаніцына і В. Шаламава паказаў гулагаўскую рэчаіснасць вачыма нявольніка-катаржаніна. Сярод твораў гулагаўскай тэматыкі вылучылася дзённікавая проза Б. Мікуліча. Яго «Аповесць для сябе» [8] пісалася ў 1946—1948 гг. паміж першым і другім арыштамі, тэкст твора доўгі час захоўваўся ў спецсховішчах і быў апублікаваны толькі ў 1987—1988 гг. Апрача іншага, «Аповесць для сябе» дае ўяўленне пра гулагаўскае жыццё і побыт, нявольніцкі лёс пакрыўджанага праз беззаконне і прымус чалавека. «Лагерная» літаратура складае асобную трагедынную старонку. Кнігі беларускіх пісьменнікаў-пакутнікаў — паказ усёй абсурднасці і жахлівасці існавання ў атмасферы смяротнага страху і гвалту, іх канцэпцыя лёсу чалавека ва ўмовах жорсткага сталінскага часу падобная да праўдзівага сацыяльна-мастацкага дыягназу, зробленага А. Салжаніцыным і іншымі пісьменнікамі ў дакументальнай прозе на гулагаўскую тэму.

Памяць беларускіх паэтаў захавала ў дэталях рэалістычна-дакладных карціны змрочнага лагернага жыцця і побыту. Вершаваныя радкі поўняць развярджана-балючыя пачуцці незаслужана пакараных і несправядліва пакрыўджаных людзей. Адною з самых прыкметных кніг на тэму сталінскіх рэпрэсій стаў зборнік паэзіі А. Звонака «Светлацені» [6], адзначаны Дзяржаўнай прэміяй Беларусі імя Янкі Купалы (1992). Матывы гаркоты, перажытага болю, асуджэння антычалавечнасці, выкрыцця пачварнага і звыродлівага складаюць эмацыянальна-пачуццёвае ядро гэтай кнігі (вершы «Спавядальнае», «Класавая барацьба», «Не вярнуцца мне на твой парог...», «Раманс» і інш.). Памяць пра даваенны час з яго страхам і гвалтам, як даводзіць А. Звонак у вершы «Літургія», патрэбна не толькі ахвярам сталінскіх рэпрэсій, але і для маральнай праўды і ачышчэння грамадства, для таго, каб падобнае не паўтарылася ў будучым.

Дэсталінізацыі свядомасці закліканы быў паспрыяць выхад маштабнага шматтомнага выдання Л. Маракова пра рэпрэсіі ў Беларусі, дзе сабраны звесткі

пра шматлікіх ахвяр тагачаснага рэжыму: дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў, творчай і навуковай інтэлігенцыі, святароў і працаўнікоў асветы. «Расстраляная літаратура» [10] — кніга-помнік беларускім пісьменнікам, якіх знішчылі карныя органы ў сталінскі час. Нацыянальную літаратуру напаткала вялікая трагедыя, была ўчынена расправа з маладымі талентамі, учарашнімі «дзецьмі рэвалюцыі», якія так шчыра паверылі ў савецкую ўладу, яе лозунгі і заклікі. У ноч з 29 на 30 кастрычніка 1937 года ноччу ў Мінску былі расстраляны больш як 20 беларускіх і яўрэйскіх літаратараў, і сярод іх М. Чарот, М. Зарэцкі, П. Галавач, А. Дудар, А. Вольны, В. Маракоў, Ю. Лявонны і інш. Л. Маракоў падлічыў асобасныя страты, прыводзіць такую жахлівую статыстыку: «...3 2000 рэпрэсаваных у СССР літаратараў каля 500 (чвэрць) прыходзіцца на Беларусь, колькасць насельніцтва якой складала ў час рэпрэсіяў у СССР менш за 5 працэнтаў» [7, с. 9]. Ён адзначае: «...у 30-я гады была знішчана духоўная моц, мозг нацыі» [7, с. 6]. Па сутнасці нашу нацыянальную літаратуру ў даваенны час напаткала катастрофа. Паэт М. Мятліцкі ў вершы «29 кастрычніка 1937 года» акурат і вяртае нас у чорны дзень беларускай гісторыі. Сталінскі рэжым бязлітасна знішчаў беларускія таленты, забіраў жыцці «дзецей рэвалюцыі», і пра гэтую трагедыю «рэпрэсаванай літаратуры» сучасны паэт гаворыць з горыччу і глыбокай засмучанасцю:

А ў кроне сасновай ірдзісты прамень
Свяціўся свавольна-вясёла.
І граў недалёка святочны дзень
Народзінаў камсамола.

Як камсамольскі лідар-трубач,
Самы для ўлад крамольны,
Першым упаў Платон Галавач,
Потым — Дудар,
Потым — Вольны... [9, с. 11]

Як адзначалася, тэма масавых рэпрэсій у савецкі час замоўчвалася і абміналася, аднак на хвалі «гарбачоўскай» перабудовы для пісьменнікаў з'явілася магчымасць раскрыць народную трагедыю ў 1930-я гг. В. Быкаў разглядаў гістарычны шлях беларускага народа як пакутніцкі і ахвярны. Вялікія людскія страты прыпалі не толькі на ваенны час, але і на гады сталіншчыны. В. Быкаў быў адным з першых літаратараў, хто прапанаваў праўдзівы і бескампрамісны аналіз савецкай гісторыі. Зрэшты, яшчэ ў «Знаку бяды» (1982) ён зрабіў смелы захад у паказе жыцця і лёсу беларускага сялянства ва ўмовах сталінскай калектывізацыі. У 1988 г., калі галаснасць паспрыяла выкрыццю сталінскіх злачынстваў, В. Быкаў гаварыў: «Урэшце прыйшоў час сказаць людзям праўду і зрабіць з яе пэўныя высновы. Найперш праўду трэба сказаць пра мільёны безыменных людзей Беларусі, рабочых, калгаснікаў, інтэлігентаў з народа, беларусаў, палякаў, яўрэяў, людзей іншых нацыянальнасцяў, панішчаных у гады сталіншчыны без віны, без права, без следу ў народнай памяці... Гэта патрэбна ў імя справядлівасці, у імя дэмакратыі, у імя нашай будучыні. У тым наш святы абавязак перад гісторыяй, маральны абавязак перад

наступнымі пакаленнямі, каб ім не давялося дакараць нас за тое, што мы мелі магчымасць і ўпусцілі яе» [5]. Письменнік скарыстаў спрыяльныя ўмовы і пашырыў адлюстраванне трагічных падзей даваеннага мінулага ў аповесцях «Аблава», «Сцюжа», апавяданнях «Жоўты пясочак», «Чырвоныя пятліцы» і інш. Так, В. Быкаў распачаў працу над «Сцюжай» у 1969 г., аднак дапісаў гэты твор да канца толькі ў 1991 г.

«Аблава» (1989) мае рэльную жыццёвую аснову. На гэты конт ёсць сведчанне самога пісьменніка: «У адну з апошніх маіх паездак на радзіму я прыдбаў ідэю-сюжэт аповесці “Аблава”. Знаёмы кубліцкі чалавек распавёў пра выпадак з 30-х гадоў, як у нас праходзіла калектывізацыя і з ёй — раскулачванне, высылкі, рэпрэсіі. Адзін селянін быў сасланы з сям’ёй пад Архангельск, там напакутаваўся, пахаваў жонку, малую дачку і вырашыў уцякаць на радзіму. Як ні дзіўна, тое яму ўдалося. Праз шмат прыгодаў-пакутаў, адолеўшы тысячу кіламетраў, ён апынуўся на родным котлішчы і соладка, на адзіноце паплакаў. Але на тым і скончылася ўсё яго шчасце вяртання. У дарозе яго ніхто не ведаў, а тут пазнаў першы ж сустрэты ранкам сусед. І ўжо надвячоркам на яго пачалі паляваць, наладзілі аблаву, у якой (во драма!) змушаны быў прыняць удзел і ягоны сын, што ў свой час адрокся ад бацькі і ўступіў у партыю. Бацька ўтапіўся ў балоце...» [2, с. 515—516]. Пакручасты, фатальна-трагічны лёс селяніна Хведара Роўбы ў аповесці «Аблава» развенчвае час «вялікага пералому», калі сталінская калектывізацыя бязлітасна руйнавала традыцыйны лад гаспадарання і жыцця, пракладала глыбокую мяжу паміж чалавекам і зямлёй, пазбаўляла беларускую вёску дбайных працаўнікоў. Па сутнасці гэта была неаб’яўленая вайна сялянству. Быкаўскі герой увасабляе тыповы лёс чалавека-працаўніка ў гады абвастрэння так званай класавай барацьбы. Як вядома, беларускае сялянства напаткала фізічнае вынішчэнне, гвалт, страх і прымус. В. Быкаў у «Аблаве» акцэнтуюе ўвагу на злавесна-разбуральнай сутнасці часу і гаворыць пра катастрафізм духоўнага быцця ў цэлым: «Распадаліся сем’і, нішчылася людская роднасць, спрадвечная вясковая крэўнасць» [3, с. 394]. У выніку надточваліся асновы нацыянальнага светаўладкавання.

Родная вёска Хведара Роўбы мае сімволіка-абагульненую назву — Нядолішча. «Нялюдская доля» выпала беларускаму селяніну накшталт быкаўскага героя, бо на сваёй зямлі ён зрабіўся выгнаннікам. У чым жа бяда-нядоля гэтага немаладога чалавека, які нічога іншага не жадаў, як сумленна працаваць і жыць па-людску? «Пракляты лёс наканавы яму ў такі час нарадзіцца селянінам» [3, с. 429], — прыходзіць да высновы пісьменнік разам са сваім героем, якога раскулачылі і выслалі на катаргу. Новая ўлада несправядліва і жорстка пакарала Хведара Роўбу, хаця яе ворагам ён не быў, наадварот, верыў, што «яна не пакрыўдзіць бедняка, яна галоўны клопат мае аб трудавым сялянстве» [3, с. 420]. Былы фальваркаўскі парабак як толькі выбіўся ў гаспадары, нажыў маёмасць, дык адразу зрабіўся адшчапенцам, «яго вылучылі з грамады, выбракавалі... і выкінулі далёка» ў Сібір. Хведар Роўба па сутнасці апынуўся ў пекле, дзе прайшоў праз пакуты і цяжкія выпрабаванні, знёс ганьбу і здзекі. У высылцы ён захаваў спрадвечную сялянскую цягавітасць: працуючы ў брыгадзе на лесасплавне, «на плытах ірваў жылы за

двух» [3, с. 398]. Напэўна, спадзяваўся, што будзе заўважана яго стараннасць і рупнасць. Магчыма, Хведар Роўба празмерна даверлівы і паслухмяны, але цяжка вінаваціць яго, як і большасць сялянства — бяспраўнага, прыгнечанага і запалоханага. Простаму селяніну цяжка было даўмецца, «за што яго пакаралі» і «завошта адабралі ўладай жа дадзеную зямлю» [3, с. 384]. Пазбаўлены ўсялякіх чалавечых правоў, быкаўскі герой-пакутнік трываў і выжываў у няволі як мог: «Ён не ўзрываўся, як некаторыя, калі, здавалася, трываць было неяк, не абураўся ад кепскіх харчоў, зверскай працы ці людскай несправядлівасці...» [3, с. 402]. Ён, нібы Хрыстос, прымае суровы прысуд як наканаванне часу і лёсу, пакорліва і цярдліва нясе свой крыж. Неймаверна балючай стратай стала для яго смерць жонкі Ганулі і дачкі Волечкі, якіх вельмі любіў і пра якіх хваляваўся, шчыра клапаціўся. Аднак ён, хоць «нагледзеўся людскай подласці ва ўсіх яе нечаканых праявах» [3, с. 398—399], не меў у душы азлобленасці, быў спагадлівы і ўдзячны за дабрыню. Прамая процілегласць Хведару Роўбу — яго зямляк Рагаўцоў, пра якога брыгадзір Кузняцоў кажа: «Гэны ўсё можа...» [3, с. 399]. Пасля сутычкі Рагаўцоў пагражае Хведару, што «возьме ў бліжэйшым пасёлку і “стукне”, і тады ягоная дачушка ўчые яшчэ не такое на бліжэйшым этапе, куды яе запратораць разам з яе чыстаплюем-бацькам» [3, с. 398]. Сярод спецперасяленцаў былі людзі розныя, сёй-той рабіўся жорсткім і бесчалавечным.

Хведар Роўба — чалавек, якога сілай адарвалі ад роднай зямлі, бацькоўскага кутка. Яму цяжка перажыць гэтае вымушанае расстанне, у думках ён пастаянна вяртаецца на радзіму. Усім сэрцам ён рвецца да вытокаў свайго жыцця, каб пабачыць мілыя сэрцу краявіды, аднавяскоўцаў, знаёмыя хаты і поле... У далёкім выгнанні яго Нядолішча робіцца прыцягальным, нібы рай: «Тут ужо ён не мог перайначыць сябе, ягоная натура насуперак усім абставінам імкнулася дамоў — праз безліч небяспек і нягод» [3, с. 402]. Уцёкі катаржніка з Котласа прадыхаваны жаданнем вырвацца з пякельнай пасткі і па-чалавечы памерці «на радзіме ўсіх сваіх продкаў» [3, с. 379]. Аднак раю ў Нядолішчы ён не пабачыў, найперш кінуліся бядоўнае тутэйшае жыццё і запусценне.

Ідучы дамоў, Хведар Роўба пазбягаў выпадковых сустрэч з людзьмі. Ён прадчувае небяспеку і магчымую расправу. Зрэшты, на сваім шляху ў родныя мясціны ён сустрэў людскую спагаду і чуласць. І ўсё ж уцякач робіцца асцярожным, палахлівым, яго апаноўвае страх. За многія тыдні свайго адзінокага блукання ён знямогся і, здаецца, адзічэў, невыпадкава гэтаму «адрынутаму Адысею» наканавана месца ў лесе, сярод звяроў: «Цяпер ён здань, начны, бесцялесны прывід, ад якога жахаюцца людзі, месца якому, мабыць, побач з ваўкамі ў лесе» [3, с. 404]. Пякуча-вострыя, пакутлівыя пытанні задае быкаўскі селянін напярэдадні жудаснай пагібелі, і выказаны яны нібы ад імя шматлікіх нявінных ахвяр сталінскага генацыду: «Божа мой, Божа, чаму мне выпала гэтая доля? Чаму я такі бядак? Хто ў мяне ўкраў шчасце і цяпер палое за маім жыццём? Хіба я такі грэшны перад людзьмі і Богам? Каго я забіў, абабраў ці хоць зняважыў — каго?..» [3, с. 419]

Хведар Роўба схільны больш вінаваціць сябе, імкнецца зразумець іншых. Ён думае і хвалюецца пра сына Міколку, спрабуе знайсці апраўданне сыну, калі даведаўся, што той адступіўся ад бацькі-кулака і зрабіўся самаўладным, вельмі

жорсткім партыйным кіраўніком, які запалохвае сялян высылкай у Сібір: «Калі ён цяпер стаў такі, значыць, такім стаць было трэба. Асабліва калі ён не па сваёй злосці, а з дзяржаўнай патрэбы. Значыць, іначай нельга. А што выракся бацькі... Можа, ён адрокся таму, што бацька быццам памёр і ніколі не дазнаецца пра тое. Прынамсі, для яго, сына, сапраўды памёр, калі за шмат год ад таго — ні ліста, ні якой выпадковай весткі. Можа, так сыну лепей. Зноў жа — кулак!.. Мабыць, бацьку ўжо тым не нашкодзіць, а сын пажыве, можа» [3, с. 417]. У сэрцы быкаўскага героя балюча адгукаецца чалавечая бяздушнасць і чэрствасць, варожасць навакольнага свету. «Усё ў ім калацілася ад крыўды, ад прадчування хуткай бяды» [3, с. 426], — так пісьменнік перадае ўнутраны стан Роўбы, калі той становіцца сведкам арганізаванай на яго аблавы. Уцякач з далёкага Котласа апынуўся ў жахліва-безвыходнай сітуацыі: «Ён мог толькі бегчы, уцякаць, як звер. Але не як чалавек. Чалавек бы не ўцякаў ад людзей, ён бы нешта сказаў, і яго паслухалі б» [3, с. 426]. У гады сталіншчыны правілі баль ваўчыныя законы, людзі па сутнасці ператвараліся ў звяроў і з крыважэрнай хцівасцю палявалі адзін на аднаго. Загнаны, як воўк падчас аблогі, Хведар захлынуўся ў багне. У гэтым дзікім паляванні на бацьку ўдзельнічаў родны сын Мікола. На самагубства Роўба пайшоў свядома, ратуючы сваю чалавечую годнасць. Палохала думка пра тое, што пасля сыну «загадаюць... учыніць допыт над бацькам» [3, с. 431]. Пасля смерці жонкі і дачкі жыццё ўжо не мела для Хведара сэнсу, зрабілася невыносным, і ён з жахам прадчуваў, чым можа закончыцца гэтае адмысловае паляванне.

Час масавых рэпрэсій адлюстраваны ў апавяданні «Жоўты пясочак» (1995). В. Быкаў паказвае, як дзейнічала карная сталінская сістэма. А працавала яна бязлітасна, на поўную моц. Махавік рэпрэсій штодня падмінаў і закручваў усё новыя і новыя ахвяры. У савецкім грамадстве беспадстаўныя арышты і расстрэлы «ворагаў народа» спарадзілі атмасферу вялікага страху. Забойства людзей зрабілася звычайнай з'явай. Героі быкаўскага апавядання апынуліся «перад непазбежным канцом», перад тварам смерці — усе яны павінны скласці галовы ў магільнай яме: селянін-аднаасобнік Аўтух Казёл, пралетарскі паэт Фелікс Гром, рабочы-бальшавік Шастак, маскоўскі грабежнік Зайкоўскі, інтэлігент-буржуй Валяр'янаў, нядаўні следчы Сурвіла. У адной кагорце смяротнікаў гэтыя людзі апынуліся невыпадкова. Турмы ў савецкай краіне былі перапоўнены, рэпрэсіі набылі татальны характар. Карныя органы кідалі за краты людзей без разбору, хутка сваю справу вяршылі следства і суды, падводзячы «ворагаў народа» пад расстрэл. Здаралася, смяротныя прыгаворы выносіліся без судовага разгляду.

Кожны з шасцярых зняволеных «загрымеў» у турму па-свойму. Без віны вінаватыя селянін Аўтух Казёл, якога зрабілі «польскім шпіёнам», і паэт Фелікс Гром, аўтар «крамольных» вершаў, напісаных па-беларуску. Шосты арышт былога белагвардзейца Валяр'янава — вынік класавай пільнасці ў тагачасным грамадстве: «Ён ужо стаміўся апраўдвацца і на допытах збольшага маўчаў, прымаючы знявагі і пабоі як штось правамернае і заслужанае... Зрэшты, і чаго дачакаўся? Таго ж, што і брат. Толькі гадоў на пятнаццаць пазней» [4, с. 174, 192]. Бальшавік Шастак нібыта дзейнічае ў імя вялікай справы Леніна-Сталіна і мае спадзяванне, што «партыя ацэніць усё па справядлівасці» [4, с. 177]. На допыце

ён пагаджаецца «падпісаць паказанні аб шкодніцтве на чыгунцы», што насамрэч не адпавядае сапраўднасці, а ў турме-«амерыканцы» робіцца памагатым чэкістаў. У сталінскія часы не лічыліся ні з кім, распраўляліся нават з тымі, хто шчыра і з апантанасцю слугаваў рэжыму. Сурвіла, які нядаўна выбіваў прызнанні і сведчанні, «паказаў за паўгоддзе найлепшыя вынікі — 127 чалавек, падведзеных да вышэйшай меры» [4, с. 198], сам апынуўся ў ролі ахвяры і мусіць быць разам «з гэтымі шпіёнамі і шкоднікамі» [4, с. 168]. Зайкоўскі — крымінальнік, на яго рахунку больш дзесяці рабункаў. Усіх гэтых людзей зраўнаваў агульны лёс, і шлях іх пралягае «наперад, да свае смерці» [4, с. 189], дзе асуджаныя паўстаюць перад няўмольнасцю кáта — памочніка каменданта Косцікава. Праўда, у нявольнікаў была магчымасць зрабіць спробу ўратавацца, калі машына, на якой іх везлі да месца расстрэлу, загразла ў глыбокай лужыне. Кожны з іх выдатна ведаў пра няўхільнасць смерці і, здавалася б, павінен быў рэальна ацаніць сітуацыю і скарыстаць апошні шанец, каб пазбегнуць расправы. Тым больш, што пры машыне з асуджанымі застаўся толькі чэкіст Косцікаў. У пэўны момант яго «турбавала іншае»: хаця б тыя не кінуліся на ўцёкі: «Ён моўчкі агледзеў у цемры змакрэлыя постаці асуджаных, нібы палічыў іх» [4, с. 185]. Але вязні страцілі ўсялякі інстынкт да самазахавання, адчуванне чалавечай годнасці. Яны паслухмяна выконваюць загады Косцікава, капошацца, быццам чарвякі, у раскаламучанай багне дарогі, высільваюцца і ледзь не вылузваюцца са скуры. Як гэта ні дзіўна, але не падпарадкоўваецца толькі грабежнік Зайкоўскі, які з пагардлівасцю падахвочвае небаракаў: «Піхайце, піхайце! Дружнай піхайце, жалкія рабы сацыялізму!..» [4, с. 186]. Урэшце машыну выштурхнулі, непрадказальнага павароту ў лёсе вязняў не адбылося. Са здзекам Косцікаў выказвае падзяку за «ўдарную работу па ліквідацыі ЧП» [4, с. 191]. «Каб гэта залічылася...» [4, с. 191] — хвалюецца наіўны Шастак. Косцікаў цынічна-з'едліва гаворыць пра тое, якую ён заслужыў «узнагароду»: «Я вам прадастаўлю самую лепшую ямку. Сухую, з жоўтым пясочкам... Не горш, чым ударнікам сацыялістычнага спаборніцтва» [4, с. 191]. Смяротнікі не ў стане кінуць выклік лёсу, бо іх волю паралізаваў страх. Паводзіны герояў твора ёміста характарызуюць словы пісьменніка: «Свой катафалк яны ж самі і штурхалі да месца паховін» [4, с. 189]. В. Быкаў у раскрыцці псіхалогіі ахвяр і кáта, іх узаемаадносін дасягае выразнай акрэсленасці і пераканальнай глыбіні.

Чэкіст Косцікаў — адзін са сталінскіх карнікаў, яго вобраз з'яўляецца яркім увасабленнем тагачаснай рэпрэсіўнай сістэмы. Памкаменданта з пісталетам каля выкапаных магіл таксама нарошчвае тэмпы класавай барацьбы з «ворагамі народа». У яме апынуліся ўсе асуджаныя без выключэння, нягледзячы на тое, што хтосьці спадзяваўся на нейкі выратавальны цуд ці справядлівасць. Сталінскі кат бязлітасна знішчае людзей — і гэтую крывавую працу ён робіць штодня звыкла і дакладна: «Са сваімі беларускімі ворагамі Косцікаў не меў вялікага клопату, тыя заўсёды былі паслухмяныя і перад ямай паводзілі сябе як авечкі. Турма, доўгія месяцы допытаў ламалі іх канчаткова, і расстрэльваць такіх было нават нудна. Некаторыя, праўда (асабліва з ліку партыйцаў), перад смерцю крычалі: хай жыве Сталін, або камунізм, ці сусветная рэвалюцыя, мабыць, хітра разлічваючы тым на ягоную катаву

спагаду» [4, с. 204]. Над асуджанымі Косцікаў мае неабмежаваную ўладу, іх жыцці для яго нічога не значаць і не каштуюць. Ён паводзіў сябе бесцырымонна-груба, «заганяў чарговую кулю ў чарговую патыліцу» [4, с. 204] з безагляднай жорсткасцю, тым больш без шкадавання і пакут сумлення. Косцікаў, як гэта ні парадаксальна, быў вымушаны застрэліць свайго настаўніка Сурвілу — такога ж, як ён сам, адданага служку сістэмы. Калісьці той дзяліўся з маладым хлопцам, які пачынаў службу ў органах, ськім-такім досведам. Сурвіла, капаючы магільную яміну, папярэджвае, што чакае яго былога калегу-чэкіста: «Думаеш уцалееш? Службай адкупішся? Не! Прыйдзе і твая чарга...» [4, с. 207]. Гэтыя словы красамоўна сведчаць, што Косцікаў — толькі шрубка ў жахлівым механізме знішчэння людзей. Цалкам верагодна, што ў гэтую «мясарэзку» рана ці позна трапіць і ён сам, «вельмі проста дзе-небудзь апынецца і ягоная яма...» [4, с. 208]. Звярыныя інстынкты распальваў крываваы час сталінізму, спараджэннем якога і з'яўляюцца косцікавы. Пісьменнік усім трагедычным зместам твора даводзіць, што «прымітыўны народ» пад гнётам страху і пакоры схільны да рабства, людаедства, самазнішчэння, не здольны супрацьстаяць ваяўнічаму злу і цемрашальству. Грамадству неабходна азірнуцца ў мінулае, каб вынесці адтуль павучальныя ўрокі, праверыць жыццёва важныя прынцыпы і выйсці на магістральны шлях чалавечай цывілізацыі з яе высокай гуманістычнай культурай.

Такім чынам, у дакументальна-мастацкіх кнігах і творах на гулагаўскую тэматыку другой паловы 1980-х — 1990-х гг. упершыню пасля «хрушчоўскай» адлігі ў нашай нацыянальнай літаратуры шырока адкрылася суровая праўда пра даваеннае савецкае мінулае, сталінізм, а менавіта пра стан у няволі ахвяр гвалту — фізічнага і маральна-псіхічнага, пакутны лёс чалавека ва ўмовах турэмна-лагернага зняволення. Творы В. Быкава «Аблава» і «Жоўты пясочак» сталі найбольш значным мастацкім дасягненнем беларускай прозы пра трагедыю беларускага народа ў перыяд сталінскай калектывізацыі і масавых рэпрэсій. Пісьменнік выйшаў на філасофска-аналітычнае асэнсаванне савецкай рэчаіснасці 1930-х гг., даў паглыблены экзістэнцыйна-псіхалагічны аналіз стану чалавека ў складаных, супярэчлівых абставінах даваеннага часу.

Спіс літаратуры:

1. Аляхновіч, Ф. У кашцюрох ГПУ : аповесць / Ф. Аляхновіч. — Мінск : Маст. літ., 1994. — 238 с.
2. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому: кн. успамінаў / В. Быкаў. — Мінск : ГА БТ «Кніга», 2003. — 539 с.
3. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў. — Мінск : Маст. літ., 1994. —Т. 5 : Кар'ер : раман; У тумане, Аблава : аповесці. — 432 с.
4. Быкаў, В. Сьцяна / В. Быкаў. — Менск : Наша ніва, 1997. — 382 с.
5. Васіль Быкаў = Василь Быков = Vasil Bykau [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.bykau.info/articles/by22/> — Дата доступу: 27.10.2018.
6. Звонак, А. Светлацeni: вершы / А. Звонак. — Мінск : Маст. літ., 1991. — 190 с.
7. Маракоў, Л. Вынішчэнне: Рэпрэсаваныя беларускія літаратары: даведнік / Л. Маракоў. — Мінск : Літ.-маст. фонд «Нёман», 2000. — 200 с.
8. Мікуліч, Б. Аповесць для сябе / Б. Мікуліч. — Мінск : Маст. літ., 1993. — 236 с.
9. Мятліцкі, М. 29 кастрычніка 1937 года / М. Мятліцкі // Польшыя. — 2010. — № 1. — С. 11–12.
10. Расстраляная літаратура : творы беларус. пісьменнікаў, загубленых карнымі органамі бальшавіцкай улады / уклад. Л. Савік, М. Скоблы, К. Цвіркі; прадм. А. Сідарэвіча. — Мінск : Кнігазбор, 2008. — 694 с.

Даренский В. Ю.
(Луганск, Украина)

УДК 821.161.1

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В КНИГЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РОССИЯ В ОБВАЛЕ»

Ключевые слова: А.И. Солженицын; «Россия в обвале»; историософия; СССР; нравственность.

Аннотация: историософское открытие в книге «Россия в обвале» А. И. Солженицына состояло в том, что в ней писатель убедительно доказал: «обвал» отнюдь не является лишь результатом чьей-то злой воли (хотя и этот фактор очевиден), но, в первую очередь, обусловлен тем состоянием, в котором страна пребывала на исходе советской эпохи. «Обвал» был неизбежен не только в силу конкретно-исторических причин, но и в силу причин нравственных – народ вынужден и даже обязан расплачиваться за грехи своих «отцов». Парадокс истории состоит в том, что глубинную и подлинную суть каждой эпохи раскрывает не она сама, а следующая за ней эпоха, показывающая результат и итог предшествующей. И 1990-е как раз и раскрыли итог и «тайну» этой предшествующей им «великой эпохи». И «тайна» эта очень проста: за всей внешней «ширмой» великих достижений шел процесс обвальной деградации народа и государства.

Книга «Россия в обвале» А. И. Солженицына обычно находится на периферии внимания его читателей. Уже само ее название сразу подпадает под стереотип: что это, если не очередная порция «разоблачительной» публицистики 1990-х, которая в то время стала еще более массовой продукцией, чем в предшествующую ей эпоху «перестройки»? Однако под внешним подобием жанра в книге А. И. Солженицына мы находим нечто иное. Точнее сказать, эта книга «с двойным дном»: под внешней оболочкой обличений происходящего в то время «обвала» – а по сути, социально-экономической катастрофы в стране – писатель со свойственным ему даром прозревает не сиюминутные, а более глубокие исторические смыслы. Он показывает, во-первых, что этот «обвал» отнюдь не является лишь результатом чьей-то злой воли (хотя и этот фактор очевиден), но, в первую очередь, обусловлен тем состоянием, в котором страна пребывала на исходе советской эпохи. Да, «обвал» мог быть не настолько разрушительным, но суть в том, что его не могло не быть в любом случае. И здесь кроме историософского осмысления появляется еще более глубокий и важный нравственный смысл – «обвал» был неизбежен не только в силу лишь конкретно-исторических (экономических, политических, культурных и др.) причин, но и в силу причин нравственных – *народ вынужден и даже обязан расплачиваться за грехи своих «отцов».*

Во-вторых, сам «обвал» для А. И. Солженицына как для русского писателя и христианского мыслителя – явление совсем иного рода, чем для приземленных строителей «светлого будущего» (независимо от его идеологических обрамлений). Для последних «обвал» – это если и не «происки врагов», подлежащих уничтожению, то как минимум – лишь бессмысленная потеря исторического времени. Но для христианского мыслителя в истории ничего бессмысленного

нет. Более того, наиболее глубокий смысл исторических эпох обычно скрывается как раз там, где наш поверхностный прагматический взгляд видит лишь «потерянное время». Именно к такому глубинному и самому важному смыслу двигался от «обличительной» поверхности автор книги «Россия в обвале».

«Россия в обвале» (1998) до сих пор не стала предметом серьезного осмысления: имеют место либо простые пересказы ее общего содержания [см.: 2], либо весьма упрощенные трактовки. Так, например, Д. Махони, исследуя историософию писателя, упоминает об этой итоговой книге всего лишь вскользь и очень формально: «В своей недавней и, возможно, последней чисто политической работе «Россия в обвале» (1998) Солженицын продолжает полемику с национал-большевизмом и либеральным антинационализмом» [4, с. 104]. А согласно другому автору, А. И. Солженицын в этой книге просто видит Россию в ее «предгибельном» состоянии: «после семидесятилетнего «обескровливания» ее возрождение невозможно по двум причинам. Во-первых, большевики «выжгли и вытоптали душу народа», во-вторых, «постсоветский режим... похож на коммунистический, а олигархия и безответственность правящей верхушки не даст народу подняться на социальный взрыв». При этом, по его мнению, не только «советский, но и постсоветский режим обречён» [1, с. 5–6]. Вместе с тем, на большую значимость А. И. Солженицына, как важного философа истории, указывают такие авторитетные авторы, как петербургский профессор А. Л. Казин [3]. В данной статье мы выделим те важнейшие историософские аспекты анализа писателем постсоветского периода, которые важны для его мировоззрения в целом. Если сказать более конкретно, то в этой статье будет акцентирована принципиально важная мысль русского писателя и мыслителя о преемственности между советской и постсоветской эпохами нашей истории – тот самый трудный «нерв» мысли в наше время, который остается «неудобным» для тех, кто хотел бы избежать *исторического катарсиса*.

Парадокс истории состоит в том, что *глубинную и подлинную суть каждой эпохи раскрывает не она сама, а уже следующая за ней эпоха, показывающая результат и итог предшествующей*. (Это очень легко показать на бесконечном числе исторических примеров, но столь очевидная мысль почему-то не часто приходит в голову нашим современникам). И в этом смысле, как это ни прискорбно для всех ностальгирующих по СССР, 1990-е как раз и раскрыли итог и «тайну» этой предшествующей им «великой эпохи». И «тайна» эта очень проста: за всей внешней «ширмой» великих достижений шел процесс обвальной деградации народа и государства. Но пока этот процесс сдерживался рамками жесткой советской системы, он был почти незаметен в силу своей постепенности, и только совестливые русские писатели задавались горьким вопросом В. Шукшина: «Что с нами происходит?». Но первым, намного раньше В. Шукшина, об этом спрашивал А. И. Солженицын. И позднее он несколько не изменил себе – уже в «лихие 1990-е» он не присоединился к стройному хору мстительных плакальчиков по «великой стране», а продолжал искать корень зла не во внешних врагах, а в самом народе: «Что мы сами с собой сделали?» Как делается этот поворот к иному – историософскому и нравственному углу зрения – хорошо учит эта книга.

Стилистической особенностью этой книги является особая «приземленная» стилистика вопрошания. Нельзя сказать, чтобы автор сознательно избирал вакансию и стилистику некоего традиционного «простеца», однако, судя по всему, это происходит просто по «законам жанра». Вот автор пишет: «Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берётся за скальпель и многократно кромсает тело России» [6, с. 20]. Здесь схожесть действий власти большевистской и якобы «антикоммунистической» столь разительна, что не требует специальных комментариев. Однако дело не в одной только власти, которая сама ничего этого не смогла бы сделать, если бы ее действия не встретились и с некоторыми «чаяниями» самого народа, этой властью уже давно соответствующим образом воспитанного. Но что же произошло, и самое главное – *как?* А. И. Солженицын считает это совершенно естественным последствием советского периода истории: «Народ, через который всё пропускали шоковый электрический ток, – оглушённый, бессильно распластался перед этим невиданным грабежом. Только в таком виде... он мог в марте 1993 проголосовать за одобрение «реформ», несших ему явное разорение и нищету... Народ был осчастливлен объявленным разделом национального богатства равномерно между всеми гражданами через выдачу каждому облигации с диковатым названием “ваучер”» [6, с. 21]. Но ведь совершенно тоже самое было в период самой кровавой в истории гражданской войны, в которой победили те, кто поддался лозунгу «грабь награбленное» вопреки чести и совести, воспитанной предками. Как видим, и власть, и народ в 1990-е вдруг оказались почти копией власти и народа 70-летней давности – как и в 1920-е, власть «кромсает», а народ – оглушён и «бессильно распластался перед этим невиданным грабежом». И почти по всем параметрам, как мы увидим дальше, 1990-е оказались «двойником» 1920-х. И вот что самое главное – народ был соблазнен и тогда, и в 1990-е одним и тем же коварным обманом – «объявленным разделом национального богатства». В гражданской войне большевики привлекли на свою сторону крестьян и за счет этого победили – обещанием земли, которую отняли уже через 10 лет, под видом коллективизации восстановив крепостное право в намного более жестокой форме, чем оно было при царях. А в 1990-е новое поколение большевиков, объявив себя «демократами», точно так же соблазнило народ обещанием частной собственности, которую точно так же сразу же и отняло.

А. И. Солженицын далее указывает на прямую преемственность действий, по сути, *одними и теми же методами* – у большевиков и у их наследников – властей 1990-х: «Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как «национализация» (1917–18) и коллективизация (1930), – только с обратным знаком... Гайчубайские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки – вот сразу и наступит капитализм и заработает?» [6, с. 22–23].

Нетрудно понять, что кроме четкой аналогии действий и даже прямой преемственности между ними здесь имеет место и закономерность уже чисто экономическая: действительно, после того как в 1917 году народ был отчужден от

собственности и она 70 лет была государственной, то есть ничьей, – именно только после этого и стал возможен и, более того, уже абсолютно неизбежен тот «грабеж» 1990-х, о котором говорит писатель. В 1990-е формально народная, а по факту *ничья* собственность просто и без всякого сопротивления (а *кто* будет сопротивляться? – ведь реальных собственников нет) перешла в руки тех, кто вовремя оказался там, где эту собственность можно было оформить на себя. Речь здесь идет не об «оправдании» этого процесса, а просто о том, что у него фактически не было альтернатив вовсе не из-за чьей-то злой воли, а именно в силу сложившегося объективного порядка вещей. Тем самым, при всей своей внешней идеологической противоположности, 1917-й и 1990-е оказались жестко спаянными частями одного и того же процесса.

Такая же жесткая историческая преемственность имела место и в «кадровом вопросе», поскольку «в этом-то процессе многие недавние коммунистические партюкраты оборотливо стали криминальными коммерсантами и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь – без оглядки.) Да, из коммунистического Вавилона ещё б нам не надо было вытягивать ног! Но – по-разному можно было ступать. Нам избрали путь – наихудший, извратительный, в самом себе злоносный» [6, с. 24–25]. А мог ли он и быть другим, если этот Вавилон взрастил тех, кто не умеет действовать иначе? О них писатель говорит с особым чувством: «Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, – откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде?» [6, с. 201]. Но ведь все эти «новые русские» 1990-х – это люди, рожденные в 1960-е, 1950-е, 1940-е, а то и еще раньше – это люди, воспитанные самой классической советской эпохой, когда уже в ней давно не осталось никакого «проклятого прошлого», на которое можно было бы свалить всю вину и заявить о каких-то «пережитках». Нет, эти люди не с неба упали, это именно те самые кондовые персонажи – «рожденные в СССР», из которых многие ныне пытаются вылепить самый новомодный идеологический бренд (чтобы «снова наступить на те же грабли»).

Но и эта странная несопротивляемость народа «обвалу» – тоже вовсе не удивительна, но глубоко закономерна. И она тоже была predetermined всеми объективными обстоятельствами предшествующего периода истории. Об этом в книге: «прозвучали похвалы российскому народу, что он «оправдал доверие»: не произошло социального взрыва. Да уж, «бунт бессмысленный и беспощадный» мы с себя, кажется, смыли навсегда. Немоощнее нас не вообразить народа» [6, с. 27]. Но ведь и большевики поначалу, пока не разбудили Белое движение и огромные (а ныне почти забытые) крестьянские восстания – и они пришли к власти точно так же – благодаря наивности и пассивности народа, никак не ожидавшего, что с ним могут сотворить потом! Писатель напоминает: «Октябрьский переворот – и в Петрограде, и при московских боях, прошёл при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва» [6, с. 170]. И не раз еще на протяжении 70 лет народ потом столь же пассивно и безучастно к собственной судьбе вновь и вновь «оправдывал доверие» большевиков. Полная преемственность эпох и здесь совершенно очевидна.

Чудовищный репрессивный механизм, созданный большевиками (и отнюдь не Сталиным, а уже в период «красного террора»), лишь с огромным трудом добивался результатов, которые якобы «прогнившее самодержавие» (а на самом деле, эффективнейшее и во многих отношениях самое передовое в мире государство) получало как бы «само собой» без надрыва и пафоса. При Николае II экономика Российской империи росла быстрее, чем даже при Сталине, но никто этим не хвастался, поскольку тогда общество жило совсем другими ценностями – духовно-нравственными. Сверхдержавой России при царе становиться было не нужно, поскольку она давно уже была сверхдержавой со времен Николая I. Это место было утрачено нашей страной в результате революционной Катастрофы...

А вот как власть новая продолжила «дело большевиков»: «Местное самоуправление – это и есть недоразвившееся перед революцией, а после неё *раздавленное большевиками (тоже из конкуренции) земство*. Оно и есть народо-властие. Одно оно только и может дать народу свободное дыхание и постепенно развить навыки демократии». Но нет, «это – мало волнует её, и даже как бы не замечается ею. Она вся – в себе. Она – упита собою и собою замкнута» [6, с. 53]. И это не просто аналогия, а прямая преемственность: «власть, напротив, уверилась в своей самоустойчивости, новые же аппаратчики (аппарат в несколько раз больше чекистского) – что их уже не выкинут и не вытеснят, возможна только тасовка в колоде» [6, с. 54]. И здесь ««демократическая» Россия верна *советской традиции*» [6, с. 65]. «Большевики исказили: кооперативы – в колхозы, земство – в советы; погубили и то и другое» [6, с. 94].

Поэтому «при стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти – полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое – присуща и нынешнему режиму никак не в меньшей мере. А что и попадёт в печать – то власть проигнорирует. Все демократические ширмы использованы только для прикрытия жадной олигархии и для обмана мировой общественности» [6, с. 54]. Но и в здесь суть дела в том, что эта новая власть просто продолжила «традицию» власти предшествующей, советской – и не более того. Эта модель не придумана в 1990-е, а была взята готовой у предшествующего *советского* периода.

Что же произошло с народом? Стоит привести здесь довольно обширную выдержку из его текста – она заслуживает того, чтобы войти на страницы всех учебников российской истории XX века как важнейшее обобщение его опыта: «Селективным *противоотбором*, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, – большевики планомерно меняли русский характер, издёргали его, искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевицким гнётом я достаточно написал и в «Архипелаге» (Часть IV, гл.3) и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменой местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, – в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость – до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от по-

павших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, – всеугнётное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго – утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства... Советский режим способствовал подъёму и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа ещё во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ ещё не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?» [6, с. 170–171].

Знаменитое выражение А. И. Солженицына «отрицательный отбор» давно стало широко известным. Это столь печальное явление самоубийства народа, попавшего в условия тоталитарного строя, во многом по инерции продолжается и сейчас. Однажды отлаженный «отрицательный отбор» продолжает свое черное дело, обеспечивая «социальные лифты» для худших, а не для лучших. Из всех разрушительных наследий советской эпохи – это самое тяжелое и труднопреодолимое.

И даже то, что принято считать великими победами советской эпохи, несет в себе и обратную сторону, которую многие стараются стыдливо «не замечать», – несет свой горький и столь трагический итог: «Вот советско-германская война и наши небережённые в ней, несчитанные потери, – они, вослед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатейство русского народа – может быть, на столетие вперёд. Отгоним от себя мысль, что – и навсегда. Прозябание народа под Хрущёвым и Брежневым не отмечено гигантскими изломами, которые бы меняли народный характер. Наступила та, пророченная Леонтьевым, дремливая и как будто даже уютная покорность. Соками увядающего русского гиганта усиленно подпитывались окраины, всё созревая к рывку отделения, – а мы уж рады были, что не гонят нас толпами на уничтожение» [6, с. 171–172].

Именно поэтому писатель со всей ответственностью имеет право сказать: «Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравью русского народа – это было бы утопление его в набухающем азиатском мире» [6, с. 39]. Да, это правда, которую очень многим ныне и очень трудно будет признать. Однако дело не только в этом, но еще и вот в чем: «С конца 80-х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков» [6, с. 28]. И снова мы видим ту же самую убийственную не просто аналогию – но самую живую преемственность между большевиками и их «ниспровергателями».

Общий историософский вывод однозначен: «Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический» [6, с. 200]. Именно таков смысл «обвала» России в 1990-х и таков тот урок, который мы обязаны извлечь из всей нашей истории XX века.

В конечном итоге, самое главное и тяжкое разрушение, которое произошло в советскую эпоху, – это разрушение самого человека, души человеческой, нравственности и того живого, душевного быта, на котором она держалась. Об этом писало поколение писателей-«деревенщиков», которому А. И. Солженицын на вручении премии своего имени В. Распутину дал более точное определение – «нравственники». Он и сам принадлежит к этой славной когорте как

один из ее основателей – вся «деревенская» проза во многом вышла из его «Матрениного двора». Но в этой книге он выступает как историк, цитируя документы: «в 1917 американский Сенат («Овермэнская комиссия») слышит от протестантского пастора Саймонса, пожившего среди русских несколько последних лет: “Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики”» [6, с. 169]. В этом свидетельстве зафиксирован тот «слово» в народном характере, который стал в советскую эпоху уже необратимым.

Книга историософская, хотя и насыщена большим и конкретным жизненным материалом. Хотелось бы дополнить эту историософию, переведя ее в более широкий культурный контекст. Мартин Хайдеггер в статье «Изречение Анаксимандра» анализирует изречение, которое считается древнейшей мыслью европейской философии и имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Звучит оно так: «Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти по необходимости; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени» [7, с. 28]. Именно это и произошло с советской цивилизацией – с нею произошло то, что она сама себе уготовила собственной природой и собственной судьбой. Она уплатила все «пени» и была осуждена за свою несправедливость, когда пришло время. Но горько, страшно и трагично то, что платила это не абстрактная «цивилизация», а живые люди – и часто платили своей жизнью и своею поломанною судьбой.

Древнее изречение очень точно: советская страна «оплатила пени» и «была осуждена за свою несправедливость» буквально во всем – все содеянное ею словно «вернулось бумерангом». Как большевики в свое время оплеывали «проклятое прошлое», так в 1990-е таким же точно оплеванным «проклятым прошлым» предстали и они сами. Как они объявили Россию «отсталой», теперь точно так же отсталым объявили построенный ими «совок». Как они уничтожили былую Россию во имя «социальной справедливости» и нового общества, точно так же во имя справедливости и нового общества теперь уничтожался и СССР. Большевиков уничтожили те демоны ненависти и лжи, которых в свое время они сами взрастили в народной душе. Советский строй, подобно Голему, убил своего создателя, выйдя из-под его контроля. И вдруг оказалось, что гражданская война на самом деле закончилась в 1991-м, но в ней снова победили «красные» (их прямые наследники), лишь со своей обычной хитростью переменив обличье.

Русские прозорливые мыслители и писатели знали, чем все это закончится еще в самом начале, когда все только начиналось и еще очень многих, как А. Блока, увлекала «музыка революции». Так, М. М. Пришвин в своем знаменитом «Дневнике» в 1917 году отвечал им: «Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи – дурное. Мне вас жаль, потому что вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы бросаются с вы-

соты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат» [7, с. 443].

Как видим, М. М. Пришвин пишет здесь не как идеолог, не как «белый» или противник революции, а именно как человек, способный по евангельскому слову «различать духов». Идея для него сама по себе «ни хороша, ни дурна», но он видит гибельность именно рабства у идеи, пожирающей живую жизнь народа. И вот уже с другого берега исторической эпохи, эпохи уже закончившейся – и закончившейся еще в самом ее начале предсказанной катастрофой, А. И. Солженицын продолжает ту же самую мысль М.М. Пришвина. Это столь простая, сколь и трудная для большинства мысль о первичности духовного над материальным в историческом процессе – о том, что и катастрофы, и взлеты предопределены на уровне духа, а не материальных «свершений». В СССР последних было предостаточно, но они не смогли предотвратить его судьбу.

СССР был велик во многом – кроме самого главного. Он был не велик, а ничтожен и катастрофически губителен по отношению к человеческой душе, не говоря уже о духе, попавшем здесь под законодательный запрет. В СССР произошла самая страшная форма «антропологической катастрофы» (М. К. Мамардашвили), которая хотя и является глобальной и продолжает нарастать, но именно у нас она достигла почти апокалиптической глубины, до сих пор не знакомой никому в мире. *«Обвал» России в постсоветскую эпоху был вовсе не «новой» эпохой, искусственно разрушившей старую, а как раз наоборот, самым закономерным и абсолютно неизбежным итогом советского «эксперимента», который изначально вел именно к такому итогу и ничем иным завершиться и не мог бы.* Здесь наша история шла почти с «математической» закономерностью, и все вплоть до малейших деталей, было уже «закодировано» в предшествующую эпоху. Сомнительно даже, что мог бы быть какой-то более «мягкий» вариант «обвала», учитывая в первую очередь «человеческий фактор». В условиях накопления того «человеческого материала», который сформировался в тоталитарный период, ничего лучшего ожидать и не приходилось.

И поэтому сейчас опять, как и тогда, в 1917-м, у России остается только один-единственный шанс: «Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики» [6, с. 201]. Поэтому «не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего» [6, с. 202].

Итогом книги стала великая *надежда*: «поездив по России, поглядев, послушав, – заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист! Там, там, на встречах, – не я сказал, мне говорили, меня убеждали: “Только бы спасти душу народа! – и спасётся всё!”» [6, с. 202]. Поэтому «и после прокатанного по нам столетия – есть у русских надежда» [6, с. 203]. Писатель здесь оказался прав – не только упадочное бытие определяет сознание –

иначе бы от России уже ничего не осталось, – но и нравственное сознание, нравственный подвиг хотя бы части народа способен порой творить чудеса. И пока «наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист» – и, тем самым, история России не закончена. Стоит заметить – и это очень важно в контексте диалога с идеологическими противниками А. С. Солженицына – что здесь писатель обращается к обычным людям, которые, как и он сам, были гражданами СССР. Ведь именно в них он жаждет найти ту силу духа для возрождения, которая единственная может спасти Россию из исторического небытия. То есть он признает, что народ выжил несмотря ни на что. Это принципиально важный контекст для полемики с противниками А. С. Солженицына. Важно понимать, что великий писатель пошел на так называемое «предательство» СССР именно ради своего служения России. Он «предал» ту власть, которая в данный момент поработила его Родину ради того, чтобы спасти Россию вечную и ее народ, всегда способный к покаянию и возрождению. В этом состоял внутренний исток его творчества, который выразился и в художественной системе, и в его столь странной для многих публицистике.

Книга А. И. Солженицына «Россия в обвале» не требует специальной похвалы – она сама говорит за себя. Можно лишь удивляться, как писатель, пользуясь столь непритязательным методом, избегая сложных рефлексий и научных изысканий, одной лишь сметливостью глубокого и хваткого русского ума сумел так просто и точно узреть в сам корень нашей исторической судьбы. Ложные мудрствования, столь распространенные в наше время, почти всегда уводят от самого главного, увязая в тонкостях и частностях. Но здесь как раз тот случай, когда «Мир должно в черном теле брать. Ему жестокий нужен брат» (О. Мандельштам). Идя от очевидного, мы прикасаемся к сути только тогда, когда сами не обманываем себя. Здесь был очевиден лишь «обвал», и проще всего малодушному уму тут обвинить во всем тех, кто «разрушил великую страну», чтобы только не увидеть бревно в собственном глазу. Но подлинный ум, пример которого нам показал писатель, говорит честно и твердо: это расплата за *наши* грехи, это итог *наших* болезней, поставивших нас на край исторической гибели. Таким образом, историософское исследование стало закономерным итогом творческого пути писателя.

Список литературы:

1. Азинцев, С. Е. Российский социум и Солженицын: опыт частного взгляда // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Серия «Социология». – 2013. – С. 3–8.
2. Гапоненков, А. А. А. И. Солженицын и проблема единства русской духовной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 30–35.
3. Казин, А. Солженицын как национальный мыслитель // Санкт-Петербургские ведомости. – 2008. – 12 сент.
4. Махони, Д. Возвыситься над современностью: «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сб. ст. / Сост. Э. Э. Эрикссон. – М.: «Русский путь». – 2010. – С. 8–117.
5. Пришвин, М. М. Дневники. 1914–1917 / М. Пришвин. – СПб.: «Росток». – 2007. – 608 с.
6. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А.И. Солженицын. – М.: «Русский путь», 1998.
7. Хайдеггер, М. Изречение Анаксимандра // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 28–68.

Стрелец М.В.
(Брест, Беларусь)

УДК 316.03

ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР В ЭПОХУ Л. И. БРЕЖНЕВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ¹

Ключевые слова: демократия, диссидентство, политика, правозащитное движение, репрессии, Солженицын, СССР, тоталитаризм.

Аннотация: в статье прослеживается история правозащитного движения в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) в период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев. Автор излагает мотивы обращения к данному периоду, выделяет основные этапы в развитии этого движения в эпоху Л. И. Брежнева, рассматривает их в интерьере советских и международных реалий, обращает внимание на ключевые события, относившиеся к каждому этапу.

В публикации показано, что именно в эпоху Л. И. Брежнева четко прослеживались и становление правозащитного движения в стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Первый этап датирован 1964–1967 годами, второй – 1968–1975, третий – 1976–1982.

Пик славы Александра Исаевича Солженицына как советского писателя и пик гонений на него как диссидента и правозащитника пришелся на времена Л. И. Брежнева. После начала вынужденной эмиграции великого писателя его идеи по-прежнему входили в ключевой сегмент мировоззренческих устоев открытых оппонентов брежневского режима внутри СССР, которые своевременно заметили первые симптомы системного кризиса советского общества, генетически связанные с распадом СССР. Именно при Л. И. Брежневе четко прослеживались и становление правозащитного движения в данной стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса и стремились действовать в гармонии с ним, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Поэтому есть смысл отдельно рассмотреть правозащитное движение в СССР в тот период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев.

Осенью 1964 года в СССР произошла не просто смена высшего государственного руководства, а смена эпох. Реальное поведение нового лидера и его приближения свидетельствовало о том, что наступил конец «оттепели», которую вполне обоснованно можно связывать с именем его предшественника – Никиты Сергеевича Хрущёва. «Приход к управлению страной брежневского руководства ознаменовал... нарастание противоречий и диспропорций во всех сферах жизни общества. 1964–1967 годы можно определить как начальный этап

¹ Стрелец, М.В. Правозащитное движение в СССР в эпоху Л. И. Брежнева: некоторые аспекты истории / М. В. Стрелец // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. Научный журнал. – 2013. – № 3 / 40. – С. 77–88.

диссидентского и правозащитного движения, когда основной формой деятельности были протесты и обращения в адрес высшего политического руководства страны и правоохранительных органов. Инакомыслящие стремились остаться свободными людьми в несвободной стране» [3].

Причиной первого известным историкам выступления правозащитников в эпоху Л. И. Брежнева стал совместно написанный А. Синявским и Ю. Даниэлем и опубликованный на Западе солидный труд советских литераторов «Прогулки с Пушкиным». В выходных данных они предстали не под своими именами, а под псевдонимами. За публикацией, вызвавшей широкий резонанс в обществе, последовала реакция советской репрессивной машины – арест авторов и подготовка суда над ними. В День Конституции СССР, то есть 5 декабря 1965 года, группа людей «впервые вышла на демонстрацию... с лозунгами: «Уважайте советскую Конституцию!» и «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем» [1]. Эти люди тогда еще не знали, что они правозащитники.

Участники анализируемого движения руководствовались четкими и ясными принципами. Так, Л. М. Алексеева свидетельствовала: «Первый и самый главный принцип, который начали исповедовать правозащитники и который до сих пор очень твердо присутствует в уже российском правозащитном движении, – это не насилие. Даже свои принципы, даже все самое для нас дорогое мы не намеревались утверждать с помощью силы. Почему? Я думаю, что это было отвращение к насилию, порожденное всем тем отрезком советской истории, в котором протекала не только наша жизнь, но и жизнь наших родителей. Еще очень важным и неожиданным моментом по сравнению с предыдущими периодами была открытость нашего движения. Новым было то, что критика власти велась на языке права. Это, действительно, была абсолютная новость в советской действительности, потому что все знали, что Конституция есть, в Конституции написаны прекрасные вещи, мы поем песни, что человек всегда имеет право на обучение, отдых и на труд и «ни в одной стране человек так свободно не дышит», как в «широка страна моя родная». Но мы знали, что закон – это одно, а наша жизнь – совсем другое» [1].

Разрыв между закрепленными в Конституции правами и реальностью наиболее болезненным, конечно, оказался для субъектов творческого процесса, которые целенаправленно стремились выдавить из себя раба. Так, произведения А. И. Солженицына, в которых прослеживалось такое стремление, в анализируемый период не доходили до советского читателя, и, естественно, жертва соответствующих запретов коммунистической номенклатуры не могла не поставить вопрос о реальных правах для тех, кто реализует себя в этом процессе, и прежде всего праве творить в условиях отсутствия цензуры. Последний весенний месяц 1967 года отмечен в биографии писателя письмом к четвертому по счету съезду писателей страны, которая официально жила по нормам Конституции 1936 года. Однако основная часть делегатов писательского форума подпадала под типичную характеристику *homo soveticus*, что исключало позитивный настрой съезда. Более того, было ясно, что в скором времени одним членом Союза писателей СССР станет меньше (А. И. Солженицын окажется вне данного Союза уже в следующем году).

В силу сложившихся обстоятельств Александр Исаевич стал одним из ключевых авторов интеллектуальной продукции, появлявшейся в самиздате. Имен-

но в указанный период «сеть распространения самиздата стала каркасом правозащитного движения. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы» [1].

Необходимо также отметить, что в те годы накапливался первый опыт работы самиздата.

«Следующий период (1968–1975) в развитии диссидентского и правозащитного движения совпал с удушением процесса демократического обновления, приостановкой всяких попыток преобразования политических институтов, погружением политической жизни в состояние застоя. С 70-х гг. отчетливо обозначились застойные явления в экономике, культуре, социальном развитии. Этим процессам диссиденты противопоставили укрепление организационных основ своего движения и расширение его творческих возможностей.

В этот период возникли официально оформленные, легальные правозащитные организации: Инициативная группа защиты прав человека в СССР (действовала с мая 1969 г.), Комитет прав человека (с ноября 1970 г.)» [3].

Инициативная группа представляла собой первый опыт соответствующей организационной структуры. Но поистине прорывным явилось функционирование Комитета. «Комитет прав человека был первой независимой общественной ассоциацией в Советском Союзе, получившей международное членство: в июне 1971 г. он стал филиалом Международной Лиги прав человека – неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН, ЮНЕСКО и МОТ. Комитет вошел также как коллективный член в Международный институт права, возглавляемый Рене Кассеном (Страсбург). Члены Комитета поддерживали регулярные отношения с международными организациями по телефону, получали их документы и отправляли им свои» [1].

«Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат – тамиздат – самиздат» (тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и возвращающиеся в таком виде в СС» [1]. Самиздатчики приобрели большую популярность и начали восприниматься коммунистической номенклатурой как мощный конкурент на пропагандистском поле.

В анализируемый период Солженицын явно лидировал по количеству изданий своих работ за рубежом. «В 1968 году в США и Западной Европе были без разрешения автора опубликованы романы «В круге первом» и «Раковый корпус», принёсшие писателю популярность. 11 июня 1971 года в Париже вышел роман Солженицына «Август Четырнадцатого», в котором ярко выражены православно-патриотические взгляды автора. 5 сентября 1973 года Солженицын распорядился начать печатание «Архипелага ГУЛАГа» на Западе (в эмигрантском издательстве ИМКА-Пресс). Реальное содержание «Архипелага ГУЛАГа»: художественное исследование советской лагерно-тюремной системы 1918–1956 годов» [10].

«Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, – «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – появилась в разгар наступления КГБ против самиздата, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

Оценивая воздействие «Архипелага», советский историк Рой Медведев написал: «Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе» [6].

«Архипелаг ГУЛАГ» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, поднятых правозащитниками, – к политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных» [2].

Освещая вопрос о самиздате в указанный период, важно также обратить внимание на то, какое место в нем занимала «Хроника текущих событий». Рассматривая ее в реалиях того времени, прежде всего отметим, что «с 1968 года петиционные кампании (советских правозащитников – М.С.) перешли в новое качество: протестующие апеллировали уже не только к советским официальным органам, но и к общественному мнению, требуя соблюдения прав человека, гарантированных Конституцией СССР. К московским активистам протестного движения хлынул поток сообщений о самых разнообразных случаях нарушения этих прав. По этим материалам начал издаваться специальный машинописный информационный бюллетень – «Хроника текущих событий» (1-й выпуск «Хроники» датирован 30 апреля 1968, последний, 64-й, – октябрём 1983). С возникновением «Хроники» акции протеста быстро приобрели черты общественного правозащитного движения» [4].

Конечно, правозащитники понимали, что эффективность их борьбы во многом зависит от содержания затрагиваемых вопросов. «Тематика правозащитных выступлений постоянно расширялась. Московские правозащитники освещают такие проблемы, как положение политических заключенных в СССР; борьба «репрессированных народов» за свои права; гонения на верующих; преследования за попытки политической деятельности; свобода эмиграции из СССР. Московские правозащитники установили тесные информационные связи с активистами национальных движений на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии. Не осталась за рамками их внимания и внешняя политика: одно из самых ярких выступлений правозащитников – «демонстрация семерых» – на Красной площади 25 августа 1968 сразу после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию» [4].

Принципиально важно отметить, что в первые годы у советского правозащитного движения не было разработанной идеологической основы. С течением времени этот пробел был восполнен Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Александром Исаевичем Солженицыным. Они вынесли на суд правозащитного сообщества три интеллектуальных продукта программного характера. Первый назывался «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и принадлежал крупнейшему ученому-физику, лауреату Нобелевской премии мира А. Д. Сахарову. Второй и третий были известны как «Жить не по лжи», «Письмо вождям Советского Союза», ставшие важной вехой в развитии социально-политической концепции лауреата Нобелевской премии по литературе А. И. Солженицына.

«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» датируются 1968 годом. Сформулированные в настоящем трактате базовые положения сохранялись в концепции Сахарова до конца его жизни, кар-

динальных же изменений в его взглядах не прослеживалось, имели место лишь некоторые модификации.

«Жить не по лжи» – публицистическое эссе Александра Солженицына, обращенное к советской интеллигенции. Тематически оно примыкает к вышедшим в том же году эссе «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Образованщина» (сборник «Из-под глыб»).

«Жить не по лжи» было написано 12 февраля 1974 года, а уже 18 февраля 1974 года было опубликовано в лондонской газете «Daily Express». В СССР оно распространялось через самиздат, а официально впервые было опубликовано 18 октября 1988 года в киевской многотиражке «Рабочее слово».

Солженицын в этом эссе призывал каждого поступать по совести, не высказывать ни устно, ни письменно ни единой фразы, «искривляющей правду», не цитировать ни единой мысли, которую искренне не разделяет, не участвовать в политических акциях, которые не отвечают твоим желаниям, не голосовать за тех, кто недостойн быть избранным. Кроме того, Солженицын предлагал наиболее доступный, по его мнению, способ борьбы с режимом: «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрывает, всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!» [5].

«Письмо вождям Советского Союза» было составлено еще до ареста и высылки летом 1973 года и отправлено в ЦК КПСС 5 сентября. Позднее оно было обнаружено среди архивных материалов с пометками многих высших советских руководителей, поскольку Л. И. Брежнев велел К. У. Черненко ознакомить с письмом Солженицына всех членов Политбюро. Сам Брежнев впервые прочел это письмо в октябре и вновь просмотрел в конце декабря 1973 года. Непосредственно же на заседаниях Политбюро письмо Солженицына не обсуждалось, и он, конечно, не получил на него никакого ответа.

Полный текст «Письма вождям» был опубликован в Париже в марте 1974 года в форме небольшой брошюры на русском языке и почти сразу же переведен на многие языки мира» [6].

Следует иметь в виду, что идеология правозащитного движения не представляла собой механического соединения идей, сформулированных в указанных работах. Их авторы по одним позициям выступали единомышленниками, по другим – оппонентами.

Солженицын изложил свои замечания по меморандуму «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» в письменной форме и передал их лично Сахарову, но в Самиздат не пустил. Это было обширное письмо, занимавшее двадцать с лишним страниц и начинавшееся с самых высоких похвал Сахарову, чье бесстрашное и честное выступление является «крупным событием современной истории». Солженицыну, однако, не нравилось, что Сахаров осуждал в своем трактате лишь сталинизм, а не всю коммунистическую идеологию, ибо «Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения». Нет, по мнению Солженицына, и никакой «мировой прогрессивной общественности», к которой обращался Сахаров. Нет и не может быть «нравственного со-

циализма»: «в превознесении социализма Сахаров даже и чрезмерен». Все это «гипноз целого поколения». Упускает Сахаров значение в нашей стране «живых национальных сил и живучесть национального духа», а все сводит к научному и техническому прогрессу. Нелепы и надежды на конвергенцию: эта перспектива «довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? – общество, безнравственное вперекрест». Не спасет Россию и интеллектуальная свобода, как не спасла она Запад, который «захлебнулся от всех видов свобод и предстанет сегодня в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой» [5].

А. Д. Сахаров полностью соглашался с тем, чтобы «жить не по лжи», демонстрировал готовность подписаться под каждой строкой соответствующего эссе А. И. Солженицына, солидаризировался с его стремлением преодолеть тоталитарную сущность советских социально-политических реалий. Вместе с тем будучи атеистом, убежденным интернационалистом, одинаково отвергая как тоталитаризм, так и авторитаризм, лауреат Нобелевской премии мира четко сформулировал основные расхождения с Солженицыным и его последователями в ответе на «Письмо вождям Советского Союза»: «Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития» [9].

На призыв Солженицына к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества: «Я возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада. Я глубоко убежден, что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе. Только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции» [9].

Сахаров утверждал, что «националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиознопатриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам. В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными» [2].

Расхождения между Сахаровым и Солженицыным – это расхождения между западниками и «почвенниками» в советском правозащитном движении, идейными отцами которых они являлись. Заслуги представителей каждого из этих течений в борьбе с тоталитарным режимом бесспорны. Вместе с тем мы полностью присоединяемся к предупреждению Сахарова насчет «очень существенных ошибок» своего оппонента. Эти предупреждения актуальны и поныне.

В анализируемый период стало обретать реальные очертания принципиально новое направление по оказанию материальной помощи советским правоза-

щитникам, ставшим политическими заключенными. Именно тогда Солженицын «летом 1974 года на гонорары от романа «Архипелаг ГУЛАГ» создал «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям» для помощи политическим заключённым в СССР (посылки и денежные переводы в места заключения, легальная и нелегальная материальная помощь семьям заключённых)» [10].

«Фонд продолжил, систематизировал и ввёл в организационные рамки начавшийся в 1966 году стихийный и спонтанный сбор денег для помощи людям, подвергающимся политическим преследованиям (в первую очередь – семьям политзаключённых). Одновременно создание Фонда «явочным порядком» восстанавливало дореволюционную традицию помощи политическим заключённым, продолжавшуюся в первые десятилетия советской власти и прерванную лишь в 1937 году закрытием легально действовавшего Комитета помощи политзаключённым («Помполита») Е. П. Пешковой» [8].

Третий период в истории правозащитного движения в СССР в эпоху Л. И. Брежнева датируется 1976–1982 годами. Его ключевым событием явилось подписание Советским Союзом 1 августа 1975 года «Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки», в соответствии с требованиями которого СССР взял на себя обязательства о соблюдении прав человека в стране. В связи с этим у движения появилась юридическая основа для дальнейшей деятельности и оно становится «правозащитным» в фактическом понимании этого слова» [7].

12 мая 1976 года на пресс-конференции, созванной А. Д. Сахаровым, профессор Юрий Орлов объявил о создании группы содействия по выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или, как ее стали называть, Московской Хельсинкской группы – МХГ). Появление МХГ и волна поддержки ее и в СССР, и на Западе дает основание этот новый период правозащитного движения назвать «хельсинкским» [2].

В учредительном заявлении МХГ относительно содержания всех статей данного документа указывалось, что она ограничивает свою деятельность гуманитарными статьями Заключительного акта и что она будет принимать от граждан информацию о нарушениях этих статей, составлять на этой основе документы и знакомить с ними общественность и правительства стран, подписавших Заключительный акт [2].

Разумеется, группа относилась дифференцированно к субъектам подписания Акта, поскольку, во-первых, одни из них были подлинно демократическими и соблюдали права человека, другие были тоталитарными и имели имманентно присущие существующей системе проблемы, связанные с правами человека, во-вторых, дифференциация коснулась и исключительно тоталитарного лагеря, не все государства которого голосовали в Организации Объединенных Наций за принятие Всеобщей декларации прав человека. Та же ситуация прослеживалась и в отношении Международных пактов по гражданским и политическим правам, имевшим, кстати, важное значение для советского правозащитного движения в эпоху Л. И. Брежнева.

С учетом указанной дифференциации «МХГ призывала общественность других стран создать такие же группы. Но первый отклик пришел не из-за рубежа, а от сограждан из нерусских республик» [2].

Данный отклик был органически связан с явным нарастанием анализируемого движения за пределами столицы СССР, с объединением правозащитного движения с национальными и религиозными, проходившими «под лозунгом, выдвинутым Московской Хельсинкской группой: гражданские свободы, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного акта. Вырисовывалось нечто вроде народного фронта под хельсинкским флагом. Правозащитная идеология продемонстрировала способность стать основой организованного движения, включающего все социальные слои советского общества» [2].

Можно однозначно утверждать, что «Московская Хельсинкская группа оказалась зернышком, из которого выросло международное хельсинкское движение. Его смысл – «в подтягивании» положения с правами человека до стандарта, определенного Заключительным актом, в странах, где оно ниже этого стандарта» [2].

Вновь отметим, что всё это было наименее актуально для стран традиционной демократии. Что же касалось стран социалистического лагеря, то группы по образцу МХГ были наиболее эффективны в тех из них, где сохранились остатки гражданского общества. Такого рода группы генетически связаны с рядом организаций, которые сыграли важную роль в ходе народно-демократических революций в Центральной и Восточной Европе в 1989–1990 годах.

Реальный размах правозащитного движения повлиял на поиск властями наиболее изощренных форм противодействия этому движению. При этом коммунистическая номенклатура стала прибегать к чудовищной клевете, приписывая правозащитникам преступления, которые они не только не совершали, но и принципиально осуждали. Приведем наиболее известный пример этой тактики: «8 января 1977 г. в московском метро произошел взрыв, были человеческие жертвы. Советские источники информации немедленно сообщили о взрыве иностранным корреспондентам. Террористов стали искать тоже немедленно среди московских правозащитников. На собраниях, проводимых по учреждениям и на предприятиях, а также на Запад через подставных лиц сообщали, что это – дело рук «диссидентов» [2].

МХГ созвала пресс-конференцию и передала корреспондентам заявление «По поводу взрыва в московском метро».

«Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением...» [2].

В анализируемом случае коммунистическая номенклатура ясно продемонстрировала всему миру грубейшее игнорирование принципа презумпции невиновности. Заметим, что ни один советский правозащитник не был арестован по подозрению в причастности к указанному взрыву, компетентные органы не привели никаких доказательств подобной причастности к нему указанных лиц. Естественно, власть потерпела моральное поражение. Ее поведение в этой ситуации резко и открыто осудил А. Д. Сахаров. Поражение организаторов провокации было чувствительным и оказало влияние на международные отноше-

ния. С советскими правозащитниками впервые открыто солидаризировалась федеральная исполнительная власть в цитадели свободного мира. В конце января 1977 года Государственный департамент Соединенных Штатов Америки официально принял сторону Сахарова в его противостоянии советской репрессивной машине. Пройдет несколько недель и то же самое сделает глава американской администрации Джеймс Картер. В начале второго квартала того же года он будет иметь беседу с глазу на глаз с соратником А. Д. Сахарова по рассматриваемому движению Владимиром Буковским.

Американцы продемонстрируют четкое и ясное понимание требований советских правозащитников и на Белградской конференции, которая приступила к работе в начале последнего квартала 1977 года. Настоящий форум был призван заняться «проверкой выполнения Хельсинкских соглашений, к которой более всего адресовались Хельсинкские группы. Позиция демократических стран не была твердой. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию, обвинявшую СССР в нарушении гуманитарных статей, и ослабили ее усилия. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу предъявили обвинения в области прав человека. Беспрецедентной была и постановка вопроса: на Белградской конференции использовались материалы независимых общественных ассоциаций – Хельсинкских групп, то есть претензии советских граждан к своему правительству.

Это была большая победа правозащитников. Это был первый шаг правительств демократических стран Запада навстречу силам либерализации в СССР.

Данные силы в первые годы после Хельсинки ощущали некоторое ослабление репрессий, что было связано со стремлением Кремля получить кое-что взамен от Запада. Сами же репрессии, конечно же, не прекратились. В 1979 году последовала новая волна репрессий, продолжавшаяся до 1981 года.

«Отличие репрессий, начавшихся в 1979 г., от всех прежних – в одновременном наступлении сразу на все направления инакомыслия, причем всюду репрессии распространялись в первую очередь на открытые общественные ассоциации и всюду метили прежде всего по ключевым фигурам, а также по «связным» в неподконтрольном властям механизме распространения идей и информации, хорошо налаженном к этому времени. Такая стратегия репрессий обусловила их направленность на ведущих правозащитников, на ядро движения в Москве и его «ответвления» по стране» [2].

Два года самых масштабных за всю брежневскую эпоху репрессий предопределили резкое ослабление правозащитного движения. Вместе с тем не было оснований утверждать, что советское правозащитное движение исчезло. Люди, для которых главным нравственным ориентиром была совесть, в СССР оставались, и, естественно, среди них обязательно находились те, кто проявлял себя как субъект правозащитного движения.

Хельсинкский период был отмечен существенной активизацией деятельности такой структуры, как «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям». Настоящая «деятельность привлекла к себе множество людей, которые стали добровольными помощниками Фонда; в конце 1970-х и начале 1980-х годов Фонд был одной из самых многочисленных и известных диссидентских ассоциаций» [8].

Он не намного пережил окончание эпохи Брежнева как структура, действовавшая в открытом режиме. Хорошо известно, что «распорядители и активисты Фонда постоянно подвергались преследованиям; в 1983 году в результате репрессий и провокаций открытая деятельность Фонда прекратилась» [8].

Точные подсчеты численности участников диссидентского и правозащитного движения в Советском Союзе вряд ли возможны. «По приблизительным подсчетам историков в 1967–1970 гг. и 1971–1982 гг. по «чисто» политическим статьям УК РСФСР и других республик было арестовано около 10 тыс. человек. Еще несколько тысяч оказались в тюрьмах и лагерях как «националисты», «религиозники», «тунеядцы», «нарушители паспортного режима», «злостные нарушители общественного порядка». Таким образом, к уголовной ответственности привлекалось около тысячи человек в год из числа диссидентов разных течений» [3]. Конечно, в условиях тоталитарного режима, в условиях действия изощрённейшей репрессивной машины максимальное соотношение между арестованными и неарестованными диссидентами, правозащитниками было один к одному. Если исходить из такого соотношения, можно утверждать, что к указанному движению относилось немногим более одной сотой процента населения СССР.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

«Правозащитники не добились своей прямой цели – улучшения положения по правам человека в СССР. Власти отвергли диалог, который предлагали правозащитники». Их жертвенная верность своему идеалу оздоровила нравственный климат советского общества, помогла выбиться из безвестности национальным и религиозным движениям, проложила дорогу независимой политической мысли, ныне ищущей альтернативы существующему строю на разных путях – от «социализма с человеческим лицом» до возвращения к национальным устоям» [2].

Список литературы:

1. Алексеева, Л.М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России [электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.polit.ru/tag/publ_lect (дата обращения: 12.05.2013).
2. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEVA/index.htm> (дата обращения: 02.05.2013).
3. Диссидентское и правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [rushist.clow.ru>4/information/165.html](http://rushist.clow.ru/information/165.html) (дата обращения: 07.05.2013).
4. Диссиденты в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [megabook.ru>Article.asp?AID=629855](http://megabook.ru/Article.asp?AID=629855) (дата обращения: 05.05.2013).
5. Жить не по лжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org>wi-
BY/Жить_не_по_лжи](http://ru.wikipedia.org/wiki/Жить_не_по_лжи) (дата обращения: 03.05.2013).
6. Медведев, Р. Сахаров и Солженицын [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ihst.ru>projects/sohist/papers/med01sm.htm](http://ihst.ru/projects/sohist/papers/med01sm.htm) (дата обращения: 04.05.2013).
7. Правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : stockauction.rm84145b508830df71.html (дата обращения: 14.05.2013).
8. Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [m.wikipedia.org>...общественный](http://m.wikipedia.org) (дата обращения: 02.05.2013).
9. Сахаров, А. Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» [Текст] // Знамя. – 1990. – № 2.
10. Солженицын, Александр Исаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org>wiki/Солженицын,_](http://ru.wikipedia.org/wiki/Солженицын,_) (дата обращения: 02.05.2013).
11. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravozaschitnoe-dvizhenie-v-sssr-v-epohu-l-i-brezhneva-nekotorye-aspekty-istorii>.

Кудинов С. И.
(Москва, Россия)
Михайлова О. Б.
(Москва, Россия)

УДК - 159.923.2

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ И ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: потенциал личности; жизнестойкость; самореализация; трудная жизненная ситуация; саморазвитие; самоактуализация.

Аннотация: в статье представлен анализ жизни и творчества А. И. Солженицына в контексте проявлений жизнестойкости и самореализации в трудных жизненных ситуациях. Рассматриваются характеристики трудной жизненной ситуации и критерии жизнестойкости и самореализации личности в психологии. На примере биографических данных и литературных произведений выделены психологические качества, которые составляют личностную жизнестойкость и самореализацию автора и его героев: 1) духовно-нравственный потенциал; 2) трудолюбие; 3) социальный интеллект и интеллектуальная активность в экстремальных условиях; 4) стремление к саморазвитию и самоактуализации в творчестве. Данные качества личности следует развивать в будущих поколениях на примере жизненного пути и творческого наследия А. И. Солженицына.

Роль творчества Александра Исаевича Солженицына трудно переоценить не только в нравственно духовном воспитании молодых поколений, но и с точки зрения исследований в области психологии искусства и психологии личности. В исследовании феномена Солженицына немало перспектив как в литературоведении, так и в психологии, философии, культурологии.

Литературные произведения и история успеха писателя являются для психологов актуальным исследовательским материалом для анализа критериев и факторов, помогающих личности преодолевать кризисные ситуации и находить ресурсы для выживания и реализации своего потенциала в сложившихся обстоятельствах. Анализ каждой биографии выдающегося человека позволяет искать универсальный код совладания со шквалом жизненных проблем и трагических обстоятельств, код силы духа над властью бытия окружающей действительности.

Под «трудной жизненной ситуацией» мы понимаем любые обстоятельства, объективно нарушающие нормальную жизнедеятельность личности. Наличие трудной жизненной ситуации может быть детерминировано внешними по отношению к человеку объективными обстоятельствами, обусловленными развитием политических, экономических и социальных процессов, повлиять на которые он не в силах. Могут быть и внутренние проблемы, связанные с отсутствием у личности психологических ресурсов для адаптации и преодоления трудной жизненной ситуации [1].

История жизненного пути и творческого успеха выдающегося русского писателя, драматурга, публициста, общественного и политического деятеля явля-

ется источником для изучения стратегий жизнестойкости и самореализации личности в трудных жизненных ситуациях.

Этапы жизненного пути Александра Исаевича представляют значительный интерес с исторической и психологической точек зрения. Школьник из Ростова-на-Дону, студент Ростовского государственного университета, Сталинский стипендиат, участник Великой Отечественной войны, приговоренный к исправительно-трудовым лагерям и вечной ссылке, учитель математики и физики, человек, победивший смертельный недуг, писатель, лауреат Нобелевской премии, вынужденный эмигрант, всемирно признанный публицист и общественный деятель – масштабы самореализации личности А. И. Солженицына поражают размахом воплощения потенциальных возможностей и способностей.

Самореализация в данной работе рассматривается как динамическое психологическое образование, детерминированное комплексом психологических и социальных факторов, обеспечивающих успешность самоосуществления и самосовершенствования личности. В зарубежной психологии феномен самореализации рассматривается по большей части в рамках гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, К. Гольдштейн) [2; 3]. В концепциях этих ученых личность рассматривалась как уникальная, целостная система, перед которой открыта возможность самоактуализации, присущая лишь человеку. Л. И. Анцыферова, Л. А. Коростылева и др. рассматривают самореализацию в контексте сочетания внутренних стимулов и внешних условий. К. А. Абульханова-Славская под самореализацией личности понимает жизненную позицию, которая, в свою очередь, означает совокупность притязаний человека к предметному миру, другим людям и самому себе вместе с представлениями о способах реализации этих притязаний для построения собственной жизни [3].

Биографические данные А. И. Солженицына и его литературное творчество позволяют рассматривать и анализировать личностные ресурсы самореализации и самоактуализации в трудных жизненных ситуациях. Одним из таких основополагающих ресурсов является жизнестойкость.

В нашей работе мы исходили из представления о том, что жизнестойкость – многомерное психологическое образование, детерминированное внешними условиями и внутренними факторами, обеспечивающее сохранение жизнедеятельности личности в трудных жизненных ситуациях [2; 5]. Данный феномен рассматривается как личностное образование, охватывающее установки (вовлеченность, контроль, принятие риска) и базовые ценности (кооперация, доверие, креативность).

В результате анализа психологической литературы можно заключить, что жизнестойкость является неотъемлемой личностной характеристикой и формируется в процессе всей жизни человека, она является механизмом повышения личностного и адаптационного потенциалов человека. Изучением проблемы жизнестойкости в разное время занимались С. Кобейс, С. Мадди, Л. А. Александрова, П. Тиллих, М. Хайдеггер, Д. А. Леонтьев, С. А. Богомаз, И. Солкова и П. Томанек, С. Бэнк и Дж. Кэннон и др. [2].

Следует предположить, что основой жизнестойкости и самореализации А. И. Солженицына являлись: 1) духовно-нравственный потенциал; 2) трудолюбие; 3) социальный интеллект и интеллектуальная активность в экстремаль-

ных условиях; 4) стремление к саморазвитию и самоактуализации в литературном творчестве. В данной работе мы попытаемся представить теоретическое обоснование выдвинутых гипотез.

В. Я. Лакшин выделяет основные характерные черты писателя: «К художественному дару добавлены в нем чудовищная энергия, дьявольское честолюбие и неслыханная работоспособность. Им отсечены в себе многие истинно русские слабости – от водки до простой человеческой жалости. В личной жизни и в жизни общей он почти «над-человек», великое дитя XX века, скроенное по его мерке» [4, с. 67].

Духовно-нравственное развитие А. И. Солженицына связано с основами религиозного воспитания в семье, периодами отвержения Бога и веры в победу марксизма и периодом обретения веры в Бога после преодоления череды духовных и физических страданий.

В пьесе «Свеча на ветру (свет, который в тебе)», написанной в 1960 году, по мнению автора, смысл человеческой жизни определяется её *вектором*, направлением. Главный вектор самореализации по Солженицыну – служение людям, развитие и совершенствование в самом себе духовно-нравственного начала. «Жить по совести» (позже Солженицын определит свое личностное и творческое кредо как «жить не по лжи») – это один из ведущих духовно-нравственных принципов писателя.

Ещё одним духовно-нравственным принципом выдающегося писателя является смирение как одно из важнейших христианских добродетелей. Смирение выражается в принятии своей жизни такой, какой она является. Чувство смирения помогает А. И. Солженицыну уповать на Бога, укреплять свою веру в торжество справедливости. В произведении «Молитва» просьба к Творцу связана не с дарованием земных благ (здоровье, долголетие, счастье, помощь в преодолении жизненных трудностей), а с творчеством в высоком, духовном его понимании. Оно воспринимается автором как дар Божий, как отражение божественной истины. «Отблеском лучей Твоих», то есть божиих, называет автор свои произведения, которые он смог через нечеловеческие испытания донести до читателя [9, с. 554].

Будучи узником ГУЛАГа, А. И. Солженицын освободился от влияния марксизма и начал вновь открывать для себя основы христианства: «Лагерь самым радикальным образом обезглавливает коммунизм. Идеология там полностью исчезает. Остается, во-первых, борьба за жизнь, затем открывается смысл жизни, а затем Бог» [4, с. 43].

Выживая в трудной жизненной ситуации, А. И. Солженицын пытается определить её смысл и значение для себя: «До ареста я тут многого не понимал, неосмысленно тянул я в литературу, плохо зная, зачем это мне и зачем литературе. Изнывал лишь от того, что трудно, мол, свежие темы находить для рассказов. Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили» [4, с. 72].

Таким образом, автор находит смысл литературного творчества и интеллектуальной активности вопреки окружающей действительности. Благодаря развитому социальному интеллекту Солженицын по крупицам собирает, записывает, анализирует, переживает и обдумывает сюжеты для своих будущих произведений.

Литературное творчество и интеллектуальная активность становятся ответом на переживание кризисной ситуации. Солженицын становится частью лагерной системы, но не растворяется в этой среде, не теряет самообладания и ищет в литературном творчестве и писательском труде способы самосохранения и выживания. Если человек не может бороться с действительностью, то он получает опыт для всей оставшейся жизни. Пережив трудные жизненные обстоятельства и обретя новые возможности, человек представляет другим опыт преодоления кризисных событий жизненного пути.

В письме А.Т. Твардовскому в ноябре 1969 г. (а к этому периоду были созданы роман «В круге первом», повести «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», книга «Архипелаг Гулаг», написаны многие рассказы) А.И. Солженицын искренне благодарит Александра Трифоновича за оказываемое им внимание и заботу, но при этом подчеркивает: «Ваши советы исходят из жизненного опыта другой эпохи... Мои же навыки – каторжанские, лагерные. И когда я решаю важный жизненный шаг (это всегда мгновенно, почти интуитивно и неостановимо) – я прислушиваюсь прежде всего к голосам моих товарищей по каторге, иных уже умерших от болезни или от пули, других далеких от меня, никого из них я не встречаю сейчас, но верно слышу, как они поступили бы на моем месте. И тут ни Вы, ни кто другой из литературной среды не может меня ни остановить, ни перенаправить» [4, с. 84].

Общение с окружающими, чувство товарищества и острые воспоминания о тех, кто был рядом и делил тяготы жизни, свидетельствуют о значении чувства товарищества и социального интеллекта в адаптации и преодолении кризисных обстоятельств. В повести «Один день Ивана Денисовича» автор раскрывает ещё одну адаптивную задачу в совладании с трудной жизненной ситуацией – сохранение разумного эмоционального баланса, управление негативными чувствами, вызванными экстремальными событиями.

По мнению В. Н. Ряполова, наиболее ярко психология выживания в экстремальных ситуациях, длившихся в течение нескольких лет, была описана в работе Виктора Франкла «Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере» и повести Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Если Виктор Франк как ученый от первого лица описал свое собственное состояние, то Солженицын как художник смог показать психологию простого человека, сохранившего свое человеческое достоинство [6].

Известный литературный критик В. Я. Лакшин отмечает: «Солженицын разочаровал тех, кто ждал от него рассказа о злодеяниях, пытках, кровавых муках, об эксцессах бесчеловечности в лагере, о мучениках и героях каторги. Странно признаться, но первое впечатление, которое мы испытали, начавши читать повесть, было: и там люди живут. И там работают, спят, едят, ссорятся и мирятся, и там радуются малым радостям, надеются, спорят, бывает, подшучивают друг над другом...» [4, с. 37].

В повести «Один день Ивана Денисовича» талантливо представлена ещё одна адаптивная задача преодоления тягот действительности – сохранение и поддержание образа себя, социальной идентичности, уверенности в себе. Это отмечает и В. Я. Лакшин: «Самое же парадоксальное и смелое, что и в этой сравнительно легкой полосе лагерного срока автор выбирает из длинной череды дней, прове-

денных Иваном Денисовичем за колючей проволокой, день не просто рядовой, но даже удачный для Шухова, «почти счастливый». К чему это? Не хочет же он, в самом деле, уверить нас, что и в лагере «жить можно»? » [4, с. 37].

Философия жизнестойкости спокойно и подробно излагается писателем в подробном анализе одного дня заключенного. Главный герой повести – крестьянин Иван Денисович Шухов, в каждой мысли которого, в каждом слове чувствовалась глубина крестьянского видения мира и себя в нем. Размышления, как и поступки его полны основательности, в них нет негативных эмоций. Каждый шаг, каждое действие продуманы и просчитаны заранее, что помогает герою выжить. Осужденные в лагере остаются людьми, помогают друг другу, поддерживают, как могут. Иерархия в бригаде складывалась не сама по себе, а по образу жизни, поведению каждого осужденного, основанного на старой лагерной философии, когда-то давно сказанной Шухову бригадиром Кузёминым: «Здесь ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать» [8, с. 11].

В данном произведении А. И. Солженицына постулируется закон жизнестойкости, сформулированный В. Франклом: «... лишь немногие сохраняли в лагере свою внутреннюю свободу, возвышаясь до осуществления тех ценностей, которые раскрывает страдание. Но если бы этому был даже единственный пример, он все равно служил бы доказательством того, что внутренне человек может быть сильнее своих внешних обстоятельств. И не только в лагере» [10, с. 132].

Интересно, что советский интеллигент и крестьянин – это два ведущих социальных типа в творчестве писателя. Несмотря на то, что во многом эти образы антонимичны по целому ряду признаков, есть в них нечто общее – христианско-нравственная система ценностей и высокая духовная культура, противостоящая социально-политическому насилию. Персонажи произведений Солженицына отличаются негероическим типом личности, в произведениях преобладают мужские образы. «Обычность» солженицынского героя помогает воспринимать читателю события в интерпретации реальных свидетелей описываемых исторических событий. На войне, в ГУЛАГе, в раковом корпусе персонажам произведений характерны нравственные приоритеты, душевная открытость и стремление позитивно воспринимать и влиять на происходящие события. Духовная жизнь героев часто пронизана интеллектуальностью и глубокой масштабностью внутренних переживаний. В мире насилия герои Солженицына стремятся к внутренней свободе и душевной гармонии как высшим ценностям человеческого бытия.

Сам писатель, как и его герои, на протяжении всей своей яркой и полной драматических событий жизни является примером жизнестойкости и успешной самореализации личности на фоне тяжёлых социально-политических событий. Своё творческое предназначение А. И. Солженицын талантливо описывает в Нобелевской лекции: «...художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям. И в неудачах, и даже на дне существования – в нищете, в тюрьме, в болезнях – ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его» [7, с. 22].

В Нобелевской лекции русский писатель очень точно определяет психологическую и психотерапевтическую роли литературного искусства для человечества: «Искусство растепляет даже захлаженную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, – такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению. Как-то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь – не себя, – увидишь на миг недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...» [7, с. 23].

Жизненный подвиг и литературное наследие Солженицына имеют психолого-педагогическую направленность для будущих поколений. Биографический путь выдающегося русского писателя и публициста, герои его произведений являются примером жизненного подвига в условиях сложности бытия, примером развития человеческой личности и его духовно-нравственного и интеллектуального потенциала в трудных жизненных ситуациях: «И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире, – но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: победить ложь. Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! – зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, – но только не против искусства» [7, с. 24] .

Личность А. И. Солженицына и наследие литературного мастерства, созданное в его психологической лаборатории, ещё предстоит исследовать современным психологам, чтобы, анализируя многочисленные литературные материалы, создать новые технологии жизнестойкости и самореализации человека будущего на фоне глобальных цивилизационных вызовов настоящего.

Список литературы:

1. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1.
2. Кудинов, С. И., Кудинов, С. С., Хаммад, С. М. Жизнестойкость как предиктор самореализации личности в трудных жизненных ситуациях // Известия Саратовского университета. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 229–238.
3. Кудинов, С. И., Кудинов, С. С., Михайлова, О. Б., Рушина, М. А. Самореализация личности: теоретико-эмпирические исследования: монография / С. И. Кудинов и др. – М. : Перо, 2015. – 210 с.
4. Лакшин, В. Я. Солженицын и колесо истории / Составитель С. Н. Кайдаш-Лакшина. – М. : Вече, 2008.
5. Михайлова, О. Б. Психологическая диагностика и реализация инновационности личности: монография / О. Б. Михайлова. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2016. – 152 с.
6. Ряполов, В.Н. Психология выживания в творчестве Виктора Франкла и А. И. Солженицына //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3. – С. 195–199.
7. Солженицын, А. И. Нобелевская лекция /А. И. Солженицын // На возврате дыхания: избранная публицистика. – М. : Варгиус, 2004. – 719 с.
8. Солженицын, А. И. Один день Ивана Денисовича / А. Солженицын. – М. : Эксмо, 2009. – 624 с.
9. Солженицын, А. И. Рассказы и Крохотки /А. И. Солженицын. Собрание сочинений в 30-ти томах. Том первый / А. Солженицын. – М. : Время, 2006. – 96 с.
10. Франкл, В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере / В. Франкл. – М.: Альпина нонфикшн, 2015. – 239 с.

Андреев А. Н.
(Россия, Москва)

РАЗУМ VS ИНТЕЛЛЕКТ: ВЕРСИЯ ФИЛОСОФИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: разум, интеллект, сознание, психика, информация, философия литературы, Пушкин, Пиковая дама

Аннотация: характеризуются функции таких понятий, как разум, интеллект, информация. Показано, как эти понятия функционируют в художественном тексте на примере «Пиковой дамы» А.С. Пушкина. Предлагаемый взгляд на произведение позволяет обнаружить в нем глубокую концептуальную основу – гораздо более глубокую, чем это принято считать.

1

Если всмотреться в самое ядро художественной литературы, определяющее ее природу, то литература предстанет перед нами как некая информационная субстанция – как тип управления информацией, если быть точным.

Именно так: в основе функционирования литературы лежит информация и, следовательно, принципы ее структурирования.

В связи с этим опорный тезис нашей работы таков: литература (в своих высочайших образцах) является своеобразным модусом противостояния разума (Р) и интеллекта (И).

Почему именно литература и почему непременно противостояния?

Для начала необходимо прояснить, какое отношение Р и И имеют к информации. Мы будем говорить о Р и И как о категориях информационных, представляющих человека как существо информационное. Говорить о человеке – значит, говорить об информации и о типах управления информацией.

Не вдаваясь в подробности, укажем на очевидное и, как представляется, относительно бесспорное в таком темном деле, каким является взаимодействие сферы чувственной (бессознательного) и сферы рациональной (сознательного). При этом мы не станем затрагивать такие узкоспециальные темы, как, например, карты нейронных связей в человеческом мозге, биологические механизмы формирования эмоций, удержания информации, обработки памяти и иные вопросы, так или иначе связанные с функционированием информации. Нас будет интересовать не мозг человека, а вопросы гносеологического порядка, проблемы, касающиеся содержательного аспекта информации – мы сосредоточимся на философии информации, а не на механизмах, обеспечивающих пребывание человека в «информационном пространстве».

Итак, касаясь темы *человек и информация*, мы вынуждены констатировать, что человек обладает телом, психикой (душой), сознанием (прежде всего такими его разновидностями, как Р и И). Психосоматическое начало в человеке – это натура; начало сознательное, которое также смыкается с психикой в ее вершинных проявлениях, – это уже измерение культуры.

Однако мало сказать, что человек обладает названными информационными измерениями; он представляет собой насквозь противоречивое, если так можно выразиться, средоточие информационных пластов: психика способна воспри-

нимать как сигналы (сообщения) тела, так и сигналы сознания (природное и культурное в информационной цепочке могут меняться местами); в результате человек становится одновременно и закрытой, и открытой *информационной системой*. Это замечено давно и выражено в простой и емкой формуле: *mens sana in corpore sano*. В здоровом теле здоровый дух: телесная, эмоциональная и рациональная сферы работают не в автономном режиме, а в режиме плотной взаимосвязи, в режиме системы.

Вот это положение является главным. Мы можем спорить о функциях сознания или психики, выделять высший и низший тип нервной деятельности, спорить о том, где заканчиваются функции психики и начинается деятельность сознания, по-разному трактовать сам феномен когнитивной психологии или соматической психологии и т.д. Вместе с тем наши далеко не полные знания о принципах функционирования человека как информационной системы не ставят под сомнение сам факт того, что, имея дело с человеком, мы имеем дело именно с информационной системой, которая стремится к своему информационному пределу – к целостности.

В данном контексте Р и И интересуют нас не как разновидности (типы) сознания, а как типы сознания, которые становятся типами управления информацией. Р и И становятся центрами разных информационных комплексов.

На этом стоит остановиться подробнее. Типы отношения к миру человека зависят от соотношения познавательного (сознательного, рационального) и приспособительного (чувственного, иррационального) начал. Преобладание начала познавательного (вижу то, что хочу видеть, а не то, что есть) ведет к появлению человека познающего, собственно, человека разумного, во главу угла своей жизнедеятельности ставящего отношение познания (и только после этого, и только в связи с познанием учитывающего потребности характера психологического). Преобладание начала приспособительного (вижу то, что хочу видеть, а не то, что есть) меняет информационную картину мира: приспособление как акт идеологический становится актуальнее отношения познания, вера – важнее знания (познания), душа – приоритетнее сознания.

Начало познавательное реализует себя с помощью *абстрактно-логических понятий*, которые психика (начало чувственное) воспринимать не способна. Начало приспособительное функционирует на базе таких носителей информации, как *образы*, которые воспринимаются психикой, но не распознаются сознанием.

Важно подчеркнуть: мы говорим не просто о разных типах отношения к миру, мы говорим о разных версиях человека как существа информационного. В основе всех человеческих проблем человека лежит вот этот принципиальный пункт: душа (*psyche*) становится информационным эпицентром мира – или сознание (инстанция, противоположная душе)?

Понятно, что в представленных нами тезисах присутствует момент упрощения информационной картины; однако присутствует также и момент внесения порядка в сферу чрезвычайно запутанную, в сферу «человек – информация – отношения», где человек представлен как субъект и объект информационного взаимодействия.

Теперь настал черед рабочих определений. Начнем с информации.

В гуманитарном смысле информацией мы будем считать любое «сообщение», поступившее в психику из внешнего мира. Психика воспринимает информацию и, далее, адресует ее сознанию.

Вот с такой информацией, воспринятой соответствующими «человеческими» системами восприятия, обработки и хранения, и работает культура.

Отсюда следует: нет психики – нет информации, нет сознания – нет информации. Вне психики и сознания любые сигналы или «сообщения» информацией не являются. Кроме того, работа с информацией предполагает «по умолчанию» учет такого фактора, как тип управления информацией. Информация и ее интерпретация не просто «идут рука об руку», но представляют собой разные аспекты единого целого – информационного поля.

В этой связи определение интеллекта (И) и разума (Р) должно учитывать следующие позиции.

1. И уже не психика, но еще не разум.

2. И, конечно, нельзя отрывать от психики, но еще грубее отождествлять его с психикой. И может продлять и усиливать функции психики (функции приспособления человека к миру в ущерб отношению познания) – но именно потому, что И уже отделен от психики.

3. И работает с понятиями, а психика нет. И в сотворении информационной картины мира отведена особая, отличная от психики, функция.

4. И нельзя отрывать от разума (Р), но еще грубее отождествлять его с Р. Несмотря на то, что и Р, и И работают с понятиями и системами понятий их функции в работе человека с информацией существенно различаются. Р отвечает, если так можно сказать, за целостное восприятие мира, за связь «всего со всем»; И – за линейное, фрагментарное, одномерное «постижение мира» (так сказать, за логику).

5. И отведена маргинальная роль – быть слугой двух господ: Р и психики. Это определяет амбивалентную сущность интеллекта: с одной стороны, он может «сливаться» с психикой, образуя с ней целостный альянс; с другой – он, несомненно, по природе своей ближе к разуму, он и есть, собственно, разум, только в своем зародышевом состоянии.

Интеллект – это способность управлять информацией, которая ограничена системным характером своей структуры. Предел информационных возможностей интеллекта – распознавать системы систем. Структурный признак системы – соотношение *части и целого*, при этом целое состоит из частей, замена которых не ведет к утрате идентичности целого (здесь интеллект выступает как инструмент *диалектической логики*).

Однако системы систем способны складываться в качественно новое информационное образование – в целостность, которую легче *ощутить*, нежели аналитически ее воспроизвести. Структурный принцип целостности: каждый *момент целого* промаркирован свойствами целого, состоящего из моментов целого (например, океан состоит из капель, каждая из которых репрезентирует свойства океана), и утрата момента сказывается на свойствах целостности. *Целостность* или *системность* также даются нам в ощущениях. Так приспособительный ресурс психики начинает работать как потенциал познавательный. Когнитивные чувства (разумные эмоции, то есть эмоции, производные от деятельности разума) – это продукт и эмоциональное сопровождение разумной деятельности человека.

Интеллектуальные эмоции, также способные мобилизовать человека на решение задач любой сложности, весьма схожи по эффекту с эмоциями разумными; однако если вторые действительно направляют потенциал человека в русло познания (что делает человека адекватным реальности), то первые часто возникают по поводу того, что желаемое принимается за реальное. Иллюзия часто становится для человека реальным стимулом.

Путь познания противоречив, иногда он осуществляется в форме приспособления. Иногда от интеллекта до разума – один шаг, иногда – пропасть. Вот эта предрасположенность человека к информационной гибкости, лабильности, амбивалентности и помогает ему, и мешает. Чтобы извлечь больше пользы из такого положения вещей, лучше сочетать гибкость с принципиальностью – лучше разделять интеллект и разум по функциям, в том числе по культурным функциям. Если разграничивать цивилизацию и культуру как типы управления информацией, то следует признать, что в основе цивилизации лежит интеллект, в основе культуры – разум.

Таким образом, *разум – это способность управлять информацией, которая выходит на уровень целостности, где проявляется связь всего со всем.* Если мир целостен, един, то это единство должно проявляться в плане информационном – и прежде всего в информационном. Например, информационная структура таких нравственных отношений, как любовь, свобода, стремление к истине («нравственный закон внутри нас», по Канту) должна быть однородна со структурой вещества, из которого состоит вселенная («звездное небо над головой», по Канту). Это в большей мере предположение, нежели констатация научно зафиксированного факта; тем не менее целостность должна включать человеческое измерение в «нечеловеческое». Физика и математика в своих высших измерениях должны как-то пересекаться с высшими культурными ценностями. Не станем лукавить, это «всего лишь» ощущение, когнитивная эмоция, которые – а вот тут внимание! – в один прекрасный момент могут трансформироваться в научную интуицию. Философия находит свое подтверждение в физике, а физика – в философии: это утверждение сложнее опровергнуть, нежели подтвердить.

Разум в этой связи можно определить как особого рода интеллект, считающийся с логикой бессознательного, обогащающийся такой логикой, которая меняет качества исследуемого объекта с системного на целостный; все это превращает разум в *инструмент тотальной диалектики*, в инструмент моделирования идеального смысла, который принято называть истиной. Именно *связь всего со всем* порождает тотальную диалектику как научный способ постижения целостности; с другой стороны, «все» становится объектом исследования, благодаря тотальной диалектике. «Теория всего» – это феномен, рожденный тотальной диалектикой.

Итак, информационная система человека – это космический продукт, не только «гуманитарный». Именно поэтому определение «человек есть существо информационное» представляется гораздо более содержательным, многоплановым по сравнению с теми определениями, которые детерминируют природу человека путем выделения либо природной, либо социальной, либо духовной доминанты (например: человек – существо биосоциальное).

После всего сказанного уместно перейти к литературе и посмотреть, как присутствие в ней таких нелитературных категорий, как И и Р, определяют саму суть художественности, ее «вещество» и структуру. Строго говоря, все тайны творчества также заключены в «магическом пространстве», которое можно определить как зона взаимодействия психики и сознания (при уникальной роли И в таком взаимодействии).

Начнем с небольшого отступления. Литература, как известно, говорит с нами языком образов, чувственно воспринимаемых, в отличие от абстрактно-логических понятий, языка науки. Литература психологична настолько, что иногда ее называют «душеведением», писателей, соответственно, – «инженерами человеческих душ».

В общем, литература и психика – близнецы-сестры.

При этом как-то упускается из виду, что содержанием образов являются все те же идеи, то есть понятия, организованные в системы. Иного – не идейного – содержания в природе не существует (в человеческом, гуманитарном смысле). Р и И, напомним, существуют как инструменты работы исключительно с понятиями.

Таким образом, Р и И присутствуют в литературе опосредованно, в скрытом виде; но без них не возникло бы самого феномена художественной литературы.

Выстраивая цепочку зависимостей «Р – И – Л (литература)», мы не абстрагируемся от образной природы литературы как вида искусства; в информационной картине под названием литературно-художественное произведение мы трактуем образы как способы организации информации, но не как особого рода информацию, которая не способна «конвертироваться» в понятия. С нашей точки зрения, в художественном произведении, как и во всех областях, имеющих человеческое измерение, присутствует один, универсальный тип информации, который сводим, в конечном счете, к понятиям; образы служат парадоксальной оболочкой (формой) понятий (они содержат то, что передать «по определению» не могут), не меняя информационной природы как таковой.

В качестве примера, репрезентирующего нам функционирование Р и И в материале художественном, обратимся к повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина. Это произведение интересно как раз тем, что представляет конфликт Р и И «в чистом виде». Боле того, конфликт Р и И стал предметом художественного исследования в повести. Невероятная интуиция Пушкина сделала «Пиковую даму» шедевром, занимающий особое место в русской и мировой литературе.

Характеризуя главного героя повести Германна, обрусевшего немца, военного инженера, мы должны прежде всего ответить на вопрос: что определяет его мировоззрение, его картину мира как идейную систему, как систему ценностей?

Конкретизируем вопрос с учетом задач нашего исследования: с помощью чего выстраивается эта система ценностей именно как система?

С помощью чувств? Система стала результатом эмоциональной реакции?

Ответ, очевидно, будет отрицательным: с помощью чувств систему не создашь. Ее можно создать только с помощью инстанции, противоположной чувствам, а именно: с помощью либо И, либо Р.

Герман не делает из своего внутреннего мира никакой тайны; более того, наличие тайны в таком деликатном вопросе, как личностный, душевный мир, его, скорее, раздражает. Он получает удовольствие не от присутствия тайны, а от возможности представить внутренний мир человека как линейно-логический, непротиворечивый дискурс. Поэтому он не проговаривается в отличие от тех, кто пытается скрыть свои мотивы поведения, а выговаривается, выводя на чистую воду главные мотивы человека. Он не стесняется их, потому что считает их универсальными. Бросите камень в Германна – попадете в людей. Во всех людей сразу.

Германн, фамилия которого содержит недвусмысленную семантику (Herr Mann, «Господин Человек»), инженер, имевший «сильные страсти и огненное воображение», всегда и во всем следовал безупречно положительному, выверенному девизу: *«я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее»*. Приоритет рационального над эмоциональным был главным моральным (sic!) принципом Германна.

При этом Германн сделал ставку на тот тип сознательного отношения, который характеризуется «железной» или «холодной» логикой, ориентированной на несомненные (следовательно, объективные) ряды зависимостей, складывающихся в жесткую систему. Укажем на главные «части» системы.

Деньги – мера всех вещей.

Следовательно, цель и смысл жизни – деньги.

Чтобы тебя уважали в обществе, надо добиться богатства (ибо деньги – мера всех вещей).

Каким способом, какой ценой ты «зарабатываешь» вожаемые деньги – совершенно не важно (ибо деньги – мера всех вещей). Любой ценой – это именно про деньги.

Нравственно – иметь деньги, безнравственно их не иметь (ибо деньги – мера всех вещей).

Важно только то, что помогает добиться богатства; все остальное не важно.

Деньги становятся силой в мире людей.

Кто силен – тот и прав.

Победителей не судят, ибо: деньги – мера всех вещей.

Такой вот железобетонный нравственный кодекс должен был обеспечить Господину Человеку (образ всемогущего Наполеона в качестве колоритного штриха витал над ним, словно нимб) победу; более того, кодекс был залогом и даже гарантом победы. В основе такого кодекса – интеллект, высшая мыслимая инстанция в информационной картине мира. Если не интеллект – то что же?

Интеллект, интеллект и еще раз интеллект.

Но Герман просчитался, «обдернулся», поставил не на тот кодекс. Почему? Что может быть выше правильного и, следовательно, освященного светом истины отношения Германна к жизни?

Ответ на этот вопиющий вопрос в произведении присутствует не как внятная «контрсистема», а как многозначительный намек, как своего рода семантическое облако (в развернутом виде ответа нет) – что, понятно, только усиливает раздражение Германна.

Если бы провальный проект Германна стал результатом персональной ошибки инженера, если бы Германн не сделал того, что должно, уклонившись хоть на йоту от императива «деньги – мера всех вещей», то наказание последовало бы правильно, настигло бы того, кто пожертвовал необходимым в надежде приобрести излишнее.

Но Германн не поддался соблазну, он сделал все идеально, как должен был сделать. Почему же он не стал победителем?

В конце повести он не ропщет, не выказывает претензий; он просто сходит с ума, словно отказываясь принимать чуждый высокому интеллекту порядок вещей: Германну не за себя, ему за истину обидно.

Истина: вот уровень его претензий к мирозданию. И он ведет диалог не с Лизой – что ему «бедная воспитанница» по меркам вселенского расклада! – и не с графиней Анной Федотовной; он является участником совсем другой игры, где ставка – вера в незыблемость миропорядка, основанного на культе силы.

Какие силы стоят за бедной графиней? В том, что это именно силы, нет сомнений: «- Я пришла к тебе против своей воли, - сказала она твердым голосом, - но мне велено исполнить твою просьбу». Чья воля направила графиню к Господину Человеку? Кем было велено исполнить настойчивую просьбу Германна?

Все это уровень небес, горних инстанций, которые не принято беспокоить всуе. И ведь что главное: небеса были на стороне Германна, они направили к нему графиню и велели исполнить его просьбу.

Но случилось невозможное: карта Германна, которую всучили ему небеса, оказалась бита. Он сошел с ума – просто потому, что перестала работать безупречная логика. И теперь мир остался без прикрытия, без всевидящего ока Справедливости. Как тут не сойти с ума? Все логично.

Что правит миром, если не логика?

В повести, повторим, рассыпаны зерна иных истин. Если собрать их в нечто целое, получим картину весьма противоречивую, но по-своему логичную.

Мера всех вещей – человек.

Цель и смысл жизни – счастье.

Уважают в обществе не только за богатство, но и за качества, которые мешают стать богатым: например, за щедрость.

Способ получения денег столь же важен, как и сами деньги.

Можно иметь деньги, и быть при этом безнравственным; а можно не иметь денег, будучи нравственно опрятным.

Альтернативная система ценностей (зерна иных истин) просматривается в жизненных стратегиях доверчивой Лизы, ветреного Томского, склонной к безрассудному риску графини, в образе мудрого повествователя, наконец. Эти персонажи вырабатывают новую консолидированную идеологию: не отрицая ценности денег, они отрицают абсолютизацию денежного отношения к жизни.

Кто прав: Германн или противостоящие ему персонажи? Кто из них объективной истине более ценен?

Строго говоря, известную правоту Германна, которую разделяют с ним буквально светские толпы, – «молодые люди, расчетливые в ветреном своем тщеславии» и «наглые и холодные невесты, около которых они увивались», – отрицать нельзя. Германн по-своему прав – ровно в том отношении, в каком прав

интеллект. Германн является воплощением интеллектуального типа отношения к жизни. Он логичен, непротиворечив, и потому убежден, что небеса сполна вознаградят его в первую очередь за правоту, за принципы, которые угодны мирозданию. Ключевые слова здесь – *логичен* в определенном отношении и *непротиворечив*. Все остальные – именно противоречивы, то есть они пытаются совместить сразу несколько противоречащих друг другу принципов.

Германн не просто рассуждает, он поддерживает эту логику (единственно верную, и никак по-другому), воплощает ее – и тем самым служит Богу Интеллекта. Вот этот момент самоотверженного, самозабвенного служения Германна нельзя упускать из виду, иначе логика его поведения не складывается в идеологию.

Финал повести принципиален: небеса (за которыми иронично сквозит воля всемогущего в рамках произведения *образа автора*) заставили Германна «обдернуться», глупо ошибиться, поставив все на интеллект; само «провидение» издевательски предпочло противоречивые, но более разумные (и потому более человечные) принципы.

Обратим внимание: персонаж, противостоящий Германну – «образ автора», за которым сурово маячит «личность писателя», – невидим, никак не воплощен, его как бы нет. Главный оппонент Германна – нечто незримое, нематериальное, но вполне реальное: тип управления информацией.

Если распространить указанный принцип как точку сборки мировоззренческой картины на всю литературу (ограничимся пока что всей русской), то легко увидеть, что сложные, умные герои (самый известный и совершенный из которых – Онегин) ориентированы на принципы противоречивости (пора сказать – *универсальности*), что делает героев «лишними»; герои попроще, типа простодушного злодея Германна, ориентированы на принципы логической одномерности (системности). В результате мы имеем парадокс: неисключительный, типичный по своей информационной родословной Господин Человек выступает как среда по отношению к исключительному (с точки зрения одномерной логики – явно лишнему) Онегину.

Интеллектуальный – следовательно, типичный.

Разумный – следовательно, лишний.

Вот эта «информационная история» Интеллект vs Разум в литературно-художественном произведении принимает характер противостояния Индивид vs Личность. Эта история хорошо известна в русской литературе под названием «горе от ума».

Господин Человек в этом контексте воспринимается, с одной стороны, как Великий и Ужасный, потому как очень-очень сильный; с другой стороны – как модель ограниченной своими информационными возможностями системы, пусть даже идеальной. Германн – это карикатура на индивид, доведенный до мыслимой степени своего совершенства.

Именно так: совершенный индивид – это карикатура на человека, который кроме интеллекта обладает еще и разумом (пусть даже до поры до времени и незаметно для самого себя).

Универсальный, вселенский конфликт Индивид vs Личность традиционно трактуется как информационный конфликт начала плюралистического (несущего в зародыше зерна либерализма) и авторитарного, тоталитарного, нормативного (условно). Как системы систем и системы. Как индивидоцентризм и

социоцентризм. Универсальный информационный конфликт (нравственно-философский) вуалируется моральными коллизиями, «извечным» противостоянием добра – зла, ада – рая и прочими нелепостями.

Персоноцентризм в литературе присутствует на правах лишнего начала – несмотря на то, что является определяющим в информационной картине произведения.

Таким образом, чтобы увидеть в произведении персоноцентризм, наука о литературе сама должна стать персоноцентричной (пока что она либо индивидо-, либо социоцентрична).

В «Пиковой даме» конфликт Индивид vs Личность (за которым сквозят контуры Интеллект vs Разум) личность писателя как полноправный субъект сознания, информационно структурирующий произведение, недвусмысленно решает в пользу Личности, Разума. В этом культурное величие произведения, ни в чем ином.

Существует, конечно, собственно эстетическая сторона дела (стиль, «чистая красота»). Но в том-то и суть, что стиль «Пиковой дамы» и сам тип художественности определяются природой информационного конфликта и природой его истолкования, то есть уровнем и качеством «личности писателя», высшей информационной точки отсчета, вершины информационной пирамиды, каковой (пирамидой) является любое произведение.

Следует подчеркнуть, что восприятие информационной пирамиды зависит уже от личности читателя (то есть от Личности, как ни крути). Можно веками читать не то, что написано, – собственно, до тех пор, пока великий шедевр, воспринимаемый как интеллектуальный информационный паззл, не сложится в целостную информационную картину. Строго говоря, сегодня так и происходит. Даже «Пиковую даму», пиковое прозаическое произведение Пушкина, многие читают как мистическую и криминальную историю, за деревьями (сюжетом и героями) не различая леса (конфликта типов управления информацией). Из «Пиковой дамы» выводят «Преступление и наказание», обнаруживая общие гносеологические корни «петербургских» текстов. Но информационный (следовательно, культурный) герой, можно сказать, кумир Достоевского – Германн; все «положительно прекрасные» персонажи Достоевского, информационные клоны Германна, становятся морально (не нравственно, заметим, ибо нравственность – «ужасно» противоречивая философия морали) совершенными, не меняя своей информационной сути. Увы, так не бывает. К сожалению (и к счастью), стать хорошим и добрым, отвергая разум с позиций интеллекта, невозможно. Добро – это результат разумного отношения, зло – качество отношения интеллектуального. Эти «душевные» категории, как и прочие им подобные, на самом деле являются информационным продуктом (хотя *кажется*, что они не имеют отношения к проблеме Интеллект vs Разум).

Что касается «личности писателя», реального культурного героя «Пиковой дамы», то это антипод, проще говоря, враг всех «прекрасно-положительных», сходящих с ума от противоречий жизни главных персонажей Достоевского, с помощью интеллекта абсолютизирующих мораль. В целом же писатель Достоевский сколь угодно глубок – но он принципиально одномерен. Системен. Не целостен. Если душу анализировать (постигать) с помощью интеллекта (не ра-

зума), никогда не сделаешь решающий шаг – никогда не разведешь два разных типа управления информацией. Вот и получается, что глубина Достоевского состоит из душевных опасений по поводу того, что миром правит не душа, а разум. Душа догадывается, что она представляет собой великое ничто, пустоту, завуалированную глубиной чувств. Душа через посредничество интеллекта тянется к разуму (больше в «человеческом измерении» тянуться не к чему), но не доверяет ему.

Л. Толстой при всех нюансах – скорее, глубок в своей одномерности, нежели глубок в решающем информационном раскладе: он также пожертвовал Личностью во имя «глубины» человека (противоречиво отвергая при этом одномерность индивида). Как бы ни было, разуму Л. Толстой отводит, скорее, деструктивную роль в душевно-духовном континууме человека.

И Достоевского, и Л. Толстого в отношении Личности и Разума логично было бы «приписать» к допушкинскому, доличностному этапу в развитии литературы. При этом необходимо оговориться, что всемирных русских гениев отличает то, что они крайне противоречивы в своем стремлении быть непротиворечивыми. Их картина мира зачастую разумна, отвергая разум как высшую информационную точку отсчета. (Подробнее о характере персонцентризма в творчестве Л. Толстого и Достоевского см. здесь: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14162>)

Эпоха массовой литературы стала эпохой исчезновения Р и Личности из культурного пространства. Массовая литература потому и стала массовой, что научную формулу Интеллект vs Разум она подменила мифологемами Глубокий Интеллект vs Бедный Интеллект, Добро vs Зло и т.д. Главный миф массовой литературы, который она тщательно возвращает, это, якобы, Массовая литература vs Классическая литература, где литература массовая фактически занимает нишу литературы современной. Массовая литература потому и стала массовой, что она резко упростила информационную картину мира. Появление проблемы Интеллект vs Разум в качестве культурной проблемы лишает массовую литературу шансов на культурное существование, поэтому у Р нет более непримиримого врага, чем массовая литература.

В заключение отметим, что конфликтная ситуация Интеллект vs Разум, проанализированная нами в «Пиковой даме», лежит в основе скрытого, как правило, конфликта всей мировой литературы. Это универсальный конфликт, питающий все «вечные темы», растворяющийся в них, и разные национальные литературы мира лишь с разной степенью «универсальности» осмысливают его. Литературе и литературоведению трудно смириться с тем, что природу такого «непостижимого объекта», как литература, следует искать в теории информации. «Вечные темы» и «борьба добра со злом» – это главные мифы литературоведения, результат интеллектуального отношения к литературе. Кажется, что сам результат – вечный итог, сухой-пресухой остаток, к которому ни убавить, ни прибавить.

По версии философии литературы главным результатом научного (разумного) отношения к литературе являются категории «информация» и «личность».

Что стоит за дебатами Философия литературы vs Современное (иное) литературоведение?

Разум vs Интеллект. Ничего личного.

ГЛАВА 2. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Борсук Н. Н.
(Брест, Беларусь)

УДК 821.161.1–312.1

ДИНАМИКА ПОЗНАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ А. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЦИКЛОВ «КРОХОТКИ»)

Ключевые слова: крохотки, лирический герой, рассказ-афоризм, лирическая миниатюра, жанровое своеобразие, тематика, философский цикл, малые формы, неологизм.

Аннотация: в статье прослеживается, как от крохотки к крохотке расширяется круг интересов писателя: от наблюдений за окружающим миром, размышлений над «мгновениями» повседневности, осмысления душевного состояния, духовно-этических, нравственно-эстетических гражданских проблем (цикл 1968–1960) до стремления к познанию философии жизни, законов мироздания (цикл 1996–1999). Уникальное восприятие окружающего мира, запечатлённое в произведениях малой формы, позволяет утверждать, что для своих произведений А. Солженицын определил жанр, ранее не известный в литературоведении, – крохотки, в котором отражён уникальный опыт предшественников и современников писателя, работающих в близких жанровых формах. Автор статьи также обращает внимание на причины обращения писателя к малым формам.

*«Человеку никак нельзя жить без Родины,
как нельзя жить без сердца».*

К. Паустовский

Александр Исаевич Солженицын – писатель широкого творческого диапазона. Он писал рассказы, повести, романы, публицистические статьи, художественные исследования, но именно «Крохотки», на наш взгляд, наиболее полно раскрывают внутренний мир писателя, иными словами, помогают проследить «диалектику его души». Знакомство с этими произведениями позволяет читателю не только получить эстетическое наслаждение, но и задуматься над смыслом жизни, судьбами людей. Более того, в «Крохотках» мы сердцем чувствуем, что только желание «повернуть глаза зрачками в душу», стремление к духовному исцелению, способность к покаянию позволили А. Солженицыну стать величайшим писателем современности, победить болезнь, выстоять. Цикл из семнадцати миниатюр не случайно завершается «Молитвой». В подтексте произведений можно увидеть библейскую философию, согласно которой – самое главное, абсолютное во всех отношениях – это Бог, духовное. В Святом Писании сказано, что люди должны искать Бога, так как «Бог есть любовь».

Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра, –
Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты [2, с. 293].

Первые «Крохотки» (1958–1960) рождались во время велосипедных походов по Средней России. А. Солженицын писал их для себя, не задумываясь о критике, не подстраиваясь под чужие вкусы, не надеясь, что они будут когда-то опубликованы на страницах хотя бы рязанских газет. Работа в малых формах приносила удовольствие писателю, он чувствовал себя неудобно, неловко в произведениях, где слишком много места. Более того, именно в «малой форме А. Солженицын «оттачивал грани с большим наслаждением для себя» [1, с. 443].

Вопрос для кого он пишет? – не волновал будущего писателя и по окончании школы. На премию, которая полагалась лучшему выпускнику школы, был куплен дорожный велосипед «Украина». Во время путешествия по Военно-Грузинской дороге, Украине у молодого человека появилась потребность записывать, развивалась наблюдательность. «Уже в эти годы Александр Солженицын научился словом передавать запах зноя и цвет солнечных бликов, вкус воды в горных источниках и свойства еды в саадилах (местных столовых), тоскливую протяжность грузинских песен... Под пером оживали горные ущелья и перевалы, спуски и подъёмы, привалы и ночлеги, купание в ледяном нарзанном озере и валяние в зелёной пахучей траве», – подмечает Л. Сараскина после знакомства с циклом очерков А. Солженицына «Мои путешествия» [1, с. 143]. Пройдёт время, и Александр Исаевич назовёт свои путешествия – «временем душевной пустоты», а очерки – «ничтожными юношескими набросками». Думается, данные высказывания А. Солженицына – это выплеск негативных эмоций умудрённого жизнью человека себе, молодому, начинающему, неопытному, и не более.

Попытки А. Солженицына напечатать «Крохотки» на родине оказались тщетны. Впервые они были опубликованы в журнале «Грани» (Франкфурт, 1964, № 56). Внимание к художественной детали, глубокий психологизм, анализ, лиризм, оптимистический драматизм, лаконичность мысли, гуманистическая позиция автора, наблюдательность – вот основные качества произведений А. Солженицына. В этой синтетичности нам и видится сила таланта писателя.

На первый взгляд, «Крохотки» – произведения бессюжетные. Но это только на первый взгляд. Если вчитаться, то мы увидим, что в них есть сюжет развития чувств, который основан на внутреннем конфликте. Система образов состоит из читателя и лирического героя, он же рассказчик (об этом свидетельствуют местоимения и глаголы первого лица), наблюдатель и в какой-то мере судья, одногодка писателя, который и выражает мысли и чувства, своё отношение к происходящему, рассуждает о сущности бытия. Нельзя не заметить, что один из любимых знаков препинания А. Солженицына – многоточие. Знак недоговорённости и одновременно знак надежды, воспринимается как указание на диалог писателя с читателем, между которыми складываются доверительно-эмоциональные отношения.

В процессе работы А. Солженицын, безусловно, использовал опыт И. Тургенева, однако, согласитесь, сделал это творчески, «искусно сочетая беллетристику, элементы публицистики, мемуаристики и документа» [4, с. 44]. Исходя из вышесказанного, мы ставим под сомнение утверждение Б. Кодзиса, который полагал, что «А. Солженицын возродил жанр лирической миниатюры

(или стихотворения в прозе), которая в русской литературе советского периода долгое время была в опале» [3, с. 110]. Тем более, что и сам писатель для определения жанра своих произведений ввёл неологизм “крохотки”, что означает “очень маленькие произведения”.

Философской крохоткой «Утёнок» А. Солженицын пытается дать ответ на вопрос: понятие красоты появилось как результат деятельности человека или оно универсальное, созданное природой. Автор придерживается второй точки зрения, природа – живая и не может быть несовершенной. Красота всего живого – эстетическое достоинство, оно существует независимо от человека, никогда люди со всем своим атомным могуществом не смонтируют этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка: «И в чём тут держится душа? Не весит ни сколько, глазки чёрные – как бусинки, ножки – воробьиные, чуть-чуть его сжать – и нет. А между тем – тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером» [2, с. 283].

Писатель восхищается обычным человеческим счастьем. Возможно, для кого-то посидеть под яблоней в саду после дождя – это привычное дело. Но не для человека, который более восьми лет провёл в неволе и научился довольствоваться малым. Этим фактом, полагаем, можно также объяснить обращение писателя к малым формам. Лирический герой А. Солженицына упивается чувством свободы даже в рамках крохотного садика, сжатого звериными клетками пятиэтажных домов. Заметим, что в крохотке «Дыхание» деталей пейзажа немного: «Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка. Я стою под яблоней отцветающей... Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя» [2, с. 281].

Для него ощущение воли превышает материальную обеспеченности. Ощутить особую энергетику от воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью, помогают читателю использованные в миниатюре однородные члены (втягиваю, ощущаю, дышу), авторские неологизмы («сочают», «напаивает»), словесные повторы («дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми»; «дышать так, дышать здесь»; «этого воздуха, этого воздуха»), а метафоры в свою очередь усиливают противопоставление «крохотного садика» шумному, бездушному городу («завывание радио», стрельба мотоциклов», бубны громкоговорителей»). Для А. Солженицына, как и его лирического героя, слова жить, дышать, быть свободным синонимичны. Поэтому писателя не смутил тот факт, что писал он в стол, ради творчества обрёл себя на затворничество: пожертвовал сном, отдыхом... Это не каприз или чудачество бывшего зэка. Даже мысленно возвращаться к дням, проведённым в тюрьмах и ссылках, у А. Солженицына не было желания. Яркое свидетельство тому – факт из биографии писателя, когда Александру Исаевичу довелось читать лекции по распространению научных знаний в рязанской женской колонии при тюрьме. «И я воображаю: сейчас отнимут у меня пропуск, и я останусь тут. И эти стены. Всего в нескольких метрах от известной мне улицы, от известной троллейбусной остановки, перегородят всю жизнь, они станут не стенами, а годами» [1, с. 439]. Ученик А. Солженицына вспоминал, как был поражён, когда учитель посовето-

вал ему овладеть профессией, которая может пригодиться в случае ареста. Не потому ли автор миниатюры «Прах поэта», узнав, что тело Якова Полонского, русского поэта, перезахоронили, вывезли из зоны, с чувством жалости смотрит на надзирателя (ранее на этом месте находился Успенский монастырь, где завещал похоронить себя поэт). Слова « – Освободился, значит...», иронично произнесённые охранником, – яркое свидетельство того, что за дощатым забором с колючей проволокой вряд ли чувствовал себя свободным и этот человек.

Как видно, для А. Солженицына национальное – это часть души. Люди, которые не умеют ценить достоинства своего народа, ставятся автором крохотки «Прах поэта» на самые нижние ступеньки эстетической лестницы. В вышеназванном произведении писатель вспоминает историю Успенского монастыря, который от разорения пощадил даже суеверный Батый, а в советское время в святых местах была детская колония, потом власти дали разрешение колхозу разобрать церкви на кирпичи...

Тему национального самосознания автор развивает в крохотке «Озеро Сегден». Противоречивые чувства – восхищение и боль, гордость и тоска, глубокие чистые мысли и горловой спазм – охватывают нас, когда мы зрительно пытаемся представить красоту описанных мест. Силу, глубину любви лирического героя к родным местам автор передаёт при помощи неологизма – «излюбить». В минуты единения с природой, когда душа парит, он понимает, что чувство любви неисчерпаемо. «Озеро в небо смотрит, небо – в озеро». Как видно, соотношение неба и земли у А. Солженицына прежде всего концептуально-мировоззренческое. Если спокойно на небе, значит – и на земле, и в сердце человека. Отталкиваясь от реальных фактов («Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку»), которые являются объектом авторского восприятия, шаг за шагом, от частного (описание озера) к общему (рассуждение о судьбе Родины), автор ведёт нас к пониманию сущности выражения «жить по совести». Рассмотренная крохотка ёмкая по содержанию, в ней представлены все типы речи, осмыслены реальные факты, затронуты социальные проблемы, что даёт право литературоведам причислить данное произведение к жанру очерка. С этим трудно не согласиться.

С горькой иронией лирический герой крохотки «Озеро Сегден» подмечает, что он не только не может поселиться на берегу этого милого озера, но и «просочиться к озеру» возможно лишь «скотьей тропой в час полуденный, в день дождливый». «Лютый князь, злодей косоглазый захватил озеро: вон дача его, купальня его. Злоденята ловят рыбу, бьют уток с лодки... сюда, чтоб никто не мешал им – закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них» [2, с. 282]. Единение понятия «милое, пустынное озеро», в котором отразилась «мечта писателя о тихом уголке России», и слова «нельзя», которое предстаёт перед посетителями чудного уголка природы в виде запретного знака, немой чёрточки, что означает: «ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя» (пять раз употреблено слово нельзя в очерке), позволяет А. Солженицыну ненавязчиво воссоздать время, в которое довелось жить его поколению. «Время – тоже родина» – к такому пониманию подводит нас писатель очерком «Озеро Сегден».

И каждый в этом времени выбирает свой путь. Слеплённый идеями марксизма, А. Солженицын на определённом отрезке времени предпочёл жизни по христианским заповедям годы «бесчувственной молодости», слепоты. Затем на смену им пришла глухая неизведанная беспомощная тропа арестанта. И только спустя годы – прозрение, понимание, что главный враг, если говорить словами героя романа «Красное колесо» Георгия Воротынцева, – «круговой обман, победить который можно словом, как меч».

Не слышать, имея уши,
Не видеть, глаза имея, –
Коровьего равнодушья
Что в тебе, Русь, страшнее? (Отрывок из повести в стихах «Дороженька»).

По нашему твёрдому убеждению, вышеназванные этапы из жизни писателя отчётливо прослеживаются в крохотке «Способ двигаться» [2, с. 287]. Они предстают перед нами в аллегорической форме. «Конь – играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с размётанной гривой, с разумным горячим глазом!» – разве это не ассоциация с годами беспечной молодости, неспособной увидеть мир в его истинном свете. А «верблюд – медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах!» – не он ли уберёт лирического героя А. Солженицына от искушения марксизмом, судьбы партийного писателя. И в свою очередь «черноморденький ишачок – с его терпеливой твёрдостью» заставил писателя позаботиться о выздоровлении души.

Исходя из вышесказанного, можно высказать предположение, что крохотку «Способ двигаться» не стоит рассматривать узко, как неприязнь А. Солженицына к современной технике, где она предстаёт в облике безобразного чудовища «с мёртвыми стеклянными глазами», которое скрежещет железом и плюёт, плюёт фиолетовым вонючим дымом».

Вера в Бога – чувство, некогда утраченное А. Солженицыным, помогает писателю обрести смысл жизни:

И теперь, возвращённою мерою
надчерпнувши воды живой, –
Бог Вселенной! Я снова верую!»

Мысли лирического героя о ежедневном, ежечасном служении человека своему телу, а не душе находят отражение в крохотке «Приступаю ко дню» [2, с. 292]. Возможно, произведение имеет несколько нравоучительный характер. Тем не менее, нельзя не согласиться с А. Солженицыным, что обретение человеком уверенности в Божьей милости помогает каждому из нас в поисках истины.

Не потому ли в церквях автор «Крохоток» видел «ключ умиротворяющего русского пейзажа» (крохотка «Путешествуя вдоль Оки» [2, с. 292]), ключ к душевной гармонии, пониманию смысла жизни: «И где б ты в поле, в лугах ни брёл, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов намётанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки... И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем. Напоминал он, что покинуть надо мел-

кие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности». Приём аллитерации (повторение сонорных [л], [н]) помогает читателю прочувствовать силу воздействия колокольного звона на духовное состояние человека, а использование автором лексем и словосочетаний, типа: «начинаешь понимать», «ключ», «церковь», «звон вечерний плыл над селом», «покинуть надо мелкие земные дела», «отдать мысли – вечности», «звон, старый напев ... поднимал людей», «в эти камни наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни» подводят к пониманию решения проблемы соотношения времени и вечности. Если звуки набата из произведения «Путешествуя вдоль Оки» дарят читателю, лирическому герою успокоение, надежду, то колокольный звон (крохотка «Колоколья») вызывает чувство тревоги, ужаса за судьбу многих городов российской глубинки и его жителей. Знак тире помогает автору передать настроение «покинутых, обманутых» людей, которые живут среди «израненных, грустных улочек» в «полузамёрзшем, переломленном, недобитом городе», который простоял восемь веков, пережил жестокие нашествия татар, поляков, а был затоплен родными руками. Но люди живут, потому что надо жить. Эта мысль выразительно прослеживается по ходу крохотки «Колоколья».

«Крохотки» А. Солженицына нам сложно рассматривать по отдельности, они представляют собой отрывки или разделы книги о смысле жизни: от осмысления своего собственного «я» до космических просторов. Этому способствует приём парцелляции – интонационное деление предложений на самостоятельные отрезки, которые графически выделены как самостоятельные предложения, который и использует писатель, чтобы создать впечатление, что перед нами фрагменты авторских мыслей. Неслучайно Л.П. Гроссман определил “Крохотки” А. Солженицына как “поэму о пройденном жизненном пути”, темами которой являются Россия... Природа, Жизнь, Любовь, Смерть, Безверие.

Обратим внимание ещё на одну особенность рассматриваемых произведений: с одной стороны, наблюдается стремление автора сузить поле зрения читателя, но при этом помимо воли писателя наблюдается тенденция к обобщению, эпизации. Обобщённый характер крохоткам придают неопределённая форма глаголов в безличных предложениях (страшно подумать), определённо-личные с глаголами второго лица (“начинаешь понимать”). И это не удивительно. Писатель старается ухватить жизнь целиком, во всех её проявлениях, противоречиях. Тем не менее, без его внимания не остаётся ни одна деталь: старое ведро – символ фронтового братства, утёнок – олицетворение первозданности природы, кладбища – напоминание людям о быстротечности людской жизни, город на Неве с его историческими постройками, каналами, преклонёнными ангелами со светильниками – представление о законченной вечной красоте. В крохотке «Город на Неве» автор констатирует факт, что всё это великолепие построено на косточках предков, и одновременно задаётся вопросом: неужели все «наши нескладные гиблые жизни... всё это тоже забудется начисто? Всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?..» [2, с. 287].

В лубяном плетёном коробе на широком брезентовом разлохмаченном ремне А. Солженицын не просто увидел колхозный рюкзак, в котором рязан-

ские женщины возят в город молоко, творог, помидоры за себя и двух соседок, а из города – полста батонов на три семьи: «Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня непривычное крестьянское плечо». В плетёном коробе заключена сила духа Русских Женщин, на которых держалась Россия. Крохотка «Колхозный рюкзак» вызывает не меньшее волнение, чем рассмотрение картины Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна». Сила А. Солженицына-эссеиста заключена в последних строках крохотки «Колхозный рюкзак» [2, с. 290]: «Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули – езжайте в такси». Писатель приводит читателя к той черте, когда от увиденной картины хочется рыдать и одновременно стремиться к чистоте, благородству собственных помыслов. Не может быть, чтобы в эти минуты Александр Исаевич не вспоминал свою маму. Не всегда он был нежен с ней, заботлив, ласков, не сообщил родному человеку, что женился, свой офицерский аттестат выписал не на мать, а на жену и, таким образом, Таисия Захаровна числилась не матерью офицера, а гражданской женщиной... Почему мы начинаем ценить людей после смерти? Этот вопрос не даёт покоя ни лирическому герою А. Солженицына, ни нам, читателям.

Даже выдержка, зрелость мысли, бескорыстие и несуетный дар не позволяли А. Солженицыну-писателю, А. Солженицыну-человеку найти истину: «В постоянной струйчатой ряби, в неугомонной смене воды отраженья неверны, неотчётливы, непонятны» (крохотка «Отраженье в воде»). Этот факт, безусловно, не давал покоя творческой личности, общественному деятелю. Однако со временем Александр Исаевич понял, что настоящую истину невозможно передать словами и только сердце приближает нас к ней. Толчком к размышлению по данному вопросу и написанию крохотки «Отраженье в воде», думается, послужил быстрый водяной поток. Подобно художнику писатель создаёт небольшую зарисовку словом, насыщает её глубоким философским подтекстом.

«Истина – в движении». В этих словах достаточно ёмко выражено состояние души лирического героя, его мысли, чувства, ощущения. Пока человек движется, его победить невозможно – к такому выводу приводит нас писатель. Может это стремление к действию и стало спасением А. Солженицына от смертельной болезни. Когда жизнь ставит человека перед выбором, мы слушаем своё сердце, нас не одолевает круговорот мыслей, а это, в свою очередь, позволяет приблизиться к «бессмертной чеканной истине». Ради литературы А. Солженицын оставляет математику, а значит, целенаправленно выбирает лагерную жизнь. Оказавшись перед выбором, полковник Травкин не отрекается от капитана А. Солженицына, более того, наводящим вопросом указывает своему подчинённому на причину ареста. Писатель искренно признается: «О, это страшный яд! Когда говорят вам, что истина найдена, она – вот она, лежит такая доступная, зачем мучиться и проходить 100 философов и узнавать историю мысли?» [1, с. 345].

Природа неслучайно является действующим лицом большинства произведений А. Солженицына. По убеждению писателя, она во многом «чище», «благороднее», сильнее человека. Страх человека перед грозной стихией, ощущение себя «каплей морской», восторг от единения с разбушевавшейся природой, благодарность за причастность к рождению нового мира передаёт писатель в кро-

хотке «Гроза в горах»: «тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта...», «... всё было мрак и бездна», «вспышки надвигались», «голос грома наполнил ущелья», «рѣв рек», «молнии падали сверху», «дробились в змейки, в струйки». При этом А. Солженицын ни разу не употребляет в тексте слово гроза. Стоит заметить, что солженицынским крохоткам, которые своими особенностями близки к жанру зарисовки («Шарик», «Гроза в горах», «Костёр и муравьи»), присущ сюжет: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Определим элементы сюжета в произведении «Вязовое бревно»: экспозиция («Мы пилили дрова»), завязка («Взяли вязовое бревно и вскрикнули... Оно пустило из себя свежий зелёный росток...»), развитие действия («Бревно положили мы на козлы, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой»), кульминация («Как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет!»), развязка («Ведь вот как оно хочет жить – больше нас!»). «Вязовое бревно», наполненное живительными силами, положенное на козлы, наделяет лирического героя тем зарядом бодрости, веры, которые позволяют человеку вести борьбу за выздоровление. А. Солженицын славит жизнь. С этой целью художник берёт для осмысления деталь, в данной зарисовке – бревно, а единицей измерения времени у автора «Крохоток» выступает мгновение: «Вязовое бревно не сдалось! Оно пустило из себя свежий зелёный росток – целый будущий вяз или ветку густошумящую» [2, с. 285].

Размышлениями о разумности представителей животного мира пронизана крохотка «Костёр и муравьи». К образу лесных обитателей обращались предшественники А. Солженицына: русский писатель Л.Н. Толстой восхищался чувством коллективизма, которое царило в муравейнике и помогло лесным обитателям утолить голод (повесть «Детство»), М. Пришвин обратил внимание на самопожертвование насекомых, ради товарищей «передние ... бросались в смолу и своими телами устилали путь для других» (рассказ «Муравьи»). А. Солженицын не остался безразличным к патриотическим порывам муравьёв. Очеловечивание маленьких насекомых происходит под влиянием чувства восхищения писателя этими сильными обитателями леса. Лирический герой крохотки «Костёр и муравьи» вытащил из огня горящее бревно, когда увидел, что по нему мечутся муравьи и погибают. «Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились и – какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! – и были многие такие, кто опять взбегали на горящее брёвнышко, метались по нему и погибали там...» [2, с. 291].

А. Солженицын не принимал жизненную позицию тех соотечественников, которые по своей воле покидали Родину. Может поэтому он не осуждает самопожертвование муравьёв. А может, бросающиеся в пламя мурашки напомнили А. Солженицыну его самого: Александру Исаевичу запрещали писать, не давали бумагу, а он писал и заучивал написанное наизусть, даже в день, когда можно было бы расслабиться и насладиться славой (имеется ввиду выход одиннадцатого номера журнала «Новый мир», на страницах которого был опубликован рассказ «Один день Ивана Денисовича»), он приехал к А. Твардовскому работать над рассказом «Случай на станции Кочетовка»; его выслали из страны за антисоветскую деятельность, а он писал в Америке статью «Как нам обустроить Россию».

Никакая буря, ураган, костёр не удержали бы А. Солженицына от литературной деятельности, служения России. А. Твардовский подмечает: «Опять молодец, умён и чист, полон энергии, которой, впрочем, его бы не лишила и «катастрофа» с «Денисычем» [1, с. 496]. Но объективности ради стоит отметить, что расставание с Родиной всё же лишило писателя лирического дара. Только вернувшись в России, он оказался способен писать «Крохотки» (1996–1999).

По мнению С.Я. Маршака, сила, ум, талант писателя А. Солженицына были ниспосланы народу Небом за годы его страданий, лжи: «Я всегда говорил Александру Трифоновичу: надо терпеливо, умело, старательно раскладывать костёр. А огонь упадёт с неба...» [1, с. 498]. Именно к такому выводу пришёл и А. Солженицын, когда побывал на родине С. Есенина, побродил среди однообразно вытянутых убогих деревень, хилых палисадничков, на окском косогоре, в хворостовском лесу.

Эпитеты («слепой сарайчик», «убогие перегородки»), слова с уменьшительно-пренебрежительным оттенком («польце», «чуланчик») воссоздают неприглядную картину русской деревни. Однако не они определяют тональность и ритм крохотки «На родине Есенина». На наш взгляд, восприятие лирическим героем есенинских строк «На бору со звоном плачут глухари...?», «Скирды солнца в водах лонных...?» и позволяют ему приблизиться к пониманию, что «талант – это дар Божий», его нельзя отвергать, но им и нельзя злоупотреблять, так как это всё вопреки Божьей воли. «Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столько для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?» [2, с. 290].

Свой дар А. Солженицын использовал для людей, для возрождения России. Встречи, беседы с людьми, прямые линии по телефону стали для писателя той живительной силой, которая наделила его силой, целеустремлённостью, мужеством, мудростью, верой в людей. Далеко немолодой человек, с массой болезней, Александр Исаевич объехал больше двадцати областей России. В крохотке «Позор» писатель искренне признаётся, что при встрече с Родиной, он испытал унижительное чувство – позор, который уже никогда не убрать из нашей истории.

Используя средства языковой выразительности – эпитеты «неотстанное (чувство), «неотступный гнёт», метафоры «проволакиваешь каждый час», «с ним роняешься в ночь» – А. Солженицын воссоздаёт безрадостную картину увиденного. Слово Позор писатель позволяет себе написать с большой буквы. Безусловно, это собирательный образ тех, кто поделил общество на народ и «власть имущие». И только лица людей, «живых», «щедродушных», с которыми довелось встретиться А. Солженицыну, чистота их помыслов, стремление к поиску заставили Александра Исаевича искренно поверить, что эти представители глубинки России – не предприимчивые дельцы, они пойдут защищать Отечество, если над Россией нависнет угроза. Неологизмом «щедродушность» писатель стремится высказать своё видение возрождения безрассудного, несчастного общества через души людей: «Неужель не прорвут они эту черту обречённости? Прорвут! ещё – в силах» [2, с. 580]. Уверенность автору «Крохоток» придаёт колокольня, которая сохранилась, несмотря на то, что на полтора

яруса ушла под воду. Последние строки крохотки «Колокольня» воспринимаются нами как слова Молитвы: «Нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...» [2, с. 578]. Они созвучны «Молитве о России», которой завершается второй цикл «Крохоток»:

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадальную
не покинь в ошеломлении нынешнем,
в её израненности,
обнищании
и в смутности духа!

Образ-символ «недотопленной России» (крохотка «Колокольня») как нельзя лучше отражает атмосферу, которая царит в обществе: раздражительность, непонимание, ненависть, когда русские люди уже и не чувствуют себя соотечественниками, и не только русские.

Наблюдая такую картину, А. Солженицын не без грусти и сожаления вспоминает распространённое на Юге – «сумерничанье». Закончив домашние дела, люди не спешили зажигать лампы, выходили на завалинки. «Садись тихо – один, другой, третий, как бы в задумчивости. И подолгу молчали» [2, с. 582]. А если и беседовали, то тихо, без желчи в голосе, не ссорились, не спорили, не упрекали друг друга.

В крохотке А. Солженицына «В сумерки» заключена глубина от философского трактата о природе человека и человеческих отношениях, психологизм романа, сюжетная напряженность новеллы, взгляд в прошлое. Тут есть подтекст – крупинки нежелательного для общества спокойствия, нет назидательных интонаций. В небольшом по объёму произведении, которое по типу речи представляет собой рассуждение, предельно выражена смысловая и формальная завершенность («чеканность»), что позволяет нам принять позицию литературоведа Л. Колобаевой, которая определила жанр крохотки «В сумерки» как рассказ-афоризм: «Крохотки» – это чаще всего «сгущённые» до грани афоризма рассказы, самый малый эпос. Лирическая взволнованность в них, конечно, присутствует... Но не лиризм, открытый или подтекстный, делает здесь погоду. Главное для автора – не субъективное авторское впечатление от тех или иных явлений жизни, но сама их суть, переданная по большей части эпически-повествовательно, если не в последовательности событий, то в связке знаменующих их подробностей» [4, с. 44].

Есть все основания рассматривать и крохотку «Лихое зелье» – [2, с. 580] как рассказ-афоризм. Обыграв пословицу «лихое зелье – нескоро в землю уйдёт», А. Солженицын приглашает читателя к размышлению: «Отчего ж у добрых растений всегда сил меньше?» Неологизм «благие издумки» раскрывает сущность рассуждений писателя, которые ведут читателя к пониманию простой истины, что представлена в форме афоризма: «и отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа». Раскрытию интеллектуальной значимости данного изречения способствует образный параллелизм: труд земледельца, который старается «сохранить зёрна до срока, посеять угодно, дохолил до плодов растения добрые» и сорняки, что «взбрасываются с дикой резвостью, в насмешку».

Подобные аналогии можно проследить и в крохотке «Молния»: липа, расколота молнией надвое, и кары-совести, что постигают человека; в «Лиственнице» – это образы «диковинного дерева», хвойного, крепкого и сердцевинной, и древесной тканью, но каждый год с наступлением осени осыпающегося «по соболезности», «празднично – мельканием солнечных искр» и лирического героя, в котором явно просматривается автопортрет художника слова А. Солженицына.

Безусловно, творческий приём используется автором целенаправленно. Он ведёт читателя к осмыслению духовного опыта писателя, который в обобщённом виде представлен в заключительном абзаце произведения (в виде сентенции или афористического изречения). Афоризмом «Ясное старение – это путь не вниз, а вверх» А. Солженицын приглашает нас порассуждать о проблеме жизни и смерти. Лирический герой рассказа «Старение» [2, с. 578] убеждён, что «старенье – вовсе не наказание Божье, в нём своя благодать и свои тёплые краски», что каждый может преодолеть страх смерти: «Прежде чем наступает смерть, в нас происходит внутренняя подготовка: мы созреваем к ней. И уже ничто не страшно».

В качестве ключевого слова в рассуждениях А. Солженицына выступает слово «благодать». Понятие христианского богословия рассматривается автором как дар человеку от Бога, и этот дар получает человек исключительно по милости Господа. Изречением «Благословенное незнание. Это – милостивый дар» (крохотка «Завеса») писатель подчёркивает, что заслужить смерть, будучи в преклонном возрасте, смерть, которая неожиданно обрывает полноценную жизнь человека, – это тоже в милости Бога. Жизнь в острой стадии сердечной болезни А. Солженицын сравнивает с сиденьем в камере смертников. «Каждый вечер – ждёшь, не шуршат ли шаги? это за мной? Зато каждое утро – какое благо! какое облегчение: вот ещё один полный день даровал мне Господь» [2, с. 581]. Думается, рассказ «Завеса» писался А. Солженицыным с единственной целью – помочь человеку осмыслить прожитый день как благодать, дарованную Господом, и наполнить жизнь смыслом. Как видно, писатель выступает в роли духовного наставника, который никогда не тратил напрасно время. Цитаты из романа «Раковый корпус»: «Когда-нибудь не страшно умереть – страшно умереть вот сейчас», «Если ты не умеешь использовать минуту, ты зря проведешь и час, и день, и всю жизнь» созвучны мотиву крохоток «Старение», «Завеса».

Сколько прямодушных сердец
и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, –
не послуживши во имя Твоё!

«Благодетельный миг» для А. Солженицына – это и занятие творчеством. Особое вдохновение писатель ощущал в утренние часы, когда душа, очищенная за ночь, «распахивает тебе необъятно покойное, ясное утреннее состояние» [2, с. 580]. Знакомство с крохоткой «Утро» позволяет понять, что для А. Солженицына существовала два равноценных условия для творчества: свобода и душа «с первозданной снежистой белизной»:

А сколько не успею – значит, Ты определил это другим, – отмечает автор «Крохоток» в «Молитве».

Слова молитвы помогают лирическому герою А. Солженицына наладить духовную связь с близкими людьми, покинувшими этот мир (крохотки «Мы – то не умрём», «Поминование усопших»). Риторические вопросы «Куда уходят?», «Может, и мы чем-то пособим?» придают повествованию особую экспрессивность. Известно, что после возвращения на родину, А. Солженицын побывал на могилах родных и в тех местах, где предположительно были захоронены отец, мать: «Всё закатано... Слишком долго мы свою память не хранили, слишком легко всё забыли» [1, с. 835]. Его волнует неуважительное отношение современников к истории своего рода, а ведь именно память – основа нашего будущего. Слово «душа» на страницах «Крохоток» играет роль своеобразного моста (по тексту «неосязаемая арка – вселенского размаха»), который позволяет, «сосредоточась, даже вдыхать их отзыв, заминку, предупреждение. И – своё земное тепло посылаешь им в обмен... И – обещанье встречи» [2, с. 584].

Проведённый анализ «Крохоток» позволяет нам не столько понять, сколько прочувствовать, что духовная связь между А. Солженицыным и читателями не прекращается. Автор «Крохоток» предстаёт перед нами человеком мудрым, милосердным, глубоко верующим, уверованным в духовное исцеление человека, в возрождение России, талантливым. Мы видим, как от крохотки к крохотке расширяется круг его интересов: от наблюдений за окружающим миром, размышлений над «мгновениями» повседневности, осмысления своего душевного состояния, собственного «я», духовно-этических, нравственно-эстетических гражданских проблем (цикл 1968–1960) до стремления к познанию философии жизни, законов мироздания (цикл 1996–1999).

«Крохотки» А. Солженицына по праву можно назвать философскими циклами, так как стремление к процессу познания всегда заставляет человека находиться в зоне вечной борьбы между добром и злом. В произведениях русского писателя «сильный нравственный стержень», этим они в первую очередь и привлекают внимание читателя.

Уникальное восприятие окружающего мира, запечатлённое в крохотках, заставляет исследователей вот уже несколько десятилетий задаваться вопросом о жанровой природе произведений: аллегорическая миниатюра («Костёр и муравьи»), философский этюд («Колхозный рюкзак»), философский трактат («Мы-то не умрём»), путевой очерк («Город на Неве»), зарисовка («Вязовое бревно») – такие разновидности лирической миниатюры выделяет Б. Кодзис [3, с. 103] в «Крохотках» А. Солженицына; Л. Колобаева [4, с. 43] увидела в этих произведениях «сгущённые до грани афоризма рассказы»; как на лирический дневник посмотрела на них Р. Мулдагалиева [6, с. 17]; Ю. Орлицкий, сопоставив солженицынские крохотки со стихотворениями в прозе И. Тургенева, пришёл к выводу, что «единственное, что можно безошибочно сказать о природе миниатюры, – это прозаическое произведение меньше рассказа» [5]; Л.П. Гроссман [4, с. 42] определил «Крохотки» «как поэму о пройденном жизненном пути»; с точки зрения Л. Сараскиной [1, с. 851], миниатюры-притчи (так литературовед определила жанр «Крохоток») «впускали читателя в самые сокровенные, интимные размышления автора». Безусловно, все эти точки зрения имеют право на жизнь.

Однако вдумавшись в само название – крохотки (очень маленькие, крошечные). Именно так А. Солженицын определил жанр своих произведений. С этой целью он создал неологизм. И этим самым, «без вызова и гордыни, но просто по осознанию особенности своих малых детищ», отделил жанрово свои произведения от близких в жанровом отношении творений И. Тургенева, И. Бунина, А. Ремизова, В. Солоухина и др.

В крохотках А. Солженицына – уникальный духовный опыт писателя, основные мотивы его творчества, художественный почерк мастера слова, стремление целенаправленно обогатить скудеющий русский язык, творчески переосмысленный опыт предшественников и современников русского писателя.

Список литературы:

1. Сараскина, Л. И. Александр Солженицын / Л. Сараскина. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 935 с.
2. Солженицын, А. И. Рассказы / А. Солженицын. – М. : Астрель, 2012. – 588 с.
3. Кодзис, Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына / Б. Кодзис. – Новое в школьной программе. Современная русская проза. – М., 1998. – 103–110.
4. Колобаева, Л. Крохотки / Л. Колобаева. – Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 39–44.
5. Орлицкий, Ю. Большие претензии малого жанра / Ю. Орлицкий. – НЛО. – 1999 (38).
6. Мулдагалиева, Р. Рассказы-миниатюры «Крохотки» А.И. Солженицына. Жанровое своеобразие и тематика / Р. Мулдагалиева. <https://pedsite.ru/publications/73/6845/>

Кравченкова Е. А.
(Москва, Россия)

УДК 82.091

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И РУССКАЯ РЭП-КУЛЬТУРА: ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

Ключевые слова: Егор Летов; Гюо ПиКа; Евгений Казачков; Гнойный; ОксиМирон; рэп; речитатив; «стихотворение в прозе»; концепты «свобода» и «криминал».

Аннотация: личность и творчество А. И. Солженицына прочно вошли в современную русскую песенную культуру. Рок- и рэп-исполнители, участники интернетлора (фольклора Интернета) обращаются к произведениям писателя с конца 1980-х годов. Противоречивое отношение современного российского слушателя к мировоззренческой позиции Солженицына отразилось в разнообразии песенных жанров и интонации поэтических текстов. Дискурс свободы и неприятия несправедливой тюрьмы, характерный для творчества писателя, нашел последователей среди участников рэп-культуры (Евгений Казачков и Гюо ПиКа), а вынужденная эмиграция Солженицына и его миссия наставника русского народа вызывают ироничную ухмылку во фристайле Славы КПСС (Гнойного) в рэп-баттле с ОксиМироном 2017 года.

Формирование традиции использования солженицынского мифа в русской песенной культуре началось в конце 1980-х годов, когда политика гласности открыла возможности для прочтения и интерпретации произведений писателя широкому кругу как читателей, так и творчески мыслящих интеллектуалов.

Имя Солженицына, факты его биографии и основные произведения стали активно цитироваться в общественных дискуссиях, что позволило Егору Летову – лидеру сибирской рок-группы «Гражданская оборона» – откликнуться на неверное, по его мнению, истолкование хрестоматийного рассказа «Один день Ивана Денисовича» песней «Солженицын писал о совсем другом», вошедшей в альбом «Тошнота» 1989 года:

В кладбищенской конторе выпекали гроб.
В общественной столовой пожирали хлеб.
В трамвае пробивали проездной талон.
В подъездах экономили электросвет.

Один день Ивана Михайловича.
Один день Ивана Гавриловича.
Один день Ивана Ивановича.
Один день Ивана Денисовича.

На стройку успевали завозить раствор.
В больницах успевали принимать больных.
Ну а после успевали покупать товар,
Громыхая сапогами и цепями правоты.

Один день Ивана Михайловича.
Один день Ивана Гавриловича.
Один день а..а..
Один день Ивана Денисовича.

В кладбищенской конторе выпекали гроб.
В общественной столовой пожирали хлеб.
В трамвае пробивали проездной талон.
В подъездах экономили электросвет.

На стройку успевали завозить раствор.
В больницах успевали принимать больных.
Ну а после успевали покупать товар,
Громыхая сапогами и цепями правоты.

Один день Ивана Михайловича.
Один день Ивана Гавриловича.
Один день Ивана Ивановича.
Один день Ивана Денисовича.

Солженицын писал о совсем другом! [8]

Летов болезненно остро воспринимает историю заключенного Щ-854. Обыденные, привычные действия десятков миллионов «Иванов Ивановичей» подчеркивают безразличие как людей 1930-х годов к массовым арестам соседей и коллег, так и равнодушие современной позднесоветской публики к страдальческому пафосу рассказа Солженицына. Героическое начало в образе Ивана Денисовича не осознается миллионами обывателей шумной эпохи перестройки,

для которых история собственной страны, когда «громыхали сапогами и цепями правоты», – это очень далекий от их ежедневных мелочей жизни период.

Идея свободы, ставшая одной из ключевых для русской рок-поэзии 1970–2000-х годов, реализуется сейчас посредством новых типов стиха и ритма в рэп-культуре. Речитативы Андрея Лысикова (Дельфина), Ивана Алексея (Нойза), Василия Гончарова (Васи Обломова) и других рэперов вновь говорят о проблеме свободы личности, творческого духа, общества в контексте новых исторических условий жизни России, которая перешла от советского коллективизма к потребительскому типу экономики и социума. Наряду с концептом «свобода», в тексты хип-хопа входит семантическое поле «братство», что верно отметил Т. П. Кожелупенко в диссертации об американском и русском рэпе [7]. Название владивостокского рэп-коллектива «Братство свободы», который работал с 2000 по 2010 годы, говорит само за себя [4].

Свобода в рэп-поэзии сочетается со своей противоположностью – с концептами «криминал» и «тюрьма». С одной стороны, уголовный мир не подчиняется общепризнанным нормам, и в этом смысле свободен от законов общества и интересен хип-хоп культуре, однако, с другой стороны, заключение под стражу ограничивает передвижение по миру и общение с «братьями по вере», с другими MC (эмси – рэп-исполнитель) и с публикой, фанатами, которые играют чрезвычайно важную роль и в продвижении текстов любимого исполнителя в интернет-пространстве, и, что важнее, на концертах, когда совместное произнесение речитатива и «качание» (исполнение танцевальных движений хип-хопа) всеми зрителями одновременно создают один из основных элементов шоу рэпера.

При анализе семантического поля «криминал» в русском рэпе интересно обратиться к творчеству исполнителя с именем «Гио ПиКа». Гио «ПиКа» Джигоев – осетин по национальности, но родился в Тбилиси. В начале 1990-х годов его родители бежали от войны в Россию, а с 2006 года Гио живет в Сыктывкаре, где MC и начал писать «злющий», как он сам признается [2], тюремный рэп, который теснейшим образом связан с темой ГУЛАГа. Гио никогда не был заключенным, но чувствует эту тему глубоко и остро. Характеризуя свой стиль в хип-хопе рэпер признается: «Я бы назвал свой жанр битовым шансоном. Это шансон в чистом виде, просто исполнен он в речитативе. Хотя он всё же более жёсткий и более злой» [2].

В 2016 году Гио выпустил песню и клип «Хроника Беломорканал», в которых, предваряет свой оригинальный текст исторической справкой об «Эре Архипелага “ГУЛаг”», что сразу же вводит речитатив в солженицынскую традицию русской литературы:

[Интро]

В 1929 году к власти пришёл Иосиф Виссарионович Сталин.

Это было новой страницей в истории России -

Эрой красного террора, горя и людского унижения,

Эрой Архипелага «ГУЛАГ»,

Одним из подразделений которых являлся Беломоро-Балтийский лагерь – БелБалтЛаг,

Он же «Беломорканал».

[Куплет 1]

Здесь нет воды пока, и не ходят суда,
Грузите их всех на поезда.
Это наши пчёлы, а пчела не боится труда,
И бетон, и руда, и песок, и слюда.
За два года, люда честного БелГруда,
Наш телом бьёт, колит руду в никуда.
Не надо вести счёт народу,
В руки лопата и пошла работа.

[Бридж]

Идея постройки канала зародилась еще во время Северной Войны
И принадлежала императору Петру I.

Однако проект был отклонён царским правительством из-за его высокой стоимости.

И вот, спустя 300 лет, большевики нашли выход из ситуации –
Архипелаг «ГУЛАГ», цена вопроса – 60 000 жизней в бетон.

[Куплет 2]

Собрав всю волю по крошкам – будет немножко.
Дальше ройте мотыгой и ложкой.
Здесь ферзь и пешка к друг дружке на короткой ножке.
Грязь и князь здесь варятся в одной плошке.
И кости для крепкости, даёшь фундамент той грандиозной стройке,
Даёшь фундамент той грандиозной стройке, стройке.

[Аутро]

Беломорканал был построен в рекордно короткие сроки:
Более 100 сложнейших инженерных сооружений,
Более 3000 километров железнодорожных путей и подводов.
Это было полностью лагерным строительством:
Без техники, всё на своём горбу и всё своими руками.
Заключённые каналоармейцы – от жаркой работы растает ваш срок.
Сыктывкар Андерграунд [3].

Последняя фраза «Сыктывкар Андерграунд» — это своеобразная подпись Гио под текстом, которая появляется в каждой его работе и подчеркивает смысловую связь творчества рэпера с русским тюремным севером.

В марте 2018 года один из многочисленных пользователей YouTube, которые часто увлекаются любительским речитативом под какой-либо известный бит (повторяющийся ритмичный музыкальный фрагмент), Евгений Казачков записал отрывок эссе Солженицына «Жить не по лжи!» под аккомпанемент композиции Паффа Дэдди и Джима Пейджа «Come With Me», которая в свою очередь основана на песне «Kashmir» группы «Led Zeppelin». В данном видеофрагменте обращает на себя внимание не только исполнение Казачкова, но и его футболка, на которой изображен Солженицын с красной полосой на глазах и с белой надписью «Жить не по лжи». Отметим, что в рэп-культуре не только важны текст и музыка трека, но и элементы шоу и визуализации (клип), усиливающие влияние стихов на слушателя. В данном случае, так как видео

снималось в домашних условиях, подбор костюма является одной из доступных возможностей сильнее подчеркнуть значение и смысл выбранного текста для исполнителя.

Казачков использовал довольно объемный отрывок эссе Солженицына, включив в основном первую часть работы, где писатель приводит исторические детали и политические факты, чуждые современному зрителю YouTube'a, как то имя Мао Цзедуна, упоминание о подавлении «Пражской весны», слова о прописке или курилках в НИИ. Рэпер сохранил наиболее эмоционально заряженные слова о правде и лжи и раскрыл удивительную поэтичность и ритмичность слога Солженицына. Ниже текст эссе представлен в виде партов (куплетов), где каждый стих отделяется Казачковым длительной паузой от остальных, и хуков (повторов строк, которые из-за этого легко запоминаются):

[Куплет 1]

Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь –
его лицо пылает от самоуверенности,
оно так и на флаге несёт, и кричит:

«Я –

Насилие!

Разойдись, расступись – раздавлю!» Но

насилие быстро стареет,

немного лет – оно уже не уверено в себе,

и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, –

непрерывно вызывает себе в союзники

Ложь.

Ибо:

насилию нечем прикрыться, кроме лжи,

а ложь может держаться только насилием.

И не каждый день, не на каждое плечо кладёт насилие свою тяжелую лапу:

оно требует от нас только покорности лжи,

ежедневного участия во лжи

– и в этом вся верноподданность.

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами,

самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению:

личное неучастие во лжи!

Пусть ложь всё покрыла,

пусть ложь всем владеет,

но в самом малом упрёмся:

пусть владеет

не через меня!

[Хук]:

не через меня!

не через меня!

пусть владеет не через меня!

Пусть ложь всё покрыла,

пусть ложь всем владеет,

Но пусть владеет не через меня!

[Куплет 2]

И это – прорез во мнимом кольце нашего бездействия!
– самый лёгкий для нас и самый разрушительный для лжи.

Ибо

когда люди отшатываются ото лжи –
она просто перестаёт существовать.

Как зараза, она может существовать
только на людях.

Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громогласить правду,
высказывать вслух, что думаем, –
не надо, это страшно.

Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем!

Вот это и есть наш путь,

самый лёгкий и доступный при нашей проросшей органической трусости,
гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения [Казачков
пропускает фразу «по Ганди». – Е.К.].

Наш путь:

ни в чём

не поддерживать

лжи

сознательно!

[Хук] (повторяется 4 раза):

ни в чём

не поддерживать

лжи

сознательно!

[Куплет 3]

Осознав, где граница лжи –

[Казачков пропускает «для каждого она ещё по-разному видна» – Е.К.]
отступить от этой гангренозной границы!

Не подклеивать мёртвых косточек и чешуек Идеологии,

не сшивать гнилого тряпья –

и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадёт,

и чему надлежит быть голым –

то явится миру голым.

Итак,

через робость нашу пусть каждый выберет:

остаётся ли он сознательным слугою лжи

(о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи,

для воспитания детей в духе лжи!),

или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения
и детей своих и современников.

И с этого дня он:

– впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни
единой фразы,

искривляющей, по его мнению, правду;

– такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет, ни от себя, ни по шаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;
– живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует, [Казачков пропускает «ни одной ложной мысли» – Е.К.] ни одного искажения истины, которое различает;
– не приведёт ни устно, ни письменно ни одной «руководящей» цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей работы, если цитируемой мысли не разделяет полностью... [5]

И далее Казачков начитывает до конца эссе Солженицына, также иногда пропуская отдельные фразы.

Эмоциональный заряд речитатива рэпера очень сильный, искренность чувств и сопереживание тексту подчеркиваются экспрессивными движениями и мимикой. Настолько сильно «зарядиться» текстом Казачкову помогает, несомненно, и яркий писательский дар Солженицына, умение писателя кратко, но ёмко выразить свою мысль. «Крохотки», написанные с перерывом в 1958–1999 годах, относятся к жанру «стихотворения в прозе», но и общественно-политическое эссе «Жить не по лжи!» несет яркую доминанту поэтического, образного, ритмичного языка, способного раскрыть свои новые грани в мелодекламации рэпа.

В августе 2017 года состоялся рэп-баттл (поединок) между Мироном Федоровым (ОксиМирон) и Вячеславом Машновым (Слава КПСС, второй псевдоним – Гнойный). Начитанные оппоненты включили в свои фристайлы (тексты-импровизации, исполняемые как ответ на обвинения противника) множество цитат из классиков мировой литературы. Пастернак и Хаксли, Замятин и Маяковский, Оруэлл и Лимонов, Гумилев и Дюма дали богатый материал для панчей (заранее подготовленные строки, которые вставляются в импровизацию) соперников [6]. В ответ на поэтическую реплику Федорова Машнов использовал фразу: «Лондон, Лондон, научи нас жить – как нам без тебя обустроить Россию?» [1], – в которой сарказм, горькая безысходность и злость от бессилия сплелись в единый поэтический образ. Машнов ставит в укор Федорову, что тот прожил в Англии большую часть жизни и не знает России. ОксиМирон родился в Ленинграде, но в 1994 году его родители переехали в Германию, а в 2000 – в Великобританию. Закончив Оксфорд по специальности английская средневековая литература, Федоров не мог долго найти работу и вновь вернулся к подростковому увлечению рэпом. В 2009 году он участвует в наиболее популярных рэп-баттлах в России, которые организует Интернет-портал hip-hop.ru, его замечают слушатели, и на сегодняшний день ОксиМирон – одна из культовых фигур русской рэп-поэзии. Машнов же родился и возмужал в Хабаровске, но с 2013 года активно занимается рэпом в Москве.

Фраза «обустроить Россию» является аллюзией к статье Солженицына, изданной 18 сентября 1990 года одновременно в «Литературной газете» и как специальное приложение к «Комсомольской правде». Статья была прочитана всеми, кто тогда интересовался бурными политическими событиями позднего СССР и искал ответ на вопрос, как жить дальше в условиях распада коммунистической системы. Солженицын размышлял о проблемах уже постсоветского государства, говорил о необходимости сохранить союз России, Белоруссии, Украины и Казахстана, но ничего из идей писателя не было реализовано.

Крылатое выражение «как нам обустроить Россию» сейчас произносится с сарказмом и издевкой. Пафос взять ответственность за судьбу государства на себя, который слышен в заглавии эссе Солженицына, не прочитывается современным читателем. Машнов усиливает злую усмешку фразы, ставя в пару к ней фразеологизм «не учите меня жить», прозвучавший впервые из уст Элочки Людоедки, героини книги «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Однако Слава КПСС снимает отрицание «не» и вся фраза становится парадоксом: раз ты, Окси, такой умный и образованный и из Лондона – научи нас, как жить, но при этом, как нам прожить без тебя, без твоих советов.

Усиливает сарказм выражения и реминисценция к эмиграции Солженицына, который в 1974 году был выслан из СССР, прожил в Швейцарии и США 20 лет, и в 1994 году вернулся в Россию, но не смог сформулировать и реализовать реалистичную программу выхода из исторического тупика, хотя надежды на это у людей были высокие.

Чрезвычайно напряженные отношения России с Великобританией в сегодняшней внешнеполитической ситуации также усиливают агрессивность панча Машнова: никаких советов от высокомерного и лицемерного Лондона Россия принимать не будет, потому что доверия к англичанам нет, а есть только ожидание подвоха. Кредиты Международного валютного фонда, выдаваемые России в 1990-е годы, по общепринятому мнению, были нацелены на разграбление и развал советской промышленности, и фунты Великобритании играли не последнюю роль в этом. Отсюда и добавленное в крылатое выражение словосочетание «без тебя» – без твоих денег, твоих финансовых спекуляций, Лондон, как без них обустроить Россию?

И наконец, Машнов подчеркивает антитезу «мы» и «ты» в стихе. Словоформы «нас», «нам» обозначают весь российский народ, а одинокое «ты» указывает, что ОксиМирон, Солженицын, Лондон, весь остальной мир – чужак, другой, не свой. «Мы» сильны своим недоверием, усталым сарказмом, озлобленностью на 27 лет (после 1990 года, когда было опубликовано эссе Солженицына) блуждания в поисках цели развития страны, пресловутой «русской идеи». А «ты» слаб своим одиночеством и изгнанничеством, что позволяет нам поглумиться над тобой. Закономерной в этих обстоятельствах и при такой интерпретации панча является неожиданная для всех победа Славы КПСС над непревзойденным ранее ОксиМираном в рэп-баттле.

Итак, анализ современной песенной лирики, как текстовых ее вариантов, так и видеоклипов, в которых сильны элементы шоу, показывает, что личность, факты биографии и избранные произведения Солженицына прочно вошли в контекст актуальной российской культуры. «Архипелаг ГУЛАГ» (речитатив Гио ПиКа), «Один день Ивана Денисовича» (песня Е. Летова), «Жить не по лжи!» (любительское видео Е. Казачкова) и «Как нам обустроить Россию» (панч В. Машнова) – все эти произведения связаны для рок- и рэп-поэзии с концептами «свобода», «тюрьма» и с поиском пути развития страны («русская идея»). Приветствуя усилия Солженицына в отстаивании идеи политической и физической свободы личности, в улучшении нравственного здоровья российского народа, песенная культура молодежи с сомнением относится к возможностям писателя влиять на будущее страны, формулировать цели и способы успешного развития России.

Список литературы:

1. Баттл ОксиМирон – Слава КПСС / Текст [Электронный ресурс] // Портал текстов песен Genius. URL: <https://genius.com/Versus-battle-13-08-2017-oxxxumiron-vs-lyrics> (дата обращения: 25.11.18).
2. Гио ПиКа: Биография [Электронный ресурс] // Портал радиостанции last.fm. URL: <https://www.last.fm/ru/music/Гио+Пика/+wiki> (дата обращения: 25.11.18).
3. Гио ПиКа. Хроника Беломорканал / Текст [Электронный ресурс] // Портал текстов песен Pesni.club. URL: <https://pesni.club/text/гио-пика-хроника-беломорканалprod-by-drz> (дата обращения: 25.11.18).
4. История Владивостокского хип-хопа. Часть 4. / Видео [Электронный ресурс] // Портал YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6P7SD6aMНKs> (дата обращения: 25.11.18).
5. Казачков Е. Жить не по лжи / Видео [Электронный ресурс] // Портал YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R5Z8-hoh6fE> (дата обращения: 25.11.18).
6. Какие книги упомянули в баттле Охххумирон и Слава КПСС (Гнойный) [Электронный ресурс] // Журнал Эксмо. URL: <https://eksmo.ru/entertaining/knigi-v-battle-oxxxumiron-i-slava-kpss-gnoynyy-ID8228020/> (дата обращения: 25.11.18).
7. Кожелупенко, Т. П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах: автореферат дисс. к.ф.н. – СПб, 2009. – 21с.
8. Летов, Е. Солженицын писал о совсем другом! / Текст [Электронный ресурс] // Официальный сайт гр. «Гражданская Оборона». URL: <http://www.gr-oborona.ru/texts/-1225957813.html#ixzz5XtXcAjOn> (дата обращения: 25.11.18).

Захарчук Л. А.
(Брест, Беларусь)

УДК 37.018

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: творческое наследие; музыкальная культура; опера; диалог культур; музыкальная драматургия.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению творчества А. Солженицына в контексте развития современной музыкальной культуры. Краткий фрагментарный анализ оперы А. Чайковского “Один день Ивана Денисовича” позволяет определить соотношения литературного и музыкального текстов, выявить культурно-смысловые акценты произведений.

В новом тысячелетии общеопределяющей тенденцией развития искусства и музыкальной культуры становится стремление к обновлению, вариативности и многообразию, сближению и взаимному обогащению различных концептуальных подходов к видовой-жанровой структуре произведений, их тематической, образно-содержательной характеристике. В данном контексте искусство понимается как художественное творчество, включающее разновидности человеческой деятельности, являющиеся художественно-образными формами отражения действительности (литература, музыка, живопись и др.).

Современного читателя, зрителя, слушателя в произведении, наряду с эмоциональным богатством, яркой характеристикой персонажей, выразительностью средств образно-художественного языка привлекает интеллек-

туальное начало. Освоение произведений становится сложным путешествием по интеллектуальному лабиринту.

Поэтому столь разные романы, – отмечает исследователь В. Днепров, – такие как “Жан-Кристоф” Ромена Ролана, “В поисках утраченного времени” Марселя Пруста, “Человек без свойств” Роберта Музиля, “Игра в бисер” Германа Гессе, “Доктор Фаустус” Томаса Манна, “Имя розы” Умберто Эко с равным интересом читаются живописцами, учеными, актерами, композиторами, литераторами, критиками. Некоторые из них названы “романами культуры” [1, с. 214].

Творчество А. Солженицына, отражающее мир в самых сложных и противоречивых явлениях высокохудожественными литературными средствами, позволяет понять логику и эмоциональное наполнение жизни человека XX века, психологически проникнуться острым ощущением потрясения от восприятия таких произведений, как “Архипелаг ГУЛАГ”, “В круге первом”, “Раковый корпус”, “Красное колесо”, “Один день Ивана Денисовича”. Представляя, несомненно, культурные ценности, произведения писателя продолжают свое существование в других видах и жанрах искусства, в данном рассмотрении в музыкальной культуре.

Не углубляясь в анализ теоретических позиций известных современных ученых и практиков в области искусства и музыкальной культуры, отметим аксиологическую значимость теорий, признающих развивающую функцию музыкального искусства, позволяющую удовлетворить потребности человека в освоении ценностей музыкальной культуры.

История музыки XX начала XXI веков выявляет примеры не востребуемых обществом многих пластов музыкальной культуры. Десятилетиями произведения духовной музыки (так же, как и литературы) не могли звучать публично. Только сегодня музыкальная этнокультура, отражающая национальные черты, самобытность, эмоциональное, духовное и интеллектуальное развитие народа, приобретает актуальность, определенную открытость и масштабность. Вместе с тем, ценности музыкальной культуры представляют собой эмоциональную информацию и творческий опыт. Исследователь В. В. Медушевский подчеркивает, что “... ассоциативные связи, отчасти основанные на жизненном опыте, отчасти сформированные музыкальной традицией, обеспечивают функционирование музыкального “языка эмоций”, выступающего как средство познания нашего внутреннего мира и как средство общения” [2, с. 56].

Музыка в жизни и творчестве А. И. Солженицына занимала важное место: среди любимых композиторов – Л. Бетховен, Ф. Шуберт (исследователи отмечают, что писатель часто просил своего сына исполнять произведения этих композиторов в процессе работы). Александру Исаевичу нравилась музыка самого исполняемого композитора XX века Д. Шостаковича. Сталинская тема отражена в Десятой симфонии Д. Шостаковича, сталинская эпоха – один из сильнейших формообразующих элементов в творчестве А. Солженицына.

Творческое наследие А. И. Солженицына представляет особый интерес для ученых, литераторов, драматургов. В последнее время произведения писателя привлекают внимание зарубежных и русских композиторов. В 1999 году французский композитор Гилберт Эми создает оперу “В круге первом”. В 2008 году

композитором А. Чайковским написана партитура оперы “Один день Ивана Денисовича” по одноименному рассказу писателя. Премьера оперы состоялась в 2009 году на сцене Пермского театра оперы и балета, в рамках фестиваля “Дягилев: Пермь-Петербург-Париж – 2009”.

Особого внимания заслуживает проблема соотношения эмоций человека и музыкального ритма произведений А. Солженицына и А. Чайковского. Ритмическая организация рассказа и оперы несет в себе энергетический импульс, воздействующий на человеческий организм, на гармоничность психических процессов.

Произведение А. Солженицына и опера А. Чайковского воздействуют на человека и на эмоциональном, и на интеллектуальном уровнях. Композитор приглашает слушателя так же, как и писатель в погружение эпохи, чередуя моменты напряжения и расслабления, обнажая драматический подтекст, рисуя характеры и судьбы, развивая сюжет, требующий финального разрешения.

Словесно-образное определение звуковой палитры оперы А. Чайковского выходит за рамки традиционных характеристик мелодии и других средств выразительности музыкально-художественного языка. В процессе восприятия рассматриваемого музыкального произведения слушателю требуется поиск глубокого словесного эквивалента полученным художественным впечатлениям.

Говоря о взаимосвязи литературного и музыкального текстов, можно отметить, что характеристика персонажей с учетом их разноплановости, изменений и контрастов соответствует процессу развития музыкального содержания.

Исследователи отмечают, что, благодаря музыкальным контекстам и модификации литературного текста, смысловые поля произведения А. Солженицына в опере расширяются. Камерное повествование в рассказе писателя раскрывается восприятием главного героя трагических моментов жизни. В рассказе присутствуют мужские образы, в оперном спектакле женские образы и хоровые голоса усиливают драматизм происходящих событий. В опере монологичность перерастает в многоголосное страдание народа, передающее дух общенациональной трагедии. Такой подход сближает произведение А. Чайковского с оперным творчеством М. Мусоргского “Борис Годунов”, “Хованщина”, Д. Шостаковича “Леди Макбет Мценского уезда”.

В целом, система музыкальных интертекстов, по мнению Е. М. Петрушанской, внятно относит слушателя к широкоизвестным явлениям мировой музыкальной культуры, указывая хорошо читаемые параллели, и напрямую связана со словесным содержанием, она шире и глубже звуковой иллюстрации. “Тени”, упоминания известных гармонических и мелодических “кодов”, прочно и издавна связанных с важными культурно-социальными явлениями и тенденциями, обнаруживают новые для рассказа нюансы, значения сюжетных и душевных коллизий, становясь своего рода проводниками, медиаторами в миры, казалось бы, далекие от сюжетно-смысловой сферы источника, но, по сути, важные для него, сопоставимые [3, с. 118].

А. Чайковский создает оперу по рассказу А. Солженицына, используя диалог музыкальных культур от Аристотеля (единство действия, места и времени) до характерных особенностей современной оперной музыки (синтез

музыкальных жанров, оркестровые интермедии, хоровая сюита). Композитор использует также традиции русской классической оперы, применяя в оркестровой партитуре удар металлического рельса, напоминающий звук колокола. Известно, что колокольность – важная смысловая составляющая в русской музыке, передающая торжественность, ритуальную обрядность. К этому приему в русском оперно-хоровом, инструментальном творчестве обращались великие композиторы: Н. Римский-Корсаков, М. Мусоргский, С. Рахманинов. Такие сигналы, отмечает исследователь Е. Петрушанская, вызывают в памяти также и музыкальные знаки разных миров и состояний. В музыке последних двух веков, от Листа до Прокофьева, звучит зов вечности или смерти. В опусе же А. Чайковского такой метоним времени трансформирован в пустой, жестяной голос рельса и выдает скрытую обезбоженность, антиподную личину ритуала-“перевертыша” естественных людских ритмов бытия [3, с. 122].

Пронзительное оркестровое вступление погружает слушателя в тему личного и народного страдания. Диссонирующее звучание септаккорда и тритона задает драматизм последующему развитию. Элементы исходного лейтмотива применяются и в дальнейшем развитии оперы, выступая кульминацией разрушения, механической деформации, смерти. Далее автор использует важную творческую находку определяющую культурный потенциал произведения. “Контрастными отсылками к основополагающим явлениям культуры являются знаки мира веры, духовности, причем не только приметы и символы церковного обихода. Они проявляются, разумеется, также в “светской” музыке; ими пронизаны значимые моменты оперы “Один день Ивана Денисовича”. И особенно важно, что после темы вступления, символизирующей заточение, контрастом звучат молитва и призывный звон. Здесь этим знакам свойствен модус *изгнанничества* и трансформации, каковой в реальности имела в советском обществе религия” [3, с. 120].

Музыкально-литературная ткань оперы включает разноплановые сцены, которые покажутся не характерными для содержательной основы произведения. Это горький юмор, иронически пронизывающий “Лагерный словарь” и фрагмент “Дорога на работу”, представляющий драматургическую кульминацию и являющий собой “крестный путь” – сквозную тему рассказа и оперы.

В симфоническом эпизоде “Проверка” композитор использует музыкальный жанр – fuga (слово означает “бег”). Традиционно, при полифоническом изложении тема поочередно излагается различными группами инструментов оркестра. Используя имитационную полифонию, автор приходит к обезличиванию голосов и тембров, при этом концентрируя внимание слушателя на угнетающем состоянии мучительно-изматывающего состояния.

Драматургия произведения А. Чайковского совмещает развитие традиций классической оперы, в которой либретто состоит из литературного источника с традициями оперы-оратории с важными культурно-смысловыми акцентами.

Е. Петрушанская подчеркивает, что смысловые “обертоны” – знаки великих интертекстов русской музыки и культуры – в произведении обогащают, дополняют, раскрывают и интерпретируют глубинные смыслы прозы

Солженицына, следуя которым опера с ее простыми и выразительными звуковыми решениями выявляет, вопреки лагерному аду, счастье каждой минуты существования в преодолении, в ощущении жизненной перспективы”.

В данной статье фрагментарно изложено пространство музыкально-литературных смыслов и значений произведения А. Солженицына в современной музыкальной культуре, которое обеспечивает духовное развитие личности и формирует ее ценностные ориентации в области искусства и художественного творчества.

Список литературы:

1. Днепров, В. Д. Роман, живопись, музыка. К вопросу о романе культуры / В. Д. Днепров С единой точки зрения : Литературно-эстетические очерки. – Л., 1989. 214 с.
2. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М. : Музыка, 1976. – 274 с.
3. Петрушанская, Е.М. Один день Ивана Денисовича и тема радио [электронный ресурс] – Режим доступа: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/698/hk_2018_03_112_135_petrushanska.pdf / Дата доступа: 21.11.2018

Потолков Ю. В.
(Брест, Беларусь)

УДК 82.09

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНА А. СОЛЖЕНИЦЫНА « В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Ключевые слова: народ; «шарашика»; традиции русской и мировой литературы; этап; лагерь; моральный выбор; общечеловеческая гармония; человеческое достоинство; патриотизм.

Аннотация: в статье анализируются нравственные проблемы романа, ведущая из которых – проблема народной морали. Эта мораль представлена как воплощение общечеловеческой духовной гармонии. Персонажам произведения – заключённым научной «шарашики» – приходится проводить годы в условиях несвободы, унижения, демагогической социальной фразеологии, тупоголового бескультурья лагерных властей. Но участники «шарашики» достойно противостоят ужасам гулаговской действительности: тесно связывают свою духовную жизнь с гуманизмом лучших образцов мировой литературы; сохраняют высокоинтеллектуальные взаимоотношения в своей среде; заинтересованно и глубоко осмысливают историческую действительность своего времени.

Название романа «В круге первом» можно объяснить двояко, поскольку сам писатель дважды обращается к выражению, составившему его название. В главе 44 читаем разговор дипломата Иннокентия Володина с Кларой – сестрой его жены: «Вот видишь, круг? Это отечество. Это – первый круг. А вот второй. – Он захватил шире. – Это человечество. И кажется, что первый входит во второй? – Нич-чего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже – колючая проволока с пулемётами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества – нет. А только отечества, отечества разные у всех...» [1, с. 326].

Итак, через этот эпизод роман выходит к чувству тоски по общечеловеческой гармонии. В этом чувстве, как нам представляется, заключена нравственная проблема, красной линией прошедшая через всё творчество А. И. Солженицына. В высказывании Володина само отечество оказывается своеобразной «темницей» с правилами, жёсткими, чуждыми общечеловеческим интересам. Описанные в романе «В круге первом» зеки, оказавшись в 1949 году в научной «шарашке» в посёлке Марфино под Москвой, часто вспоминают (причём, с лёгкой иронией) классическую поэзию: «Чтобы написать «Сижу за решёткой в темнице сырой или отворите мне темницу, дайте черноглазую девицу – почти в тюрьме сидеть не надо, легко всё вообразить. Но это – примитив. Только непрерывными бесконечными годами воспитывается подлинное ощущение тюрьмы» [1, с. 262].

Значит, строчки М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина – примитив? Конечно же нет. Просто времена этих великих поэтов не знали ещё той бездны унижения и падения, которая постигла советскую страну в 30-40-е годы XX века – страну Гулага. Нельзя не заметить, что герои романа многократно обращаются к высокой литературной классике как вместилищу гармонии.

Центральный персонаж «В круге первом» Глеб Нержин, один из заключённых научной «шарашки», и его жена Надя, которая находится на воле, одинаково несвободны. И в этом – судьба многих и многих. Судьба всего гордого народа, не имеющего возможности из круга первого перейти в круг второй.

Второе значение названия романа, несомненно, связано с образностью поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия». Именно это значение раскрывается в заключительной – 96-й главе произведения. Здесь Нержин, отправляемый на этап, обращается к своему товарищу по несчастью Хороброву, который считает, что «шарашка» – ад: «Нет, Илья Терентьевич, это не ад. Это не ад. В ад мы едем. В ад возвращаемся. А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это – почти рай» [1, с. 758].

Безусловно, обе из приведенных трактовки названия романа близки между собой. Однако ведущей следует признать первую, поскольку главенствуют в романе не сами картины страданий заключённых, а моральные поиски узников, их стремление сохранить в себе душевное достоинство, личную гордость и высоту помыслов. Как спасти в себе благородство? В этом вопросе заключается одна из моральных проблем романа. Заключённые в «шарашке» – высокие философы, знатоки мировой литературы, натуры ищущие и неуспокоенные. Куда до них твердолобым надзирателям всех рангов, вплоть до самого высокого? Глеб Нержин (в его образе, очевидно, угадывается сам писатель) задаёт себе вопрос: что такое народ? И приходит к выводу: «Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ, а по душе» [1]. Окончательный вывод звучит так: «Оставалось – быть самим собой» [1, с. 509]. Душа – это и есть сила, которая обеспечивает общечеловеческую гармонию и противостоит любым попыткам эту гармонию разрушить.

События романа укладываются в семь дней: «21 декабря 1949 года в четверг в пятом часу вечера государственный советник второго ранга Иннокентий Володин позвонил в посольство США и «раскрыл» советского разведчика, который должен выкрасть американский секрет атомной бомбы; в понедельник

26 декабря Иннокентия арестовали; 27 декабря Нержина и многих его товарищей по «шарашке» отправили на этап. Такая временная сжатость фабулы дала писателю возможность во всей полноте представить панораму жизни заключённых и их духовные поиски. Помимо этого ярко и выразительно показаны в романе «столпы» системы Гулага, начиная со И. В. Сталина и заканчивая каким-нибудь стукачом Сиромархой, ценой подлости покупающего для себя мизерные преимущества в своей арестантской жизни.

Осмысление нравственной сути понятия «народ» приводит писателя к осмыслению фигуры тогдашнего руководителя СССР. В романе вождь тоже пытается осмыслить духовную сущность своих граждан. Но суть эта не представляется ему явлением возвышенным. Не без внутреннего страха пытается И. В. Сталин списать собственные принципиальные просчёты на нравственное несовершенство общества: «Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился, достаточно вспомнить: из-за кого отступали в сорок первом году? Кто ж тогда отступал, если не народ?» [1, с.112].

Читая такие суждения вождя, невольно вспоминается оценка, которую даёт народу Генерал в стихотворении Н. А. Некрасова «Железная дорога»:

Варвары, дикое скопище пьяниц,
Не создавать – разрушать мастера...

«Шарашка» в моральном смысле – одно из явлений народа. А. Солженицын и его герои явно опережали время: в шестидесятые годы, когда роман создавался, общество ещё не было готово к принципиальному осуждению большевистской системы. Но зеки «шарашки» делали именно это. Инженер Рубин, страстно защищающий, находясь в заключении, порядки социализма, ни у кого из страдальцев сочувствия и понимания не встречает. В одной из сцен заключённые, запертые в камерах, общетюремным хором с восторгом в глазах поют: «Вставай, проклятьем заклеимённый...». Слова партийного гимна, которые прерываются выкриками «Долой сталинских псов!», «Рабочей крови захотелось?», начинают звучать в необычном, опасном для властей смысле [1, с. 540].

Нельзя думать, что «В круге первом» – книга, в которой прежде всего осуждается тоталитарная система. Главная мысль романа – о путях дальнейшей жизни. И определены эти пути ещё в самом начале произведения, когда Нержин в споре с Рубиным цитирует одну из книг древнеиндийской философии Санкхья: «Счастье человеческое причисляется к страданию теми, кто умеет различать». И далее добавляет: «Счастье непрерывных побед, счастье триумфального исполнения желаний, счастье полного насыщения – есть страдание. Это душевная гибель, это некая непрерывная моральная изжога» [1, с. 50].

По нашему твёрдому убеждению, проблема счастья и составляет нравственную суть романа «В круге первом». Героям книги (то есть тем, в ком человеческое достоинство не угасло) неприемлемо счастье выживания во что бы то ни стало. Их душе чужды предательство и шкурничество. Поэтому и страдают, верны не личностям, не лозунгам, а своему стремлению к общечеловеческой гармонии, которая начинается с верности себе. Верность себе – это верность милосердию. Верность милосердию – душевная стойкость перед все-

лием хамства, стремление остаться самим собой. В центре одного из философских споров романа (Иннокентий Володин беседует со своим дядей – безвестным стариком из Твери) внимание концентрируется на словах А. И. Герцена: «Герцен спрашивает, – набросился дядя, наклонился со своим плечом (ещё в молодости позвоночник искривил над книгами), – где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» [1, с. 462].

Выходит, что любовь к родине – это прежде всего верность самому себе, желанию, чтобы в общении между собой люди не делились на кланы и группы, не доказывали собеседнику своё несовершенство во имя укрепления собственного могущества. Человек может выйти «во второй круг», даже оставшись в одиночестве, если поймёт, что «счастье человеческое причисляется к страданию». В том-то и дело, что вряд ли справедливо тратить силы на разрушение старого: жизнь коротка. Идя вперёд, мы все попираем развалины древних культур, они попросту под нашими ногами лежат. Но эти развалины не враждебны нам, хоть повторять жизнь, копируя прошлое, бессмысленно.

Дворник в «шарашке» – почти слепой старик Спиридон – говорит Нержину: «Волкодав прав, а людоед – нет». В этих словах по-своему заключена дефиниция моральных споров в романе. Суть дефиниции такова: жизнь невозможна без противостояния, без борьбы, но борьба должна существовать только во имя созидания, во имя приближения «круга второго», то есть общечеловеческой гармонии. Волкодав спасает овец от волков; людоед пожирает ближних своих – без разбора. Волкодав – позиция; людоед – преступление. Автор романа ставит читателя перед моральным выбором. Необходимо, наблюдая за поведением ближних, ответить на вопрос: «Кто есть кто?». Каждому важно спросить также и самого себя: как из круга первого перебраться в круг второй? Как подняться над мелочностью бытовых распрей во имя планетарных моральных принципов? Как по железному пути человечества проходить «нежелезным»?

Перед вывозом на этап Нержин свой сборник С. Есенина отдаёт Спиридону (при шмоне всё равно отберут). Тем более, что С. Есенин для власть придержащих – враг. Спас музу. Спас правду. Спас С. Есенина от людоедов. Спасать поэзию от людоедов... Может быть, ничего другого в этой жизни и делать не нужно.

Нравственные взаимоотношения Нержина и Спиридона представлены в романе А. Солженицына как решающая суть его философского содержания.

Эти взаимоотношения весьма определённо перекликаются с духовными поисками героев эпопеи Л. Толстого «Война и мир». Образ Спиридона напоминает характер Платона Каратаева. В поведении Каратаева, как известно, выражена народная, крестьянская философия, удивительная приспособленность к обстоятельствам. Он – патриархальный крестьянин – не стремится быть поближе к властям; его духовная основа – вечные трудовые ценности, убеждённость в том, что человек должен любить жизнь, даже когда страдает.

О дворнике в романе «В круге первом» сказано примерно подобное: «И сейчас, в пятьдесят лет, заключённый, почти слепой, очевидно обречённый здесь, в тюрьме, умереть. – Спиридон не выказывал движения к святости или к унынию, или к раскаянию или тем более к исправлению (...), но со старатель-

ною метлою своей в руках каждый день от зари до зари мёл двор и тем отстаивал свою жизнь перед комендантом и оперуполномоченным. Что любил Спиридон – это была земля. Что было у Спиридона – это была семья. Понятия «родина», «религия» и «социализм», употребительные в будничном повседневном разговоре, были словно совершенно неизвестны Спиридону – уши его будто залегли для этих слов и язык не поворачивался их употребить.

Его родиной была – семья. Его религией была – семья. И социализмом тоже была семья» [1, с. 518].

Для Глеба Нержина дворник Спиридон Данилович – воплощение того великого и таинственного феномена, имя которого – народ: «С тех пор, последние пять – шесть воскресений, рассказы Спиридона замерцали давно желанной глубиной. Вечер за вечером перед Нержиным прошла жизнь одной единственной песчинки – русского мужика, которому в год революций было семнадцать лет и перешло уже сорок, когда началась война с Гитлером [1, с. 511].

Спиридону не была присуща смиренность Платона Каратаева, но сближала с ним привязанность к вечным патриархальным ценностям. Эта привязанность была отмечена Нержиным как спасительная основа народного характера.

Знаменательно, что Нержин читает дворнику стихи именно Сергея Есенина. В условиях несвободы стихи этого поэта начинали звучать как голос пусть глубоко запрятанного, но протеста. Характерна сцена разговора Нержина с одним из властьпридержащих – майором Шикиным: « – Ну вот, пожалуйста, – вздохнул майор и прочёл бесчувственно, меня, как тесто, стихотворную ткань:

Неживые, чужие ладони!
Этим песням при вас не жить,
Только будут колосья – кони
О хозяине старом тужить

Это – о каком хозяине? Это – чьи ладони?» [1, с.737]

Пугают Шикина и такие строки поэта:

«Розу белую с чёрной жабой
Я хотел на земле повенчать...

И дальше тут... На что намекается?»[1, стр. 737].

А. Солженицын замечает в сцене разговора Нержина с Шикиным: «Чёрной жабой сидел перед ним короткорукий большеголовый, чернолицый кум» [1, с. 737].

Спиридону же поэтические строки Есенина близки и понятны. Особенно живо он оценил стихи «Хороша была Танюша» и «Молотьба» [1] – произведения, в которых воплощены перипетии сельского бытия.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что в романе «В круге первом» осмысливается нравственная атмосфера в стране в период репрессий. Утверждается, что и в это трудное время народная трудовая философия оказывалась победительной и гуманистически активной.

Список литературы:

1. Солженицын, А. В круге первом / А. Солженицын. – М. : Худож. лит., 1990.

КОПТЕВА Э. И.

(Омск, Россия)

УДК 82.0+82-43

ТРАДИЦИИ ПАСХАЛЬНОГО РАССКАЗА XIX В. В ОЧЕРКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД»

Ключевые слова: пасхальный рассказ; очерк; образ повествователя; литературная традиция; жанрово-стилевые особенности.

Аннотация: А. И. Солженицын в очерке «Пасхальный крестный ход» обращается к традиции пасхального рассказа XIX в. В статье представлен сопоставительный анализ указанного очерка с финальной частью «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя («Светлое Воскресенье») и рассказом М. Е. Салтыкова-Щедрина «Христова ночь». Солженицын воссоздает целостность духовной и эпической жанрово-стилевой традиций русской классики.

Очерк А. И. Солженицына «Пасхальный крестный ход», напечатанный в 1969 г. («Посев», Франкфурт), на первый взгляд, говорит о разрушении традиции пасхального празднования, однако автор последовательно обобщает итоги русской историко-литературной традиции в жанре пасхального рассказа-очерка и в идейно-содержательном, и в жанрово-стилевом отношениях.

Для жанра пасхального рассказа XIX в.¹ актуален образ рассказчика, ищущего духовную истину, сочувственно вглядывающегося в человеческую душу, возобновляющего уверенность в незыблемости духовно-нравственных ценностей, даже если сам повествователь остается их единственным носителем.

Очерк Солженицына был написан более чем через столетие после «Выбранных мест из переписки с друзьями». Тем не менее, завершающая часть книги Н. В. Гоголя «Светлое Воскресенье», по нашему мнению, лежит в основе размышлений Солженицына о кризисе современной культуры. Повествовательная структура очерка писателя XX в. отсылает к размышлениям Гоголя.

Обычно начало пасхального рассказа вводит образ единства природы и человека, знамением этой связи становится колокольный звон. Сопоставим:

Н. В. Гоголь, «Светлое Воскресенье» (1847):

«В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. <...> Ему кажется, что там [в России. – Э. К.] как-то лучше празднуется этот день... Ему вдруг представятся – эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье “Христос Воскрес!”, которое заменяет в этот день все другие приветствия...» [1, с. 185].

М. Е. Салтыков-Щедрин, «Христова ночь» (1886):

«<...> Темное небо сплошь усыпано звездами, льющими на землю холодный и трепещущий свет. В обманчивом его мерцании мелькают траурные точки деревьев, утонувших в сугробах. ... Все сковано, беспомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой. Но вот в одном конце равнины раздалось гудение полночного колокола; навстречу ему, с противоположного кон-

ца, понеслось другое, за ним – третье, четвертое. На темном фоне ночи вырезались горящие шпили церквей, и окрестность вдруг ожила» [2, с. 555].

А. И. Солженицын, «Пасхальный крестный ход»:

«...За полчаса до благовеста выглядит пригороде патриаршей церкви Преображения Господня как топталовка при танцплощадке далёкого лихого рабочего посёлка. <...> Ударяет колокол над головой крупными ударами – но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных, глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход» [3, с. 568].

Очевидно, что в указанных фрагментах изображено противопоставление земного и небесного миров, однако, если описания в повествованиях Гоголя и Салтыкова-Щедрина развернутые (торжественный стиль, несмотря на поэтику контраста, выделяет особенное пасхальное время), то в очерке Солженицына описание «свёрнуто», лишено пафосных интонаций, а человеческий мир изображен словно перевернутым (звон колокола «подменный», не настоящий).

В отличие от предшествующей традиции, обращающейся к образам небесного мира в самые трагические моменты бытия, очерк Солженицына лишен поэтического изображения пейзажа, лишь редкие слова пунктирно отсылают к воспоминанию об уже почти забытом пасхальном торжестве («иконы», «могилы», «ладан», «пасхальное небо», «храм», «православные», «воскресение Христа», «колокол», «паперть» и др.). Пародийно отзываются эти стилиевые неувязки: «...как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христа», «лезут к свечному окошечку, растолкав христиан, как мешки с отрубями», «Зажигают красные пасхальные свечечки, а от свечек – от свечек они прикуривают» [3, с. 568].

Документальные фактографические зарисовки очерка предельно эмоциональны, но дидактика пробивается лишь в нескольких предложениях, которые по стилю можно отнести к чужой речи (нередко, к сказу) внутри авторского текста: «... а дальше Хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться» [3, с. 569].

Автор-повествователь в очерке Солженицына словно констатирует последствия той мысли, что отразилась у Гоголя. Сопоставим:

«Нет, не воспрядновать нынешнему веку светлого праздника так, как ему следует воспрядноваться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему – гордость. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь» [1, с. 187].

« ...каждый четвертый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит... И ещё до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурных неподвижных тучах» [3, с. 567].

Парадоксально, что наблюдения, развернувшиеся в очерке, совпадают с нравственными выводами гоголевского повествователя: «И тень христианского смирения не может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге

усумнится, но не усумнится в своем уме. <...> Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? ... и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? <...> Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник?» [1, с. 190].

... каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься – остолбенеешь. И ведь, кажется, не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освящённые вырывали из рук и улюлюкали под чертей, – нет! Это как бы любознательные <...> Что ж будет из этих роженных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещённые усилия и обнадёжные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго мы ждем от нашего будущего? [3, с. 568, 570].

Финальные слова рассказчика в очерке провоцируют читателя, изобличая духовное падение всей культурной традиции. Очерк Солженицына – предупреждение о том, что забывать невозможно. В контексте русской традиции этот финал прочитывается пророчески, подобно взыванию к совести и истине Щедрина в аллегорическом рассказе «Христова ночь»: «... И будешь ты ходить из века в век с неусыпающим червем в сердце, с погубленною душою. Живи, проклятый! и будь для грядущих поколений свидетельством той бесконечной казни, которая ожидает предательство. Встань, возьми, вместо посоха, древесный сук, на котором ты чаял найти смерть, – и иди! ... И ходит он доднесь по земле, рассеивая смуту, измену и рознь» [2, с. 559–560]. Человек и народ, потерявшие представление о святости, понесут Иудово проклятие, проклятие Вечного Жида. Сравните с мыслью Гоголя: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму» [1, с. 192].

Симптоматично, что все названные авторы разворачивают сходные размышления: мир вне Воскресения – падший. И человек, и народ без веры не способны выжить, обрести национальное достоинство и будут влачить жизнь вне благой вести, вне смысла, вне воскресения.

Солженицын напоминает читателю о ключевых идеях русской классики: просвещение ума, не затрагивающее духовное существо человека, сеет смуту и уничтожение. Целостность традиции препятствует ее разложению. В очерке формируется новое мирозерцание², особый ракурс изображения действительного мира, при этом синтезируются два художественных начала – изображение и размышление. У Солженицына предметом исследования становится современность, сюжет не играет главной роли в очерковом повествовании. Само повествование движется между фактом и вымыслом.

Таким образом, Солженицын является преемником традиций Гоголя и Салтыкова-Щедрина, обращаясь к читателю и предлагая ему выработать собственную точку зрения в осмыслении бытия и той духовной проблемы, которая выделена автором и соотносится со взглядом самого художника. Жанр очерка, таким образом, утверждает эпическую духовную связь с предшествующим литературным процессом, отделяя мнимые ценности от истинных.

Список литературы:

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика / Н. В. Гоголь; сост. и коммент. В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. – М. : «Русская книга», 1994. – 560 с.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : «Художественная литература», 1975. – 608 с.
3. Солженицын, А. И. Не стоит село без праведника : повести и рассказы / А. И. Солженицын. – М. : «Книжная палата», 1990. – 574 с.

Примечания:

¹ Перечислим несколько изданий, связанных с исследованиями в этой области: *Душечкина, Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб. : Издательский отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. – 258 с.; *Есаулов, И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1998. Вып. 2. – С. 349–363; *Захаров, В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1994. – С. 249–261; *Николаева, С. Ю.* Пасхальный рассказ в русской литературе XIX в. – М.; Ярославль : «Литера», 2004. – 360 с.

² О формировании очеркового начала в русской литературе XIX в. см.: Еремеев, А. Э. Биографический жанр как основа синтеза образного и логического (своеобразие философичности раннего Герцена) // Еремеев, А. Э. Русская философская проза (1820–1830-е годы). – Томск : Издательство Томского университета, 1989. – С. 96–114.

Осипова Т. А.

(Гомель, Беларусь)

УДК 811.161.1'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; социальные концепты; художественная проза и публицистика А. И. Солженицына; репрезентация (вербализация, языковое выражение) концептов в тексте.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности языкового выражения ключевых концептов «война», «революция», «социализм», «коммунизм» в художественной прозе и публицистике А. И. Солженицына. Выявляются общезыковые и индивидуально-авторские реализации данных концептов.

В данной статье мы проанализируем особенности языкового выражения некоторых ключевых концептов художественной прозы и публицистики А. И. Солженицына. Концепты исследуются в когнитивной лингвистике – одном из относительно новых направлений в языкознании. Тексты Солженицына весьма интересны с точки зрения репрезентации социальных концептов. Художественная проза дает особенно многочисленные индивидуально-авторские вербализации концептов, поскольку, как отмечают исследователи-когнитивисты, «художественная картина мира – опосредованная, в отличие от наивной картины мира, для нее характерны авторские реализации концептов» [5, с. 53].

Как указывает М. В. Пименова, класс социальных концептов состоит из целого ряда подклассов. Концепт «война» относится к подклассу «концептов ин-

терперсональных отношений» [4, с. 129]. К этому же подклассу относится концепт «революция». Можно выделить также подкласс концептов социальных доктрин (социальных формаций), в который входят концепты «социализм» и «коммунизм».

Концепт *война* находит широкую репрезентацию в произведениях А. И. Солженицына, поскольку многие его произведения посвящены теме революций в Российской империи и войн (т.н. империалистической, гражданской, второй мировой). По мнению В. Д. Серафимовой, «военная проза участника Великой Отечественной войны, лауреата Нобелевской премии А. И. Солженицына (1918–2008) привлекает наше внимание прежде всего мыслями о необходимости бережного отношения к человеку, ценности человеческой жизни. В военных рассказах «Случай на станции Кочетовка» (1962), в двучастном рассказе «Желябугские Выселки» (1998), в односуточной повести «Адлиг Швенкиттен» (1998), как и во всей прозе, А. Солженицын развивает традиции русской литературы – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, психологически достоверно прослеживает внутреннюю жизнь человека» [6]. Для писателя и публициста А. И. Солженицына важна правда о том, о чем он пишет. Вот что говорит об этом А. Вежицкая: «Александр Солженицын закончил свою нобелевскую лекцию 1970-го года замечанием о том, что «в русском языке излюблены пословицы о *правде*» и что «они настойчиво выражают немалый тяжелый опыт». В качестве примера он приводит следующую пословицу: «Одно слово правды весь мир перетянет», добавляя с намёком на «Архипелаг ГУЛАГ», что на этой вере основана и его собственная деятельность» [1].

Рассмотрим репрезентацию концепта «война» через соответствующее ключевое слово. Лексема *война*, представляющая одноименный концепт, является весьма частотной: по данным Национального корпуса русского языка [2], она употребляется 415 раз в 18 художественных и публицистических текстах автора. Тема Великой Отечественной войны очень важна для писателя: «Верный «правде без всяких прикрас», как и многие другие фронтовики, все острее чувствует, что именно на войне он оказался участником величайших событий XX века, что годы на фронте – едва ли не самое яркое в его бывшей жизни» [6].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение значений слова *война*: «ВОЙНА, -ы, мн. войны, войн, войнам, ж. 1. Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. 2. перен. Борьба, враждебные отношения с кем-чем-н.» [3]. В художественных и публицистических текстах А. Солженицына концепт «война» находит общезыковую репрезентацию – предстает как вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. Приведем контексты: Как – кончилась война. День был не холодный, сильно облачный («Адлиг Швенкиттен»); ...Значит – и работать, и жить, и питаться, как если б война продолжалась («На изломах»); И *война* так называемая отечественная – да превратится в войну революционную? («Желябугские Выселки»); Отойдёт вот это ощущение как бы всё продолженной войны... («На изломах»); Такого не было за всю войну: прямо на восток! («Адлиг Швенкиттен»); Так и потянулось сплошной войной вот уже седьмой год («Адлиг Швенкиттен»).

В художественной картине мира частотны авторские реализации концептов. Например, война вербализуется как гнев Бога: ...Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога» («Как нам обустроить Россию»). Война репрезентируется как одушевленное существо, личность с негативным поведением: Митька Петрыкин, подобранный от начисто разорённого войной Новосилия ... («Желябугские Выселки»); *Однако этому неслышному хрупкому процессу выделения нового типа интеллигенции [...] не суждено было в России произойти: его смешала и раздавила первая мировая война...* («Образованщина»); *...Недостатки наших мобилизационных предписаний, с которыми нас застала война...* («Случай на станции Кочетовка»). Война – движущийся субъект: *Война?* как будто катила она к концу («На изломах»); Гражданская война уже шла к концу, оставался Врангель один («На краях»); *Потому что каждый день и шаг войны связаны были в его пехотинской памяти со страданиями, жертвами и смертями хороших людей* («Для пользы дела»).

Война – это предмет речи человека: Об империалистической войне. Да и о своей эскадронной молодости – что писать, чем отличился? («На краях»), предмет манипуляций человека: *По сравнению тут же с финской войной, бездарно проваленной...* («На краях»); *Он считал, что все выражения эти, вселяющие войну и в самый мир, утомляют людей* («Для пользы дела»); возможный предмет гордости человека: Не гордиться нам и советско-германской войной... («Как нам обустроить Россию»); предмет воспоминаний человека: *А сам Грачиков так и знал, что лучше не разжигать воспоминаний войны* («Для пользы дела»).

Война у А. Солженицына вербализуется как документ: *Немалая трудность и решить: сюда ли, в тюремные потоки, или в баланс Гражданской войны отнести десятки тысяч заложников...* («Архипелаг ГУЛАГ»).

Война находит языковое выражение как место, пространство: Только-только отвоевали, а теперь опять на войну гонят? («Эго»); *...И теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала...* («Архипелаг ГУЛАГ»); *...Вступила в последнюю гибельную для себя войну с этой главной целью* («Письмо вождям Советского Союза»); расчерченное место: *Когда перейти черту большой войны...* («Эго»). Война – это точка отсчета: *До войны протирался я не средь таких...* («Желябугские Выселки»); *...Заставили кормить махину государства до войны, всю великую войну и после войны* («Образованщина»).

Война – работа: *Война* – как просто работа, без выходных, без отпусков, глаза – в стереотрубу («Адлиг Швенкиттен»). Война – это игра: *...Разве мы войну выиграем?* («Случай на станции Кочетовка»); *...При всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других...* («Письмо вождям Советского Союза»). Война – жизнь, притом счастливая: *Вы* – как будто вжились в войну. *Вы* – как будто счастье в ней открыли («Желябугские Выселки»).

Отметим индивидуально-авторскую реализацию концепта «война» через метафоры «война – дым»: *...Небо родины снова застлали клубы войны!* («На изломах»); «война – огонь»: *...Уже пылала смертная война...* («Образованщина»).

Интересны многочисленные определения, характеризующие лексему война. Они, как правило, несут негативную оценку: скудные и опасные годы Граждан-

ской войны, сплошная война, отечественная, революционная, империалистическая, Великая, бездарно проваленная, трехлетняя внешняя война, партизанская, большая, большая гражданская, самоистребительная, смертная война, многолетняя гражданская война, проклятая, Вторая мировая война, последняя гибельная война. Отношение А. И. Солженицына к войне, как указывает В. Д. Серафимова, чисто отрицательное: «В рассказе «Случай на станции Кочетовка» писатель развенчивает мифы о войне, отвергает ложный путь идеализации народного характера, говорит – прежде всего – о бережном отношении к человеку» [6].

Концепт *революция* является одним из ключевых в творчестве А. И. Солженицына. Имя существительное *революция*, по данным электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» [2], встречается в текстах писателя весьма часто: зафиксировано более 150 употреблений. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет *революцию* следующим образом: «РЕВОЛЮЦИЯ, -и, ж. 1. Коренной переворот в жизни общества, к-рый приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти. 2. Коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому» [3].

В художественных и публицистических текстах А. И. Солженицына отражается всё то положительное и отрицательное, что несут революции. Прежде всего отметим общеязыковую репрезентацию концепта «революция», когда ядерная лексема имеет словарные значения: *После революции нужны не то что новые слова, но даже новые буквы!* («Настенька»); *И несколько лет назад, до революции, встретились бы где-нибудь...* («Эго»); *Идея всеобщего избирательного права победила во Франции только в революцию 1848* («Как нам обустроить Россию»); — *Революция в литературе ещё, можно сказать, и не началась по-настоящему* («Настенька»).

Абстрактное имя *революция* в произведениях писателя часто олицетворяется. *Революция* может объективироваться как личность – активная, действующая в том числе агрессивно: *И даже так рыдают: «развитие марксизма было приостановлено Октябрьской революцией»* («Наши плюралисты»); *...Однако этому неслышному хрупкому процессу выделения нового типа интеллигенции не суждено было в России произойти: его смешала и раздавила первая мировая война, затем стремительный ход революции...* («Образованщина»); *...Революция расправилась с пробудившей её русской интеллигенцией* («Образованщина»); *Самая крупная революция XX века, взорвавшая Россию, а затем и весь мир...* («Наши плюралисты»). В последнем контексте *революция* вербализуется также как взрывчатое вещество. *Революция* – личность разумная, обладающая интеллектом и речью: *И размышляет философ: «Октябрьская революция последовательно, не минуя ни одного пункта, опровергла все утверждения марксизма»* («Наши плюралисты»); как личность, принимающая помощь: *Его маленькая жизнь значила лишь – сколько он сможет помочь Революции* («Случай на станции Кочетовка»); как «полководец»: *...Мимо известного памятника Борцам Революции...* («На изломах»); *Хорошо жить и бороться для Мировой Революции...* («Молодняк»); *ВЧК – Часовой Революции...* («Архипелаг ГУЛАГ»). Величие революции подчеркивается написанием соответствующего существительного с прописной буквы.

Революция выступает также как предмет манипуляций человека, предмет речи, исследований: ...*Они клеветнически искажают революцию, и тем опасней, чем талантливей они это делают* («Настенька»); *Солдаты [...] приезжали в свои деревни с вестью, что [...] революция сделала ради крестьян...* («Эго»); ...*Кто умеет за всякой мелочью Революцию мировую найти* («Настенька»); ...*Такая революция никем из наших оппонентов не упоминается, не то что уж не исследуется* («Наши плюралисты»); как предмет размышлений, памяти, желаний, чувств человека: *Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно преемственным и устойчивым* («Как нам обустроить Россию»); *Помнишь – про мировую революцию?* («Желябугские Выселки»); *Он выражал психоидеологию среднего дворянства [...]: оно [...] проявляло боязнь крестьянской революции...* («Настенька»); ...*Откинем мысль о революции...* («Образованщина»).

Концепт *революция* репрезентируется также как пространство: *В его доме [...] девочка и жила до двенадцати лет, сквозь германскую войну и революцию* («Настенька»); ...*Гимназия каким-то чудом продержалась не только сквозь всю революцию, но ещё и несколько лет советских...* («Настенька»).

Приведем контексты с авторскими метафорами «революция – гроза»: *Вот – хоть бы в Китае поскорей революция, что она никак не разразится?* («Молодняк»); «революция – заразная болезнь»: *Один из первых ударов диктатуры пришелся по кадетам (при царе – крайняя зараза революции...)* («Архипелаг ГУЛАГ»). *Революция – некая субстанция: По смыслу и духу революции легко догадаться...* («Архипелаг ГУЛАГ»).

А. И. Солженицын подчеркивает связь войн и революций: *После такой войны не может не быть революции, а?* («Желябугские Выселки»). В качестве синонима лексемы *революция* выступает слово *переворот*: *Октябрь – лёгкий переворот уже сдавшегося режима* («Наши плюралисты»). Эпитеты, определяющие революцию, следующие: *единственная истинная революция, Мировая, Октябрьская, национальная, культурная, массовые кровавые революции, церковная революция*. Они, как правило, указывают масштаб революций и дают им оценку как положительную, так и отрицательную.

Далее рассмотрим вербализацию концепта «социализм» через ядерную лексему. Существительное *социализм* имеет в русском языке следующее значение: «СОЦИАЛИЗМ, -а, м. Социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства» [2]. В «Национальном корпусе русского языка» [2] содержатся 54 контекста из произведений А. Солженицына со словом *социализм*.

Отметим общеязыковую репрезентацию данного концепта – «социальный строй»: Тогда пригласил его и местный университет на курс лекций: «Основы экономической политики социализма» – и Емцов принял вызов, пошёл («На изломах»); Человеческую природу не изменишь и при социализме («Все равно»); Если отказаться от промышленного развития, то как же тогда рабочий класс, социализм, коммунизм, безграничный рост производительности труда и т. д.?.. («Письмо вождям Советского Союза»).

Концепт «социализм» вербализуется и как некая постройка, что характерно для русского языкового сознания («строительство социализма и коммунизма»): Да идеологию «мировой революции или построения социализма» наш автор называет «передовой», её-то тем более нечего бояться («Наши плюралисты»); И тут же вспоминал, как Сталин, возражая Троцкому, обещал построить социализм «не за счёт ограбления деревни» («Бодался теленок с дубом»); Этот потёмкинец продал дочиста свою ферму и скот, и с деньгами и с новеньким трактором приехал в родной край помогать строить заветный социализм («Архипелаг ГУЛАГ»). Солженицын конкретизирует такое языковое выражение концепта, детализируя постройку «социализма»: Интеллектуал-то высокий, да почему кирпичиков не кладёт на социализм? («Бодался теленок с дубом»). Отметим представление писателем социализма как произведения искусства, возможно, скульптуры, что соотносится с общеязыковой объективацией этого концепта как предмета архитектуры: –Смотрите, и в женском молодняке, в осознании мощи творимого социализма... («Молодняк»).

Социализм представлен как эпоха: А к 15-летию Октября добавлена была смертная казнь по закону от седьмого-восьмого — тому важнейшему закону уже наступающего социализма, который обещал подданному пулю за каждую государственную кроху («Архипелаг ГУЛАГ»). Социализм репрезентируется как объект выражения оценки человека: Даже и Достоевского приспособив (где Достоевский поносил социализм – перекинули ту брань на «буржуазный Запад» («Бодался теленок с дубом»).

Социализм вербализуется как пространство: Но еще и до всякой гражданской войны увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена («Архипелаг ГУЛАГ»).

Концепт «социализм» репрезентируется как биологический объект (растение), который может подвергнуться гниению: За годы гнилого социализма накопились такие и у нас в «теневой экономике» ... («Как нам обустроить Россию»); который связан с ростом: ...Как дети кулаков влюбляют в себя детей бедняков, чтобы «тихой сапой враспи в социализм» («Настенька»); который дает семена и требует определенной почвы: — «Семена социализма погибли в русской почве.» (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять («Наши плюралисты»). Отметим авторскую метафору «социализм – растение». Как видно, в публицистической речи Солженицына индивидуально-авторская вербализация концепта «социализм» может быть обусловлена опорным текстом.

Социализм также объективируется как нечто жидкое: – «Русский социализм вылился в формы, специфичные для данного народа» («Наши плюралисты»). Социализм вербализуется как материальный объект, стоимость которого можно выразить в деньгах: Вопрос обсуждаемого романа – чего стоит человеку социализм и под силу ли цена? («Бодался теленок с дубом»).

Языковое выражение концепта «социализм» наглядно представляет его связь с концептом «революция»: Специальная узость нашего исследования не даёт возможности охватить, как же именно ЗАДУМЫВАЛИСЬ представители революционного социализма над судьбой так называемой интеллигенции и что же именно они для неё надумали? («Архипелаг ГУЛАГ»).

А. И. Солженицын считал, что социализм в теории и на практике (в России) – это не одно и то же: *«То, что зовётся у нас социализмом, есть типически-азиатское – и русское в том числе – порождение»* («Наши плюралисты»).

Определения, характеризующие социализм, немногочисленны. Прилагательные *плохой, хороший* дают общую оценку, эпитет *гнилой* особенно часто употреблялся в эпоху интенсивной идеологической борьбы. Слова *революционный, заветный, манящий* передают положительную оценку социализма.

Далее представим репрезентацию концепта «коммунизм». Ядерная лексема *коммунизм*, по данным «Национального корпуса русского языка» [2], присутствует в 52 контекстах. Ее значение в русском языке следующее: «КОММУНИЗМ, -а, м. Общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям» [3].

Концепт «коммунизм» в текстах А. И. Солженицына находит прежде всего общеязыковую репрезентацию, то есть представляется как социальный строй, притом тесно связанный с социализмом: *Неужели это и есть тот манящий социализм - коммунизм, для которого и клались все жертвы и гибли 60-90 миллионов?* («Письмо вождям Советского Союза»). Данный контекст показывает негативное отношение Солженицына к социалистической и коммунистической идеологии, из-за которой погибло множество людей.

Социализм, по учению его теоретиков, - это первая фаза коммунизма, то есть коммунизм – более важное понятие: «Последователи марксизма [...] называют социализмом первую фазу коммунизма, которая начинается после переходной стадии от капитализма к коммунизму» [7]. Для многих это учение сродни религии, что и выражено в следующем контексте А. Солженицына: *Ведь коммунизм – как и христианство, на той же основе построен, только другой путь* («Настенька»).

Концепт «коммунизм», подобно концепту «социализм», репрезентируется как постройка, что присуще русскому языковому сознанию: *«Для пользы дела» – да: утвердить ценность веры у молодёжи; напомнить, что коммунизм надо строить в людях прежде, чем в камнях* («Бодался теленок с дубом»); – *Не в камнях, а в людях надо коммунизм строить, Виктор Вавилович!!* («Для пользы дела»); *Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула* («Как нам обустроить Россию»). В последнем контексте данный концепт объективируется и как конкретный предмет – артефакт часы.

«Коммунизм» репрезентируется как место (пространство): *Так же в общем виде кажется ясным, что ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам ни наших недр, ни поверхности вашей земли, ни, особенно, – лесов* («Как нам обустроить Россию»). Данный контекст демонстрирует неприятие писателем существующего порядка, поскольку автор провозглашает выход из него. Подтвердим это еще таким примером: – *«В России коммунизм в прошлом» (да сбудется это как пророчество!)* («Наши плюралисты»). Для писателя характерно словоупотребление «страна коммунизма», актуализирующее представление о коммунизме как о

месте: *А что такое Нобелевская премия для писателя из страны коммунизма?* («Бодался теленок с дубом»); *Вообще, сила западной гневной реакции была неожиданна для всех – и для самого Запада, давно не проявлявшего такой массовой настойчивости против страны коммунизма...* («Бодался теленок с дубом»).

А. И. Солженицын представляет различные «виды» коммунизма, отражая представление об этом феномене в обществе: *Сталин-де погубил и убил истинный коммунизм, – размазывает Чалидзе самое затасканное представление о Сталине, какое на Западе мызгают уже четверть века – с XX съезда, когда у всех у них «катаракта пала»* («Наши плюралисты»). Сочетание «убил коммунизм» передает представление о коммунизме как о живом существе.

В отдельных случаях абстрактный концепт «коммунизм» получает вербализацию олицетворения, предстает как личность со своей волей, выполняющая определенные действия: *Никто из плюралистов не взялся нам нарисовать подробное историческое полотно, как это коммунизм хотел утвердиться, да не вышло на русском болоте* («Наши плюралисты»); *Дикий напор военного коммунизма мог только претить инженерам, в бессмыслице инженер участвовать не может...* («Архипелаг ГУЛАГ»). «Коммунизм» также получает метафорическую репрезентацию «дитя»: *Коммунизм был её собственным детищем... в том числе и идеи террора...* («Образованщина»).

Коммунизм (и социализм) для А. Солженицына – это зло, поскольку ради идей уничтожаются люди, человеческая личность: *Но ведь это и искреннее убеждение многих плюралистов, что коммунизм – не зло* («Наши плюралисты»); *И в том, что сегодня человечество на 50% уже проглочено коммунизмом, на 35% туда ползёт, а на 15% шатается, – виноваты сами эти 50, и эти 35, и даже те 15* («Наши плюралисты»).

Имена прилагательные, определяющие коммунизм, единичны и составляют употребительные в русском языке словосочетания: *мировой, военный*.

Таким образом, мы рассмотрели особенности вербализации концептов «война», «революция», «социализм», «коммунизм» в художественной прозе и публицистике А. И. Солженицына. Эти концепты, как и соответствующие общественные явления, взаимосвязаны, и это находит отражение в рассмотренных текстах.

Концепты «война» и «революция» получили более интересную репрезентацию у автора. Их языковое выражение больше представлено в художественной прозе. Как показывает анализ, в прозе и публицистике А. И. Солженицына концепт *война* находит через ядерную лексему разнообразную вербализацию, в том числе индивидуально-авторскую. Интересны авторские метафоры. Особенности объективации концепта *война* в немалой мере обусловлены мировоззрением писателя. Описывая первую мировую, гражданскую, Великую Отечественную войны, писатель выражает свое негативное отношение к войне и провозглашает ценность жизни человека. Что касается концепта «революция», в прозе и публицистике А. И. Солженицына данный концепт находит интересную вербализацию, в том числе индивидуально-авторскую, через лексемы *революция, переворот*. Специфика объективации данных концептов обусловлена мировоззрением писателя. По мнению А. Солженицына, революция принесла России как

хорошее, так и плохое. Величие Революции и ее значимость для России подчеркивается у автора написанием данного слова с прописной буквы.

Концепты «социализм» и «коммунизм» находят свое языковое выражение в основном в публицистике. Автор выступает как противник существующего строя, называемого социализмом (и некоторое время коммунизмом), поскольку считает, что ради идей не должны гибнуть и страдать люди. Эти концепты обычно получают общеязыковую репрезентацию, частотна и метафорическая вербализация концептов (социализм, коммунизм – здание, постройка). Присутствуют и индивидуально-авторские репрезентации рассмотренных концептов, в том числе опредмечивание и олицетворение.

Список литературы:

1. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. – Русский язык в научном освещении. – № 2(4). – М., 2002. – С. 6-34). – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm> – Дата доступа 09.10.2018.
2. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://search.ruscorpora.ru> – Дата доступа 01.10.2018.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/> – Дата доступа 01.11.2018.
4. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования. – Вестник КемГУ. – Филология. – 2013, №2 (54). – Т.2. – с.127–133. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/v/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> – Дата доступа 08.11.2018.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
6. Серафимова, В. Д. Основополагающие концепты военной прозы (на материале произведений В. Некрасова, Е. Носова, А. Солженицына, В. Быкова и др. прозаиков) – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://sheshuki.ru/sheshukovskie-chtenija/reports/26-osnovopolagajuschie-kontsepty-vo-ennoj-prozy-na-materiale-proizvedenij-v-nekrasova-e-nosova-a-solzhenitsyna-v-bykova-i-dr-prozaikov> – Дата доступа 31.10.2018.
7. Социализм. – Википедия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>) – Дата доступа 10.11.2018.

Лупаков В. Э.
(Брест, Беларусь)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО РАССКАЗУ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»)

Ключевые слова: рассказ А. И. Солженицына «Матрёнин двор», характеристика персонажа, религиозность, пассионарность, обрядоверие.

Аннотация: в статье проанализированы проявления православной религиозности и пережитков язычества среди персонажей рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Показано распространение христианско-языческого двоеверия в бытовой религиозности, дана краткая богословская критика этого явления.

Согласно одной из версий, слово «религия» происходит от латинского *religare* – связывать [2, с. 8]. Имеется в виду связь посюстороннего с потусторонним, временного с вечным. В христианстве это ещё и восстановление утраченной прародителями в акте грехопадения связи человека с Творцом.

А. И. Солженицын прошёл путь от безверия к осознанной религиозной вере. Вероятно, сильнейшим толчком к духовным поискам стала встреча в бутырской тюрьме с человеком, уже имевшим опыт религиозной жизни, – Борисом Гаммеровым. Об этом писателем рассказано в романе «Архипелаг ГУЛАГ»:

«Он стал меня расспрашивать, разговор покотился одним боком по нашим биографиям, другим по политике. Я, не помню почему, упомянул об одной из молитв уже тогда покойного президента Рузвельта, напечатанной в наших газетах, и оценил как само собой ясное:

– Ну, это, конечно, ханжество.

И вдруг желтоватые брови молодого человека вздрогнули, бледные губы насторожились, он как будто приподнялся и спросил:

– По-че-му? Почему вы не допускаете, что государственный деятель может искренно верить в Бога?

Только всего и было сказано! Уж там каков Рузвельт, но – с какой стороны нападение? Услышать такие слова от рождённого в 1923 году?... Я мог ему ответить очень уверенными фразами, но уверенность моя в тюрьмах уже шатнулась, а главное: живёт в нас отдельно от убеждений какое-то чистое чувство, и оно мне осветило, что это я сейчас не убеждение своё проговорил, а это в меня со стороны вложено. И – я не сумел ему возразить. Я только спросил:

– А вы верите в Бога?

– Конечно, – спокойно ответил он».

Рассказ «Матрёнин двор» написан в 1959 г. В нём автор предстаёт как человек, уже знакомый и с православным вероучением, и с некоторыми сторонами аскетичности мирян, и с затруднениями, связанными с поверхностно-обрядовым отношением к вере. В то же время, им уже были преодолены соблазны неофитской назойливости. Философ Григорий Померанц, часто критиковавший Солженицына, всё же отдавал должное, что в середине XX в. для немалого числа людей интерес к православию начался с «Матрёниного двора» [3]. Не все, конечно, прочитавшие дошли затем до храма, но кто-то ведь и дошёл.

Главная героиня рассказа, Матрёна, уже пожилая женщина: «замуж <...> вышла ещё до революции». Надо полагать, что в детстве она, как и большинство её сверстников, тем более в одной из центральных губерний России, училась в церковно-приходской школе, где главным предметом был Закон Божий. Не только послереволюционный разгром церковной жизни, но и груз тянувшихся с дохристианских времён обычаев, причудливо сплетшихся с христианской практикой, – всё это отрицательно сказывалось на становлении Матрёны как религиозной личности.

«Не сказать, однако, чтобы Матрёна верила как-то истово. Даже скорей она была язычница, брали верх в ней суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет; что если метель крутит – значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемить – быть гостю».

Для сельчан издавна стало привычным согласовывать цикл работ и праздников с церковным календарём. Но и в этом Матрёна не была свободна от предрассудков: «Говорят у нас: умная выходит [замуж] после Покровá, а дура – после Петровá <...>. Как свадьба моя была в Петров день, так и шестого ребёнка, Александра, в Петров день схоронила». Привязанность к приметам побуждала эту женщину в совпадениях видеть неизбежность. Однако к ней, схоронившей всех своих шестерых детей, стоит проявить снисходительность. И сего-

дня сила веры в приметы, порой даже у высокообразованных людей, отравляет собственно религиозные переживания.

Как человек суеверный, она верила и в порчу. «Порция [т. е. порча] во мне, – убеждённо кивала и сейчас Матрёна. – Возили меня к монашенке одной бывшей лечиться, она меня на кашель наводила – ждала, что порция из меня лягушкой выбросится. Ну, не выбросилась...». Вряд ли уместно выражение «монашенка одна бывшая» в отношении насельницы монастыря, впоследствии закрытого. Но то, что монахиня занималась «снятием порчи» – совершенно не церковной практикой, – это также показатель духовного упадка.

Тем не менее, Матрёна была в определённой мере воцерковлённым человеком. «Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они тёмные, а во время всенощной [очевидно, когда хозяйка не имела возможности бывать на богослужении] и с утра по праздникам зажигала Матрёна лампадку».

На Крещение (19 января по новому стилю) «ходила она за пять вёрст в церковь на водосвятие». Там кем-то, возможно, мальчишками забавы ради, был украден её котелок. «Вернулась Матрёна печальная. Всегда у неё бывала святая вода, а на этот год не стало».

«Сколько жил я у неё, – пишет Солженицын, – никогда не видал её молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась <...>. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить». Не делая выводов, от которых автор и сам уклонился, напомним всё же слова Евангелия: *«И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»* (Мф. 6, 5-6). Нельзя ни утверждать, ни исключать, что эта мысль, усвоенная Матрёной в детстве от родителей или в церковно-приходской школе, определяла её дальнейшее религиозное поведение.

Характеризуя Матрёну, Солженицын проявил небольшой на то время опыт собственной религиозной жизни. Вот его слова: «Только грехов у неё [Матрёны] было меньше, чем у её колченогой кошки. Та – мышей душила...» В поздних произведениях писатель таких оплошностей, пусть и ради красного словца, не допускал. Всё же нравственное понятие «грех» на животных с их инстинктами, даже хищническими, не распространяется. А небогословское понимание греха и вовсе лишено определённости, оно эмоционально. В христианской антропологии незабываемы слова пророка Давида: *«всякий человек ложь»* (Псал. 115, 2). Сама человеческая природа испорчена грехом.

Впрочем, не один только ранний Солженицын из-за малости религиозного опыта уклонился в подобное упрощенчество. Так, Ольга Ипатова в повести «Предслава» так описала последние мгновения земной жизни преподобной Евфросинии Полоцкой:

«Мерны, нягучны голас загучаў над ёй. Яна расплюшчыла вочы – чалавек у архіепіскапскім адзенні стаяў каля яе. Хто гэта? Дыянісій? Адкуль? <...>»

– Адпускаяю грахі твае, Ефрасіння... “Грахі? Якія ж былі ў мяне грахі?”»

У людей с религиозным опытом отношение к себе куда более строгое. Апостол Павел, к примеру, писал: «Христос Иисус пришёл в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15). Хотя для советского времени («Предслава» была написана в 1971 г., а «Матрёнин двор», напомним, в 1959 г.) подобные произведения были прорывом.

Среди положительных черт Матрёны можно назвать безропотное несение болезни: «она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти». Будучи здоровой, бескорыстно помогала другим: «И Матрёна не могла отказать. Она покидала свой черёд дел, шла помогать соседке». А ещё «до того отсутствовало в ней бабье любопытство или до того она была деликатна...». И рассерженному квартиранту, чью гулаговскую телогрейку, как память о пережитом, без спросу надела, она без раздражения ответила: «Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! <...> Ведь я её бегма подхватила, да и забыла, что твоя. Прости, Игнатыч».

Интересно заметить отношение Матрёны, как бы мы сейчас сказали, к научно-техническому прогрессу. «Ещё в тот год обещали искусственные спутники Земли. Матрёна качала головой с печи:

– Ой-ой-ойиньки, чего-нибудь изменят, зиму или лето».

Похоже, что это всё же не обскурантизм, не темнота малообразованного человека, не забитость. Скорее здесь осторожность в принятии нового (ведь машины она не отвергала), интуитивное понимание того, что изобретения, даже самые гениальные, имеют и обратную сторону. А разве не о том же предупреждал Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце»? В ней блестящий хирург Преображенский немало намаялся с плодами своего опыта. И о том же – в строках Александра Твардовского:

*В природе шагу не ступить,
Чтоб тотчас, так ли сяк,
Ей чем-нибудь не заплатит
За этот самый шаг.*

Закончила Матрёна свой земной путь под колёсами поезда, помогая родственникам перевозить брёвна от своей же горницы. «Не жалко было саму горницу, стоявшую без дела, как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрёна никогда». Да «что она там подсобить могла мужикам? Вечно она в мужичьи дела мешалась». Однако не упрёк в этих словах у автора, но – восхищение: всем она старалась помочь, даже если это было на пределе её сил.

Расставание с Матрёной также выявляет разные стороны религиозности родственников и односельчан.

По православному обычаю, гроб поставили под образами. «Старушка у гроба мурлыкала Псалтырь». Отпевали Матрёну в храме. Поминки начались с «Отче наш». «Перед киселём встали все и пели «Вечную память» (так и объяснили мне, что поют её перед киселём обязательно)». Для этнографов, социологов и прочих гуманитариев наборы всевозможных «нельзя» и «обязательно», в каждой местности своих, но везде особенно многочисленных на свадьбах и похоронах, представляют немалый интерес. Хотя их духовно-символический смысл мало кто из придерживающихся может толком объяснить: «так повелось», «так принято». Любому священнику приходится регулярно вести борьбу с этими условностями либо поправлять их, указывая на что-то более суще-

ственное. Хотя само пение «Вечной памяти» на поминках уместно, но вот перед киселём или после него – вопрос второстепенный.

Описанный чуть раньше плач над гробом (тоже «так принято», вот только когда и кем?) – это вообще сплошное язычество.

«Наконец ужин кончился. Опять все поднялись. Спели «Достойно есть». И опять с тройным повтором: вечная память! вечная память! вечная память! Но голоса были хриплы, розны, лица пьяны, и никто в эту вечную память уже не вкладывал чувства». Вновь «так принято».

Ещё во время поминок один из присутствовавших, муж золовки, хвалился: «А заметили вы, православные, что отпевали сегодня медленно? Это потому, что отец Михаил меня заметил. Знает, что я службу знаю. А иначе б – со святыми помощи, вокруг ноги – и всё». Трудно сказать, что подвигло родственника к таким высказываниям. Или в данном храме, действительно, служили небрежно, или человеку просто захотелось обратить на себя внимание.

Несмотря на знание и исполнение обрядов, мыслили сельчане чисто язычески. В глазах золовки Матрёна была глупой, потому что «помогала чужим людям бесплатно». «И даже о сердечности и простоте Матрёны, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением». Да, Матрёна «не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни. Не гналась за нарядами. За одеждой, прикрывающей уродов и злодеев».

По апостолу Павлу, «... все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). А философ Иван Ильин, рассуждая о постигшей в XX в. Россию катастрофе, с горечью признавал: «Мы во Христа крестились, но во Христа не облеклись. Наша вера была заглушена страстями» [2, с. 357]. Ещё философ Тертуллиан, живший во II-III вв. н. э., напоминал, что «Христос назвал Себя истиной (Ин. 14, 6), а не традицией». Бытовая религиозность, описанная А. И. Солженицыным в «Матрёнинном дворе», очень часто ограничивается поверхностностью. Хотя, с другой стороны, из рассказа видно, что даже в годы гонений на религию полностью религиозная жизнь в народе не прекращалась. И были в ней свои пассионарии, как та же Матрёна.

Неверно было бы укорять Матрёну в малой религиозной просвещённости. Большой у неё, пожалуй, и не могло быть. Хоть и училась она в церковно-приходской школе, но обрядоверие, полуязычество в быту, многим казавшееся естественным, повлияло и на неё. Однако духовная жизнь, по нашему убеждению, – это «всегда плавание против течения». Она совершается не столько благодаря обстоятельствам, сколько вопреки им. И Матрёна, как могла, плыла. Не всегда её поступки были осознанно религиозны, скорее интуитивны.

Свой рассказ А. И. Солженицын закончил словами: «Все мы жили рядом с ней [Матрёной] и не поняли, что она есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Список литературы:

1. Ильин, И. А. Что нам делать? // О грядущей России. / И. А. Ильин. – М. : Военное издательство, 1993. – 368 с.
2. Языкович, В. Р. Религиоведение / В. Р. Языкович. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
3. https://ru.wikipedia.org/Солженицын,_Александр_Исаевич. Дата доступа: 01.11.2018.

Мельнікава З.П.
(Брест, Беларусь)

ПРАВЕДНАСЦЬ АСЭНСАВАННЕ ТРАГІЧНЫХ СТАРОНАК АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ Ў ТВОРЧАСЦІ А. САЛЖАНИЦЫНА І В. БЫКАВА

Ключавыя словы: ідэйна-філасофскія традыцыі, інтэлектуальна-культурны вопыт, маральна-філасофская канцэптуальнасць, эстэтычны вопыт “шасцідзясятніцтва”, экзистэнцыйны выбар, чалавек і абставіны, гуманістычны ідэал, трагедыйнасць быцця, мастацкі рэквіем.

Анацыя: Выяўлены тыпалагічныя сыходжанні асобных твораў літаратурнай спадчыны рускага пісьменніка А. Салжаныцына і шэрагу мастацкіх твораў беларускага пісьменніка В. Быкава. Устаноўлена падабенства ідэйна-філасофскіх пазіцый, роля асабістага вопыту аўтараў-франтавікоў у асэнсаванні прычын трагедыі і вялікіх ахвяр вайны, а таксама пры ўвасабленні канцэпцыі чалавек і абставіны (аповесці А. Салжаныцына “Адліг Швенкіттэн”, В. Быкава “Мёртвым не баліць”, “Сотнікаў”). Падкрэслена маральна-філасофская ацэнчанасць, сарыентаванасць на гуманістычныя ідэалы рускага і беларускага пісьменнікаў пры літаратурна-мастацкім даследаванні “гулагаўскай” тэмы (А. Салжаныцын “Адзін дзень Івана Дзянісавіча”, “Архіпелаг ГУЛаг”, В. Быкаў “Аблава”). Абодва пісьменнікі сцвярджаюць маральную трываласць і духоўную годнасць чалавека як неадменны гуманістычны імператывы (ідэал).

А. Салжаныцын (1918 – 2008) і В. Быкаў (1924 – 2003) належаць да аднаго пісьменніцкага пакалення, якое настойліва і мужа несла ў савецкую літаратуру пафас праўды аб сацыяльна-палітычнай гісторыі вялікай краіны СССР, аб войнах і трагедыях эпохі савецкага таталітарызму. “Жить не по лжи!” і “Праўдай адзінай” – жыццёвыя і творчыя прынцыпы А. Салжаныцына і В. Быкава сталі не толькі ідэйна-эстэтычнымі арыенцірамі для савецкай літаратуры пакалення “шасцідзясятнікаў”, але і сёння, у пачатку XXI ст. паранейшаму вызначаюць сутнасць жыцця і прызначэння кожнага сумленнага мастака. Сугучнасць ідэйна-філасофскіх традыцый гэтых вялікіх пісьменнікаў абумоўлена падобным, а часам і агульным вопытам перажытага. Яны абодва былі франтавікамі ў час Вялікай Айчыннай вайны. Старэйшы А. Салжаныцын, праўда, сустрэў перамогу пад арыштам, на Лубянцы, куды яго, маладога афіцэра, капітана, у лютым 1945 г. даставілі з фронту. Ваенныя цэнзары ў яго перапісцы з сябрам М. Віткевічам знайшлі крамолу: пад мянушкамі “Воўка” і “Пахан” сябры, сапраўды, мелі на ўвазе Леніна і Сталіна. Так у пераможным 45-м годзе А. Салжаныцын быў асуджаны на восем гадоў лагераў “за агітацыю і прапаганду” і атрымаў першы, але не апошні ўласны лагерны вопыт, што потым дасць багаты матэрыял для творчасці пра архіпелаг ГУЛаг і закінутыя ў лагеры лёсы мільёнаў людзей.

Беларускі пісьменнік В. Быкаў ваяваў на 2-м і 3-м Украінскіх франтах. Ён пазнаў не толькі героіку і трагедыю вайны, але і маральную, духоўную веліч чалавека на вайне, у супрацьстаянні з непераадольнымі абставінамі. Пазней пісьменнік напіша, што савецкія людзі не толькі перамагалі фашызм, але даказалі самім сабе і ўсяму чалавецтву нязломнасць, незнішчальнасць

чалавечай годнасці. Зімой 1944 г. у баях пад Кіраваградам паранены малодшы лейтэнант В. Быкаў цудам уратаваўся з-пад гусеніц фашысцкіх танкаў, адыходзячы праз міннае поле. Але яго бацькі атрымалі “пахаронку”. Гэтыя падзеі апісаны пісьменнікам у аповесці “Мёртвым не баліць”. В. Быкаў ваяваў далей і вызваляў Румынію, Венгрыю, Югаславію, Аўстрыю.

Памяць аб вайне і аб мільёнах загінуўшых абавязвала пісьменнікаў ваеннага пакалення А. Салжаніцына, Д. Граніна, В. Быкава, В. Астафьева, В. Някрасава, Я. Брыля, А. Адамовіча і многіх іншых расказваць праўду аб вайне і перамозе. Яны добра ведалі і горка ўсведамлялі, якіх непамерна вялікіх страт каштавала перамога, што самым танным на вайне было, на жаль, жыццё чалавека. Пісьменнікі, удзельнікі вайны, часта сам-насам сутыкаліся са смерцю. Нават бязбожныя душы ў такія моманты звярталіся да Усявышняга, а выжыўшы цудам, прыходзілі да Веры. Праваслаўнымі вернікамі сталі А. Салжаніцын і В. Быкаў.

Імёны А. Салжаніцына і В. Быкава стаяць побач у свядомасці і інтэлектуальна-культурным вопыце кожнага адукаванага чалавека. Праніклівыя мысляры, сумленныя, таленавітыя пісьменнікі, барацьбіты супраць таталітарызму, яны мелі мужнасць выказваць праўду ў мастацкіх творах, у публіцыстыцы, інтэрв’ю, эсэістыцы. Прыхільнікі рэфарматарскіх шляхоў абнаўлення грамадства, абодва не аблашчаныя ўладамі, са сваімі мужнымі і праўдзівымі творамі А. Салжаніцын і В. Быкаў застаюцца і сёння “на бестэрміновай перадавой” (А. Адамовіч) змагання за сумленнасць, духоўнасць у чалавеку і грамадстве.

Пазнанне вайны праз асабісты вопыт адлюстравалася ў большасці твораў беларускага пісьменніка В. Быкава, асабліва ў яго “франтавых” аповесцях “Жураўліны крык”, “Дажыць да світаньня”, “Здрада”, “Пастка”, “Трэцяя ракета”, “Мёртвым не баліць” і інш. У спадчыне А. Салжаніцына таксама ёсць творы “франтавой” тэмы. Гэта – некаторыя апавяданні 90-х гг., а таксама “маленькая аповесць” (так вызначаў жанравыя асаблівасці некаторых сваіх твораў і В. Быкаў) “Адліг Швенкіттэн”. У названых творах абодвух пісьменнікаў не толькі выяўляюцца драматычныя і трагічныя эпізоды вайны, але і востра пастаўлены маральна-філасофскія пытанні: чаму часта перамагае зло? Чаму духоўнае, маральнае часта аказваецца бездапаможным перад карыслівым, здрадніцкім, цынічным? Абодва пісьменнікі ў названых творах паўстаюць “бязлітаснымі рэалістамі” і аналітыкамі. Незабыўныя, балючыя ваенныя ўражанні ператвараліся ў творчыя задумы – расказаць аб трагічным лёсе свайго загінуўшага пакалення, аб тым, што паражэнні і перамогі на вайне былі абумоўлены і перадавеннай гісторыяй, што невымерныя страты і ахвяры часам былі марнымі, што чалавечым жыццём найменей даражылі на вайне.

У аповесці А. Салжаніцына “Адліг Швенкіттэн” расказваецца аб апошнім перыядзе вайны, аб баях ва Усходняй Прусіі ў студзені 1945-га года. Камандзіры выпраўляюць брыгаду зімовай ноччу на стратэгічна неабдуманнае перамяшчэнне. А самі штабісты “раслабіліся” за гарачай вячэрай і нават адключылі сувязь. Пісьменнік паказаў, што па сутнасці па віне камандзіраў бессэнсоўна трагічна загінулі лепшыя салдаты і афіцэры, мужныя і сумленныя

людзі. Падобныя сюжэты сустракаюцца ў шэрагу твораў беларускага пісьменніка В. Быкава: “Мёртвым не баліць”, “Пастка”, “Праклятая вышыня”. Ваенныя, як і “гулагаўскія”, выпрабаванні з пераканаўчай выразнасцю выяўлялі маральную і духоўную сутнасць чалавека.

У 60-я гады ХХ ст. следам за аповесцю “Адзін дзень Івана Дзянісавіча”, надрукаванай у 1962 г. у часопісе “Новый мир”, з’явілася ў друку аповесць В. Быкава “Мёртвым не баліць” у беларускім часопісе “Малодосць” (1965). Рэдактара часопіса П. Панчанку пасля папракалі за рызыкаўную “смеласць”, бо ў творы закраліся праблемы, аб якіх яшчэ не прынята было гаварыць і пісаць: пра здраду і баязлівасць на вайне, пра адмоўныя вынікі культуры асобы. А пісьменніка папракалі за залішняе згущэнне трагізму і “дэгенерацыю”. Некаторыя крытыкі назвалі гэты быкаўскі твор “літаратурнай дыверсіяй”. В. Быкаў падкрэсліваў, што гэтая аповесць аўтабіяграфічная, а сюжэт узяты з уласнага франтавога вопыту, што ў герояў твора былі прататыпы – звычайныя байцы, якія выяўлялі гераізм і самаахвярнасць. Героі аповесці па віне бяспечных камандзіраў апынуліся ў акружэнні. Яны намагаюцца супрацьстаяць фашысцкім танкам, падбіць іх, хоць зусім не былі гатовыя да такога бою. Праяўляючы гераізм і самаахвярнасць, яны змагаюцца да апошняга ў найскладаных абставінах, каб спыніць нечаканую танкавую атаку. У выніку злачыннай абыякавасці камандзіраў гінуць сябры галоўнага героя Васілевіча, ад імя якога перадаюцца падзеі. На мінным полі, дзе байцы аказаліся па віне камандзіра Сахно, гіне медсястра Каця Шчарбенка.

Васілевіч, якому аўтар дадае найбольш з перажытага ім пад Кіраваградам, – адзін з многіх параненых. З таварышамі ён вымушаны прабірацца праз міннае поле. Нікому не хочацца паміраць ні пад гусеніцамі фашысцкіх танкаў, ні ўзрывацца на міне. Але ў безвыходнай сітуацыі ваеннага абсурду герой гатовы і да гібелі. Сахно ж выпраўляе наперад малодшых па званні, імкнучыся ўберагчы сябе. В. Быкаў выяўляе і асуджае бездухоўнасць прыстасаванцаў да вайны, такіх, як афіцэры Сахно і Гарбацюк. “Жалезны” характар Сахно накіраваны на падначаленых, для якіх ён і жорсткі, і бязлітасны. Такія, як Сахно, паказаў В. Быкаў, не кідаліся пад танкі, не ахвяравалі сабой дзеля перамогі, а толькі пасылалі наперад іншых.

У заключным раздзеле твора, прысвечаным пасляваеннаму жыццю, пісьменнік-мыслар В. Быкаў выказвае аптымістычную веру, што будучыня наступіць без такіх тыпаў, як Сахно і Гарбацюк. Вайна, гібель дарагіх сяброў і мноства сумленых людзей не пазбавілі душу героя пяшчоты і чалавечнасці. Назіраючы за мірным жыццём, за сямейнымі і закаханымі парамі, герой-апавядальнік Васілевіч думае: “... хто і якія б гэтыя людзі ні былі – ім належыць будучыня, і ў тым іх перавага. Ім ствараць яшчэ ненапісаную гісторыю краіны. У загадкавым заўтра прадаўжаць жыццё. Іх чалавечнасць і мужнасць будуць вызначаць лёсы зямлі [1, с. 360].

А. Салжаніцын і В. Быкаў у 60–70-я гг. разам з іншымі прадстаўнікамі савецкага пакалення пісьменнікаў, якія пазналі вайну праз асабісты вопыт (Ю. Бондараў, А. Бакланаў, А. Ананьеў, К. Сіманаў, А. Бек, І. Мележ, І. Шамякін, інш.) выяўлялі ў сваіх творах прынцыповую грамадзянскую

пазіцыю ў адлюстраванні вайны. На выдатным веданні рэальных абставін імі былі закладзены *традыцыя і эстэтыка праўдзівага адлюстравання героікі і трагедыі вайны*. Гэта станавілася творчым арыенцірам для іншых пісьменнікаў, асабліва пры даследаванні маральна-духоўных матываў паводзін чалавека на вайне.

Непрыманне маральна нізкага, якое хаваецца за маскай “героікі” ці звычайнай прыстойнасці, заўсёды было ўласціва рускаму і беларускаму пісьменнікам-мыслярам. Нават у творах аб вайне А. Салжаніцына і В. Быкава шукаюцца адказы на вечныя пытанні быцця. Якая цана на вайне жыццю? Ці не злачынна ўсе трагедыі спісваць на вайну? Права на які выбар чалавек мае, а на які не мае нават у непераадольных абставінах вайны? Якім павінен быць выбар паміж жыццём і гонарам?

Беларускі пісьменнік В. Быкаў мноства разоў ставіў гэтыя пытанні ў сваіх творах, па-філасофску даследуючы духоўныя і маральна-псіхалагічныя магчымасці чалавека. Маральна-філасофская праблема выбару між жыццём і гонарам асабліва ўзмоцнена прагучала ў апавесці “*Сотнікаў*” (1970). У гэтым прыпавесціным творы на ваенным матэрыяле пісьменнік паказвае сутыкненне духоўнага пачатку чалавека з яго натуральным і зразумелым імкненнем захаваць фізічнае жыццё. Невыпадкава фільм “Узыходжанне” расійскага рэжысёра Л. Шэпіцька, зняты па гэтай апавесці В. Быкава, адразу папаў пад забарону, хоць у аснову сюжэта апавесці і фільма пакладзены евангельскі сюжэт аб здрадзе, як адзін “прадае” другога.

Героі ваенных твораў В. Быкава ваююць не толькі зброяй, а сваім моцным характарам, духам супрацьстаяць бесчалавечнасці. Гэта ў поўнай меры адносіцца да апавесці В. Быкава “Сотнікаў”, твора аб велічы чалавечага духу: на што здольны чалавек, як ён будзе сябе паводзіць, калі выратаваць жыццё ўжо немагчыма?..

Праз вобразы і лёсы герояў твора пісьменнік-мысляр пераконвае: трэба жыць сумленна, з адказнасцю за кожны нават дробязны ўчынак; заставацца сумленным і маральным на вайне, перад непазбежнай смерцю – гэта гераізм; нельга ісці на кампрамісы з сумленнем нават, здавалася б, у нязначным, дробязным; кожная здрада сумленню і агульначалавечай, хрысціянскай маралі, хаця б і дзеля ўратавання ўласнага фізічнага існавання за кошт жыцця, здароўя, інтарэсаў іншага чалавека – гэта ганьба і грэх. Яны вядуць непазбежна да духоўнага падзення асобы, да жыццёвага паражэння таго, хто імкнецца шляхам здрады, амаральнага ўчынку займець уласную выгоду ці ўратаваць сябе. Гэта і складае праблематыку і ідэйна-філасофскі змест апавесці. Адна з асноўных праблем твора – чалавечая вартасць, мера духоўнай і маральнай трываласці чалавека ў непераадольных абставінах, у моманты галоўнага жыццёвага выпрабавання, калі даводзіцца глядзець у вочы смерці.

На сюжэце-эпізодзе з ваеннага, партызанскага супраціўлення ва ўмовах акупацыі пісьменнік уздымае філасофскую праблему складанага маральнага выбару. Двое партызан, Рыбак і Сотнікаў, атрымалі заданне: раздабыць хоць нейкі харч для атрада, які ўжо тыдзень не мае ежы, амаль з усіх бакоў

акружаны карнікамі; многія партызаны паранення і прастуджаныя, і ўжо закончылася паранае жыта, якім ратаваліся ад голаду...

Але каштоўнасць твора заключаецца не толькі ў майстэрскім адлюстраванні трагічнай ваеннай сітуацыі, а ва ўніверсалізме, заўсёднай актуальнасці ўзнятай аўтарам праблемы. Сітуацыі выбару ўзнікаюць не толькі на вайне, а паўстаюць перад кожным з нас і ў мірны час, і амаль кожны дзень.

Расказваючы пра драматызм выбару перад небяспекай смерці ў бязлітасных абставінах вайны, В. Быкаў узвышае маральную нязломнасць ледзь жывога, параненага і закатаванага карнікамі Сотнікава. Пісьменнік як бы спачувае дужаму і ўдачліваму да апошняга правалу на заданні Рыбаку, які, ратуючы ўласнае жыццё, згаджаецца на ганебную здраду і ўдзел разам з паліцаямі і фашыстамі ў смяротным пакаранні сябра-партызана. Намагаючыся застацца жывым, Рыбак не думае, што яго, як і кожнага здрадніка і забойцу, непазбежна напаткае кара.

Большасць герояў твораў В. Быкава, як і Сотнікаў, моцныя сваім характарам, маральнай і духоўнай нязломнасцю здольныя супрацьстаяць смерці і бесчалавечнасці. Яны ніколі не пераступаюць мяжу, за якой канчаюцца чалавечнасць, культура і маральнасць, якую, на жаль, пераступіў Рыбак.

Для мастацкага ўвасаблення задумы аб маральнай і духоўнай нязломнасці чалавека перад неадольнымі бесчалавечнымі абставінамі акрамя вобраза чалавека-адступніка, Рыбака, пісьменніку спатрэбіўся вобраз яго антыпода, чалавека моцнай волі – Сотнікава. Менавіта Сотнікаў перамог абставіны, узвысіўся над імі сілай і веліччу мужнасці, духоўнасці, гераізму. Гэтаму вобразу адведзена цэнтральнае месца ў творы, бо менавіта Сотнікаў задумваецца над пытаннямі, што цікавяць пісьменніка, і дае адказ на іх сваёй гераічнай смерцю.

Абставіны склаліся самым трагічным чынам. Сотнікаў і Рыбак трапілі ў фашысцкі палон, дзе з іх здзекуецца «банда наймітаў», паліцаяў. Яны разумеюць, што выйсце адсюль для іх толькі адно — памерці з годнасцю. Гэта адзіны спосаб даказаць сваю непадуладнасць абставінам. Але чаму гэтым трагічным шляхам пайшоў толькі Сотнікаў? Адказ на пытанне даецца ў паслядоўнай, псіхалагічна дакладнай параўнальнай характарыстыцы герояў, якую пісьменнік праводзіць з вялікай увагай да кожнай падрабязнасці ў даваенных лёсах, у размовах, паводзінах Сотнікава і Рыбака. Яны разам выйшлі на заданне, былі добрымі знаёмымі, іх аб'ядноўвалі ўзаемная сімпатыя і адна мэта. Але мы бачым, што ў канцы аповесці іх дарогі і лёсы разышліся назаўсёды. Гэта ўжо зусім розныя людзі. Сотнікава павесілі фашысты, а Рыбак стаў здраднікам-паліцаем.

Сотнікаў — былы камбат Савецкай Арміі. Закончыў настаўніцкі інстытут, працаваў у школе, служыў у войску. Яму, як і Рыбаку, дваццаць шэсць год, але многае ён ужо пражыў і перажыў. У час вайны камандаваў батарэяй. Пра мінулае жыццё, дзяцінства і юнацтва толькі ўспамінаецца. У памяці Сотнікава жыве нядаўняе мінулае: няроўны бой з танкамі, разгром палка, уцёкі з палону і цяперашнія падзеі партызанскага жыцця. У параўнанні з Рыбаком, які з захапленнем прыгадвае сваё нядаўняе каханне з хутаранкай Любкай, душа Сотнікава нічога не ўспрымае апроч вайны. Аднак было ў іх і агульнае:

армейскае мінулае і памятны бой у лесе, дзе яны выручылі адзін аднаго. У той раз мужнасць і адвага Сотнікава паслужылі Рыбаку прыкладам: іх дваіх і яшчэ аднаго партызана пакінулі ў заслоне, каб стрымаць фашыстаў і даць магчымасць партызанскаму атраду адарвацца. Рыбак і другі партызан, убачыўшы, што вакол многа ўзброеных фашыстаў, вырашылі, пакуль няпозна, ратавацца і пачалі ўцякаць. Сотнікаў жа не сышоў з месца, вёў па ворагу трапны агонь, прыкрываючы адыход таварышаў, што прымусіла фашыстаў залегчы... Рыбак, сабраўшыся з духам, таксама стаў страляць па ворагу. Мужнасць і вытрымка Сотнікава спынілі ганебныя ўцёкі Рыбака з поля бою. Пасля таго яны як бы пасябралі: Рыбак быў удзячны свайму таварышу і цягнуўся да яго, хацеў быць такім жа валявым і стойкім.

Суровыя ўрокі вайны ўмацоўвалі волю Сотнікава, гартавалі яго здольнасць супраціўляцца абставінам, ніколі не здраджваць сваім перакананням. З таго бою, калі быў разгромлены яго полк, а самому байцу ўдалося знішчыць чатыры варожыя танкі, Сотнікаў вынес правіла: змагацца, супраціўляцца трэба, нягледзячы ні на што, да апошняй магчымасці. Так ён ваяваў і ў партызанскім атрадзе.

Волю, рашучасць Сотнікава загартаваў і палон. Там ён пераканаўся: з тымі, хто адолеў страх смерці, фашысты ўжо нічога не могуць зрабіць. На ўсё жыццё ён запомніў, як у лагеры для ваеннапалонных ворагі дапытвалі сівога палкоўніка. Гэты чалавек быў пакалечаны ў баі, ледзь жывы, моцна пакутаваў ад фізічнага болю. Аднак гэтаму палкоўніку было невядома пачуццё страху за сваё жыццё. На допыце ён кідаў у твар гестапаўскаму афіцэру гнеўныя словы супраць Гітлера. Яго расстралялі, але тыя некалькі хвілін перад смерцю былі подзвігам, магчыма, большым, чым на полі бою. І ў сваім трагічным фінале Сотнікаў бярэ прыклад з мужа палкоўніка. Сотнікаў выпадкова аказаўся побач за сцяной барака і на ўсё жыццё запомніў гэты допыт. Мужнасць і нязломнасць палкоўніка ён згадвае, апынуўшыся ў палоне.

Праявы гераізму ў характарах і паводзінах людзей заўсёды захаплялі Сотнікава. У апошнія хвіліны свайго жыцця ён успамінае і безыменнага, параненага палоннага лейтэнанта, які ўдарыў нажом канваіра. Сам лейтэнант з-за ранення ўцячы не мог, але хацеў даць шанс уратавацца іншым. Перад смерцю ў палоне Сотнікаў шкадуе, што яму не пашчасціла так загінуць, бо ў яго няма ні сілы, ні зброі. І ўсё ж ён спрабуе выратаваць тых людзей, з кім звёў лёс: старасту Пётру Качана, Дзёмчыху, яўрэйскую дзяўчынку Басю. Сотнікаў прызнаецца, што ён – партызан і што ён сам забіў паліцая, а ўсе астатнія – выпадковыя, ні ў чым не павінныя людзі.

Аўтар, апісваючы апошнія гадзіны Сотнікава, падкрэслівае, што герой ахвяраваў сабой дзеля выратавання іншых. Сотнікаў не згаджаецца з думкай, што яго смерць з'явіцца недарэчнай выпадковасцю. Як і кожная смерць у барацьбе, яна павінна нешта сцвярджаць, нешта адмаўляць і, па магчымасці, завяршыць тое, што не паспела здзейсніць жыццё. Аднак спадзяванне Сотнікава сваёй смерцю купіць выратаванне тым, хто быў побач, не ажыццявілася. Жаданне, каб і смерць стала вялікім учынкам, не збылося. Сотнікаў не спрабуе ўратаваць сваё жыццё, як Рыбак, не таму, што яго не

цэніць. Ён не разумее Рыбака, які выбраў шлях здрады і маладушша. Падводзячы рахункі свайму жыццю ў дваццаць шэсць год, Сотнікаў мае перакананне аб сапраўднай каштоўнасці жыцця. Яно вымяраецца тым добрым і карысным, што чалавек зрабіў для іншых, для грамадства. Сотнікаў застаецца незадаволены зробленым, аднак і марным сваё жыццё не лічыць.

Пасля гібелі Сотнікава нарадзіўся Рыбак-зраднік. Аўтар судзіць свайго героя-зрадніка праўдай і ўзнясеннем Сотнікава, які не спасылаўся на безвыходныя абставіны, бо, сапраўды, нельга ніякімі абставінамі апраўдваць здраду, злачынства.

У творы В. Быкаў-мысляр даводзіць, што часам узнікаюць сітуацыі, з якіх чалавеку няма рэальнага выйсця і вяртання ў жыццё. Але бяссілле чалавека перад абставінамі, трагізм сітуацыі не павінны здымаць з чалавека адказнасці за сябе і за тых, хто побач. Складаныя абставіны, наадварот, падпарадкаванне і памылковы выбар прыводзяць чалавека да маральнага паражэння. У сцвярджэнні гераічнай асобы, якая і ў трагічных абставінах застаецца вернай сабе, — такой асобай быў Сотнікаў — В. Быкаў справядліва сцвярджае высокі гуманістычны ідэал чалавецтва. Быкаўская аповесць уяўляецца разгорнутай мастацка-літаратурнай метафарай салжаніцынскага выслоўя – “Жить не по лжи!»

Час сцірае чалавечыя лёсы, не пакідае нават месцаў пахаванняў замучаных і загубленых пакаленняў. А літаратура стварае ім кнігі-мемарыялы, творы-помнікі. Справядліва высока ацэньваецца праца А. Салжаніцына па стварэнні ўнікальнага ў сусветнай літаратуры трохтомнага выдання “*Архіпелаг ГУЛаг*”, якое яшчэ ў 70-я гг. стала вядома ў краінах Захаду (упершыню выдадзена ў Парыжы, 1973 – 1975 гг.). Да чытачоў Расіі і Беларусі афіцыйна гэта выданне прыйшло значна пазней, амаль праз дваццаць год. Толькі ў 1989 г. ў Савецкім Саюзе пачалі друкаваць творы А. Салжаніцына. Сам А. Салжаніцын даў канкрэтызаваны падзагалавак сваёй кнізе: “Вопыт мастацкага даследавання”. Пісьменнік абнародаваў тое, пра што нельга было гаварыць і пісаць, хоць фармальна “культ асобы” і яго наступствы былі асуджаны ў СССР яшчэ ў 60-я гг. Знямае ад жахаў сталінскай таталітарнай сістэмы і сапраўднага генацыду супраць свайго народа, савецкае грамадства ўсё яшчэ маўчала.

Асновай кнігі “*Архіпелаг ГУЛаг*” стаў асабісты вопыт пісьменніка і ўспаміны каля 250-ці вязняў, якія прайшлі жахі сталінскіх лагераў. Па звестках А. Салжаніцына, 21 мільён чалавек былі знішчаны і памерлі з голаду ў працоўных лагерах. Кніга “*Архіпелаг ГУЛаг*” стала дакументальна-мастацкім даследаваннем савецкай лагернай турэмнай сістэмы 1918 – 1956 гадоў.

У беларускай літаратуры пачынальнікам “тулагаўскай” тэмы стаў пісьменнік-драматург Ф. Аляхновіч (1883 – 1944 гг.). Страшную праўду пра савецкія “ісправительно-трудовыя лагера” ён расказаў у аповесці “У кіпцюрох ГПУ”. Гэта кніга ўласных успамінаў аўтара аб высылцы ў Салаўкі, аб працы па дванаццаць гадзін і аб побыце вязняў, аб “лагерных” нормах, якія насаджаліся турэмнай адміністрацыяй.

Страшная праўда аб часах сталінізму адкрыецца значна пазней, у канцы 80-х і ў 90-я гг., у многіх творах і ўспамінах рускіх і беларускіх пісьменнікаў –

А. Салжаніцына, В. Шаламава, Ю. Дамброўскага, А. Рыбакова, С. Грахоўскага, П. Пруднікава, Л. Геніюш, Б. Мікуліча, П. Пруднікава...

В. Быкаў працягваў у беларускай і тагачаснай савецкай літаратуры мастацка-творчае здзяйсненне справы А. Салжаніцына, вяртаў народу праўду аб трагічным эпасе сталінскіх рэпрэсій. Матывы і вобразы бязвінных ахвяр таталітарызму ўзнікаюць ужо ў ранніх аповесцях В. Быкава (напрыклад, вобраз Івана Пшанічнага, аднаго з герояў першай аповесці “Жураўліны крык”), паступова ўзмацняюцца, гістарычна канкрэтызуюцца (паказ даваеннага жыцця беларускага сялянства ў аповесці “Знак бяды”); уздымаюцца да мастацка-філасофскіх даследаванняў антынароднай таталітарнай сістэмы (апавесць “Сцюжа”). Творы В. Быкава ўзнаўляюць трагедыі беларускага народа, нацыянальнай інтэлігенцыі і сялянства, жыцці якіх праглынуў ГУЛаг.

Аповесць В. Быкава “Аблава” (1988) стала пераканаўчым мастацка-сімвалічным абагульненнем і адначасова бязлітаснай высновай пісьменніка аб драматычным лёсе беларускага народа ў XX ст. Вяртаючы так неабходную грамадству праўду жыцця, В. Быкаў стварыў твор-помнік, у якім увекавечыў памяць аб беларускіх сялянах, ахвярах сталінізму. Хведар Роўба, герой аповесці В. Быкава “Аблава”, цягавіта і трывушча, як Іван Дзянісавіч, вядомы герой А. Салжаніцына, працаваў на лесапавале, цярэў лагерны лёс. Але пасля смерці жонкі і дачушкі, якія былі высланы з ім, жыццё страціла для быкаўскага героя сэнс. Адзінае, што яго яшчэ цікавіць у лагерным існаванні, што ж змянілася ў яго роднай вёсцы, што стала калгаснай, што з яго хатай і як жыве яго сын Міколка, які ў час высылкі бацькоў служыў у савецкім войску?..

Пісьменнік з вялікай мастацкай глыбінёй асэнсоўвае трагедыйнасць айчыннай гісторыі, паказвае гвалтоўную і пакутлівую для сялян калектывізацыю. Аповесць выразна даносіць сучаснаму чытачу аўтарскае перакананне аб антымаральнасці таталітарнай сістэмы, якая не толькі фізічна знішчала мільёны, але і расчалавечвала людзей, вынішчала маральнасць пачуццяў нават між самымі роднымі, сямейнікамі. Гэта ці не самае страшнае злачынства той палітычнай сістэмы. Па дарозе ўцёкаў з чужога краю, з паўночнага Котласу, дзе наvekі засталіся жонка і дачка, Хведар успамінае перажытае. Праз успаміны героя пісьменнік расказвае чытачу аб калектывізацыі і трагічным лёсе сялян-гаспадароў. Хведар намагаецца знайсці адказ на пытанне, за што ж ён быў асуджаны і пакараны, і не знаходзіць. “Тысячу разоў ён пытаўся ў сябе, як ехалі ў смярдзючых вагонах, як іх гналі абозам па замерзлай рацэ, як рабіў там, на паўночным прыгоне, – пытаўся ў людзей, знаёмых і незнаёмых, пытаўся ў начальнікаў. Усе нешта казалі пра ўладу, класавую барацьбу і калектывізацыю. Але ніхто яму не растлумачыў так, каб адразу стала зразумела: завошта ў яго адабралі ўладай жа дадзеную зямлю, майно і саслалі на катаргу?..” [2, с. 332].

На роднай зямлі, у роднай вёсцы з красамоўнай назвай Нядолішча ад яго адцураліся суседзі і аднавяскоўцы, якія яго ведалі змалку, якім ён мноства разоў дапамагаў, жыў у добрым суседстве. Кожны з іх баяўся трапіць у няміласць да ўлады, таму і не асмельваліся нават паспачуваць раскулачаным: “Мусіць, навек адышла дабрыня з мінулым часам, на змену ёй паявілася нешта

новае – жорсткае і няшчаднае” [2, с. 361]. Письменнік падкрэслівае разбуральнасць, амаральнасць таталітарнай сістэмы і “новай” ідэалогіі. Хведара абманвалі, ашуквалі суседзі, начальства і нават радня. Ён быў нязручным усім прыстасаванцам, якія імкнуліся да ўлады. Сваёй штодзённай працай ён паказваў перавагу чалавека-гаспадара над балбатунамі-актывістамі, якія кіруюць калгасам.

Праз трагедыю ні ў чым не павіннага чалавека В. Быкаў паказвае трагедыю ўсяго сялянства, бесчалавечнасць палітыкі “ліквідацыі кулацтва”, што прывяло да разарэння вёскі, знішчэння сапраўдных гаспадароў і знішчэння веры сялян быць гаспадарамі на сваёй зямлі.

Але самыя страшныя падзеі сталіншчыны – гэта руйнаванне маралі і нават роднасці, што бязлітасна прайшло па многіх сем’ях. Ад Хведара адмовіўся яго родны сын Мікола. У дзяцінстве сын быў працавіты, спачувальна ставіўся да людзей і жывёлы. Але, падрасшы, уступіў у камсамол, стаў сакратаром ячэйкі, стала не да гаспадаркі. Пасля вяртання з войска хлопей нават не пацікавіўся, куды выслалі бацькоў і што з імі. Мікола стаў “партыйным сакратаром” у раёне і нават адмовіўся ад бацькавага прозвішча. Бацька трывожыцца: чаму сын стаў нелюдзем? Ён жа вучыў яго спагадзе. Але былі ў Міколы і іншыя настаўнікі – тагачасныя савецкія ідэолагі. Ніхто не перасцярог хлопца, апантанага “новымі” ідэямі, што нельга, грэх адракацца ад бацькоў, ад свайго роду.

Сын ідзе супраць бацькі. У аблаве на ўцекача Хведара Роўбу, сумленнага і працавітага чалавека, удзельнічаюць суседзі, аднавяскоўцы. Аўтар падае думкі героя ў апошнія хвіліны жыцця, перад тым, як яму назаўсёды знікнуць у твані: “Людцы, завошта вы так? Што я зрабіў кепскае вам? ... Завошта ж мяне так люта? ... Людцы, адумайцеся!.. Бедны Міколка! І яму во лезці сюды! Мусіць, аднак, не ад салодкай жыцці! ... Можа, яму загадалі?.. І паслалі лавіць у лесе бацьку, якога ён выракся. Калі выракся, дык, мабыць, можна і лавіць. Але калі такое магчыма, тады як жа жыць? Можа, яму яшчэ загадаюць, злавіўшы, учыніць допыт над бацькам? І сын змушаны яго катаваць? Божа, нашто ты стварыў тады белы свет!” [2].

Аповесць В. Быкава “Аблава” ўспрымаецца мастацкім рэквіемам па тысячах бязвінна загубленых беларускіх сялян у час сталінскіх рэпрэсій. Замоўчванне трагічных старонак айчыннай гісторыі В. Быкаў, як і А. Салжаніцын, расцэньваў як хваробу духу грамадства. Абодва пісьменнікі прынцыпова парушалі “зону хлуслівага маўчання” (В. Быкаў). Старонкі іх кніг і сёння прымушаюць думаць і трывожыцца, каб не паўтарыліся трагічныя гістарычныя тупікі грамадства ў будучыні.

Спіс літаратуры:

1. Быкаў, В. Збор твораў : у 4 т. / В. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 1982. – Т. 4 : Аповесці. Апавяданні – 479 с.
2. Быкаў, В. У тумане : аповесці / Маст. У. Сытчанка. – Мн. : Маст. літ., 1989. – 383 с.

Мартьянова С. А.
(Владимир, Россия)

УДК 821.161.1

ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И «ТЮРЕМНЫЕ ТЕКСТЫ» В. ГЮГО

Ключевые слова: В. Гюго, А. Солженицын, Ф. Достоевский, влияние, заимствование, реминисценция, интертекст, «тюремный текст».

Аннотация: автор рассматривает влияние художественных идей и произведений В. Гюго («Девяносто третий год», «Последний день приговоренного к смерти») на творчество А. И. Солженицына («Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ»), вводит понятие «тюремный текст». Отмечается особый характер обращения к произведениям зарубежной классики в послереволюционной России. Выделяются три линии взаимодействия творчества Гюго и Солженицына: цитаты и реминисценции, художественный язык, представления о творчестве и литературе. Достижения зарубежной литературы были осознаны Солженицыным не как достояние буржуазной культуры, а как правдивое слово о реальности в ее художественном преломлении.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена в первую очередь устойчивым и достаточно широким интересом исследователей к феномену текста: «петербургский текст», «городской текст», «провинциальный текст». Предполагается, что каждый тип культуры (или субкультуры) имеет свои пространственные и исторические приметы, обладает совокупностью признаков, которые могут быть прочитаны как текст. Будучи включенными в состав художественного мира произведения, подобные тексты обретают свой «внутренний мир»: образно-мотивную структуру, пространственно-временные черты, стилистические особенности.

Современные ученые уже обратили внимание на особую значимость образов ссылки, каторги, тюрьмы в литературе недавнего времени. В ноябре 2017 года в ИРЛИ РАН прошла Международная конференция «Писатель в неволе: Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве А. И. Солженицына и мировой литературе» [1]. Исследователи попытались вывести изучение творчества писателя за пределы эпохи тоталитаризма, увидеть его в более широком контексте русской и мировой литературы – в этом заключалась уникальность научной встречи. Учеными были выявлены связи между творчеством Солженицына и таких писателей, как А. Радищев, С. Пеллико, А. Пушкин, Т. Шевченко, Ф. Достоевский, А. Чехов, А. Блок, А. Ремизов, Д. Лихачев. Вопрос о воздействии творчества В. Гюго на Солженицына не ставился.

Дополнительную трудность в понимании темы представляет ответ на вопрос: как следует представлять вопрос о влиянии и заимствованиях в случае Солженицына? В аспекте формального подхода, учитывая влияние одного текста на другой? В аспекте интертекстуального подхода, теории реминисценций? Ограничившись этой методологией, мы можем упустить важную особенность русского литературного развития в XX веке. Это развитие имело не органический, а, скорее, прерывистый, возможно, катастрофический характер. О судьбе русской классики в советской России Солженицын писал в романе «В круге

первом». Писатель приводит иронический пассаж об идеологическом прочтении литературы в школе и университетах: «И вся-то литература состояла в школе из усиленного изучения, что хотели выразить, на каких позициях стояли и чей социальный заказ выполняли все писатели эти и еще потом советские русские и братских народов» [2, с. 243]. Этот фрагмент следует понимать и читать с учетом особенности, отмеченной А. Немзером. Исследователь показал, что в солженицынском тексте существует «вибрация» между линией автора и героя [3, с. 116]. Если героиня Солженицына, Клара Макарыгина, оставляет филологический факультет, то сам писатель не спешит расставаться с литературой как таковой, выражает веру в силу слова, его изначальный характер и особую прочность. Несомненно, писатель не только отказывается читать литературу сквозь идеологические схемы, но и ставит перед собой вопросы: что литература представляет собой по существу? Какой она должна быть, если стремится говорить о «главном в жизни»?

Таким образом, А. И. Солженицын, как и многие его независимо мыслящие современники, подверг критике «археологически ориентированный» тип герменевтики, многое определивший в советском литературоведении и практике преподавания литературы. Предполагалось разоблачать, снижать классику, с подозрением относиться к ее смыслам и ценностям в свете идей «нового мира». Тюремный опыт и опыт «сократических диалогов» с узниками ГУЛАГа, хорошо описанный Ж. Нива [4, с. 88], стал источником новых размышлений писателя о предшествующей литературе. В этой литературе Солженицын открывает и важную для себя ценностную шкалу, и описание важных сторон реальности, которые будущая идеология старалась не замечать, исключать, сокращать. В любом случае – объяснять что-либо сословной предвзятостью, узостью взгляда, тенденциозностью. Так, по убеждению Солженицына, наследник Пушкина, Толстого и Достоевского не может петь дифирамбы тирану [2, с. 213]; в романе «В круге первом» писатель вспоминает Пьера Безухова и как будто заново открывает ценность «тайной свободы», по-новому переживаются и прозрения о судьбе России в «Бесах» Достоевского. Таково отношение не только к русской, но и зарубежной классике. Попытаемся определить, какое место во взаимодействии художественного мира Солженицына с текстами классической литературы принадлежит В. Гюго?

На страницах произведений Солженицына имя В. Гюго встречается по крайней мере дважды. В 16 главе 3 части «Архипелага ГУЛАГа» читаем: «Да не вся ли мировая литература воспевала блатных? Франсуа Вийона корить не станем, но ни Гюго, ни Бальзак не миновали этой стези, и Пушкин-то в цыганах похваливал блатное начало» [5]. Виктор Гюго, с одной стороны, оценивается в ряду великих авторов мировой литературы, а с другой, признается писателем, не избежавшим романтизации, облагораживания уголовных преступников. В эпоху господства передовой идеологии, согласно которой преступники считались порождением классового общества, эта линия была поддержана многими писателями. В то же время, по мнению Солженицына, опыт XX века разрушает романтические иллюзии, так как в системе ГУЛАГа уголовные преступники стали «вольницей вурдалаков», «последовательными материалистами» и «последовательными пиратами» [5].

Иного рода отсылка к творчеству В. Гюго содержится в романе «В круге первом», где цитируются и обсуждаются произведения многих зарубежных писателей – Данте, У. Шекспира, Т. Тассо, И. В. Гете, А. Дюма, М. Рида, Э. Хемингуэя. Из книг В. Гюго упоминается последнее произведение писателя – исторический роман «Девяносто третий год» (1873). Роман упоминается в 37 главе «Круга первого» – «Немой набат». Глеба Нержина вместе с другими заключенными везут на свидание с женами, Глеб наблюдает окраины Москвы, вспоминает юность, погружается в свои размышления. Сообщается, что во время войны, по мере продвижения на Запад, Глеб собирал по чердакам и подвалам книги, «запрещенные, проклятые и сжигаемые в Советском Союзе. От их тлеющих листов к читателю восходил непобедимый немой набат» [2, с. 212]. А затем эта особенная чувствительность Нержина – умение слышать «немой набат» – поясняется с помощью романа Гюго: «Это в «Девяносто третьем», у Гюго. Лантенак сидит на дюне. Он видит несколько колоколен сразу, и на всех на них – смятение, все колокола гудят в набат, но ураганный ветер относит их звуки, и слышит он – безмолвие» [2, там же]. Текст Гюго поясняет состояние Глеба Нержина, способного слышать «вопли погибающих» и укрепляющегося в решении: «узнать и понять! Откопать и н а п о м н и т ь!» [2, с. 213].

Вместе с тем смысловое пространство соотнесенности двух текстов шире. Роман Гюго – послереволюционное произведение, написание которого совпало с событиями Парижской коммуны. Таким же послереволюционным текстом является и роман Солженицына. Оба писателя выступают противниками революционного насилия и террора. Каждый из трех главных героев «Девяносто третьего года» проходит свой путь от фанатизма к человечности и милосердию, но таков и путь многих героев Солженицына, хотя конкретное содержание фанатизма все-таки меняется. Оба писателя отрицают насилие во имя правды человечности, достоинства человеческой личности, вне которых не представляют современную цивилизацию.

Отличие позиции Солженицына от позиции Гюго, по-видимому, заключается в отношении к идее прогресса. Если Гюго видел в революции не только насилие, террор, но и «котел» новой цивилизации, то Солженицын устами одного из героев романа говорит: «Как я ненавижу это бессмысленное слово «прогресс»!» [2, с. 345].

Явные, очевидные отсылки и переклички позволяют идти к более глубоким уровням взаимосвязей творчества двух писателей. На наш взгляд, они выявляются на уровне выбора тем, принципов художественной образности, характера решения отдельных эпизодов. Особое значение в этом отношении имеет знаменитая повесть В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829), значительная и своим призывом к отмене смертной казни, и тем, как заявлена и решена тема противостояния писателя, избирающего неудобные темы, и светского общества.

В предисловии к повести Гюго сообщает, что его роль – «роль ходатая за всех возможных подсудимых, виновных или невинных, перед всеми судами и судилищами, перед всеми присяжными, перед всеми вершителями правосудия» [6]. Конечно, здесь сразу вспоминается «немой набат», который слышит Глеб Нержин. Или, к примеру, ощущение Олега Костоглотова, переживаемое им в

финале повести «Раковый корпус»: «Только когда дрогнул и тронулся поезд – там, где сердце, или там, где душа – где-то в главном месте груди, его схватило – и потянуло к оставляемому» [7]. Не меньшее сходство проявляется и в «Архипелаге ГУЛАГе», автор которого называет свое произведение «общим дружным памятником всем замученным и убитым» в эпоху, когда мягкосердечность и мягкость были поставлены под подозрение [5]. Каждый раз речь идет о выборе писателем роли ходатая, призывающего милость к виновным и невинным. Отметим также своего рода писательскую солидарность в этом вопросе, готовность перешагнуть национальные, культурные, религиозные границы ради общечеловеческого идеала.

Второе очевидное сходство связано с использованием документальных свидетельств, обусловлено желанием писателей обратиться непосредственно к реальности жизненного факта. Гюго напоминает о Гревской площади в Париже, практике тайных казней, известия о которых попадали на страницы газет, то есть становились для кого-то источником наживы. Он подчеркивает, что взял свой материал «не из книг», а буквально «на площади», «под кровавыми обрубками с гильотины» [6]. Солженицынское повествование также представляет собой сплав документального и художественного, в начале «Архипелага ГУЛАГа» автор напоминает о 227 «невидимках», предоставивших ему свои воспоминания, рассказы, письма. Многочисленным «невидимкам» Солженицына посвящено недавнее исследование Т. Викторовой [8].

Для Гюго и Солженицына важен образ светского читателя, светского общества, неглубокого и поверхностного в своих читательских суждениях. Французский и русский писатель критикуют общество, которое не узнаёт в облике гонимых страдальцев жертв преступлений против человечности. Произведение Гюго включает в себя «Комедию по поводу трагедии». Предметом споров героев становится вопрос об истинной поэзии в связи с выходом книги «Последний день...». Автора произведения находят «плохим версификатором», «слишком мрачным», ведущим уединенную жизнь. Выяснив, что смертной казни в этой книге уделено немного внимания, собеседники упрекают автора в неделикатности, отсутствии аристократизма, в том, что он якобы навязывает им «физические страдания» и свое желание разрушить общественный порядок. В этих возражениях слышатся переключки и с сегодняшними упреками в адрес уже не Гюго, а Солженицына.

Солженицын разворачивает свою критику светского общества, нежелающего слышать о правде, в главе 62 «Круга первого» – «Два зятя». В этой главе изображен вечер в семье Макарыгиных, во время которого Иннокентий Володин вынужден исполнять предписанную ему роль свадебного генерала, чтобы составить показательную «выдающуюся компанию». Но в мужском разговоре с писателем Галаховым речь заходит о том, какой должна быть литература, в частности, литература о войне. «Неужели, – спрашивает Володин, – художественная литература должна повторять боевые уставы? <...> Какими идеями ты обогатил наш измученный век?». Солженицынский вопрос поставлен еще радикальнее, чем у Гюго. Должен ли писатель довольствоваться земной славой и успехом или должен стремиться к бессмертию и в таком случае отстаивать право «допрашивать» и ставить вопросы о преступлениях. Должен ли писатель до конца доверять земной славе или растворяться в «течении жизни»?

Особое значение приобретает в этом фрагменте спор героев о душе и совести. Неверно было бы думать, что категория души вовсе чужда Галахову. Он готов описывать не только быт полководцев и дипломатов, но и то, как бытовая реальность отражается в душе человека. Однако представления о душе оказываются идеализированными, схематичными, подогнанными под идеологические стереотипы. Они делают писателя зависимым не от своего призвания, а от постороннего суждения. Приступая к новому роману, Галахов замечает, что его преследует странный образ читателя: «И этот Тот был не читатель, брат, друг и сверстник читатель, не критик вообще – а почему-то всегда прославленный, главный критик Ермилов» [2, с. 383]. От окружающей реальности – сквозь идеологические препоны и запреты – Солженицын возвращается к традициям мировой литературы, которые, как явствует диалог между Володиным и Галаховым, были признаны в СССР чем-то значимым лишь для «буржуазного режима» [2, с. 381].

Как было сказано выше, Солженицын унаследовал не только отдельные темы, мотивы, образы Гюго, но также принципы повествования французского писателя. Центром изображения в «Последнем дне...» становится монолог приговоренного к смерти, его ощущения, мысли, переживания, физические страдания. Монолог подается, если использовать язык киноискусства, крупным планом. Цель – такого изображения заключается в пробуждении чувства сопереживания, сострадания, в пробуждении вопроса о соразмерности наказания преступлению, о готовности людей исполнять бессмысленные приказы, равнодушии к судьбе приговоренного и даже карьеризме. На наш взгляд, сам выбор одного дня в повести «Один день Ивана Денисовича» для показа жизни заключенных в сталинских лагерях уже позволяет говорить о влиянии традиции Гюго. «Один день Ивана Денисовича» – произведение, чья композиция, структура наиболее близка к художественным идеям французского писателя.

В других произведениях эта традиция также очевидна, хотя она соединяется с иными принципами повествования, иногда растворяется в них. В «Круге первом» это описание ареста и первых тюремных впечатлений Иннокентия Володина: пьянящая радость от новости о новом назначении, чтение ордера на арест, переживание «провала своей жизни», которое укладывается в одно мгновение и запоминается «дымом и светом в лицо», развязным поведением слуг сталинского режима, «торможение» мыслей в «приемной арестованных», помещение в каморку без окна, где «даже нельзя было сесть свободно», галлюцинация, будто в каморку вползает удушающий газ [2, с. 560]. Время в таком повествовании замедляется и растягивается, поскольку переживание времени меняется и у самого арестованного. Солженицын пытается показать, что происходит с человеком, его телом и душой, в мгновения ареста и после него. Бесчеловечная череда унижений и попыток сломать его волю показаны на одном примере.

Почти документальный показ ощущений, переживаний арестованного используется и в «Архипелаге ГУЛАГе». Солженицын даже включает в текст собственное размышление о том, как это можно «сказать», чтобы достичь своей цели. Он не принимает сложившиеся «литературные» представления об аресте и пишет: «Вот что такое арест: это ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится полноправным настоящим» [5]. Конечно, это влияние Гюго, но с некоторой поправкой: Солженицын

делает свое изображение более резким, «кричащим». Можно сказать, что это традиция В. Гюго, но с поправкой на традиции литературы и живописи XX века, если вспомнить поэтику М. Цветаевой и работы экспрессионистов.

Нельзя не сказать и о наличии русского текста-посредника между творчеством Гюго и Солженицына. Это роман Ф. М. Достоевского «Идиот», знаменитая сцена в гостиной Епанчиных, рассказ князя Мышкина о смертной казни, свидетелем которой он был. Князь Мышкин, отвечая на предложение дать сюжет для картины, завершает свой рассказ своего рода проекцией картины: «Крест и голова – вот картина, лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу, – все это можно нарисовать как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара...» [9, с. 67]. Характерно сужение композиции до почти портрета, сокращение многофигурности, стремление поместить персонажей фона «в тумане, для аксессуара». Минимализм изображения отвечает максимализму задачи – с помощью показа изменить сложившиеся «риторические» и «светские» представления о человеколюбии, чтобы люди узнавали в образе несчастного страдальца «распятого человеколюбца». Конечно, эта сцена, тоже восходящая к Гюго, является зерном тюремной темы у Солженицына.

Таким образом, творчество Солженицына взаимодействует с творчеством В. Гюго по нескольким линиям. Первая предполагает прямые упоминания и цитирования; вторая предполагает соотнесенность на уровне выбора темы и художественного языка; третья ведет к параллелям в области мировоззрения и представлений о творчестве. В романе «В круге первом» далеко не случайным оказывается образ волшебного замка [2, с. 32]. Образ позволяет видеть в авторе волшебника, который возвращает людям вещи в их подлинном смысле и значении. Волшебные действия совершены автором не только по отношению к людям, «сосланным навечно», но и по отношению к произведениям русской и мировой классики, в том числе, к произведениям В. Гюго.

Список литературы:

1. Международная научно-исследовательская конференция «Писатель в неволе: Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве А. И. Солженицына и мировой литературе» (Санкт-Петербург, ИРЛИ «Пушкинский дом» РАН) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bfrz.ru/index.php?mod=news&id=3110> (дата обращения: 20.11.2018).
2. Солженицын, А. И. В круге первом / А. Солженицын. – М. : Наука, 1996. – 611 с.
3. Немзер, А. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: материалы и исследования [Альманах]. М. : Русский путь, – 2012. Вып. 1. – С. 101–117.
4. Нива, Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Ж. Нива. – М. : Вита Нова, – 2014. – 336 с.
5. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag2.txt_with-big-pictures.html#3 (дата обращения: 11.11.2018).
6. Гюго, В. Последний день приговоренного к смерти – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=11428> (дата обращения: 15.11.2018).
7. Солженицын, А. И. Раковый корпус [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/rk.txt> (дата обращения: 17.11.2018).
8. Victoroff, T. Александр Солженицын и его «невидимки»: история сотрудничества с YMCA-PRESS и кодовой переписки с Н. А. Струве // Aleksander Solzenitsyn i rossiyskaya emigracja. Warszawa-Torun, 2018. – S. 171–182.
9. Достоевский, Ф.М. Идиот / Ф. Достоевский. – Л. : Лениздат, 1987. – 638 с.

Скибицкая Л. В.
(Брест, Беларусь)

УДК 82'42

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТВОРЧЕСТВА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: публицистика; публицистический дискурс; коммуникативные стратегии; функционирование словесности; минимализация; документальность

Аннотация: объект исследования – ранние и поздние произведения А.И. Солженицына (рассказы, миниатюры). Предмет – коммуникативные практики литературы. В статье обоснована гипотеза о публицистическом дискурсе как коммуникативной стратегии творчества А.И. Солженицына.

Масштабность открытий, совершенных А.И. Солженицыным, обусловила массив исследовательской литературы о писателе, его творчестве, общественной деятельности. В современных учебниках по русской литературе своеобразным «общим местом» стала констатация многогранности личности Солженицына с акцентированием своеобразия литературной составляющей.

Внимание к наследию писателя не только литературоведов, но и специалистов других областей гуманитаристики сформировало во многом противоречивый феномен рецепции. Так, Д. Цыганков в статье «"Властитель дум" в поле политики: опыт социоанализа» отмечает: «...при всей известности Солженицына представления о нем социологически нерелевантны, поскольку в них, как правило, смешивались специфические литературные и политические практики Солженицына, что вело к метафорическому, журналистскому или идеологизированному описанию. Так бывает всегда, когда предмет "знаком" всем и термины для его анализа уже существуют. Это и вводило в заблуждение многих исследователей, бившихся над разрешением оппозиции "художник" – "общественный деятель" и приходившим (в зависимости от баланса симпатий / антипатий) к выводам типа "великий писатель, но в политике смешон", "он не писатель, а публицист", "публицистика его забудется, а великие романы останутся", "партийная публицистика погубила в нем талант писателя" или "он писатель исключительно политический и исторический"» [8]. И далее автор статьи, стремясь «избежать двоения толкований, семантических ловушек обыденного употребления» [8], предлагает собственный опыт исследования роли Солженицына в культурном пространстве в рамках социоанализа Пьера Бурдьё.

Подобный ракурс изучения наследия Солженицына, безусловно, продуктивен, поскольку влияние данного автора на аксиологию социокультурного пространства XX века беспрецедентно. Проблема, однако, состоит в другом: коммуникативные практики какой природы использовал А.И. Солженицын, являя огромной читательской аудитории свое Слово?

Изучение феномена А.И. Солженицына с позиции коммуникативных стратегий и практик словесности уже предпринималось современными учеными.

Так, убедительным примером в этом направлении является диссертация «Публицистика А.И. Солженицына. Процесс коммуникации: от информационного бума до информационного вакуума: 1960–1994 гг.» Т.Д. Куликовой, которая обобщила наработки современного российского литературоведения по творчеству писателя, прежде всего его публицистике, а также предложила новый ракурс рассмотрения наследия автора – «изучение речевых практик, которые нашли отражение в публицистических текстах А.И. Солженицына, – как эффективного способа работы в информационном пространстве» [1]. Выводы, сделанные автором диссертации на базе публицистики писателя, мы склонны рассматривать как доминанту его писательского метода, с одной стороны; с другой – как коммуникативную стратегию его творчества, которая синтезирует художественные и публицистические техники письма.

Т.Д. Куликова отмечает, что в творчестве А.И. Солженицына признаки публицистического текста «предстают как бы в концентрированном (сгущенном) виде. Концептуальность проявляется в открытии новых тем; аналитичность – в математически четкой системе доказательств, свидетельствующих об энциклопедических знаниях и мощном интеллекте; общественная направленность – в высоком патриотизме и социальном оптимизме (призыв к переустройству общества не на основе революций, а способом последовательных преобразований); полемичность – в мастерски используемых правилах классической риторики (этос, логос, пафос)» [1]. Данный тезис автор диссертации распространяет на публицистическое творчество, репрезентирующее ипостась Солженицына-коммуникатора.

На наш взгляд, следует воспринимать коммуникативную функцию как доминанту писательской миссии Солженицына, что позволит снять остроту противопоставления «художник – публицист» в определении природы дарования этого автора.

С этой целью в статье мы рассмотрим ранний этап творчества писателя и итоговый, связанный с возобновлением работы над циклом «Крохотки», созданием новой жанровой формы («Двучастные рассказы»), поскольку данные тексты репрезентативны в контексте заявленной нами темы: они традиционно позиционируются как собственно «художественная» часть наследия автора, внешним образом противопоставленная его публицистике.

Права Т.Д. Куликова, что рассказ «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына стал «публицистическим открытием» [1]. «Отныне писать так, словно в литературе не было этого произведения, стало невозможным», – отмечает Л.А. Трубина [3, с. 326].

Традиционно новаторство Солженицына в этом произведении связывают с ранее табуированной в литературе лагерной темой. Это верно, однако, на наш взгляд, кроме открытия нового фрагмента действительности, Солженицын совершил открытие другого плана: он акцентировал новый формат коммуникации «автор – читатель», благодаря чему на многие десятилетия стал «властителем дум» миллионной аудитории. Об этом пророчески сказала Анна Ахматова, прочитавшая «Один день Ивана Денисовича» еще до публикации, в машинописной редакции: «Эту повесть о-бя-зан прочитать и выучить

наизусть – каждый гражданин из всех двухсот миллионов граждан Советского Союза» [6, с. 578].

Во многом этому способствовала жанровая форма, выбранная писателем. Известно, что писатель вначале определил жанр произведения как рассказ, потом с его согласия «Новый мир» опубликовал текст как повесть. Споры о природе данного жанра ведутся в литературоведении с 1960-х годов, предлагаются разные жанровые маркировки, в том числе и «монументальный (романный) рассказ», подчеркивающий эпический потенциал содержания.

В 1960-е годы в «монументальном рассказе» происходят изменения. Это касается и критического пафоса, который переводится из социальной плоскости «в план всеобщего тотального существования» [2, с. 336]. Связаны они с возобновлением в литературном процессе той традиции, которая впоследствии будет названа «неонатуралистической». В русле этой традиции возрождается жанр «физиологий», актуализирующий интерес к исследованию типических обстоятельств повседневности, к вскрытию абсурдных явлений в ней.

Физиологические очерки, или физиологии, – это «социально-описательное и социально-аналитическое направление в реализме 40-х годов XIX века, в основе которого принципиально иное отношение к действительности» [5]. На этом этапе развития литература «факта» противостоит литературе «воображения» (Г.М. Фридлендер).

Ко времени появления рассказа Солженицына в социокультурном и литературном контексте обнаруживается та же оппозиция. Не случайно, полемизируя с оппонентами, Солженицын настаивает на верности расставленных им акцентов, поскольку он был участником описываемых событий: «Понять положение Ивана Денисовича можно, только работая на общих работах, то есть, зная это изнутри. Если бы я даже был в том же лагере, но наблюдал это со стороны, я бы этого не написал...» [6, с. 577]. Правда «факта», таким образом, изначально позиционировалась автором как базовая категория его произведения. Кроме того, важно учитывать и математическое образование писателя, обусловившее его тяготение к точности, фактологичности, выявлению причинно-следственных связей – к изучению действительности. Опыт изучения лагерной действительности «изнутри» (А.И. Солженицын) он и представил аудитории. И рассчитал точный в коммуникационном отношении момент. Справедливо отмечает Д.Цыганков, что Солженицын «обнаружился» тогда, когда появилась «публика, которая в силу своих общественных запросов готова была поддержать инновативные стратегии» [8]. Именно такую стратегию использовал Солженицын, включая в коммуникативное пространство Советского Союза через самую авторитетную медийную площадку – журнал «Новый мир» – свой рассказ «Один день Ивана Денисовича». Подтверждением этому служит интервью писателя Би-би-си от 8 июня 1982г. [6, с. 579].

Особенности появления данного текста, специфика его рецепции в историко-культурном пространстве СССР, жанровые стратегии автора – составляющие публицистического дискурса как коммуникативной стратегии, впервые генерально использованной автором при его вступлении в литературу. Исследовательское начало, проявившееся в структуре ранних рассказов писателя, станет ведущим принципом поэтики Солженицына.

Не столь ясна, на первый взгляд, коммуникативная природа дискурса «Крохоток», которые автор писал с 1958 по 1960 годы и в 1996–1999 годах, когда Солженицын вернулся в Россию. Данные тексты позиционируются в литературоведении как стихотворения в прозе (Н.А. Струве, Ю.Б. Орлицкий), «малый эпос» (Л. Колобаева), лирические миниатюры (Б. Кодзис). В то же время отметим, что искания Солженицына в миниатюрном жанре включены в контекст 1960–1990 гг., когда в русской литературе актуализируются явления минимализации – создание минимальных текстов, сокращение текстов «обычного» объема. Сегодня минимализация выступает как одна из ведущих тенденций в функционировании современной словесности, что обусловлено, прежде всего, спецификой информационного пространства и экспансией дискурса СМИ.

Минимальная форма Солженицына полифонична в жанровом и стилевом отношении: синтезирует ресурсы исповеди, проповеди, публицистики, документальности. Однако в целом она демонстрирует публицистический дискурс автора. Отдельные миниатюры особенно показательны в этом плане. Например, тексты «Петушьё пеньё», «Молния», «Лиственница» и др. имеют трехчастную структуру (тезис – аргументация – вывод), иллюстрирующую ход мыслей «размышляющего» автора: «Ведь – и люди такие есть» («Лиственница») [6, с. 557], «Так и нас, иного: когда уже постигает удар кары-совести, то – через всё нутро напрострел, и через всю жизнь вдоль. И кто ещё состоится после того, а кто и нет» («Молния») [6, с. 558], «Нам бы – так» («Петушьё пеньё») [6, с. 568], «Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули – езжайте в такси («Колхозный рюкзак») [6, с. 548], «Что ж, каковы мы – таков и наш способ двигаться» («Способ двигаться») [6, с. 544].

Коммуникативный потенциал своих миниатюр осознавал и автор, о чем свидетельствует история их опубликования (речь идет о первом цикле). В декабре 1961 года Солженицын показывает А.Т. Твардовскому несколько текстов «побезобиднее»; весной 1964 года, по признанию автора, «вопреки тактике осторожности» он отдал «Крохотки» в «несколько рук... на условии, что их можно не прятать, а “давать хорошим людям”. Эти “Крохотки” имели большой успех...» [6, с. 659].

Писатель интерпретирует историю их появления как способ возобновления прерванного коммуникационного акта «автор – читатель»: «Самиздат прекрасно поработал над распространением “Крохоток” и прорисовал недурной выход для писателя, которого власти решили запретить» [6, с. 659]. Характерно, что, находясь за границей, Солженицын не может, по его собственному признанию, работать с минимальной формой: «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог...» [6, с. 664]. Как видим, и в создании минимальных форм существен публицистический дискурс.

Наконец, обратимся к дискурсу «двучастных рассказов» писателя, созданных им преимущественно в начале 1990-х годов. Критики отмечают связь этих текстов с традициями учительной прозы [3, с. 335], связывают с «физическим принципом дополнительности, получившим широкое распространение в философии, литературе и лингвистике. Данный принцип отражает логическое соот-

ношение между двумя способами описания или наборами представлений, которые, хотя и исключают друг друга, оба необходимы, дает полную информацию о явлениях как о целостных» [4].

О замысле этих произведений А.И. Солженицын писал: «Давно я задумал и томлюсь по жанру рассказов двучастных. Этот жанр – просто сам просится в жизнь. Мне видится несколько типов или видов таких рассказов. Простейший: один и тот же персонаж, или два-три их, в обеих частях-половинках, но разделенных временем – хоть малым, хоть годами... Второй тип: половинки связаны общей темой или идеей, а персонажи – совсем разные. Третий тип: связь половинок может состоять в каком-либо предмете, событии, коснувшемся обеих» [7]. Обратим внимание на то, что «томление» автора обращено к жанру, который «сам просится в жизнь» – такая жанровая стратегия в целом характерна для Солженицына, как и общий посыл его творчества, когда он воспринял свое выздоровление как «знак», как «миссию», которую он должен реализовать.

Коммуникативное намерение автора в «двучастных рассказах» выражено в его стремлении найти соответствующий жизненный материал определенной мыслительной конструкции – это один из вариантов замысла публицистического текста, однако в итоге рождается текст художественный. Можно ли считать в таком случае, что природа «двучастных рассказов» художественно-публицистическая? Нет, поскольку способ воссоздания того или иного фрагмента действительности образный: автор моделирует житейские ситуации, в которых определенным образом проявляются характеры персонажей, реализуя тот или иной способ отношения к жизни. Так, в первой части рассказа «Молодняк» представлен эпизод сдачи экзамена нерадивым студентом-рабфаковцем и неудовлетворенность преподавателя Воздвиженского создавшейся ситуацией и собственным малодушием, его попытка оправдать молодежь, у которой «жесть, наверно, какая-то правда, которая нам недоступна. Не может ее не быть» [6, с. 338]. Параллельно предлагается демонстрация ценностей и правды этой «новой молодежи» через рассказ о собрании, на котором присутствовал нерадивый студент Коноплев. Вторая часть вновь сталкивает преподавателя и студента, однако в новых социальных ролях – жертвы и палача. Точкой пересечения выступают диалоги персонажей в первой и второй частях, но соотносит их читатель, поскольку автор устраняется от комментариев или финального заключения (как это было, например, в «Крохотках»). Несмотря на ресурсы собственно художественной природы, данные тексты функционируют в коммуникативном пространстве аудитории в рамках публицистического дискурса, так как задуманный автором жанр потенциально провоцирует гносеологический поиск читателя, побуждает его к выработке «заданных» идей, демонстрирующих отношение к изображаемой действительности.

В 1960–1990-е годы XX века А.И. Солженицын реализовал способность активно влиять на общественное сознание читательской аудитории не только публицистикой, но и всем корпусом созданных произведений, во многом предвосхитив, таким образом, изменения в коммуникативных практиках художественной словесности.

Список литературы:

1. Куликова, Т. Д. Публицистика А. И. Солженицына. Процесс коммуникации: от информационного бума до информационного вакуума: 1960–1994 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Электронный ресурс] / Т. Д. Куликова. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/publitsistika-ai-solzhenitsyna-protsess-kommunikatsii-ot-informatsionnogo-buma-do-informatsi>. – Дата доступа: 01.12.2018.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий – М. : Академия, 2003. – Т. 1 : 1953 – 1968. – 416 с.
3. Русская проза конца XX века : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Агеносов, Т. М. Колядич, Л. А. Трубина [и др.] ; под ред. Т. М. Колядич. – М. : Академия, 2005. – 424 с.
4. Савина, Л. М. Стилистические приемы и средства выражения контраста в «Двучастных рассказах» А.И. Солженицына [Электронный ресурс] / Л. М. Савина. – Режим доступа: <file:///C:/Users/luda/Downloads/stilisticheskie-priemy-i-sredstva-vyrazheniya-kontrasta-v-dvuchastnyh-rasskazah-a-i-solzhenitsyna.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2018.
5. Садовская, Е. Ю. Генезис художественного очерка XVIII–XIX веков (проблематика, поэтика, типология) [Электронный ресурс] / Е. Ю. Садовская. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2012/01/2012-01-55.pdf>19. – Дата доступа: 01.12.2018.
6. Солженицын, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Солженицын. – М. : Время, 2006. – Т. 1 : Рассказы и Крохотки. – 672 с.
7. Солженицын, А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая (1987–1994) / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 32–97.
8. Цыганков, Д. «Властитель дум» в поле политики: опыт социоанализа [Электронный ресурс] / Д. Цыганков. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/093/896/1217/00-5_tsygankov.pdf. – Дата доступа: 01.12.2018.

Буднік В. А.

(Брэст, Беларусь).

УДК [821.161.1 :821.161.3]-005.2

ВОБРАЗ-КАНЦЭПТ ЖАНЧЫНЫ Ё АПАВЯДАННЯХ А. САЛЖАНИЦЫНА “МАТРОНІН ДВОР” І І. ПТАШНІКАВА “ТРЫ ПУДЫ ЖЫТА”

Ключавыя словы: аўтарская канцэпцыя, сэнсавая напоўненасць вобраза, жаночы вобраз, ідэйна-эстэтычнае ўяўленне.

Анацыя: выяўлена аўтарская канцэпцыя вобраза жанчыны ў творы рускага пісьменніка А. Салжаницына “Матронін двор” і ў творы беларускага пісьменніка І. Пташнікава “Тры пуды жыта”. Разгледжаны тыпалагічныя сыходжанні ў лёсе Матроны і Александрыны. Устаноўлена падабенства ідэйна-філасофскіх пазіцый, роля асабістага вопыту аўтараў у асэнсаванні прычын трагедыі драматычнага лёсу беларускага і рускага народа ў XX стагоддзі. Падкрэслена ўніверсальна-сэнсавая нападзенне вобраза-канцэпта жанчыны.

У кожным літаратурным творы можна вылучыць вобразы, якія адлюстроўваюць не толькі аўтарскую канцэпцыю, аўтарскае ўспрыманне свету і чалавека, але і характар той эпохі, у якую быў створаны канкрэтны мастацкі тэкст.

Мастацкая змястоўнасць і сэнсавая нападзенне вобраза жанчыны сталі прадметам даследаванняў бадай што ці не з таго моманту, калі чалавек пачаў мысліць вобразамі, г.зн. з моманту зараджэння мастацтва ў свеце. Мабыць, па

гэтай прычыне аблічча жанчыны як увасабленне мастацкай дасканаласці можна сустрэць у жывапісе і партрэце, музыцы і скульптуры, оперы і балете. У літаратуры да стварэння вобраза жанчыны мастакі слова звярталіся ўжо на самым пачатку зараджэння літаратурнай творчасці (напрыклад, яскравы вобраз Пенелопы ў гамераўскай «Адысеі»). Выдатныя жаночыя вобразы ствараліся і ў іншых вядомых творах сусветнай і беларускай літаратуры: вобразы Лаўры ў Петраркі, Ганны ў «Новай зямлі Якуба Коласа, Марылі ў А. Міцкевіча, абагульнена-сімвалічны вобраз Мамы ў кнізе паэзіі «Евангелле ад Мамы» Р. Барадуліна, вобразы жанчын-матуль у аповесці А. Жука «Сны пра маму», апавяданні Змітрака Бядулі «На Каляды к сыну» і мн. інш.

Станаўленне і ідэйна-эстэтычнае напаўненне жаночых вобразаў у розныя перыяды гісторыка-літаратурнага працэсу адлюстроўвае змены ў грамадска-палітычным жыцці краіны. Канцэптuallyна-сэнсавае напаўненне жаночых вобразаў у мастацкай літаратуры нярэдка з'яўляецца індикатарам, адметнасцю светапогляду пісьменніка. Тыпалогія мастацка-літаратурных жаночых вобразаў, як правіла, характарызуе структуру грамадства і ўказвае, якое месца ў сучасным аўтарскім свеце займае жанчына. Вобраз-канцэпт *жанчыны* застаецца адным з асноўных у літаратуры і мастацтве. Ён мае шырокае, традыцыйна гуманістычнае ўніверсальна-сэнсавае напаўненне. У славянскіх літаратурах гэты вобраз-канцэпт з'яўляецца ўвасабленнем жыцця, яго нараджэння і захавання. Жанчына ў славянскім фальклоры і літаратуры – гэта захавальніца сям'і, роду, увасабленне жыццядайнасці, трывушчасці.

Цікавым у гэтым плане бачыцца параўнанне апавяданняў рускага пісьменніка А. Салжаніцына «*Матронін двор*» і беларускага пісьменніка І. Пташнікава «*Тры пуды жыта*». Галоўнымі ў абодвух творах з'яўляюцца вобразы тыповых гераінь, прадстаўніц рускай і беларускай вёсак у драматычныя пасляваенныя дзесяцігоддзі. Ствараючы жаночыя вобразы, пісьменнікі ў сваіх творах апісваюць тыя чалавечыя якасці, якія шмат у чым, забяспечваюць цэласнасць, непарушнасць гэтага свету, імкненне да гармоніі ў ім. Жанчына ў творчай канцэпцыі як А. Салжаніцына, так і І. Пташнікава аказваецца здольнай захоўваць любоў і адстойваць гуманістычныя каштоўнасці.

Апавяданне «*Матронін двор*» перадае рэальныя падзеі, якія адбываліся ў жыцці А. Салжаніцына – тут адлюстраваны перыяд жыцця пісьменніка ў 50-я гады ў сярэднярускай вёсцы, дзе ён пасля вызвалення з лагера працаваў настаўнікам у школе. Вобраз Матроны Васільеўны ў аповесці з'яўляецца цэнтральным. Гераіня прадстаўлена ва ўспрыманні апавядальніка – мужчыны, які гаворыць ад першай асобы, што ўзмацняе рэалістычную, аўтабіяграфічную інтэнцыю твора. Матрона – гаспадыня, у якой кватаруе настаўнік. Яна – не самая лепшая гаспадыня, здольная дагадзіць хіба што такому непатрабавальнаму кватаранту, якім з'яўляецца былы асуджаны: «Не всегда было поселено, как надо, часто пригорало ... Я покорно съедал все наваренное мне, терпеливо откладывал в сторону, если попадалось что неурядное: волос ли, торфа кусочек, тараканья ножка» [2, с.171]. Аднак гэтая знешняя нехайнасць хавае высокія ўнутраныя якасці характару Матроны Васільеўны, якія не могуць па вартасці ацаніць яе аднавяскоўцы. Матрона не ўмее зайздросціць. Нягледзячы на ўсе свае беды, яна ўспрымае поспехі іншых добразычліва.

У апавяданні І. Пташнікава *"Тры пуды жыта"* (у адрозненні ад апавядання А. Салжаніцына) аповед вядзецца ад імя аўтара-апавядальніка, але праз прызму ўспамінаў галоўнай гераіні Александрыны пра яе драматычнае жыццё. Александрыне за яе мужа Сяльвестра, рэпрэсаванага ў трыццаць сёмым годзе, выдалі ад калгаса пасля яго рэабілітацыі тры пуды жыта і лапik сенажаці: «Адкупіцца хочуць. У тры пуды жыта ацанілі чалавека. І вязка сена — наверх...» [1, с. 473].

Супастаўляючы вобразы Александрыны і Матроны, мы бачым шмат падобнага ў іх лёсах. Так, Матрона перажыла дзве вайны, смерць 6 дзяцей, страту мужа. Яна гераічна змагаецца са сваёй страшнай хваробай. Муж пташнікаўскай гераіні Сяльвестра, здаровы, малады чалавек, быў рэпрэсаваны і знік, быццам яго і не было ніколі. Ад яго не засталася нават магiлы, толькі пісьмо аб рэабілітацыі.

Як Александрына, так і Матрона з'яўляюцца мацярамі. У Александрыны было трое дзяцей. Лёс Матроны Васільеўны як маці вельмі трагічны і сумны: дзяцей ў яе было шасцёра, але адзін за адным паўміралі ўсе вельмі рана. Нерастрчаную мацярынскую любоў яна аддае сваёй выхаванцы Кіры, дачцэ яе першага каханага Фадзея. А. Салжаніцын, малюючы лёс Матроны, паказвае, што адсутнасць родных дзяцей не перашкаджае жанчыне праявіць сваю мацярынскую сутнасць, бо місія мацярынства заключаецца не толькі ў нараджэнні дзяцей. Мацярынства ва ўяўленні А. Салжаніцына – гэта глыбінная, прыроджаная якасць жанчыны, звязаная з любоўю да дзяцей, з разуменнем іх, і з уменнем дзяліцца сваім душэўным цяплом, выконваючы сваё прызначэнне і дорачы сапраўдную матчыну любоў. І, як мы бачым, гэта ў салжаніцынскай гераіні ўдаецца поўнасцю. Пісьменнік падкрэслівае, што толькі Кіра на памінках па-сапраўднаму плача па Матроне, шкадуючы аб страце дарагога чалавека: "...рыдала злосчастная матренина прыёмная дочь – та Кира из Черустей, для которой ломали и везли эту горницу. (...) Она невменяемая ходила от гроба приёмной матери в одном доме к гробу брата в другом (...)» [2, с.199].

Для абодвух пісьменнікаў важна, што носьбітам жыццёвай сілы з'яўляюцца жанчыны, на якіх, як паказана ў творах, трымаецца зямля, сяло. А. Салжаніцын і І Пташнікаў ствараюць вобразы жанчын з моцным характарам, але з нямоглым целам: Матрона Васільеўна пакутуе ад невылечнай хваробы, пташнікаўская Александрына ў канцы твора стаіць амаль на парозе смерці, яна слабая і старая: "Кальнула ў грудзях. Горла сціснула сухая сіпка – не дыхнуць... Падаючы, яна яшчэ ўбачыла, як зразае касой, шырокай, бліскучай, вострай, адсохлыя галоўкі шэрага бабка...Яе знайшла Волька – дачка. (...) Падняла, як магла, з пакосу, і прывяла дамоў" [1, с. 480].

Рускага і беларускага пісьменнікаў збліжае творча-эстэтычная задача – паказаць чытачу менавіта гарманічны вобраз жанчыны. Аўтараў хвалюе і духоўная, і фізічная дасканаласць. Так, Матрона ў пачатку не ўяўляецца апавядальніку прыгожай: «...кругловатое лицо хозяйки показалось мне желтым, больным. И по глазам ее замутнённым можно было видеть, как болезнь измотала ее» [2, с. 167]. Але паступова вобраз Матроны ўскладняецца, і аўтар раскрывае яе сапраўдную прыгажосць. Напрыклад, апавядальнік адзначае, што Матрона валодае «лучезарной улыбкой» [2, с. 172], і гэта для яго значыць значна больш, чым правільнасць рыс або прыгажосць. Авторская канцэпцыя

жаноцкасі ўключае не толькі знешнюю прыгажосць, але найперш унутраную прыгажосць – дабрыню.

“Высокая, ценкая, высахлая за сваё праклятае бязмужнае адзінокае жыццё на трэску – адна гадала трое дзяцей, бегала кожны дзень у калгас ад цямна да цямна па народзе, насіла кляймо сям’і “ворага народа”, памагала ў вайну партызанам, рвала жылы пасля вайны пры бясхлебіцы, пакуль не састарэла і пакуль не перасталі да яе чапіцца калгасныя брыгадзіры, каб ішла араць, баранаваць, жаць, выкідаць з праварын гной, палоць, выбіраць бульбу, даглядаць, малаціць, калаціць... Гэтулькі ўсяго перарабілі рукі з кляймом, згінь ты, благое, прападзі, што цяпер зусім адсыхаюць: круціць іх, выварочвае ў суставах кожную ноч...” [1, с. 457]. Такім было драматычнае і цяжкае жыццё Александрыны ў апавяданні І. Пташнікава.

Унутраная стойкасць, сіла характару – важная тыпалагічная рыса, якая аб’ядноўвае гераінь А. Салжаніцына і І. Пташнікава. Яны пакутуюць, але ўспрымаюць жыццёвыя пакуты стойка, нікога не абвінавачваючы ў сваіх бедах. Наадварот, выпрабаванні не надламалі іх, не зрабілі злоснымі на ўвесь свет, а дапамаглі ім стаць мацнейшымі.

Гераіні І. Пташнікава і А. Салжаніцына надзелены пачуццём высокай духоўнасці, якая спалучаецца з бескарыслівасцю. Матэрыяльны бок жыцця цікавіць іх значна менш, чым многіх навакольных людзей. Вядома ж, яны ўсведамляюць, што жыццё немагчымае без грошай і матэрыяльных выгод: Матрона Васільеўна спрабуе “выхлопотать” сабе пенсію, каб хоць неяк звесці канцы з канцамі. Але не хапае ў яе настойлівасці паклапаціцца аб сабе, жанчына застаецца без пенсіі: “Хлопоты были – добыть эти справки; и чтоб написали все же, что получал он (*муж – Б. В.*) в месяц хоть рублей триста; и справку заверить, что живет она одна и никто ей не помогает; и с года она какого; и потом все носить в собес; и перенашивать, исправляя, что сделано не так; и еще носить...” [2, с. 172]. І гераіня беларускага пісьменніка, Александрына, хоча адмовіцца ад таго, што ёй выпісалі ў калгасе: “Нікуды я не хадзіла і не пайду. І вон з хаты...” [1, с.473]. Пры гэтым матэрыяльны клопат таксама адыходзіць на другі план перад маральным, духоўным, што праяўляецца, напрыклад, у бескарыслівым клопаце абедзвюх гераінь аб бліжніх.

А. Салжаніцын у вобразе Матроны вельмі яскрава падкрэсліў важную і не дужа тыповую якасць характару сваёй гераіні – здольнасць да спачування. Пісьменнік паказвае, што спачуванне не робіць жыццё прасцей, наадварот: спачуваючы, жанчына губляе сваю маёмасць (у Матроны няма нічога) і нават жыццё (дапамагаючы іншым, Матрона гіне пад калёсамі цягніка). Шкадаванне іншых і жаданне дапамагачь навакольным – не спосаб забыцца пра ўласныя пакуты. Гэта і не пустая цікаўнасць да чужога жыцця, а глыбокае ўнутранае пачуццё, неад’емная рыса характару гераіні. Матрона Васільеўна спачувае сяброўцы Матроне, якую б’е муж, яна шкадуе нават парася: “Трижды в день варить ему, жить для него – и потом зарезать и иметь сало” [2, с. 204]. Яна гатова абараняць кожную жывую істоту. Гэтыя спачуванне і шкадаванне да ўсяго жывога павялічваюць духоўна-этычны патэнцыял сілы характару гераіні. Як і Александрына, Матрона знаходзіць суцэсненне ў працы і «...ко всякой работе ловка». Аўтар заўважае: «...у неё было верное средство вернуть себе доброе расположение духа – работа» [2; с.173]. Устае Матрона штодня ў чатыры-пяць

гадзін раніцай. Капае «картовь», ходзіць за торфам, «по ягоды в дальний лес», і «...на каждый день приходилось у неё какое-нибудь дело»[2; с.173].

А. Салжаніцын не раз падкрэслівае, што працуе Матрона не толькі па неабходнасці – праца прыносіць задавальненне, нават у старасці, калі яна моцна хварэе. Гэта якасць характэрна і для вобраза Александрыны. Цяжкая фізічная праца ў калгасе і на сваёй гаспадарцы з'яўляецца неад'емнай часткай яе жыцця. Для Матроны неўласціва спажывецкае стаўленне да жыцця, для яе неабходна аддаваць, а не браць. Пры гэтым Матрона выдатна ўсведамляе, як цяжка яна жыве. Працавітасць выступае спрадвечнай, характэрнай рысай для абедзвюх гераінь.

І. Пташнікаў ў сваім творы шмат месца адводзіць пачуццям і перажыванням Александрыны. Перад намі ўспыхваюць на кароткі час невялікія эпізоды з мінулага жыцця Александрыны. Часта такія эпізоды ўтрымліваюць толькі адзін-два сказы, але гэтага дастаткова, каб стварыць не толькі жывую і горкую гісторыю яе незайздроснага лёсу, але і адчуць, як пад прэсам войн і рэпрэсій скажалася і нявечылася душа ўсяго народа: “У Амерыку я паехала (...) у заробаткі” [1, с. 462]. Паставіўшы ў цэнтр мастацкага спасціжэння, адлюстравання і аналізу цяжкую народную памяць аб перажытым праз вобраз гераіні, І. Пташнікаў апасродкавана ўступае ў палеміку з такой, здавалася б, аксіяматычнай ісцінай аб тым, што перанесеныя пакуты ўзвышаюць дух чалавека, загартоўваюць характар. З аднаго боку, гэтая думка, бяспрэчна, мае права на існаванне і можа быць пацверджана як прыкладамі з жыцця, так і некаторымі літаратурнымі творами. Часы гістарычных нягод бескампрамісна правяраюць усе ідэйныя, духоўныя, маральныя рэсурсы чалавека. І ад таго, якімі будуць гэтыя рэсурсы, залежыць характар яго ўдзелу ў тым, што адбываецца. Аднак, па нашым меркаванні, драматызм гістарычных падзей, недасканаласць бытавых варункаў, цяжкасці і страты не заўсёды абумоўліваюць характар і свядомасць чалавека. Нягледзячы на перанесеныя крыўды і цяжкасці, гераіні абодвух пісьменнікаў не страцілі душэўную чуласць і дабрыню.

Праз жаночыя вобразы ў названых творах беларускага і рускага пісьменнікаў выразна перадаецца жыццё эпохі, складаныя грамадска-гістарычныя падзеі, якія паўплывалі на драматызм лёсу Матроны і Александрыны. У апавяданнях адметна перадаецца жыццё беларускай і рускай вёскі 50- х гадоў, драматызм жыцця таго часу, часта бяспраўе ў вёсцы жанчыны. Так, у апавяданні “Матронін двор” А. Салжаніцын паказвае, як моцна змянілася жыццё, душа і маральныя арыенціры сялянства пасля ўкаранення калгасаў і правядзенне гвалтоўнай калектывізацыі. У гэтым творы аўтар паказвае крызіс рускай вёскі, які пачаўся адразу пасля сямнацатага года. Спачатку грамадзянская вайна, затым калектывізацыя, раскулачванне, сялян знішчалі, аб'яскроўлівалі рускую і беларускую вёску. Сяляне былі пазбаўленыя ўласнасці, яны страцілі стымулы да працы. Глухая вёска, у якой апынуўся наратар, расчаравала яго: “Увы, там не пекли хлеба. Там не торговали ничем съестным. Вся деревня волокла снесь мешками из областного города” [2, с. 170]. А. Салжаніцын паказвае крызіс рускай вёскі пасля рэвалюцыі. Многія мужчыны загінулі ў сталінскіх лагерах або на вайне. Жанчына засталася сама, без падтрымкі мужчыны. Матрона, прапрацаваўшы ўсё жыццё ў калгасе, нават пенсію не атрымлівае. Жыве бедна, побыт неўладкаваны: разам з ёю ў няўтульнай хаце – мышы, прусакі. Яна нічога не нажыла, акрамя фікусаў, казы, “калченогой” коткі і паліто, перашытага з

шыняля. Не абыйшла бокам і калектывізацыя: у калгасе гераіня прапрацавала ўсё жыццё «...не за деньги – за палочки» [2,с.175].

Гераіня І. Пташнікава таксама жыве менавіта ў такі ж час. Яе мужа Сяльвестра першы раз арыштаваў пагранатрад у 1933 годзе. Ні ён, ні яна не ведалі за што. У 1935 годзе ён адсядзеў тры месяцы за тое, што трапіўшы на мароз, згніла ў парніку калгасная бульба. У 1937 годзе арыштавалі трэці раз і ўжо не выпусцілі. Праз дваццаць гадоў, толькі ў 1958 годзе, Сяльвестра быў рэабілітаваны пасмяротна. “Дваццаць гадоў яна помніла, што Сяльвестра няма, але ўсе дваццаць гадоў думала, што ён жывы. Помніла, але не памінала... А трэба было памінаць... Аж дваццаць гадоў...” [1, с. 470]. І такое было не толькі з ёю, такой была не яна адна. Письменник з выключнай мастацкай сілай і псіхалагічнай перакананасцю змог паказаць, што значылі сталінскія рэпрэсіі не толькі для тых, хто быў рэпрэсаваны, але і для ўсяго народа. Яны парушалі спрадвечныя асновы жыцця, калечылі людскія душы. Выратаўвалі Александрыну штодзённыя клопаты пра дзяцей і пастаянная праца – цяжкая, знясільваючая, з цямна да цямна. Дзяцей трэба было карміць, апранаць, выхоўваць, вучыць. У канцы твора ачуняўшы пасля страшэннага стрэсу, Аляксандра глядзіць на фотаздымкі дзяцей і думае: “Вот без вас, дзеці, нішто на зямлі не вечнае...” [1, с. 480].

Аналіз твораў А.Салжаніцына і І. Пташнікава дазваляе казаць аб тым, што пісьменнікам удалося стварыць унікальна-тыповыя канцэптэуальныя жаночыя вобразы – самаахвярных, трывушчых рускай і беларускай жанчын. Гэтыя творы істотна дапаўняюць галерэю жаночых вобразаў у рускай і беларускай літаратурах, канкрэтызуюць і паглыбляюць ідэйна-эстэтычныя ўяўленні сучаснікаў аб вялікай ролі жанчыны ў драматычных часы, якія давялося перажыць грамадству ў XX стагоддзі. Прааналізаваныя апавяданні дапаўняюць канцэпцыю выключна стваральнай функцыі жанчыны ў соцыуме і светабудове наогул. Так, для жанчыны, па А. Салжаніцыну, важныя дабрыня, спачуванне да ўсяго жывога, душэўнасць; уменне разумець кожнага – і чалавека, і жывёлу. Пташнікаўская гераіня таксама ўвасабляе жыццёвую трывушчасць, бескарыслівасць, працавітасць і цягавітасць, непрыманне бяздзейнасці і гультайства, здольнасць да сапраўднай любові. Гераіня А. Салжаніцына ўраджае самаахвярнасцю. І. Пташнікаў у апавяданні змог стварыць глыбока жыццёвы, гістарычна абумоўлены, надзелены прыродай і сацыяльнай жыццяўстойлівасцю эпічны нацыянальны жаночы характар. Вобразы жанчын у разгледжаных творах увасабляюць драматычны лёс беларускага і рускага народа ў XX стагоддзі. Без жаночай вернасці зямлі і працы на ёй, без сумленнасці, любові да дзяцей і адданасці сям’і, без вялікай жаночкай трываласці і веры ў жыццё, у перамогу дабрыні немагчыма было б выжыць і перамагчы вялікія грамадскія драмы і трагедыі.

Такім чынам, вобраз-канцэпт жанчыны ў А. Салжаніцына і ў І. Пташнікава ёмісты і адначасова гістарычна канкрэтызаваны. Разам з тым, кожны аўтар стварыў і пэўны ідэал жанчыны. Письменникам, кожнаму па-свойму было важна стварыць вобразы, у якіх выяўлены ўяўленні аб лепшых жаночых рысах. І для сучаснага чытача – яны арыенцір, сімвал вечных і лепшых жаночых якасцяў.

Спіс літаратуры:

1. Пташнікаў, І. М. Выбраныя творы / І. Пташнікаў ; уклад. прадм., камент. С. Андрэюка. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 572 с.
2. Солженицын А. И. Матренин двор : рассказы / А. И. Солженицын. – М. : Дет. лит., 2009. – 220 с.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ

ГАРИПОВА Г. Т.
(Владимир, Россия)

УДК 82-1/-9

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН «РАКОВЫЙ КОРПУС»: ТАЙНЫ, КОТОРЫЕ ХРАНИТ ТЕКСТ-ГОРОД

Ключевые слова: город-текст, текст-город, экзистенциальное пространство, образ-сознание, исторические реалемы, городской локус.

Аннотация: рассмотрена специфика репрезентации «ташкентского текста» в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». Проанализирован хронотоп города-текста, который маркирован локусом города Ташкента как рецептивного образа в повествовательном дискурсе «текста-города». Выделены доминантные координаты «ташкентского текста» в следующих позициях: город-текст, локус «больного пространства», локус «свободы», экзистенциальное пространство. Описаны текстовые исторические реалемы Ташкента, идентифицирующие культурное, социальное пространство Ташкента, соотносимое с «меняющимся сознанием» Солженицына-Костоглотова и мирообразом исторической эпохи «культы личности».

При изучении романа А. Солженицына «Раковый корпус» особое значение обретает хронотоп места, обозначенный как «ташкентский текст». Понятие это достаточно сложное, поскольку ориентировано на симбиоз художественно-литературных, исторических и социокультурных констант, определивших в русской литературе XX века особую форму «двойной модальности» - вхождение локуса Ташкент в русское литературное сознание и расширение ташкентского литературного поля за счёт формирования особого пласта «ташкентского текста».

Некий когнитивный диссонанс этой модели определяется тем, что Ташкент, фиксируемый в художественных текстах на уровне пространственных, временных и культурных мифологем, предопределял «русское» литературное сознание авторов, не обязательно русских, но обязательно русскоязычных. Русский язык становится концептуальной атрибутикой «ташкентского текста». Возможно, именно в этом и кроется причина основного качества мира, позиционируемого «ташкентским текстом» - *маргинальность*.

Один из исследователей-первооткрывателей концепта «ташкентский текст» Э.Ф. Шафранская пишет: «Но зафиксировать его бытование в русской культуре, его разновидности и формы представляется целесообразным. В связи с Ташкентским текстом в русскоязычном культурном пространстве можно выделить несколько уровней его присутствия/бытования:

– есть Ташкентский текст, бытующий/бытовавший в русскоязычном дискурсе без географических ограничений;

– есть Ташкентский текст эндемический, присутствующий в виде фольклора в литературных произведениях и требующий комментария для непосвященного читателя;

– *есть Ташкентский текст локально-географический, тиражируемый миграционным фактором (как в реальном режиме, так и литературой)*» [6: 6].

«Ташкентский текст» - это не только часть личной истории писателя, репрезентирующего его в своём «тексте-городе», это очень важный период единой истории Ташкента (Узбекистана) и истории России. Сегодня это уже «потерянный рай» для целого поколения, жившего на перекрёстке судеб двух стран, множества наций, поколения людей: *«Время Ташкентского текста – прошедшее. Зафиксированный, воссозданный современной литературой, он не только «оплакивает былой город, уходящий из русской культуры, но и создает языком литературы и фольклора прецедент запоминания, рисует историко-культурологический этюд своеобразной цивилизации, специфического «этноса» - процветавшего и вдруг исчезнувшего»* [5].

Ташкентский «текст-город» - не только художественное произведение, в котором отражены ташкентские реалии, словечки и воспоминания людей. Не просто представление о Ташкенте в литературе как о специфическом локусе. Это еще и след, который оставил Ташкент как явление в русской литературе, в российском массовом сознании, в фольклоре и массовой культуре. И в первую очередь, это *«миф о городе, который создается людьми, уехавшими из Ташкента навсегда, и который уйдет вместе с этими людьми и их читателями»* [5].

В ряду произведений русской литературы XX века (К. Симонова, В. Набокова, С. Есенина, А. Ахматовой, К. Чуковского, С. Бородина, Е. Мелетинского, Ч. Айтматова, Вен. Ерофеева, Т. Пулатова, Д. Рубиной, А. Волоса и многих других) с ярко выраженным ташкентским локусом повесть А. Солженицына «Раковый корпус» занимает особое положение. Писатель выстраивает архитектонику «лабиринтного» мира, в котором Ташкент начинает и замыкает хронотоп города-сознания, идентифицирующего экзистенциальные, онтологические и историко-политические тупики и выходы реальной эпохи «культы личности». «Город-текст» повести конгениально интегрирует историю целой страны, авторскую историософию и «исповедальную» историю Солженицына. Ташкент в реальной биографии А. Солженицына замкнул историю его болезни, стал одновременно входом в лабиринт смерти и выходом из её тупиков одновременно, - пограничной зоной отчаяния и надежды, личной эсхатологии и спасения, продуцирующей экзистенциальный хронотоп, дефинируемый в рамках специфичной экзистенциальной ситуации, являющейся призмой, через которую реализуется в художественном тексте личностное сознание Солженицына: *«Конститутивной ситуацией, через которую экзистенциальная литература отражает жизнь, является ситуация катастрофы, кризиса, разрушения, смерти; доминирует сюжет, где мир без Бога превращается в мир без человека»* [3: 76].

Важно, что именно сознание главного героя повести Олега Костоглотова становится символическим воплощением общего эпохального сознания, определяемого «ситуацией предела» исторических реалий сталинской эпохи. Текст-город как репрезентация внутреннего миропонимания Костоглотова стал рецептивным носителем сознания, фиксирующего «больное» состояние мира и человека. «Больное» раком тело Костоглотова есть фиксация разрушенной исторической целостности мира, поражённого метастазами политики «культы

личности»; мира, идентифицирующего личностное сознание Солженицына, изменённого реальной болезнью, ставшего жертвой «больного» мира, как и его герой. С попыткой писателя выразить через личностное сознание больного героя образ целого мира с разрушенным сознанием и определить свою личную биографическую и мировоззренческую историософию связана, на наш взгляд, усиленная эмотивность в описании реальной фактографии Ташкента. Это и позволяет говорить о констатации в ташкентском тексте Солженицына личностного «исповедального» мифа конгениально совпадающего с историческим мифом Ташкента в частности и целого государства-времени. Важно, что произведение написано не жителем Ташкента, а человеком, который попал туда волею судеб... Это усиливает ощущение фатумности особого «маргинального» пространства Ташкентского медицинского онкодиспансера, поддержанной числовой мифосемантикой «проклятого» 13 корпуса: *«Корпус носил и номер тринадцать. Павел Николаевич Русанов никогда не был и не мог быть суеверен, но что-то опустилось в нём, когда в направлении ему написали: “тринадцатый корпус”. Вот уж ума не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протечный или кишечный.*

Однако во всей республике сейчас не могли ему помочь нигде, кроме этой клиники.

Начиная с этих неопрятных халатов всё было здесь для Павла Николаевича неприятно: слишком истёртый ногами цементный пол крыльца; тусклые ручки двери, захватанные руками больных; вестибюль ожидающих с облезлой краской пола, высокой оливковой панелью стен (оливковый цвет так и казался грязным) и большими рейчатыми скамьями, на которых не помещались и сидели на полу приехавшие издалека больные — узбеки в стёганных ватных халатах, старые узбечки в белых платках, а молодые — в лиловых, красно-зелёных, и все в сапогах и в галошах. Один русский парень лежал, занимая целую скамейку, в расстёгнутом, до полу свешенном пальто, сам истощавший, а с животом опухшим, и непрерывно кричал от боли. И эти его вопли оглушили Павла Николаевича и так задели, будто парень кричал не о себе, а о нём» [4].

Акцент в описании 13 корпуса фиксируется не бытовыми деталями, а внутренним образом-сознанием страдания и боли. Таким больным пространством обозначен первый городской географический локус «ташкентского текста» в романе. Хронотоп дефинируется пространством конкретной больницы и временем всеобщего страдания. Поэтому так важна позиция хаотической толпы, метафорически передающей образ страдающего народа в едином пространстве «больного государства». Возможно, с этим связан и сюжетный ход — первое знакомство с 13 корпусом происходит в призме восприятия не главного героя Костоглотова, соотносимого с биографическим образом Солженицына, а через восприятие другого героя Павла Николаевича Русанова. Диагноз хаотического «грязного» больного пространства-толпы предопределил внутреннее пространство Русанова — циничное, предательское, грязное. На наш взгляд, писателю важно отложить знакомство с сакральным личным пространством Костоглотова, наложенным на пространство 13 корпуса. Оно произойдёт в повести много позже, после непосредственного знакомства с больным Костоглотовым и таким образом не будет диктовать условие восприятия его личностного сознания.

Фактологически детали в описании корпуса в повести во многом имеют историческую соотнесённость с реальным 13 корпусом больницы и сюжетное знакомство читателя с Русановым совпадает с биографическими фактами появления Солженицына в больнице Ташкентского онкодиспансера в 1964 году, куда он прибыл для лечения рака из Джамбула. Врач Ирина Емельяновна Мейке, которая лечила Солженицына и стала прототипом врача Веры Корнильевны Гангарт, так вспоминала встречу с больным писателем, случившуюся во время ночного дежурства в январе 1954 года: *«Это был относительно молодой человек (тридцати пяти лет – это потом я узнала). Высокого роста. В такой заплатанной шинельке, рюкзачок какой-то маленький, военный, весь тоже заплатанный. Ну, и, свернувшись, он лежал на полу. Шел сильный дождь, он весь промок. И мне как-то захотелось улучшить его положение. Скамейки все заняты, а в нашем рентгеновском коридоре, который был закрыт для посторонних, тоже были скамейки. Я распорядилась, чтобы его туда поместили и дали какой-то матрасик из нашего отделения. Он мне показал документ, что он ссыльный, приехал из Казахстана и находится под наблюдением МГБ. И вот этот МГБ ему дал разрешение только на 24 часа, хотя дорога длинная. Поэтому он сказал: “Я никуда не уйду, что хотите со мной, то и делайте”. А у него боли были сильные – живот был “нафарширован” опухолями, и конечно, он был тяжелый»* [3].

Упоминание о больном Солженицыне из воспоминаний врача Мейке непосредственно совпадает с описанием персонажа русского парня, которого увидел Русанов в своё появление в 13 корпусе. Персонификация в «незнакомце» реального биографического присутствия себя позволяет Солженицыну фиксировать своё со-присутствие не только в сакральном внутреннем мире-сознании Костоглотова, но и во внешнем историческом «больном» пространстве общего мира. Текст-город метафорически раздвигается до текста-истории целой страны и текста-биографии Солженицына и целого ряда реальных исторических личностей, ставших прототипами героев повести: заведующая лучевым отделением Лидия Александровна Дунаева - прототип Людмилы Афанасьевны Донцовой («мама»); лечащий доктор Ирина Емельяновна Мейке – прототип Веры Корнильевны Гангарт; старик Кременцов, борода академика Павлова (глава 17) - прототип Кременцова; Елизавета Денисовна Вороньянская – прототип Елизаветы Анатольевны (глава 34) .

Внешний или **формальный** хронотоп фиксируется в определённых художественных деталях (*больница, тусклые ручки двери; вестибюль ожидающих с облезлой краской пола, оливковая панель стен (оливковый цвет так и казался грязным), большие рейчатые скамьи*), которые определяют и психологические характеристики «болезненности» внутреннего или **содержательного** хронотопа «грязного» пространства. Так в локусе 13 корпуса (очевидцы свидетельствуют, что это был действительно очень грязный, тесный корпус) конституируется ситуация предела и пограничья жизни и смерти. В этой системе «порогового» миропорядка герой оказывается вытиснутым из обычной жизни, которой продолжают жить люди вокруг. Он воспринимает эту ситуацию как «сломаный» мир и это формирует особое состояние *«изломанного сознания»*, детерминированное как «раковой» болезнью тела, так и социально-идеологической болезнью эпохи.

Историко-биографическая составляющая судьбы Костоглотова идентифицируется реальными фактами из жизни Солженицына и в первую очередь закрепляется в тексте локусом 13 корпуса и воспоминаниями Костоглотова, что позволяет говорить о том, что историко-географические реалемы «ташкентского текста» становятся способом выражения авторской позиции. Большинство исторических реалем проявляются в воспоминаниях современников, зафиксированных в комментариях к повести «Раковый корпус» Владимира Радзишевского (2012): *«И через год с небольшим, вскоре по освобождении из лагеря, непонятная болезнь схватила ссыльного. “Еле держась, я вёл уроки; уже мало спал и плохо ел”, – рассказывает А. С. в “Архипелаге ГУЛАГе”. В районной больнице не смогли поставить диагноз, колебались между гастритом и язвой. Такой же ссыльный Николай Иванович Зубов, с которым А. С. и познакомился в больнице, но не как с медиком, а как зэк с зэком, первый заподозрил, что это, по-видимому, проступили метастазы рака. Из Кок-Терека больного послали на обследование в областной город – Джамбул. И рентген показал опухоль. Врачи определили, что она громадная, твёрдая, малоподвижная, выросла из задней стенки брюшной полости; очевидно, метастазического характера. А из живота опухоль уже выпирала как крупный мужской кулак. <...> До конца декабря у себя в Кок-Тереке А. С. через силу продолжает занятия в школе, отложив до зимних каникул направление на консультацию к онкологам Ташкентского мединститута и справку, разрешающую отлучиться из пункта ссыльной приписки на время лечения. В декабре врачи, товарищи по ссылке, подтвердили, что жить 35-летнему учителю осталось не больше трёх недель. С этим уточнённым приговором он и отправился 31 декабря, под новый, 1954 год, в Ташкент умирать.*

Полтора месяца, с 5 января до середины февраля, А. С. провёл в Тринадцатом (онкологическом) корпусе ташкентской клиники. Попади он в руки хирургов, те, возможно, настояли бы на повторной операции с неизвестным исходом. Но заведующая лучевым отделением Лидия Александровна Дунаева пришла к выводу, что спасти пациента может лишь предельная доза облучения, если только он её выдержит. У А. С. хватило сил принять 12 тысяч рентген, и болезнь отступила. Диагностика и назначения Лидии Александровны оправдались. А вела больного Ирина Емельяновна Мейке. Она лечила и вылечила.

Сам А. С. воспринял своё выздоровление не как излечение, а как исцеление: «При моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель» [Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С.11]. И, стало быть, «Раковый корпус» входит в состав этой цели» [2].

Не случайно А. Солженицын замыкает художественное пространство «текста-города» историко-географическим локусом «небольшого Ташкента». Глава называется «Первый день творения» и повествует о реальном печально-радостном блуждании Костоглотова после выздоровления и выписки из больницы. Городское пространство за пределами «пограничной зоны» больницы выстраивается в системе «текста-дороги», фиксирующей исторические реалемы Ташкента 1954 года. Внешнее пространство «небольничного» города фиксирует сознание свободы и радости от полного выздоровления-освобождения

от болезни телесной и ментальной, и позиционируется как пространство «нового мира» новой жизни: «Костоглотов спешил скорее выйти, чтобы что-нибудь не задержало. Нянечка отложила брусок, задвинутый в ручку наружной двери, и выпустила его.

Он выступил на крылечко, — и остановился. Он вдохнул — это был молодой воздух, ещё ничем не всколыхнутый, не замутнённый! Он взглянул — это был молодой зеленеющий мир! Он поднял голову выше — небо развёртывалось розовым от вставшего где-то солнца. Он поднял голову ещё выше — веретена перистых облаков кропотливой, многовековой выделки были вытянуты через все небо — лишь на несколько минут, пока расплывутся, лишь для немногих, запрокинувших головы, может быть — для одного Олега Костоглотова во всём городе. <...> Он обернулся на раковый корпус. Полузакрытый длинными мётлами пирамидальных тополей, корпус высился в светло-сером кирпиче, штучка к штучке, нисколько не постарев за свои семьдесят лет. <...> Он прошёл запретные ворота и увидел полупустую площадь с трамвайным кругом, откуда, промоченный январским дождём, понурый и безнадежный, он входил в эти ворота умирать. Этот выход из больничных ворот — чем он был не выход из тюремных?

В январе, когда Олег добивался больницы, визжащие, подсакивающие и перенабитые людьми трамваи замотали его. А сейчас, у свободного окна, даже дребезжание трамвая было ему приятно. Ехать в трамвае — был вид жизни, вид свободы. <...> Ещё много радостей ожидало его сегодня!..

Это было солнце той весны, до которой он не рассчитывал дожить. И хотя вокруг никто не радовался возврату Олега в жизнь, никто даже не знал — но солнце-то знало, и Олег ему улыбался. Хотя б следующей весны и не наступило никогда, хотя б эта была последняя — но ведь и то лишняя весна! и за то спасибо!» [4].

Если повесть начинается с описания закрытого больного пространства ташкентской больницы, то заканчивается изображением открытого пространства города-дороги как символа движения вперёд в новую жизнь, как символа выхода из тупиков лабиринта судьбы. Легко узнаваемые историко-географические реалемы Ташкента фиксируют не только атмосферу лёгкой весенней прогулки, но и обрисовывают реальное культурное пространство — здесь и цирк, и театр, и зоопарк, парк культуры и отдыха им. Тельмана, и базар, как важнейший локус сознания-миропорядка Востока, и Старый город с его неповторимым запахом национальной кухни... Высвечивая сакральное культурное пространство города-текста, А. Солженицын акцентирует внимание на рассветном небе, которое открывает город не только по горизонтали, но и вертикали, фиксируя семиотику Спасения.

Так «ташкентский текст» метафорически репрезентируется закрытым локусом 13 корпуса Ташкентского онкодиспансера (нынешняя территория Старого ТашМИ) в начале повести и это есть способ рецептивного изображения внутреннего сознания личностной и социально-политической болезни человека и эпохи. Заканчивается повесть описанием открытого исторического культурного центра Ташкента, метафорически соотносимого с образом-состоянием выздоровевшего Солженицына и выздоравливающей истории (год выздоровления — 1954!!!).

Реальный исторический локус Ташкента определяет повествовательный дискурс «города-текста» в повести А. Солженицына «Раковый корпус», фиксируется на уровне историко-географических реалем, которые метафорически маркируют биографическое пространство (болезнь рак), экзистенциальное пространство Писателя (в движении от отчаяния к спасению), социально-политическую атмосферу эпохи «культы личности».

Список литературы:

1. Заманская В. В. Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке // Наука о литературе в XX веке. (История, методология, литературный процесс): Сб.ст.РАН. ИНИ-ОН. – М., 2001.
2. Радзишевский Владимир: комментарии к повести «Раковый корпус», 2012 – [Электронный ресурс] URL http://www.bibliotechka.ucoz.com/index/rakovyj_korpus/0-6030 (Дата обращения: 15.10. 2018).
3. Сараскина Л. И. Александр Солженицын [Электронный ресурс]: URL <http://www.ushebana5.ru/cont/2647490-p56.html> (Дата обращения: 15.10. 2018).
4. Солженицын А. И. Раковый корпус. - [Электронный ресурс]: URL <http://online-knigi.com> (Дата обращения: 06.11. 2018).
5. Ташкентский след в русской культуре. [Электронный ресурс]: URL <http://www.fergananews.com/articles/6600>(Дата обращения: 15.11. 2018).
6. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. – М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

Шаламова-Красевская Л. Н.
(Брест, Беларусь)

ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА К СЕБЕ

Ключевые слова: Солженицын; сибирский край; лагерь; я; окружающий мир; творчество.

Аннотация: в статье показан авторский взгляд на творчество писателя и его оценку в современном социуме, а также его влияние на творческую судьбу поэта и окружающий мир.

«Место Солженицына определяется не его личной строчкой в «табели о рангах» русской литературы, а его непреходящим присутствием в русской жизни... Имя Солженицына-литератора, возможно, будет выцветать с течением времени, но имя политического громовержца не поблекнет в обозримом будущем.

Александр Исаевич Солженицын был не только зеком, писателем и зорким исследователем советской жизни, начиная с ее тюрем и лагерей. Солженицын был Явлением, чрезвычайно редко встречающимся в нашей жизни – может, раз в век. Явление немислимо подвергнуть литературной критике, поскольку литература лишь одна из его составных частей, которая не существует в отрыве от остальных [10].

Конечно, Солженицын, как и всякая незаурядная личность, неоднозначен. Разноречивые оценки вызывают его взгляды и суждения, которые он выражал и в своих произведениях, и озвучивал с трибуны. О нем самом можно долго спо-

ритель, но факт историко-документальной ценности наследия русского писателя остается бесспорным.

Лично мне откровения автора книги «Архипелаг ГУЛАГ» помогли разобраться в себе, своем творчестве, своих взглядах на окружающий мир. Поэты-друзья удивляются, откуда и почему в моих стихах, часто написанных не по-женски, рождаются и такие темы?

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

Приговорила к сроку: ночь раздумий...
Но утро вечера мудрей –
Наутро срок дарю длинней:
Три месяца –
Ночей так много в сумме!
Нет! Нет! Приговорю тебя
На вечный срок свободы от себя! [6, с. 55].

Нашумевшая книга Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» попала в мои руки в 2001 году. Бегло прочитав, сначала только 1-й том, а затем и всю книгу, я стала больше интересоваться теми уникальными, родными местами, где прошло моё детство, где складывался мой характер и судьба. Где всю свою молодость ходила я «дорогами страданий».

Выяснилось, что во многих городах, в которых мне довелось бывать и жить, учиться и рожать своих детей – находились лагеря, дислоцировались колонии и отделения лагерей ГУЛАГа. Это Туим, Абакан, Усть-Абакан, Черногорск, Ачинск, Красноярск, Енисейск, Игарка, Канск, Норильск, Дудинка, Сон, Сорск и многие другие населенные пункты.

«Перечислять эти места, местечки и посёлки – почти то же, что повторять географию Архипелага. Ни одна лагерная зона не может существовать сама по себе – близ неё должен быть посёлок вольных. Иногда этот посёлок при каком-нибудь временном лесоповальном лагпункте простоит несколько лет и вместе с лагерем исчезнет. Иногда он вкоренится, получит имя, поселковый совет, подъездную дорогу и останется навсегда. А иногда из этих посёлков вырастают знаменитые города, такие как Магадан, Темир-Тау, Балхаш, Джезказган, Ангрэн, Тайшет, Братск...» [10, с. 521].

Но обо всем по порядку. Моя Родина – Сибирь.

«Неприветливо-юдольный.
Потаён, таёжно-глух.
Перезвоном колокольным
Неизбалованный слух.

Край безудержно-безбрежный...
Там в нехоженой дали...»
..... [6, с. 38].

Переждав, холодное лето пятьдесят третьего, я родилась в сумерках сталинской эпохи при свете керосиновой лампы, в деревенской избе возле теплой русской печки. Мама рассказывала, что рано утром я криком возвестила о своем появлении на свет. А потом ещё семь месяцев кричала и днём, и ночью. Говорят, так судьбу выпрашивают у Бога.

Но меня не окрестили ни на девятый день, ни позже. Да и негде было крестить – церкви закрыты, разрушены, священники в лагерях...

«Крещёная
серпом и молотом,
Осенним холодом на ветру –
Изведала:
молчанье – золото.
Разбогатею, когда умру!...»
..... [6, с. 23].

(Из жизнеописания)

О деревенской жизни, что я знаю?
Не приходилось ни пахать, ни сеять.
И где теперь сторонuşка родная,
Которая, как мать, могла лелеять?

Та сторона у Красного Турана –
Моя, до самой маленькой травинки.
Там, возле русской печки утром рано
Я родилась при свете «керосинки».

Там мама на руках меня качала.
Но мир так мал от печки до порога!
И я кричала! День и ночь кричала.
Судьбу просила, говорят, у Бога.

С молитвами не сразу подгадали,
Не окрестили в сумерках эпохи.
А «Вечера на хуторе...» читали...
Я верила преданьям о Солохе.

И маминым рассказам при лучине
О странных происшествиях в деревне.
О страшном привидении-мужчине
История такой казалась древней...

А папа из тайги всегда с подарком
От зайчика – дочуркам и сынишке.
Топили печь, чтоб в доме было жарко
И вслух читали каждый вечер книжки.

В глухом краю, над Бирею-речушкой,
Мне было всё равно, где юг, где север.
Сверкая белобрысою макушкой,
Рвала в букетик васильки да клевер.

Из всех богатств – огромная перина –
Воспоминаясь теплым через детство.
Там бабушки: Матрёна и Марина
Мне завещали редкий дар в наследство.

А мама с папой все искали счастья.
С собой узлы с пожитками и дети.
В стране тревожно. Перемена власти.
Без Сталина учились жить на свете.

А жили, получается, не плохо,
Наперекор природным катаклизмам.
Мы ели хлеб невкусный из гороха
И верили в победу коммунизма.

Истории неясные страницы
Очистились слегка «метлой поганой».
Мне повезло счастливою родиться
Во времена кровавых интриганов!

Сакральных мест таинственная сила
Истоками любви земной питала...
Все сбудется, о чём и не просила,
Всё, что сама судьба предназначала [авторские стихи].

**«Никто из людей ничего не знает наперёд.
И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и
самое большое счастье разыщет его – в наидурном».**

Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ» [т. 3, с. 411]

В 1954 году наша семья переехала жить в Хакасию, в таёжный поселок Туим. Именно здесь, в Туиме, моим душевным спокойствием занялась соседка бабка Черданчиха, которая три раза на вечернюю зорьку читала надо мной заговоры и молитвы. Помогло. Кричать я перестала. Стала петь. В конце первого класса моих родителей вызвали в школу и ругали за то, что на уроках чтения я не читаю тексты, а пою.

Помню, как однажды перед новогодними каникулами в декабре 1960 года я вошла в свой класс и сказала детям:

– Послушайте! Послушайте все меня внимательно! Я сочинила песенку и сейчас вам её спою! И запела:

Старый год, старый год,
До свидания!
Он от нас навсегда уйдет.
Старый год, старый год,
Пожелания
Нам самые приветливые шлет.

П-в: Снежок идет
Дорожку осыпает.
Снежок идет
Старый год провожает...
.....

Это было моё первое «публичное» выступление, начало моего творчества. С этих пор стихи писать не переставала. Здесь, в Туиме, прошло всё моё детство – вольное, таёжное. Места для игр – склоны гор, заросшие кустарниками пещеры, тайга. Здесь прошли школьные годы, здесь усваивались и первые уроки суровой сибирской жизни. Вот – тайга. Ты уходишь в неё, но ты должен вернуться! И, желательно, засветло. Родители особо не контролировали, не спрашивали, где мы с братом проводим время. Я могла уходить на целый день в лес одна, намечая цель: пройти от одной горы до другой. Там, где есть горы, – не заблудишься. Забираясь на их вершины, любовалась привычными пейзажами, которые простирались на десятки километров во все стороны. Очень любила качаться на гибких стволах молодых берез, сочиняя песенки и стихи. С собой никогда не брала еду – только фляжку с водой и ножичек, чтобы легче было выкапывать съедобные корни саранки. На всю жизнь запомнила их садкий и крахмальный вкус. Любимыми лакомствами также были: кашлица цветов Марьяна корня, черемша, лесные ягоды, нектар некоторых растений и сера, приготовленная из смолы лиственницы. В летнюю пору окружающая тайга становилась настоящей кормилицей. А зимой...

Мне тогда никто не сказал:
«Не ходи далеко в тайгу,
не смотри Синильге в глаза –
пропадешь, утонешь в снегу!»

Непокорно в глуши росла,
прошибала обухом плеть.
Это нынче пою буслам –
я тогда не любила петь.

Это нынче – рука в руке –
укрываюсь твоим теплом,
а тогда – одна по реке
за изгиб судьбы, за излом,

за колючий холод весны,
босиком по талой воде,
забывая вещие сны –
я ушла из прошлого, где

оставляет шатун-медведь
след, автографом на снегу.
Мне никто не скажет и впредь:
«Не ходи далеко в тайгу...» [6, с. 25]

Хакасия. Как писал Владислав Торосов: «Это Богом дарованная земля (пл. около 62 тыс. кв. км.). Геологически хорошо изучена только пятая часть территории республики. К настоящему времени здесь обнаружено 456 месторождений цветных, редких, благородных и черных металлов, драгоценных камней, в том числе 290 золотых россыпей, десятки мраморных и гранитных массивов. И не случайно с древнейших времен о Хакасии по миру идет молва: «Здесь ходят по золоту, а дороги выстилают мрамором» [10, с. 17].

Тридцать лет я жила в Хакасии, десять лет из них в таежном поселке Туим. «Дату основания Туима сложно определить до точности, а вот история металлообработки в туимской подтаежной зоне уходит в глубину тысячелетий, о чем свидетельствуют археологические находки древних плавильных печей. В Тагарскую эпоху, а это VIII – III века до новой эры, территория Туима и Уленя, Ефремкина и Саралы стала крупнейшим центром добычи и обработки металлов во всей Южной Азии. Стоит сказать, что изделия местных мастеров, а они освоили производство сплавов, отливку и плющение металлов, стали прекрасными ювелирами, расходились на запад до Урала и на восток до Китая и Японии» [3]. «В первой четверти XIX века император Николай I принял указ, разрешавший разработку рудников и поиски золота частным лицам за Уралом, открыв тем самым сибирскую «золотую лихорадку». И уже по данным 1861 года продукция золотопромышленности на территории Красноярского края и Хакасии составляла 99 процентов к сумме всего промышленного производства в Енисейской губернии» [4]. «Косвенные данные говорят о геологической разведке медных месторождений уже в конце девятнадцатого века, в 1886 – 1896 годы, когда поисками месторождений по бортам речки Туим мог заниматься обрусевший инженер Михаил (Микаэль) Деларю.

Зато 1901 год определяется документально. Именно в этот период профессор Томского государственного университета А. М. Зайцев проводил геологические съемки Туимо-Карышской группы месторождений тяжелых металлов и отмечал существование хакасского улуса Той-ым («пир на реке» в переводе с хакасского языка). До конца 19 века крохотный хакасский улус Туим составлял лишь 10–12 юрт, население которого занималось традиционным скотоводством. В это же время (1901–1904 гг.) Деларю и маркшейдер А. Ф. Марков открыли месторождение меди Киялых-узьень (Скальный лог).

И все же временем интенсивного развития производства и строительства поселка стал двадцатый век. Наверное, необходимо привести еще несколько дат и цифр. В 1917 году ученый Д. Г. Мешарев определил запасы Киялых-узьеньского месторождения – 34,5 миллиона пудов. Годы гражданской войны и последую-

щей разрухи существенно отложили добычу металлов. Однако в 1933 году под руководством известного в своей области ученого Л. Д. Староверова была образована геологоразведочная партия, которая на следующий год открыла по правому борту Туимки месторождение вольфрама» [3].

«Детальные разработки ГРП 1934 года дали начало комбинату **«Туимвольфрама»** Главного управления «Енисейстрой» НКВД СССР. («Енисейстрой» - это не лагерь (ИТЛ), а целый главк (Главное Управление) ГУЛага, подобно, например, Дальстрою.

ГУ «Енисейстрой» существовало с 1949 по 1953 г.г. Главк находился в Красноярске, его начальником был генерал-майор Панюков. В состав главка формально входили 10 лагерей (ИТЛ). Однако они формировались в разное время, а фактически действовали лишь некоторые из них: Таёжный (в Канском районе), **Туимский (в Хакасии)** и Красноярский (известный также как «Краслаг Енисейстроя»), в 1951 году объединённые в лагерь «ДС», и 2-3 более мелких. **Таёжлаг и Туимлаг** были привязаны к рудникам. В Красноярске заключённые лагерей Енисейстроя возводили завод «Сибсталь» и, видимо, урановый завод.

В состав Енисейстроя входила также «шарашка» (спецтюрьма) ОТБ-1, находившаяся в Красноярске и выполнявшая проектные работы для объектов Енисейстроя. В ОТБ-1 сидели геологи и металлурги. Среди них были академики, много докторов наук. Место, где находилась эта «шарашка», вы прекрасно знаете. На этом месте сейчас находится, как ни парадоксально, юрфак КрасГУ – это на улице Маерчака, 6. А соседствующий с ним институт «СибцветметНИИ-проект» как раз и образовался из той самой шарашки») [1].

«Туимлаг», фото

Масса лагерей возникла здесь ещё до Великой Отечественной войны. Была построена обогатительная фабрика мощностью 50 тонн переработки руды в сутки. Здесь занимались добычей меди, золота, железа и других металлов. Вольфрам и молибден Туима были необходимым подспорьем для оборонной промышленности страны, особенно в годы Великой Отечественной войны. Минерал шеелит-вольфрам применяли как добавку к легированной стали, из которой изготавливали непробиваемую броню для танка «Т-34».

Трагические события тех лет нельзя обойти – это тоже наше прошлое. Без них история Хакасии XX века выглядит не только выхолощенной, но и во многом искаженной. Попыткой исторического исследования репрессий в годы советской власти явилось автобиографическое и публицистическое произведение А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В этой книге есть упоминание и о «Туимлаге»: «Всё это было частью еще более великого замысла Укрепления Тыла (из названия видно, что Сталин готовился к близкой войне). Созданы были ОСОБЫЕ ЛАГЕРЯ с особым уставом, малость помягче ранней каторги, но жестче обычных лагерей...

По ИТЛовским лагерям поползли мрачные слухи, что Пятьдесят Восьмую будут посылать в Особые лагеря уничтожения (ни исполнителям, ни жертвам не вступало, конечно, в голову, что для этого может понадобиться какой-нибудь там особый новый приговор).

Но называли Пятьдесят Восьмую не всю. Лишь потом, сообразуя по знакомым, арестанты поняли, кого оставляли с бытовиками на островах ИТЛ – оставили чистую 58–10, то есть простую антисоветскую агитацию, значит – одиночную, ни к кому не обращенную, ни с кем не связанную, самозабвенную. И хотя почти невозможно было представить себе таких агитаторов, но миллионы их были зарегистрированы и оставлены на старых ГУЛаговских островах. Если же агитаторы были вдвоем или втроем, если они имели хоть какую-нибудь склонность к выслушиванию друг друга, к переключке или к хору, они имели довесок 58–11 «группового пункта» и как дрожжи антисоветских организаций ехали теперь в Особые лагеря. Само собой, ехали туда изменники Родины (58–1–а –б), буржуазные националисты и сепаратисты (58–2), агенты мировой буржуазии (58–4), шпионы (58–6), диверсанты (58–7), террористы (58–8), вредители (58–9) и экономические саботажники (58–14). Сюда же удобно помещались те военнопленные немцы (Минлаг) и японцы (Озерлаг), которых намеревались держать и после 1948 года.

Зато в лагерях ИТЛ оставались недоносители (58–12) и пособники врага (58–3). Наоборот, каторжане, посаженные именно за пособничество врагу, ехали теперь в Особые лагеря вместе со всеми.

Разделение было еще глубочайшее, чем мы его описали. По каким-то непонятным признакам оставались в ИТЛ то двадцатипятилетницы-изменницы (Унжлаг), то кое-где цельные лагпункты из одной Пятьдесят Восьмой, включая власовцев и полицаев – не Особлаги, без номеров, но с жестоким режимом (например, Красная Глинка на волжской Самарской луке; **лагерь Туим в Ширинском районе Хакасии**; южно-сахалинский). Лагеря эти оказались суровы, и не легче было в них жить, чем в Особлагах» [10, с. 36–37].

«К месторождению вновь вернулись в конце 40-х. Образованный государством комбинат «Туимвольфрам» Главного управления «Енисейстрой» НКВД

СССР использовал для выработки и обогащения руды труд политзаключённых. Он и вдохнул новую жизнь в старый рудник. К концу сталинских чисток в созданном концлагере было сосредоточено достаточное количество специалистов по рудному промыслу и просто живой силы. Многие из узников «Туимлага» не дожили до старости благодаря такой «заботе» государства, превратившего народ в тягловый скот. Рабов здесь не считали, руда с помощью тачек вывозилась на обогатительную фабрику, а постоянный маховик репрессий обеспечивал новые партии смертников.

«Туимлаг» Фото

В начале 50-ых годов прошлого века было образовано Туимское горнопромышленное управление, в которое были включены ГРП, рудник «Юлия», комбинат «Киялых-Узень» и «Туимвольфрам», что послужило новым мощным стимулом в росте добычи и переработки меди и молибдена». Силами заключенных Ачинского лагерного отделения осуществлялось строительство кирпичного завода в Ачинске. По окончании строительства 25 апреля 1953 года завода был переведен вольнонаемный состав, контингент заключенных вывезли в Сорское «лагерное отделение, за исключением осужденных по статье 58, данная категория была этапирована в Туимское лагерное отделение. Незадолго до этого, 11 апреля 1953 года, Туимское лагерное отделение стало лагерным подразделением усиленного режима для содержания заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления» [4].

«К окончанию сталинской эпохи Туим оставался закрытой зоной: 25000 политических зеков работали на молибденовом руднике, строили посёлок, ТЭЦ, обогатительную фабрику и железную дорогу к ней. Работы велись преимущественно ручным способом – киркой и лопатой.

«Работа в шахте Киялых-Узень. Туим» Фото

В узких штольнях руду рубили практически на коленях, которую грузили в вагонетки, перемещавшиеся вручную по рельсам на поверхность и далее на обогатительную фабрику. Можно только представить какую негативную энергетику впитала гора, состоящая из боли и страданий в большей степени невиновных людей, которых заставили умирать за процветание страны» [4].

О, если б вы знали, что книгу Сибири –
Её переплёт –
Из камня рубили,
Из кедра рубили
Наотмашь, вразлёт!..

И страсти кипели, и щепки летели,
И «время – вперёд»
За край, за метели,
В звенящие ели –
Меня свой ход.

Когда б вы ходили по рекам таёжным,
По тропам во тьмах,
Где в сёлах острожных
Испытывать сложно
Вселенский размах,

Когда б вы касались холодных, отвесных,
Причудливых скал –
Вам стало б известно
Из истин всеместных,
Что он здесь искал [6, с. 37].

«Прошла сталинская эпоха, веяло разными тёплыми и холодными ветрами, а многие бывшие зэки так и не уехали из прилагерного мира, из своих медвежьих мест, и правильно сделали. Там они хоть полулюди, здесь не были бы и ими. Они останутся там до смерти, приживутся и дети, как коренные» [11, с. 522].

Масштабы выработки руды не были остановлены и в пост сталинское время, разве что рабочие тогда стали вольнонаёмными. Увы, интенсивные, «стахановские» методы добычи быстро обернулись крахом для Туима: что его породило, то и убило.

К 1968 году основные запасы руды были выбраны. Образовавшиеся внутри горы огромные пустоты поставили под угрозу все работы. «Кровля» могла дать усадку в любой момент. Однако работы по вывозу руды продолжались ещё несколько лет и лишь в 1974 году шахта Киялых-Узень была окончательно закрыта».

Грандиозным провалом завершился особо важный сталинский проект по освоению сибирских месторождений. Вот так, хоть и с большим опозданием сбылась мечта туимских зеков. Сотни раз проклятый рудник наконец провалился. Правда назвать точную дату провала никто не берется.

Уже в 50-х годах у жителей Туима начали пропадать коровы и мелкий скот. Во время их поисков на вершине горы был обнаружен пролом диаметром шесть метров, в который и проваливалась заплутавшая скотина. В 1961 году в эту трещину заложили взрывчатку, совершенно не учтя, что под горой находится огромная пустота. После серии взрывов диаметр воронки увеличился до 70 метров.

Но и после этого шахта не была закрыта. По подсчётам специалистов около 60 % залежей металлов ещё оставалось внутри горы. Горняки направленными взрывами и отбойными молотками уходили всё ниже и ниже. Однако работы осложняли грунтовые воды, старавшиеся заполнить всё свободное пространство.

И если бы не постоянно работающие насосы штольни, штреки быстро бы заполнились водой. Будучи не способным противостоять стихии, руководство шахты, по согласованию с центром, приняло решение закрыть её.

Со временем природа завершила консервацию объекта. В 1991 году в результате небольшого землетрясения произошёл обвал и воронка приобрела нынешние размеры. Сейчас они впечатляют до невозможности. Диаметр дыры более 200 метров, глубина до поверхности воды 120 метров и ещё метров 200 под воду.

Все нижние штольни и штреки достаточно быстро заполнились водой, образовав бирюзового цвета озеро. Правда, дна озера до сих пор не видел никто. Для широкой публики Туимский провал открыл Юрий Сенкевич в 1995 году.

А после сюжета в «Клубе путешественников» Туим стал местом паломничества спелеологов и дайверов – озеро на дне кратера притягивает любителей экстремальных погружений, а позже место стало фоном для съёмок эпизода телеигры «Фактор Страха».

«Туимский провал»

Ночь распускает покрывало
Великой Тьмы,
Вплетая в кружево тесьмы,
За незнакомым перевалом,
Щемящий страх,
Зажатый Вечностью в горах.
Там эхо заблудилось в скалах,
Роняя звук
В исток непознанных наук.
Сознание не принимало
Реалий сна –
Мешала неба крутизна.
То горбилась, то грудь вздымала
Земная твердь.
Дел и событий круговерть:
Большое – исчезает в малом.
Таков закон.
Переходящим Рубикон –
Гора отвечает провалом,
Меняя вдруг
Ход времени. Событий круг
Проявит заданность на талом
Цветном снегу.
Вдаль по спирали не бегу
За грань пульсации на алом
Восходе дня.
Вы не отыщите меня,
Ушедшую к земным развалам
За стык веков,
Без слов – пожизненных оков.
Змеиное прельщает жало.
Прозрачен яд...
А сердце бьется наугад,
Безудержно и как попало [6, с. 46].

Информацию про Туим собирала лет пятнадцать буквально по крупичкам. Что-то рассказывал папа. Сама помню одно из мест, где жили заключенные. Называлось оно «шестибараки» – очень не любила туда ходить. Разыскала своего одноклассника, талантливого журналиста и краеведа Василия Иванченко, просила помочь с информацией по «Туимлагу». Он занимался в своё время этой темой, но документальных материалов не так много найдено. Наверное, до сих пор находятся под грифом сверхсекретности. Сохранились устные рассказы старожилов и редкие фотографии. Очень редкие, так как фотографироваться в лагере можно было только на документы. Зато Василий предоставил мне свою статью «В рудных горах Алатау» про историю Туима.

Поэтому, чтобы представить лагерную жизнь, очень ценными оказались воспоминания Солженицына. «Эти лагеря и не могли начаться иначе. И угнетённые, и угнетатели пришли из ИТЛ'овских лагерей, и десятилетия рабской и господской традиции стояли за теми и за другими. Образ жизни и образ мыслей переносился вместе с живыми людьми, они притепляли и поддерживали его друг в друге, потому что ехали по несколько сот человек с одного лаготделения. На новое место они привозили с собой всеобщую внушённую уверенность, что в лагерном мире человек человеку – крыса и людоед, и не бывает иначе. Они привозили в себе интерес к одной лишь своей судьбе и полное равнодушие к судьбе общей. Они ехали, готовые к беспощадной борьбе за захват бригадирства, за теплые придурочьи места на кухне, в хлеборезке, в каптёрках, в бухгалтерии и при КВЧ.

Но когда на новое место едет одиночка, он в своих расчётах устроиться там может полагаться только на случайную удачу и на свою бессовестность...

В лагере – не как на воле. На воле каждый неосторожно старается подчеркнуть и выразить себя внешне. Легче видно, кто на что претендует. В заключении, наоборот, все обезличены – одинаковой стрижкой, одинаковой небритостью, одинаковыми шапками, одинаковыми бушлатами. Духовное выражение искажено ветрами, загаром, грязью, тяжёлой работой. Чтоб сквозь обезличенную приниженную наружность различить свет души – надо приобрести навык.

Но огоньки духа невольно бредут, пробиваются один к другому. Происходит безотчётное соознакомление и собиранье подобных.

Быстрее и лучше всего узнать человека, если узнаешь хоть осколочек его биографии» [11, с. 71–72].

И все же самой интересной для меня оказалась в «Архипелаге...» пятая глава 3-го тома «Поэзия под плитой, правда под камнем». Глава о литературном творчестве в условиях лагерной неволи. Волновали вопросы, где можно было брать силы не только для того, чтобы выжить, но ещё и писать стихи? Где и в чем искать вдохновение? Солженицын на них отвечал: Как выжить в условиях, в которых выжить невозможно, и не потерять человеческий облик? Как найти надежду там, где надежды нет? Еда стала для заключенных самой желанной наградой за каторжный труд, предметом обмена, воровства, шантажа...

«Теперь как бы уже не изменялась вверх и вниз моя жизнь, я верен взглядам и привычкам, выработанным там.

А очищенная от мути голова мне нужна была потому, что я уже два года как писал поэму. Очень она вознаграждала меня, помогая не замечать, что делали с моим телом. Иногда в понуренной колонне, под окрики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху – скорей туда, на *объект*, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен, и счастлив» [9, с. 105].

«Память – это единственная *зачатка*, где можно держать написанное, где можно пронести его сквозь обыски и этапы. Поначалу я мало верил в возможности памяти и потому решил писать стихами. Это было, конечно, насилие над жанром. Позже я обнаружил, что и проза неплохо утолакивается в тайные глубины того, что мы носим в голове. Освобожденная от тяжести суетливых ненужных знаний, память арестанта поражает емкостью и может все расширяться. Мы мало верим в нашу память!

Я понимал, что не единственный я такой, что я прикасаюсь к большой Тайне, эта тайна в таких же одиноких грудных клетках скрыто зреет на разбросанных островах Архипелага, чтобы в какие-то будущие годы, может быть уже после нашей смерти, обнаружиться и слиться в будущую русскую литературу.

В 1956 году в Самиздате, уже тогда существовавшем, я прочел первый сборничек стихов Варлама Шаламова и задрожал, как от встречи с братом:

«Я знаю сам, что это – не игра,
Что это – смерть. Но даже жизни ради,
Как Архимед, не выроню пера,
Не скомкаю развёрнутой тетради»

Он тоже писал в лагере! – ото всех таясь, с тем же одиноким безответным кликом в темноту:

«Ведь только длинный ряд могил
Моё воспоминанье,
Куда и я бы лёг нагим,
Когда б не обещаье

Допеть, доплакать до конца
Во что бы то ни стало,
Как будто в жизни мертвеца
Бывало и начало...».

Сколько было нас тогда таких? Я думаю – гораздо больше, чем выплыло за эти перемежные годы. Не всем было дано дожить. Кто-то спрятал бутылку с бумагой в землю, но никому не назвал места. Кто-то отдал хранить, но в небрежные или, напротив, слишком осторожные руки. Кто-то и записать не успел»[9, с. 111–112].

Но не все исчезло бесследно. Недавно узнала, что, благодаря родным, близким и друзьям репрессированных поэтов, а также переводчикам стихов, в 2005 году в издательстве «Материк» выпущен уникальный сборник, антология «Поэзия узников ГУЛАГа», тиражом 2500 экземпляров. Это антология стихов сталинских политзаключенных, составленная поэтом и мемуаристом Семеном Самуиловичем Виленским (издание включает 990 страниц).

Я благодарна Солженицыну за встречу с Варламом Шаламовым на страницах «Архипелага...». Вспомнила его стихотворение «Поэту», посвященное Борису Пастернаку. Приведу отрывок:

Я мял в ладонях, полных страха,
Седые потные виски,
Моя соленая рубаха
Легко ломалась на куски.

Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевший в темный лес.

Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом,
Я жить решался на часы.

И каждый вечер, в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственною связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

Литературная деятельность Варлама Шаламова начиналась в 1928 году. С тех пор она не прекращалась – даже в лагерях. Долгие годы, лишенный возможности записывать свои стихи, хранил их в памяти. «Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море. Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе... Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной», – отмечает Шаламов в записных книжках [2].

Творчество Варлама Шаламова мне дорого, близко и понятно, особенно потрясли его гениальные «Колымские рассказы».

Так вышло по судьбе, что там в Сибири в 18 лет я вышла замуж и еще 18 лет носила фамилию мужа – Шаламова, однофамильца писателя. В январе 1982 года Варлам Тихонович Шаламов умер. С января 1982 года впервые стали публиковать мои стихи на литературной странице газеты «Черногорский рабочий» в городе Черногорске. Вот одно из них:

НАЙТИ В СЕБЕ СЕБЯ ДРУГУЮ...

А мне бы вырваться – совсем,
Из обязательных, привычных,
Никем не утвержденных схем,
И стать явленьем необычным!

Перевернуть в себе – себя,
Найти в себе – себя другую.
И появившихся «себят» –
Переиначить, всем рискуя!

И добротой, и правотой
Пока не начатого боя,
Почти ненужной прямоотой,
Желаньем быть самой собою...

Поставить дерзостью реформ
С ног на голову всех знакомых!
Но, отступив от общих норм, –
Не перешагивать законы! [6, с. 101].

В послесловии к книге «Архипелаг ГУГЛАГ» Солженицын написал: «Эту книгу писать бы не мне одному, а раздать бы главы знающим людям и потом на редакционном совете, друг другу помогая, выправить всю.

Но время этому не пришло. И кому предлагал я взять отдельные главы – не взяли, а заменили рассказом, устным или письменным, в моё распоряжение. Варламу Шаламову предлагал я всю книгу вместе писать – отклонил и он» [10, с. 548].

А в 1962 году Варлам Шаламов писал Александру Солженицыну: «Помните, самое главное: лагерь – отрицательная школа с первого до последнего дня для кого угодно. Человеку – ни начальнику, ни арестанту не надо его видеть. Но уж если ты его видел – надо сказать правду, как бы она ни была страшна. <...> Со своей стороны я давно решил, что всю оставшуюся жизнь я посвящу именно этой правде» [17, с. 652].

Давно смогла определиться,
Лгать мне в стихах или не лгать.
Я не певец опавших листьев
На лужи призрачную гладь!
Я не певец застывшей бури,
Мой ветер – вспыхнувшая Страсть!
Взлетает к Солнцу – глаз не шурит,
Дотла горит, чтоб не упасть! [6, с. 80].

Да, я ходила «дорогами страданий», но я благодарна Богу, что в моей судьбе есть мой любимый Туим, родное место, где я дышала горным, гордым воздухом, настоящим на мечте о свободе, на желании быть счастливым, на желании и умении преодолевать препятствия.

Не научилась покоряться. Или
Совсем забыла заповедь: «Терпи».
То гнездышко, что грубо разорили,
Покинула в немилой мне степи.
В горах свила другое. На вершинах
Хранила заповедные мечты.
Птенцов своих: и доченьку и сына –
Учила не бояться высоты.
И если даже ранен, если крылья
Побиты, и один ты против всех –
В запасе есть последние усилия,
Чтобы взлететь, чтобы подняться вверх!
Там задержаться, доверяя скалам,
Сорвать с души отчаянья налет.
И вдруг понять, что задержаться – мало.
Расправить крылья – и опять на взлет! [6, с. 46].

Я благодарна Богу за Его уроки для меня, за Его защиту, за возможность учиться мудрости и через поэтическое слово тоже.

И меня не минула чаша сия.
Хлеба горького досыть вкусила.
Господи, на всё есть воля Твоя! –
Испытанья даёшь по силам... [авторское]

Есть много правил.
Важные – просты:
«На всякий случай будь поосторожней».
А мимо жизнь телегою порожней
неслась с горы в терновые кусты...
– И в небо?
– Нет. Туда, даст Бог, попозже.
Ещё не подошли в кувшине дрожжи,
не высохли белёные холсты...
– А раны успокоит подорожник?
Пес побежит встречать за три версты?
А если сны и помыслы чисты...
– И страха нет?
– Он сам себе острожник,
винитель и заложник темноты,
а мне не до безсветной суеты...
– На всякий случай – будь поосторожней! [7, с. 24].

В глухой пещере вход закрыть камнями,
Разжечь костер, забыться до весны.
И ночи перекладывая днями,
Ждать зова обитателей лесных.

Не потому, что от людей устала –
Я просто больше видеть не хочу,
Как тянется отравленное жало
Ко мне, когда по воздуху лечу.

Конечно, я должна подняться выше,
Но помыслы – до времени – в тайник.
Сама гора отныне будет крышей,
Чтоб глаз дурной мне в сердце не проник.

Найду глубинный камень, вечность длящий,
Пещерно нацарапаю внутри:
«Оставь меня в покое, всяк входящий!
Сядь у костра и на огонь смотри» [7, с. 79].

Я счастлива, что есть у меня моя удивительная Хакасия и самая таинственная, самая волшебная в мире страна – Сибирь.

Не царица своей судьбы,
Не слуга – мы обе строптивы.
Но, уставшую от борьбы,
Бередят мою душу – ивы.
Непокорным покоем дразня,
До земли распустили косы
И поют, что вскормил меня
Край скуластых предков раскосых.
Заповедный край... А тайга –
Мои слезы – смолою в сосны.
Да закутывала в снега
Неуютные ранние вёсны.
Но по жилам степных дорог,
Но по венам зыбей таежных
Я судьбе раздавала в срок –
Не все пошлины для таможни!
Что теперь янтарем смолы
Вызолачивать свою душу?
Мне от Родины – песнь ветлы,
Да границы... Но я их рушу!

И не мне любовь в кандалы,
И не с ней скандалы – любую
Меркой меряя – все малы!
Я в долгу перед этой любовью.
Зря скупые ее мольбы
Заглушала сердцем ретивым.
Не царица своей судьбы,
Не слуга – мы обе строптивы! [6, с. 71].

ЧУНА

*(Чуна – река на севере Красноярского края. Сливаясь
с Бирюсой впадает в Ангару. Территория КРАСЛАГ).*

Укрыта память от людей
В глухих местах.
По убегающей воде
Кочует страх.

Река. Пороги да пески.
Закон - тайга.
Дожди то в спину, то в виски.
Зимой — снега.

Колючий холод и тоска,
Хоть волком вой...
Не поднимается рука,
Пока живой,

Срывать последнюю звезду
Кому-то в дар.
До времени, в себя уйду -
Держать удар.

Сидит тупая в сердце боль,
Как крот в норе.
Уйти ей, Господи, позволь
О сей поре...

Проткнул вершиной край небес
Седой Саян.
Тревогой дышит дальний лес.
Там воздух пьян.

Рвет ветер в клочья туч холсты,
По телу дрожь.
Чуна, какие тайны ты
В себе несешь?

Чья память берег сторожит
С той стороны,
Где на камнях вода дрожит
И не видны

Следы?.. Природа, человек -
В одной цепи.
Из века в век, из века в век...
Не расцепить.

Не выйти из воды сухим,
Сколь сил не трать.
Как ни хорошим, ни плохим,
А мудрым стать?

Не напасешься счастья впрок -
Слова гласят.
Всему приходит время. Срок
Всему и вся.

Закрыли небо облака.
Путь не прямой.
Чуна — спокойная река.
Хочу домой. [авторские стихи]

Я благодарна Александру Солженицыну за новую встречу с памятью людской... Да, горькой, да страшной! Нужно помнить, чтобы не повторилось...

...Я не скажу тебе ни слова –
Ты и не спросишь никогда!
В мой чужедальный край суровый
Ведут не только провода!
Не только рельсы, реки, броды,
Не только гор таежных глушь –
В мой край в любые непогоды
Иду по окликанью душ! [6, с. 90]

Список литературы:

1. Бабий, Н. А. Лекция (с использованием материалов, подготовленных В. С. Биргером) «Лагеря Красноярского края» / Н. А. Бабий. – архивный материал.
2. Есипов, В.В. Шаламовский сборник, из литературного наследия. (Из записных книжек. Предисл. и прим. И. Сиротинской. Тетрадь 1966 года, запись 2 ноября 1966 г.) / В.В. Есипов. – Вологда : Грифон, 1997 г.
3. Иванченко, В.Н. В рудных горах Алатау //
4. Иванченко, В.Н. У Скального лога и речки Туим // 24.08.2011г.
5. Красевская, Л.Н. С любовью о любви: стихотворения / Л. Красевская. – Брест : Издательство С. Лаврова, 2004 г.
6. Красевская, Л.Н. На два голоса: стихи и поэма / Л. Красевская. – Брест : Издательство «Альтернатива», 2009 г.

7. Ростовцев, С. Туимский провал. Загадка медной дыры // Сайт «Рубикон» www.rubikonriver.narod.ru.

8. Рублева, А.Е. История пенитенциарной системы Красноярского края» III. Довоенный и послевоенный период развития УИС (ГУФСИН). IV. Енисейстрой. (Материалы подготовлены начальником музея ГУФСИН России по Красноярскому краю майором внутренней службы Рублевой А.Е.) – архивный материал.

9. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ / А. Солженицын.

10. Торосов, В. М. Истинные сокровища Хакасии / В. М. Торосов // Сокровища культуры Хакасии. – М. : «Научно-информационный издательский центр», 2008г. – 512 с.

11. Шаламов, В. Переписка с А. И. Солженицыным. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / В. шаламов. – М., 2004.

Видеоматериал

1. «Чудеса Хакасии» Туимский провал. Автор проекта Виктория Калашникова. РТС – 2011 г. <https://www.youtube.com/watch?v=pvTZJgDx1fg>

2. «Чудеса Хакасии» Сундуки. Автор проекта Виктория Калашникова. РТС – 2011 г. <https://www.youtube.com/watch?v=fOfHaTr47i8>

3. «Места силы Хакасии» Хакасия земля Богов. Автор проекта Мерзликин Михаил. РТС – 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=UAlsVDNaR-Q>

4. Авторская рубрика Афанасия Мамедова Зеленая лампа / Круглый стол. Интервью с Давидом Маркишем. <https://www.labyrinth.ru/now/Solzhenitsyn/>

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Красноярское общество «Мемориал»

XX Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ «Человек в истории. Россия – XX век» 2018–2019 год

Лагеря ГУЛАГа в Красноярском крае (включая Хакасию)

Из справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР»

Составитель: М. Б. Смирнов

Авторы вступительных и справочных статей:

М. Джекобсон, А. И. Кокурин, С. В. Кривенко,

С. П. Сигачев, М. Б. Смирнов, С. Г. Филиппов, Д. В. Шкапов

Научные редакторы: Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский

Москва, «Звенья», 1998

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ «ЕНИСЕЙСТРОЙ» МВД

Главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае – Енисейстрой – было организовано 16 апреля 1949 г. приказом МВД № 00349. Базировался главк в Красноярске. Для руководства его деятельностью в составе

МВД СССР был организован Седьмой специальный отдел. 20 июля 1949 г. в составе Енисейстроя были созданы первые ИТ лагеря (пр. МВД № 00685) – ТАЕЖНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, КРАСНОЯРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИТЛ. В апреле 1950 г. были организованы еще два лагеря: ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ (пр. МВД № 00232 от 06.04.50) и ВОСТОЧНО-СВИНЦОВОЕ РУДОУПРАВЛЕНИЕ И ИТЛ (пр. МВД № 00243 от 12.04.50). 18 апреля 1951 г. приказом МВД № 00193 было создано КРАСНОЯРСКОЕ УПР. СПЕЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ИТЛ. 16 октября 1951 г. все эти лагеря, за исключением Восточно-свинцового, были включены в состав вновь организованного ИТЛ «ДС» Енисейстроя (пр. МВД № 00735). При этом все они, кроме Юго-Западного, получили статус лагерных отделений (Юго-западный ИТЛ был реорганизован в лагерное отделение приказом МВД № 01328 от 8 декабря 1952 г.). В 1952 г. изданы приказы, в соответствии с которыми организуются еще три лагеря Енисейстроя: ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО АКТОВРАКСКОГО КОМБИНАТА (пр. МВД № 0707 от 24.05.52), ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КРАСНОЯРСК–ЕНИСЕЙСК (пр. МВД № 01281 от 21.11.52), УЛЕНСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ (пр. МВД № 00924 от 24.11.52). Фактически же все они до момента закрытия (пр. МЮ № 0038 от 29.04.53) не успели пройти стадию организации. Таким образом, всего в Енисейстрое формально было организовано десять ИТЛ. Заключенные лагерей Енисейстроя занимались разработкой месторождений редких и цветных металлов, железорудных месторождений, добычей асбеста, слюды, строительных материалов, поисковыми и геологоразведочными работами, строительством и эксплуатацией горнорудных и металлургических предприятий, изыскательскими и научно-исследовательскими работами, промышленным, гражданским и железнодорожным строительством, лесозаготовками и деревообработкой. Лагеря главка были сосредоточены в Красноярском крае. 18 марта 1953 г. Постановлением СМ СССР № 832–370сс Енисейстрой передан в ведение Министерства металлургической промышленности СССР, а его лагеря перешли в подчинение ГУЛАГа МЮ СССР (пр. МЮ № 0013 от 02.04.53). ИТЛ «ДС» (переименованный 14 мая 1953 г. приказом МЮ № 0050 в ТАЕЖНЫЙ ИТЛ), в состав которого влились лагерные подразделения расформированных лагерей Енисейстроя, продолжал обслуживать этот главк до своего закрытия 10 июля 1953 г. (пр. МЮ № 0114). Численность заключенных в лагерях Енисейстроя составляла: 01.01.50 — 10 993, 01.01.51 — 13 430, 01.01.52 — 22 353, 01.01.53 — 16 035. Начальником Енисейстроя все время его существования в составе МВД был генерал-майор А.А.Панюков. *С. Филипов, С. Сигачев*

ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ

Время существования: организован 16.10.51 [1]¹; закрыт 14.05.53 (переименован в ТАЕЖНЫЙ ИТЛ) [2]. Подчинен: Енисейстрой МВД с 16.10.51 [1], ГУЛАГ МЮ с 02.04.53 {33}. Дислокация: Красноярский кр., г. Красноярск {25}. Литер: ДС с 16.10.51 [1]. Телегр. код: «Салют» {25}². Адрес: г. Красноярск, п/я ДС-23 {25}³. Производство: разработка месторождений «Юлия», «Киялых-Узень», «Туим» и месторождений Карышской группы, перешедших от ТУИМСКОГО ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО УПР. И ИТЛ [3], стр-во опытного элек-

трометаллургического з-да в Красноярске, перешедшее от ИТЛ п/я 4 [4], проектно-изыскательские, опытные, научно-исследовательские работы, металлообработка в ОТБ-1 в г.Красноярске, работа на з-де «Сибтяжмаш», добыча слюды в р-не ст. Камола, стр-во и эксплуатация кирп. з-да в Ачинске, стр-во жилпоселка кирп. з-да, стр-во шахты 9 Красноярскшахтстроя в р-не Черногорска, разработка каменных карьеров, лесозаготовки, обслуживание Темирской геологоразведочной партии, геологоразведочные работы на Актоврацком месторождении, стр-во перевалочной базы и авторем. мастерских Енисейстроя в Абакане [5. Разд. 3. Л. 7–31]. Численность: штатная – 20 000 [1]; 01.04.52 – 13 652⁴ [5. Разд. 3. Л. боб.–30об.]; 01.04.53 – 14 964 [6]. Начальники: нач. – г/м Панюков А.А., с 16.10.51 по 01.04.53 [1], [5. Л. 2об.]; и.о. нач. – полк. в/с Племянников В.В., с 01.04.53 –? [7]⁵; з/н – п/п Евдокимов И.И. (упом. 28.06.52) [5. Разд. 4. Л. 1]; п/п Племянников В.В. (упом. 09.09.52, 24.01.53) [5. Разд. 5. Л. 8, 18]. Архив: В УИТЛК УМВД по Красноярскому кр., в фонде ТАЕЖНОГО ИТЛ [1]. Доп. сведения: С 16.10.51 в подчинении УИТЛ «ДС» находилось ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ [1].

Примечания:

1 Этим пр. расформированы существовавшие до этого в системе Енисейстроя **ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ** и ИТ лагеря при Красноярском стр-ве, Красноярском упр. спец. стр-ва и Таежном горнопром. упр.; ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ переподчинено непосредственно ИТЛ «ДС». При этом в состав ИТЛ «ДС» вошло 12 ЛО.

2. Согласно [5. Разд. 1. Л. 2об.], первоначально телегр. код был «Енисей».

3. Согласно [5. Разд. 1. Л. 2об.], первоначально адрес ИТЛ был п/я 122, затем 23, а лит. обозначения начали вводить в п/я не ранее осени 1952 г.

4. Из них 3343 женщины, 1082 осужденных за к/р преступления.

5. По всей вероятности, В.В.Племянников оставался и.о. нач. ИТЛ до его закрытия, поскольку он был и.о. нач. преемника ИТЛ «ДС» — ТАЕЖНОГО ИТЛ.

Источники:

1. Пр.00735 МВД от 16.10.51

2. Пр. 0050 МЮ от 14.05.53.

3. Пр. 00232 МВД от 06.04.50.

4. Пр. 00193 МВД от 18.04.51.

5. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 583.

6. Там же. Д. 172. Л. 232.

7. Пр. 025/л МЮ от 01.04.53.

См. также: ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО АКТОВРАЦКОГО КОМБИНАТА, ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КРАСНОЯРСК – ЕНИСЕЙСК, КРАСНОЯРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ, КРАСНОЯРСКОЕ УПР. СПЕЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ИТЛ П/Я 138, ТАЕЖНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ, ТАЕЖНЫЙ ИТЛ, **ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ**, УЛЕНСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ.
С. Филиппов, С. Сигачев.

ТАЕЖНЫЙ ИТЛ (Таежлаг)

Время существования: организован 14.05.53 (переименован из ИТЛ «ДС» Енисейстроя) {36}; закрыт 10.07.53 (лаг. подр. переданы в УИТЛК УМЮ по Красноярскому кр.) [1]. Подчинен: ГУЛАГ МЮ с 14.05.53 {36}. Дислокация: Красноярский кр., г.Красноярск {37}. Литер: ДС с 14.05.53 {36}. Телегр. код: «Салют» {37}. Адрес: г.Красноярск, п/я ДС-23 {37}. Производство: см. ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ [1]; погрузочно-разгрузочные работы на стр-ве Красноярского порта, дома отдыха в р-не с.Атаманово, работа в совхозе в с.Шушенское с 08.07.53 [2, 3]¹. Численность: ? Начальники: и.о. нач. — полк. в/с Племянников В.В., ? — 10.07.53 [1]². Архив: Включает архивы ИТЛ «ДС», ТАЕЖНОГО ИТЛ и, возможно, др. ИТ лагерей Енисейстроя. Хранился в УИТЛК УМВД по Красноярскому кр. («все материалы») {1}.

Примечания:

1. Поскольку эти объекты перешли от НОРИЛЬСКОГО ИТЛ за два дня до пр. о закрытии ТАЕЖНОГО ИТЛ, последний, по-видимому не успел приступить к работам на них.

2. В.В. Племянников, очевидно, был и.о. нач. ТАЕЖНОГО ИТЛ с момента переименования, так как он был и и.о. нач. ИТЛ-предшественника [4].

Источники:

1. Пр. 0114 МЮ от 10.07.53.
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 172. Л. 230.
3. Там же. Д. 569. Л. 72, 78, 84.
4. Пр. 025/л МЮ от 01.04.53.

См. также: ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ, НОРИЛЬСКИЙ ИТЛ. *С.Филиппов, С.Сигачев.*

ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ

Время существования: организован 20.07.49 [1]; закрыт 08.12.52 (реорг. в Сорское ЛО ИТЛ «ДС») [2]. Подчинен: Енисейстрой МВД с 20.07.49 [1]; УИТЛ «ДС» Енисейстроя с 16.10.51 [3]. Дислокация: Красноярский кр., Хакасская а.о., Усть-Абаканский р-н, с.Сора (ныне г.Сорск) [4. Л. 2]. Литер: ДВ с 20.07.49 [1]. Телегр. код: «Заря» [4. Л. 2]. Адрес: Хакасская а.о., Усть-Абаканский р-н, с.Сора, п/я 10 [4. Л. 2]. Производство: стр-во Сорского молибденового комб., Карашского медного и Туимского вольфрамового рудоуправлений, Киялых-Узеньского медного, Юлинского медно-свинцового, Калтаровского медно-молибденового рудников, обслуживание геологоразведочных и поисковых работ, лесозаготовки, с/х работы [1], стр-во ТЭЦ и обогатительной ф-ки на Сорском молибденовом комб. [5]. Численность: штатная на 1949 г.— 5000 [1], плановая на 07.51 — 7500 [6]; 25.04.52 — 4746¹ [7. Л. 4об., 6об.]. Начальники: нач. — кап. Жуков Н.П., с 20.07.49 по 26.05.50 [1, 8]; полк. Неизмайлов Ф.М., с 26.05.50 по 21.11.52 [8, 9]; п/п (полк. в/с) Бузько М.П. (упом. 02.12.52) [10].

Примечание:

1. Из них 425 осужденных за к/р преступления [7. Л. 4об., 6об.].

Источники:

1. Пр. 00685 МВД от 20.07.49.
2. Пр. 01328 МВД от 08.12.52.

3. Пр. 00735 МВД от 16.10.51.
4. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 264.
5. Пр. 00358 МВД от 17.03.52.
6. ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1д. Д. 162. Л. 27, 28.
7. Там же. Оп. 1. Д. 583.
8. Пр. 573лс МВД от 26.05.50
9. Пр. 1409лс МВД от 21.11.52.
10. Пр. 1442лс МВД от 02.12.52.

См. также: ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ. С. Филиппов, С. Сигачев.

Леўчук З. С.
(Брэст, Беларусь)

УДК 821.161.1.09

“РАКОВЫЙ КОРПУС” А. САЛЖАНИЦЫНА Ў ІНТЭРПРЭТАЦЫІ ЭВЫ ТОМПСАН

Ключавыя словы: постнекласічная культура, інтэрпрэтацыя, даследаванне, маральныя праблемы.

Анотацыя: У артыкуле раскрываецца падыход амерыканскай даследчыцы да твора А. Салжаницына “Ракавы корпус”. Інтэрпрэтацыя твора падаецца з пазіцыі “посткаланіяльнай тэорыі”, якую прапанавала аўтарка.

Сучаснае грамадства знаходзіцца ва ўмовах постнекласічнай культуры, якая вызначаецца шматграннасцю праяўлення: плюралізмам падыходаў, стыляў, ідэй, канцэпцый. Постнекласічная культура характарызуецца глабальнасцю, адкрытасцю, інтэнсіўнасцю развіцця. Яе дамінантай з’яўляецца творча-інавацыйная экспертная дзейнасць. У аспекце такога развіцця культуры існуюць розныя падыходы да інтэрпрэтацыі літаратурных твораў, як складнікаў культурнай спадчыны.

Адметнасцю постнекласічнай культуры з’яўляецца і тое, што успрыманне, альбо аналіз аднаго і таго ж твора можа адрознівацца ў залежнасці ад пэўных палітычных і сацыяльных пазіцый даследчыкаў. Прыкладам такога адрознення служыць падыход да аналізу рамана А.Салжаницына “Ракавы корпус” амерыканскай даследчыцай Эвай Томпсан у кнізе “Песняры імперыі”. Сама аўтарка называе сваю працу акадэмічнай манаграфіяй, якая была надрукавана ў 2000 годзе ў выдавецтве “Greenwood Press” у ЗША. Затым праца перакладзена Т.Л. Нядбаевай з ангельскай на беларускую мову і надрукавана ў СТАА “Медысонт” (Мінск) у 2009 годзе. Рэцэнзентамі названай кніжкі выступілі С.В. Кавалёў, доктар філалагічных навук і Г.М. Кісліцыны, кандыдат філалагічных навук.

У прадмове да манаграфіі Валянцін Акудовіч даводзіць: “Кніга амерыканскай даследчыцы Эвы Томпсан ... сістэмна і грунтоўна раскрывае, што вялікая расійская літаратура была (і застаецца) каланіяльнай на сваёй сутнасці”. Сама Э. Томпсан сцвярджае, што “гэта першае даследаванне расійскага дыскурсу, якое не залежыць ад расійскіх самаінтэрпрэтацыяў”.

Ва ўводзінах чытача паглыбляюць у змест аб тым, што гісторыя Расійскай дзяржавы, як і літаратура, якая адлюстроўвае праблемы чалавека, грамадства, краіны, – каланіяльныя па сваёй сутнасці. Аўтарка нават удакладняе тэрміналогію, якая ёю і прыдумваецца. Так, яна заяўляе: “У сваёй працы я прыходжу да высновы, ... што расійскі каланіялізм грунтаваўся перадусім на нацыянальнай ідэнтычнасці і экспансіі прылеглых земляў. ...Расійская літаратура была пасрэднікам у гэтым працэсе, навязваючы на захопленых тэрыторыях наратыў расійскай прысутнасці, які выцясняяў з памяці мясцовага наксельніцтва аўтэнтычны наратыў з усімі ягонымі праблематыкамі”[2, с.8].

У кнізе цалкам раздзел прысвечаны твору пісьменніка А. Салжаніцына “Ракавы корпус” і носіць назву “Рыторыка адчужэння Аляксандра Салжаніцына”. Чаму амерыканскай аўтаркай выбраны для крытычнага аналізу менавіта раман “Ракавы корпус”? Яна, як прадстаўніца іншай культуры, лічыць, што “... расійская гісторыя – гэта гісторыя сістэмнай экспансіі на усход і захад, на поўнач і поўдзень, што адбывалася за кошт незлічоных войнаў, акупацый, пагроз, анексіў, дэкларацый, перамог і параз ...”[2, с.56-57]. Вядома, што дзеянне рамана адбываецца ў горадзе Ташкенце, які з пазіцыі аўтаркі ў “1865 годзе быў захоплены расійцамі”, як і іншыя тэрыторыі Сярэдняй Азіі [2, с.192].

І яшчэ адна думка аўтаркі адносна выбранага А. Салжаніцыным горада, дзе разварочваецца дзеянне рамана. Аўтарка сцвярджае: “... у 1868 годзе, адразу пасля атрымання кантролю над Ташкентам, расійцы размясцілі там ваенны шпіталь. Мажліва, у дадатак да сваё ўласнае медычнае гісторыі, калі хворы на рак Салжаніцын прыехаў у Ташкент, памяць пра гэты шпіталь натхніла яго размясціць “ракавы корпус” менавіта ва Узбекістане”[2, с.201].

Разглядаючы змест рамана з погляду аўтаркі, чытаем: “Мясцовая гісторыя замоўчваецца настолькі ўдала, што чытачы ўспрымаюць “Ракавы корпус” як раман пра Расію, дзеянне якога адбываецца не на азіяцкай ускраіне гэтай вялікай краіны, але дакладна дзесьці ў Расіі, а не за яе межамі. Сюжэтная лінія пра жыццё і смерць, якімі Салжаніцын аздабляе свой расповед, прасякнутыя аўтарытэтам расійскага назіральніка. Персанажы дзейнічаюць у межах выключна расійскага дыскурсу. Героі тут не маюць спагады да зямлі, якая забяспечыла ім прытулак ад вайны і нястачаў. ...няма аніякіх згадак пра стасункі паміж узбекскай і расійскай супольнасцямі”[2, с. 205].

На самой справе гэта не так. Чытач увесь час прасочвае стасункі, узаемаадносіны персанажаў твора, незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці.

У працяг думкі, якая на самой справе адцягвае чытача ад сапраўднага зместу твора, Э. Томпсан са сваёй пазіцыі дае інтэрпрэтацыю: “Лекарцы Данцовай загадалі ехаць у Баку ў пошуках лекаў ад раку. Гэтае шляхетнае заданне кантрастуе з няздатнасцю самога мясцовага насельніцтва куды-небудзь выправіцца. ...гэта звычайная схема паводзінаў ў каланіяльнай сітуацыі.” [2, с.206]. І яшчэ адна штучная думка амерыканскай прадстаўніцы: “Наўмысная няўвага да нацыянальных праблемаў выяўляе негатовасць аўтара да ўсякай крытыкі Расіі”[2, с.210]. На самоў жа справе пісьменнік крытыкуе стан дзяржавы, якую ахапіла хвароба.

Аўтарка скажона, штучна супрацьпастаўляе герояў твора Салжаніцына. Так, яна заяўляе: “У рамানে ёсць толькі адзін адукаваны мясцовы жыхар –

Нізамутдзін Бахрамавіч. Ён кіруе лякарней, але, паводле апавядальніка, кепска выконвае сваю справу. Няздатнасць клапаціцца пра пацыентаў і супрацоўнікаў – характарыстыка гэтага персанажа. Адзіная рэпліка, якую прамаўляе глаўрач, выяўляе яго як нячуйнага і абьякавага бюракрата. Пра нястачу матэрыялу дзеля гігіены ён кажа, што міністэрства на гэта не прадугледзела сродкі, а за свае грошы ён матэрыялы не будзе купляць[2, с. 207]. Але такая рэмарка не дае падставу даваць адмоўную характарыстыку галоўнаму ўрачу лякарні.

І яшчэ адзін прыклад інтэрпрэтацыі стану людзей, паказаных у рамане, з пункту гледжання Э. Томпсан. “У рамане хворыя былі распланаваны такім чынам, які спрыяў умацаванню расійскага аўтарытэта. Ложак татарына Сібгатава знаходзіўся па-за корпусам, што пазбаўляла яго нават мізэрных выгод, якія мог забяспечыць ложак у корпусе. ... Сібгатаў апынуўся ў пазіцыі поўнай залежнасці ад расійцаў – палітычнай, сацыяльнай ды персанальнай, і таму змушаны пакорліва прымаць ласку каланізатара”[2, с.211].

У “Ракавым корпусе” А. Салжаніцыным падняты значныя маральныя праблемы праз лячэнне не толькі чалавека, але і чалавечых душ. Сэнсаўтваральнымі катэгорыямі твора выступаюць катэгорыі “дабрыні” і “злосці”, “жыцця” і “смерці”. Але Э. Томпсан іначай разглядае твор А. Салжаніцына: “Салжаніцын прыўлашчвае для Расіі Узбекістан і разам з гэтым выяўляе расійцаў 1950-х такімі, якія найбольш адпавядалі ягонай мары пра Расію (як узор маральнага ідэалу)”[2, с. 209]. Але ў тым, што пісьменнік выканаў сваю місію, імкнучыся стварыць узоры маральнага ідэалу, слугавання прафесіі, ёсць маральны подзвіг. У гэтым пераконваюць героі твора: лекаркі Людміла Данцова і Вера Гангарт, прафесар Арэшчанкаў.

А вось стаўленне амерыканкі да самога аўтара твора з пазіцыі ёю прыдуманай “посткаланіяльнай тэорыі”: “З перспектывы посткаланіяльнае тэорыі дыдактызм Салжаніцына – крывадушны. Насуперак рэальным фактам аўтар робіць Капіталіну Русанаву маткай чатырох дзяцей, нібы запабягаючы дэмаграфічным зменам у Сярэдняй Азіі, калі мусульманскае насельніцтва стала вельмі хутка павялічвацца”[2, с.210]. Здзіўляе адмоўнае стаўленне Э. Томпсан да звычайных рэчаў, якія мелі месца ў жыцці савецкіх грамадзян. Аўтар “Ракавага корпусу” паказаў сямью Русанавых як звычайную сямью: “... дружная образцовая сямья Русановых, вся их налаженная жизнь ... ”[1, с.18], але гэтага не заўважае амерыканская даследчыца.

Падыход амерыканскай даследчыцы да зместу рамана праяўляецца толькі з пазіцыі яе ўласнай тэорыі, можна канстатаваць, што яна сама захварэла сваёй тэорыяй. “У каланіяльнай сітуацыі пераадоленне Кастаглотавым раку выходзіць за межы універсальнага этычнага значэння, якое надаюць гэтаму выздараўленню крытыкі. Гэта не толькі сімвалізуе маральную перамогу над стваральнікамі ГУЛАГу, але і падтрымлівае стэрэатып расійцаў, якія перамагаюць усюды, дзе б яны ні апынуліся. ... Ягонае выздараўленне сімвалізуе моц Расіі, у той час як прадказальная смерць Сібгатава сімвалізуе заняпад мясцовага этнасу”[2, с.211- 212].

Э. Томпсан імкнецца супрацьпаставіць насельнікаў бальніцы па этнічных адрозненнях. Так, яна канстатуе: “Калі Кастаглатаў з выклікам сцвярджае “я люблю сваю краіну”, мы разумеем, што гэтая любоў ахоплівае ўвесь Савецкі Саюз Зразумела, у скоранага Сібгатава не паўстае думкі прэтэндаваць на зямлю расійцаў, сцвярджаючы, што ён любіць яе”[2, с.213].

Чы адпавядае назва кіжкі Эвы Томпсан яе зместу? Можна сказаць, што штучна адпавядае, бо так жадае аўтарка. З пункту яе гледжання “Раковый корпус” – гэта ў чыстым выглядзе каланіяльны раман, які ўвогуле адмаўляе мясцовую ідэнтычнасць. Ташкент – гэта тая ж Расія, толькі ў азіяцкім стэпе. ...Ягоны раман прасякнуты каланіяльнай рыторыкай, якая не прадугледжвала для азіятаў уласнага шляху. Ён паказваў іх як недаразвітых істотаў, якія патрабуюць нагляду і апекі расійцаў ...”[2, с.215].

Завяршаючы агляд твора А. Салжаніцына амерыканская аўтарка вельмі рытарычна падводзіць да высновы, што “час паказаў ўсю аблуду ўяўленняў Салжаніцына пра жыццё, таму для сённяшняга чытача раман канцуюцца не фэбульнай завершанасцю, а непрыхаванай іроніяй гісторыі над аўтарам” [2, с.212]. Але такое сцвярджанне належыць толькі Эве Томпсан. Маральная сіла рамана Салжаніцына грунтуецца на вялікай любові да чалавека, у праяўленні чалавечнасці кожнай асобай.

Спіс літаратуры:

1. Солженицын, А. И. Раковый корпус / А.И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – 464 с.
2. Томпсан, Э.М. Песняры империи: российская литература и колониализм / Э.М. Томпсан ; пер. з англ. мовы Т. Нядбай (Т.Л. Нетбаева). – Мінск : Медысон, 2009. – 382 с.
3. Шнеерсон, М. А. Александр Солженицын. Очерки творчества / М.А. Шнеерсон. – Франкфурт-на-Майне, 1984. – 298 с.

Васильев Евгений Михайлович
(г. Ровно, Украина)

УДК 821.161.2-31.09

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА В РЕЦЕПЦИИ ИГОРЯ КАЧУРОВСКОГО

***Ключевые слова:** Солженицын; Качуровский; рецепция; перевод; тюремно-лагерная проза.*

***Аннотация:** статья посвящена рецепции личности и творчества Александра Исаевича Солженицына украинским поэтом, переводчиком, литературоведом, радиожурналистом Игорем Васильевичем Качуровским. В частности, анализируется описанное Качуровским посещение Солженицына, содержащееся в эссе 1974 года. Изучены отголоски творчества Солженицына (прежде всего книги «Архипелаг ГУЛАГ») в многочисленных текстах Качуровского. Освещены также украинские переводы Качуровского Нобелевской лекции Солженицына и четырех текстов из цикла «Крохотки».*

Уходзячы 2018 год ознаменаван среди прочего столетними юбилеями двух выдающихся авторов – русского писателя, Нобелевского лауреата Александра Исаевича Солженицына и украинского поэта, прозаика, драматурга, переводчика, радиожурналиста, литературоведа Игоря Васильевича Качуровского (1918–2013). Оба, находясь на протяжении долгих лет в эмиграции, живо интересовались деятельностью и творчеством друг друга. Целью нашей статьи является изучение тех аспектов как личности, так и творчества Солженицына, которые в разные годы привлекали Качуровского.

Необходимо отметить, что русскую литературу и культуру Игорь Качуровский знал блестяще. Это знание проявилось в разных плоскостях его многогранной деятельности: литературоведческой, переводческой, радиожурналистской. И едва ли не основным пафосом его многочисленных научных текстов, поэтических переводов, радиопрограмм на эту тему было взаимное влияние и взаимное обогащение близкородственных русской и украинской культур. Так, Качуровский много переводил на украинский язык русских поэтов (Г. Державин, И. Крылов, М. Лермонтов, А.К. Толстой, А. Блок, А. Ахматова, О. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Есенин и др.). Он занимался также переводами украинских поэтов на русский язык (среди них Т. Шевченко, М. Рыльский, М. Зеров, М. Драй-Хмара, П. Филипович, В. Свидзинский, П. Тычина, Е. Маланюк, Е. Плужник и др.). Работая литературным обозревателем украинской редакции «Радио Свобода», подготовив и начитав в 1970–1980-х годах более двух тысяч радиобесед (скриптов), Качуровский посвящал свои программы Державину, Гоголю, Достоевскому, Анненскому, Бунину, Бальмонту, Сологубу, Ахматовой, Осипу и Надежде Мандельштам, Бабелю, Зощенко и другим представителям русской словесности. Так что интерес к крупнейшему современному ему русскому писателю А. И. Солженицыну выглядит вполне закономерным.

Рефлексии солженицынской личности Игорь Качуровский оставил в своих многочисленных текстах. В воспоминаниях и эссе он неоднократно ставил русского писателя в один ряд с наиболее потрясшими и вдохновившими его людьми. Например, в объемном очерке, создававшемся в 1970-е годы о жизни и творчестве поэта и переводчика Юрия Клена (псевдоним Освальда Бургардта) Качуровский пишет: *«Протягом мого життя довелось мені пізнати чотирьох осіб, на яких я дивився, так би мовити, знизу вгору. Це були: Борис Ярхо, Юрій Клен, Хорхе Люїс Борхес та Олександр Солженіцин. У двох із них світилися очі: у Ярхо це було рівне, сталє, спокійне випромінювання, у Клена очі робилися сяйно-променистими лише тоді, як він виступав із читанням своїх творів, закінчив — і все ніби згасало, хоч насправді таємничий процес, що його можна назвати горінням душі, тривав далі — лише не проривався назовні...»* [2, с. 249].

Примечательно, что в другом своем эссе о великом аргентинце Хорхе Луисе Борхесе, написанном гораздо позже, в 1986 г., Качуровский вновь вспоминает о впечатливших его великих талантах, среди которых вновь встречаем тот же «квартет»: Борис Ярхо (теоретик и историк литературы, стиховед и переводчик, медиевист и фольклорист, у которого Качуровский учился перед войной в Курском педагогическом институте), Хорхе Луис Борхес (памяти которого и посвящен текст), Юрий Клен и Александр Солженицын. *«Колись у навчальних закладах робили величезні двері — це для того, щоб школяр чи студент почувався маленьким перед храмом науки та мудрости. Але є люди, що перед величчю їхніх талантів і знань мимоволі почували себе таким школярем під височезними дверима. Чотири рази протягом свого життя я мав таке враження: під час зустрічей і розмов із Борисом Ярхо, Юрієм Кленом, Хорхе Люїсом Борхесом та Олександром Солженіциним»* [4, с. 420]. Отметим, что оба текста не являются распространенными в литературе «близнечными текстами». Несмотря на наличие в них аналогичных четырех фигур, автор делает различные акценты. В первом случае, в эссе о Юрии Клене, Качуровский отмечает, с одной сторо-

ны, их некую дистанцированность, недостижимость («я дивився, так би мовити, знизу вгору»), а с другой – особое внутреннее свечение («у двох із них світилися очі») и таинственность, связанные с горением души («таємничий процес, що його можна назвати горінням душі, тривав далі – лише не проривався назовні...»), описанные при этом не у всех четырех, а у двух (Ярхо и Клен). Во втором случае Качуровский, используя метафору школьника (студента) и огромной высокой двери в храме науки, объединяет всех четырех как великих учителей, вновь недостижимых, как носителей большого таланта и знаний.

Отдельно же к личности Солженицына Качуровский обратился в эссе «Посещение Александра Солженицына», в котором запечатлен непосредственный отклик на их личную встречу. Примечательно, что впервые этот текст появился в печатном виде на русском языке, скорее всего в автопереводе самого Качуровского. Он был опубликован в Буэнос-Айрэсе, в русском издании «Сеятель» [1], являющимся невероятно трудно доступным для нынешнего читателя. Однако в 2018 г., спустя более четырех десятилетий, наконец-то напечатан оригинальный украинский текст Качуровского: он вошел в объемный том его мемуаров «Спомини і постаті», приуроченный к столетней годовщине со дня рождения автора и упорядоченный Еленой Бросалиной, многолетним редактором целого ряда изданий Игоря Васильевича [3].

Знакомство Качуровского и Солженицына состоялось 16 ноября 1974 г., в связи с пресс-конференцией, посвященной публикации самиздатовского сборника «Из-под глыб». Это была первая пресс-конференция, созванная Солженицыным за время его пребывания за границей. Собственно, выход сборника «Из-под глыб» задержался на полгода из-за истории с выдворением Солженицына из Советского Союза. Однако Качуровского в эссе интересует не сама пресс-конференция, достаточно освещенной в печати (в том числе и в газете «Українські вісті»). Он останавливается на разговоре с Солженицыным на следующий день после нее, 17 ноября.

В самом начале текста Качуровский высказывает свой искренний восторг личностью русского писателя. Как и в эссе о Юрии Клене, акцент сделан на некоем внутреннем сиянии, интенсивнейшей духовной жизни: *«Перше, що вражає під час знайомства з Олександром Солженициним, це якась внутрішня непо/дібність письменника до всіх відомих із преси його фотографій. Риси ніби ті самі, але людина — цілком інша... Олександр Ісайович Солженицин при зустрічі, можна сказати, опромінює своїм поглядом. Перед вами людина, яка полуменіє інтенсивним духовим життям, яка вірить у своє високе призначення, людина з числа тих, кого Леся Українка назвала «одержимими». Мені здається, що такий вигляд мав Тарас Шевченко після свого повороту із заслання»* [3, с. 451]. Показательно, что если в тестах о Клене и Борхесе Качуровский ставил Солженицына в один ряд с его великими современниками, то здесь русский писатель сравнивается с классиками, причем представителями украинской культуры.

Второй чертой, поразившей Качуровского в Солженицыне, была скромность жилища семьи писателя, которая граничила с бедностью, и контрастировала с огромным значением в литературной иерархии и популярностью Нобелевского лауреата: *«У скромному мешканні Солженициних, мешканні, зовсім не призначеному для багатолюдних конференцій, зібралось яких тридцять осіб: представники від таких пресових органів, як «Дейлі телеграф», «Ле Монд»,*

«Кор'єре де ля серра», а також від радіостанцій. Усі ми сяк-так розмістилися на дешевих розкладних стільчиках. Ця надта скромність (щоб не казати вбогість) умеблювання нібито не відповідає тому місцеві, яке займає господар помешкання, лауреат Нобелівської премії і найпопулярніший письменник сучасності, в гієрархії творців культури» [3, с. 451]. Ету скромність Качуровский объясняет тем, что Солженицын и его семья живут вовсе не материальными интересами. Более того – помогают бедным и политическим узникам: *«Але справа в тому, що Солженіцини не дбають про матеріальні вигоди; вони задовольняються певним прожитковим мінімумом, а прибутки з численних накладів книжок Солженіцина віддають у розпорядження спеціального фонду, призначення якого – допомагати політ'язням та залишеним без засобів існування членам їхніх родин» [3, с. 451].*

После своеобразного пролога, характеризующего личность Солженицына, Качуровский приступает к собственно творческой части – к диалогу с писателем. В ходе его украинский интервьюер узнал, что Солженицын работает над «узлами» – серией исторических романов, начинающихся с «Августа четырнадцатого», и потому хотел бы полностью оторваться от политики и посвятить себя литературному творчеству. Однако Качуровский в своей ремарке высказывает мнение о тщетности подобных стремлений: *«Та біда в тому, що ті питання, які він ставить у площині етичній, йото опоненти й рецензенти намагаються перевести в площину політичну. В цьому, до речі, я мав нагоду переконатися під час дискусії попереднього дня» [3, с. 452].* Тотальная загруженность и сверхвостребованность Солженицына породили спонтанный вопрос Качуровского: «А когда же вы пишете?» – «А вот летом ездил в горы, – ответил Солженицын, – там никто не мешал».

Следующая часть диалога была посвящена радиопередачам об «Архипелаге», которые готовил Качуровский: *«Потім я розповів письменникові про наші радіопересилання; зокрема сказав, що з першого тому художнього дослідження «Архипелаг ГУЛаг» другий розділ («Історія нашої каналізації») ми переслали повністю в українському перекладі, а з інших частин книги зробили досить докладний монтаж уривків, пов'язаних переказом тих сторінок, що лишилися не перекладені.*

Я запитав письменника:

– У зв'язку з тим, що ми не матимемо змоги переслати через радіо увесь другий том, а, очевидно, зробимо так, як це робили у випадку першого тому, то які саме розділи ви б радили перекласти повністю? Що саме, на вашу, як автора, думку слід подати слухачеві на Україні без скорочень?

– Сімнадцятий розділ, – сказав Солженіцин, – і який ще? І третій. Третій це «Архипелаг дає метастази», а сімнадцятий це «Малолітки».

Я пообіцяв зробити все від мене залежне, щоб виконати волю автора» [3, с. 452–453].

Дальнейший фрагмент разговора касался издания и переводов произведений Солженицына, из которого Качуровский, а вместе с ним и читатель узнал, что на всех языках народов «советской орбиты» писатель дал право переводить и публиковать его произведения бесплатно. *«Він назвав польську, угорську, українську спільноти в діаспорі – для яких не потрібно жодних оплат і дозволів.*

Потім додав:

– *Хіба тоді нехай заплатять гонорари, коли матимуть змогу видавати мої книжки на своїх власних землях*» [3, с. 453].

Характерно, що в кінці розговора уже Солженицын виступив в ролі заінтересованого інтерв'юера Качуровського. Російський письменник буквально засыпав його питаннями про культурно-общественную життя української еміграції. І тут Качуровським приведена важлива деталь про українських коренях Солженицына і його невіддільному інтересі до проблем українців: *«Справа бо в тому, що дід письменника розмовляв лише українською мовою, і сам він відчуває себе якось пов'язаним із Україною. Він розпитував мене про політичні напрямки нашої еміграції, про її найбільші скупчення, про те, якою мірою в кожній країні нового поселення українці вросли в чужинецький ґрунт*» [3, с. 453]. Тут слід сказати, що тема українських коренів російських письменників і російської культури в цілому для діяльності Качуровського була надзвичайно важливою. Так, в своїй радіопередачі 1972 р. про Гоголя він говорить про зв'язок з Україною багатьох діячів російської культури, починаючи з XVII століття: *“У розбудові російської літератури важлива роль належить українцям. Вплив наших культурних сил на північний схід починається ще із середини XVII століття. Першим російським – тоді ще московським – поетом став білорус із Києво-Могилянської академії Симеон Полоцький. Далі йдуть українці: святий Дмитро Ростовський, він же Данило Туптало, Степан Яворський, Феофан Прокопович. На добу Катерини II припадає літературна діяльність українського діда Капніста та другорядних письменників українського роду – Рубана й Еміна. Родина Кукольників, що походила із Закарпаття, перебралася спочатку до Ніжина, а потім до Петербургу. З цієї родини вийшов російський ревнопатріотичний драматург Нестор Кукольник. Далі йдуть Василь Наріжний і двомовний Євген Гребінка. А за ними – Микола Гоголь та нащадок останнього гетьмана Олексій Толстой. Співець Еллади Микола Щербина, Володимир Короленко, Ігнатій Потапенко, забута поетеса Ада Чумаченко – усе це письменники українського кореня. Перекладений на головні світові мови і визнаний за кордоном як класик російської літератури Дмитро Мережковський свою автобіографію починає словами: “Дід мій був козак Глухівського полку Мережка”... Українського походження були ще двоє з-поміж талановитіших представників російської літератури так званого Срібного віку – Анна Горенко-Ахматова та Максиміліян Кирієнко-Волошин. Цей перелік можна було б значно поширити й продовжити”* [4, с. 55].

Возвращаясь же к ессе о посещении Солженицына, нужно отметить, что в небольшом тексте Игорю Качуровскому удалось создать достаточно выпуклый, разносторонний, масштабный и главное живой образ Александра Солженицына, а кроме того – поднять целый ряд вопросов, актуальных как для русской, так и для украинской литературной эмиграции и культуры двух народов в целом.

Рефлексию этой встречи с Солженицыным мы находим и в одном из писем Качуровского к Елене Бросалиной 1998 г., из которого всплывает еще одна важная деталь диалога двух авторов. Говоря о своей известности в бывшем СССР благодаря многолетним радиобеседам, Качуровский замечает: *«Солженицын під час зустрічі в Цюриху сказав, що моє ім'я відоме йому ще з Москви. Це казали й інші дисиденти. Зондування виявляло, що з усіх радіопередач найбільше слухають Качуровського»* [7].

Еще один случай рецепции фигуры Солженицына встречаем в статье Игоря Качуровского «Мистическая функция литературы и украинская религиозная поэзия». В ней вспоминается известный медицинский казус из биографии русского писателя – его невероятное исцеление от онкологического заболевания, которое квалифицируется Качуровским не иначе как «чудодейственное»: *«Серед осіб, знаних мені особисто, можу назвати два випадки чудодійного видужання: в Олександра Солжениціна, коли теоретично, за медичною експертизою, йому лишалось кілька місяців життя, зацементувався пістряковий опух. Це перший, загальновідомий, зрештою, випадок. А це другий: дівчину розбив параліч, вона пролежала двадцять п'ять років, «половину життя», за її висловом, – аж одного разу їй приснився померлий священник-стигматик, з яким вона свого часу листувалася, і звелів їй встати. Ранком наступного дня вона стала цілком здоровою»* [2, с. 684].

Среди зафиксированных случаев рецепции украинским автором творчества Солженицына важнейшее место занимает «Архипелаг ГУЛАГ». Так, в своем обзоре книги Александра Сидорова «Жиганы, уркаганы, блатари» Качуровский обращает внимание на фальшивомонетчика Жорку Бирюкова: *«Можу на базі баченого й чутого підтвердити опінію Сідорова. Вищезгаданого колишнього фальшивомонетника Жорку кличуть «на дело»:*

– Жорка, ну, поїдем...

А він їм:

– Разве вы воры? Вы сядки...

І не пішов.

Цього Жорку ви можете побачити в книзі «Архипелаг ГУЛАГ» у томі 2, на сторінці 458 («Агітбригада»): він там сидить з мандоліною на першому пляні...» [3, с. 201].

Тот же Жорка, известный по роману Солженицына, возникает еще в одном тексте И. Качуровского – в воспоминании «Моя вина». Как и в предыдущем фрагменте, здесь следуют как биографические детали знакомого Качуровского, так и ссылка на ту же страницу солженицынского «Архипелаг ГУЛАГ»: *«Головно через приязнь своєї жінки до моєї матері з нами тримався й Жорка Бірюков, колишній фальшивомонетник, який «зав'язав», себто за дозволом злочинського керівництва вийшов із корпорації «воров в законі». Ви його можете побачити в другому томі солженицінського «Архипелагу» в розділі «Музи в лагері» на сторінці 458. Там він сидить з мандоліною на першому пляні»* [3, с. 301].

Дважды апеллирует И. Качуровский к роману «Архипелаг ГУЛАГ» и в своей рецензии на книгу Кузьмы Каздобы «Заметенный путь» («Заметенный шлях»). Книга эта вышла в Мюнхене, в издательстве имени Михаила Ореста, а обзор Качуровского появился в газете «Українські Вісті» (Детройт, 1975, 19 октября). Трактую заголовок, он поясняет, что это *«шлях засланих на північ українських хліборобів, про яких ми тепер не знаємо ні скільки їх було, ні де саме і за яких обставин вони загинули»*. И тут же, в подтверждение своего пояснения, Качуровский приводит (в собственном переводе) фрагмент из первого тома солженицынского «Архипелага»: *«Потік 1937–1938 рр. ані єдиним не був, ані навіть головним... До нього був потік 1929–1930 років, завбільшки з Об, потік, що пропхав у тундру й тайгу мільйонів 15 селянок (а то коли б і не більше). Але селянки – народ безсловесний, ні скарг не писали, ні мемуарів. Над ними і слідчі ночами не спали, на них і протоколів не витрачали – досить було й постанови сільради. Пролився цей потік, усмоктався в одвічну мерзлоту, і навіть найзапальніші го-*

лови про нього майже не згадують... А тим часом не було в Сталіна... тяжчого злочину» [3, с. 443]. Показательно, что утверждение Солженицына о мужиках как «народе бессловесном» Качуровский иллюстрирует примерами из собственного довоенного украинского опыта, как бы солидаризуясь с автором «Архипелага»: «Справді, – «селяки – народ безсловесний». Я особисто знав і таких, що напередодні війни повернулися з Далекої Півночі (коли, за Берії, тих, що відбули строк, не розстрілювали й не судили повторно, а відпускали додому). Знав я й таких, що не чекали на звільнення, а втікали самі – серед них, може, найцікавіша постать – селянин із Кагарликів на Чернігівщині, який утікав стільки разів, що йому назбиралося 50 літ строку...» [3, с. 444].

В небольшом обзоре книги Кузьмы Каздобы имя Солженицына возникает еще один раз, когда Качуровский с сожалением отмечает то, что журнальные публикации отрывков из «Заметеного пути» прошли незамеченными: «Спогади про хресну дорогу розкуркулених» (такий підзаголовок має книжка Каздобы) друкувалися уривками, протягом яких 15-х років, у мюнхенському журналі «Український самостійник». Але, як більшість журнальних публікацій, вони пройшли непоміченими. Звісно, що не міг знати про них і Солженицин, коли писав своє дослідження «Архипелаг ГУЛАГ» [3, с. 444]. Как видно, знакомство с книгой украинского автора, по мнению И. Качуровского, способно было бы расширить «художественное исследование» А. Солженицына.

«Архипелаг ГУЛАГ» возникает также в статье И. Качуровского о другом украинском писателе – Иване Багряном, а именно в связи с его книгой «Сад Гефсиманский» («Сад Гетсиманський»), в частности, с размышлениями о поэтике тюремно-лагерной прозы (по определению Качуровского) в целом: «Сад Гетсиманський» належить до тюремно-табірної (або, в ширшому обсязі, невольницької) літератури. Жанри цієї літератури міняються у зв'язку з історичними обставинами: колись це були невольницькі плачі та думи про втечу із молитвами про визволення, в наші дні головними жанрами стали протестаційні листи, мемуари та лірика, а на чільному місці – принаймні в очах світового читачтва – міцно стоїть «спроба художнього дослідження» – «Архипелаг ГУЛАГ» Олександра Солженицина. Щодо тюремно-таборових романів, то їх не так багато у світовому письменстві: адже роман як літературний жанр вимагає багатогранного показу життя, широкого охоплення подій, багатой галерії персонажів» [2, с. 457].

Необходимо отметить, что Игорь Качуровский чрезвычайно высоко оценивал роман Ивана Багряного. Несмотря на отмеченную им сложность и даже известную ограниченность поэтики тюремно-лагерной прозы, он признает: «Та на честь Багряного слід визнати, що йому вдалося подолати обмеженість в'язничних умов і створити справжній роман — за всіма правилами сюжетної архітекτονіки. Адже сюжет епічного твору повинен мати три виміри: довжину (себто тривалість у часі), ширину (кількість персонажів і сюжетних ліній) та глибину (психологічну мотивацію вчинків, розкриття людських характерів)» [2, с. 457].

В своем мемуаре о профессоре Якове Гурском образца 1973 года Качуровский признавался, что «с огромным уважением относился к Ивану Багряному как к украинскому писателю мирового уровня» [3, с. 447].

Анализируя недавно изданную переписку Игоря Качуровского с земляком поэта, нежинским предпринимателем и популяризатором его творчества Нико-

лаем Шкурко, профессор Павел Михед отмечает, что «Сад Гетсиманський» Багряного Качуровский ставит вище, чем «Архипелаг ГУЛАГ», а его автора ценит как «блестящего журналиста» и прекрасного организатора [6, с. 31].

Следует отметить, что многие украинские литературоведы сопоставляют с «Архипелагом» Солженицына «Сад Гетсиманський» Ивана Багряного. Например, Александр Шугай, довольно видный исследователь творчества Багряного озглавил написанную к столетнему юбилею украинского писателя статью «Він розвінчав сталінщину на 20 років раніше за Солженіцина» (до 100-річчя Івана Багряного) [9]. Профессор Надежда Колошук, известная исследовательница лагерной прозы, констатирует замечания (в частности Ю. Шереха) по поводу приоритета украинского писателя в этой тематике перед Солженицыным, которого считают Колумбом «архипелага ГУЛАГ» для всего мира [5, с. 14], сама же она достаточно взвешенно сравнивает особенности поэтики Солженицына и Багряного: *«Російський письменник будь-якою сторінкою своїх документальних і белетристичних творів підказує читачеві висновок: усе, що робиться в тюрмі чи в таборі, є закономірним вислідом і відображенням суспільно-політичного ладу, владної політики, усе – вияв залізної детермінованості, бо залежить від безлічі причин і зумовлює, у свою чергу, безліч наслідків. Будь-яка випадковість так само логічно зумовлена, як і передбачувана, бо об'єктивна. Блискуче володіння методом психологічного аналізу сприяє такому об'єктивованому зображенню у Солженіцина. Багряний же кожним образом і словом суб'єктивний і не приховує цього. Головна мета його описів у тому, щоб показати: у тюрмі, в усій каральній системі все – протиприродне й алогічне, будь-яка деталь – абсурдна й суперечить нормальним людським уявленням.*

Герой Солженіцина – індивідуальність, навіть якщо він створений як уособлення «соборного» народного начала (Іван Денисович, Матрьона). Герой Багряного – узагальнена постать, знакова. Навіть індивідуалізоване психологічне зображення (воно стосується, власне, лише головного автобіографічного героя) покликане виконати ту ж узагальнюючу функцію: герой уособлює героїчний національний тип, через те й наділений гіперболізованими рисами мужності та протиставлений загалові, через те й переживає так загострено як своє відчуження від товаришів по нещастю, так і солідарність із ними» [5, с. 27–28].

Что же касается полемики по поводу приоритета в изображении темы ГУЛАГа, Н. Колошук весьма справедливо утверждает: *«як би згодом не нарікав Ю. Шерех та інші українські критики за ним услід – несправедливо, мовляв, відібрали в українського письменника пріоритет відкриття гулагівської теми й приписали його О. Солженіцину – підступу й злої волі «чужих» у цьому не було. Солженіцин відкрив світові реальний ГУЛАГ, протиставивши його художній реальності, сміливо й методично розробляючи новітню форму документальної епопеї, – Багряний намагався влити новий матеріал у міхи старої форми пригодницького чи соціально-філософського роману і добився відповідного ефекту. Не його вина, що читачі не готові були сприйняти авторський задум у всій його глибині й неординарності, бо не могли повірити винятковій художній дійсності як реальній» [5, с. 31].* Нам думается, что под этим поистине научным выводом луцкой исследовательницы подписался бы и Игорь Качуровский¹.

¹ Показательна, кстати говоря, весьма критическая оценка И.В. Качуровского фигуры Ю Шереха (Шевелева), высказанная им в связи с Борисом Ярхо, одним из главных учителей Качуровского «Для Юрія Клена, Вол. Державина, Ігоря Костецького певну вагу мало те, що я — учень Ярхо. Але різні Лаврінки, Костюки, Шевельови, Бойки (Юрій Блохин) імени “Ярхо” ніколи не чули, тож при перелікові емігр[аційних] літераторів я завжди потрапляв до “та інших” [7]

Качуровский в своём творчестве апеллировал и к другим солженицынским произведениям. Например, в статье о своем земляке, писателе Иване Коцеливце он вспоминает и о его переводческой деятельности: «з російської він переклав «Один день Івана Денисовича» – *всесвітньо відому повість Солжениціна – та нариси Віктора Некрасова «По обидва боки океану»*. Ці переклади друкувалися в «Сучасності», а окремими книжками не вийшли» [3, с. 274].

Наконец, отметим, что в рецепции творчества Александра Солженицына Игорь Качуровский проявил и свой талант переводчика. К сожалению, несмотря на обещание, данное автору «Архипелага», украинский перевод им не был осуществлен. Однако в 1973 году Качуровский перевел на украинский язык Нобелевскую лекцию Солженицына, прочтенную им в августе 1972 года после вручения Нобелевской премии по литературе. Вышла она 16-страничной брошюрой в типографии газеты «Українські вісті». Ей предпослано небольшое вступительное слово («Від перекладача»), в котором Качуровский считает необходимым отметить некоторые особенности языка и стиля Солженицына. Так, он отмечает, что в последних своих произведениях писатель все ярче проявляет себя последователем Ремизова (ошибочно напечатано *Реізова*) и Цветаевой, возрастает его склонность к малоупотребительным, редкостным, устаревшим словам. Качуровский, пользуясь случаем, проявляет не только свой переводческий, но и литературоведческий талант, говорит о неологизмах и диалектизмах (между которыми, по мнению переводчика, нелегко провести границу) в прозе Солженицына, а также о наиболее приоритетных у него конструктивных фигурах – анаколуфе и гипербатоне², едва ли что-либо говорящие для непросвещенного читателя. «Все эти лексико-стилистические особенности, – замечает И. Качуровский, – я старался воссоздать в своем переводе (отсюда, например, диалектальное «*нечувствений*» вместо литературного «*нечулий*»)» [8, с. 3].

Отмеченные особенности стиля Солженицына Качуровский мастерски воспроизводит не только в его богатой, сочной и колоритной Нобелевской лекции. К ней он прилагает свои переводы четырех солженицынских мини-текстов, близких к жанру стихотворения в прозе, под общим заголовком «*Мініятюри*». На самом деле эти тексты из цикла «Крохотки», которые создавались Солженицыным в течение 1958–1960-х годов. После тщетных попыток напечатать их в Советском Союзе писатель опубликовал их в журнале «Грани» (Франкфурт, 1964, №56). Зная «Крохотки», по всей видимости, благодаря этой публикации, Качуровский избрал для перевода следующие: «Дыхание», «Вязовая колода», «Способ двигаться» и «Путешествуя вдоль Оки». В них он сумел передать неповторимость солженицынской речи, стремясь к тому, что сам же во вступительном слове к брошюре назвал «художественным переводом». Вот, например, его воспроизведение «Способа двигаться»:

Що був кінь? Той, що грав вигнутою спиною, рубав копитами, кінь з розпушеною гривною, з розумним палаючим оком?

Що був верблюд? Двогорбий лебідь, повільний мудрець з усмішкою пізнання на круглих губах.

²Гирербатон (от др.-греч. ὑπέρβατον, букв. «перестановка») – разъединение смежных слов; фигура речи, при которой тема высказывания выделяется путём постановки в начало или конец фразы; при этом также может разрываться синтаксическая связь.

Що був навіть чорноморденький ішачок з його терплячою твердістю, живими ласкавими вухами...

А ми винайшли ось це найпотворніше із створінь земних на шістьох гумових лапах, з мертвими скляними очима, тупим ребристим рилом, горбате залізною скринєю.

Воно не заірже про радість степу, про пахощі трав, про любов до кобилиці або господаря. Воно постійно скрегоче залізом та реве, плює фіялковим смердючим димом.

Ну, що ж! Які ми, – такий і наш спосіб рухатись! [8, с. 14].

О своем переводе Нобелевской лекции Солженицына Качуровский вспоминает и в обзоре «Переводчики украинской диаспоры». Здесь он упомянут не просто как единственный образец перевода Солженицына, но и украинских диаспорных переводов русской прозы в целом: *«З російської прози окремою книжечкою вийшла, якщо не помиляюся, лише «Нобелівська лекція» Ол. Солжениціна в моєму перекладі»* [2, с. 575].

Таким образом, Игорь Качуровский проявлял постоянный интерес как к личности Александра Солженицына, так и к его творчеству. Диалог двух талантливейших представителей близких литератур, писателей-ровесников, вынужденных эмигрантов, проявившийся в разнообразных литературных жанрах и дискурсах (воспоминания и эссе, рецензии и литературоведческие исследования, обзоры и переводы, радиобеседы и др.), служит сегодня ярчайшим примером взаимодействия и взаимообогащения разных культур.

Список литературы:

1. Качуровский, И. Посещение Александра Солженицына: (Из материалов «Радио Свобода»): Пер. с укр. И. Качуровский / И. Качуровский // Сеятель. Buenos-Aires, 1975. – № 148. – С. 2–3.
2. Качуровський, І. Променисті силуети: лекції, доповіді статті, есеї, рецензії / І. Качуровський. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 766 с.
3. Качуровський, І. Спомини і постаті : Упоряд., передм. і прим. Олени Бросаліної / І. Качуровський. – К.: Кліо, 2018. – 606 с.
4. Качуровський, І. 150 вікон у світ: з бесід, трансльованих по Радіо «Свобода» / І. Качуровський. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 462 с.
5. Колошук, Н. Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: навч. посіб. для студентів вищ. навч. закл. / Н. Колошук // Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2010. – 121 с.
6. Михед, П. Листування Ігоря Качуровського: виміри суб'єктивності / П. Михед // Наш український дім. Науково-популярний часопис для вчителів України та діаспори. – 2017. – № 2. – С. 29–31.
7. О'Лір, Олена; Качуровський, І. З епістолярію // <http://slovoprosvity.org/2017/09/07/ihor-kachurovskij-z-epistolyariyu/>.
8. Солженіцин, О. Нобелівська лекція з літератури. Переклад Ігоря Качуровського / О. Солженіцин // Новий Ульм: Вид. газети «Українські Вісті». – 1973. – 16 с.
9. Шерех, Ю. Пороги і запоріжжя / Ю. Шерех // Третя сторожа: Література. Мистецтво. Ідеологія. – К. : Дніпро, 1993. – С. 322–362.
10. Шугай, О. «Він розвінчав сталінщину на 20 років раніше за Солженіцина» (до 100-річчя Івана Багряного) / О. Шугай // Іван Багряний: нове й маловідоме. Есеї, документи, листи, спогади, нотатки, факти. Кн. 2. – К. : Смолоскип, 2013. – С. 934–938.

Левонюк А. Е.
(Брест, Беларусь)

УДК 811.161.1'37

АФОРИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

***Ключевые слова:** творчество; произведения; язык произведения; художественный образ; афористика; стилистическая фигура; троп.*

***Аннотация:** в статье рассматривается афористическое творчество А. И. Солженицына. Отмечается, что Солженицын нам известен как автор весьма талантливых произведений, ставших бессмертными. Кроме того, подчеркивается, что афоризм – одна из древнейших форм философского мышления. В лаконичных по форме, но емких по содержанию изречениях глубоко и разносторонне анализируется человек и его мир: подчас обобщается, подчас конкретизируется. Афоризмы могут дать верные ответы на поставленные жизнью «вечные вопросы». Подтверждается примерами, что все речевые средства, используемые А. И. Солженицыным при создании афоризма, отражают такое качество этой единицы текста, как парадоксальность, неожиданность.*

Афористика с давнего времени была наиболее популярным видом литературы. Нагляднее всего это показывает изучение жизни афоризма в обществе, его место в культуре, литературе и истории народа. Доказательством этому служит творчество А. И. Солженицына, которым он стремится не только восстановить исторические и легендарные страницы Отечества, но и постичь все противоречия времени. Писатель остро чувствует свою ответственность не столько перед собой, сколько перед всем обществом, его историей и будущим. Содеянное Солженицыным дало нам такие эстетические мерки, такой подход и такой способ творчества, которые характеризуют работу и плоды самых больших гигантов художественного слова. В этом ему помогают афористические выражения, которые он употребляет в своем творчестве.

Интерес к афористике известен еще с древности. И Россия не стала исключением. Именно здесь наблюдается расцвет афористики. Было известно такое множество афоризмов, «что из них камень по камню сложилась целая несокрушимая стена» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Это афоризмы А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Козьмы Пруткова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. И. Тютчева, В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других. Афоризмы во многом формулировали представления о ценностях, обобщали жизненные явления, заставляли улыбнуться и восхититься метко подмеченному выражению. Именно в России в XIX веке было издано 124 сборника афористических высказываний.

Афоризм – одна из древнейших форм философского мышления. В лаконичных по форме, но емких по содержанию изречениях глубоко и разносторонне анализируется человек и его мир: подчас обобщается, подчас конкретизируется. Темы для афоризмов неисчерпаемы. По сути, одной большой темой для афоризма становится жизнь во всех ее проявлениях. И в наше время афористика актуальна благодаря своей лаконичности, злободневности. Афоризму, как малой форме словесного творчества, присущи следующие черты: наличие определенного автора, мудрость, смысловая завершенность, образность. Афоризмы

могут дать верные ответы на поставленные жизнью «вечные вопросы», которые всегда представляли собой основные ценности бытия людей. Такими ценностями являются прогрессивное общественное устройство, жизнь в условиях мира, уровень нравственного развития, гармония личной жизни, красота природы и искусств. Эти ценности настоятельно необходимы человеку, так как служат источниками счастья – главного стимула его жизни, о котором он всегда мечтает, желает его страстно, ищет настойчиво. Рассматривая происхождение и развитие афоризма, Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольская отметили, что «афоризм – понятие, несомненно, однородное изречению. Оба эти понятия принадлежат к единому жанру литературы, отличаясь между собой стилистикой и широтой тематики... Античные изречения, по сути дела, ничем не отличались от афоризмов. Позже церковное учение, вытесняя из афоризмов остроумие и ограничивая их тематику областью морально-бытовых вопросов, придало им черты изречений... В эпоху возрождения... изречения вновь обрели все особенности афоризмов» [2, с. 181].

Каждое произведение литературы – это своего рода поиск ответов на «вечные вопросы». И творчество А. И. Солженицына не стало исключением. В последнее время его творчество заняло подобающее ему место в истории отечественной литературы XX века. Современные исследователи творчества Солженицына больше внимания уделяют политическим, философским, историческим аспектам. Исследователи только лишь касаются художественных особенностей произведений, очень многое остается за пределами внимания критики. Хотя на самом деле произведения А. И. Солженицына – это история возникновения, разрастания и существования романа «Архипелаг ГУЛАГ», ставшего олицетворением трагедии России XX века. От изображения трагедии страны и народа неотделима тема страдания человека, проходящая через все произведения. Особенность книг Солженицына в том, что автор показывает «противостояние человека силе зла...». Каждое слово в его произведениях и точно, и верно. Герои произведений его мудры. Солженицын вернул в литературу героя, в котором соединились терпение, разумность, расчетливая сноровистость, умение приспособиться к нечеловеческим условиям, не потеряв лица, мудрое понимание и правых, и виноватых, привычка напряженно думать «о времени и о себе». С 1914 года начинается для «всей земли нашей» «страшный выбор». «... И одна революция. И другая революция. И весь свет перевернулся». Вот здесь-то и лежит начало развала во всей России. Отсюда пошли и безответная кротость, и дикая озлобленность, и жадность, и доброта сильная и счастливая: «Две загадки в мире есть: как родился – не помню, как умру – не знаю». А между этим – целая жизнь. Солженицынские герои являют собой пример золотого сердца.

На наш взгляд, язык и стиль произведений Солженицына, как и всяких талантливых литературных произведений, должны рассматриваться в различных аспектах. Среди них – использование афористических выражений для воссоздания характера эпохи и характеров действующих лиц. Поиск и отбор слов, изменение словообразовательных элементов у наиболее «затертых» из них – одна из немаловажных составляющих его творчества, его поэтики. При установке на гармоничное, адекватное языковое оформление всякого содержания А. Солженицын порой использует афористические выражения, чтобы выделить наиболее значимые, ключевые понятия и термины, связанные с темой: *Самая*

тяжелая жизнь совсем не у тех, кто тонет в море, роется в земле или ищет воду в пустынях. Самая тяжелая жизнь у того, кто каждый день, выходя из дому, бьется головой о притолоку – слишком низкая...; А откуда вы знаете, в какой точке земли вы будете счастливы, в какой – несчастливы? Кто скажет, что знает это о себе?; И еще обязательное условие: переносить лечение не только с верой, но с радостью! С радостью! Вот только тогда вы вылечитесь!; Вот так и жить – радоваться тому, что есть! Тот и мудрец, кто доволен немногим. Кто – оптимист? Кто говорит: вообще в стране все плохо, везде – хуже, у нас все хорошо, нам повезло. И счастлив тем, что есть, и не терзается. Кто – пессимист? Кто говорит: вообще в нашей стране все замечательно, везде – лучше, только у нас случайно плохо; Если ты не умеешь использовать минуту, ты зря проведешь и час, и день, и всю жизнь; Одна страсть, захватив нас, измещает все прочие страсти; Нельзя быть таким слишком практичным, чтобы судить по результатам, – человечнее судить по намерениям (Раковый корпус); Колыма была – самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент; Идут десятилетия – и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого; Смирная овца волку по зубам; Совокупный страх приводил к верному сознанию своего ничтожества и отсутствия всякого права; Политический заключенный – это тот, у кого есть убеждения, отречением от которых он мог бы получить свободу. У кого таких убеждений нет – тот политическая шпана; Память – это единственная заначка, где можно держать написанное, где можно пронести его сквозь обыски; Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость – мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости; Великая ли мы нация, мы должны доказать не огромностью территории, не числом подопечных народов, но величием поступков; Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости (Архипелаг ГУЛАГ); Война – гибель. Война страшна не продвижением войск, не пожарами, не бомбежками – война, прежде всего, страшна тем, что отдает все мыслящее в законную власть тупоумия; Умного на свете много, мало – хорошего; Да поднимись ты выше своей кочки зрения; Не бойся пули, которая свистит, раз ты ее слышишь – значит, она уже не в тебя. Той единственной пули, которая тебя убьет, ты не услышишь. Выходит, смерть как бы тебя не касается: ты есть – ее нет, она придет – тебя уже не будет; Сытость совсем не зависит от того, сколько мы едим, а от того, как мы едим! Так и счастье, так и счастье, Левушка, оно вовсе не зависит от объема внешних благ, которые мы урвали у жизни. Оно зависит только от нашего отношения к ним! Об этом сказано еще в даосской этике: «Кто умеет довольствоваться, тот всегда будет доволен»; У вещей и событий есть своя неумолимая логика. В повседневных действиях людям никогда и не грезится, какие совсем обратные последствия вытекут из их поступков. Вот – Попов, изобретая радио, думал ли, что готовит всеобщую балаболку, громкоговорящую пытку для мыслящих одиночек? Или немцы пропускали Ленина для развала России, а получили через тридцать лет раскол Германии? Или Аляска. Казалось, такая оплошность, что продали ее за бесценок, – но теперь советские танки не могут идти по сухопутью в Америку! И ничтожный факт

решает судьбу планеты; Бывает, что мысли, безусловные ночью в полусне, оказываются несостоятельными при свете утра; Хорошо иметь сильную голову. Ты владеешь исходом до последней минуты. Все пути событий подчинены тебе; Вот если бы водку запретили – тотчас бы у нас вспыхнула революция (В круге первом) и др. Выпалывая из своих текстов приевшиеся формы, писатель не только борется со штампами, но часто уточняет или утяжеляет смысл афоризма, делает выражение более значимым и содержательно, и эмоционально. При этом используемые им приемы весьма разнообразны.

В литературном произведении афоризм может «работать» и как конденсатор идеи, и как внутренняя связка сюжетных линий. Используется афоризм и для создания художественного образа. Но, следует оговориться, что только за счет афористики тяжело создать положительный образ. Все речевые средства, используемые А. И. Солженицыным при создании афоризма, отражают такое качество этой единицы текста, как парадоксальность, неожиданность. Суждение в афоризме во многом отличается от логического силлогизма или научного тезиса, ибо основывается не на систематических доказательствах, а на целостном опыте, истина которого может быть пережита, но не доказана. Афоризмы вплетаются в произведения Солженицына то живо, то лаконично, то поучительно, то образно. В то время, когда писатель творил, наверное, он не задумывался, что его творчество станет для нас народной мудростью, к которой прибегали наши предки, к которой сейчас прислушивается наша молодежь, которую будут ценить после нас. А. И. Солженицын в своих афоризмах – реалист, он показывает униженную, но незапятнанную душу простого человека, к примеру: *Искренность никак не может быть главным критерием книги. При неверных мыслях или чуждых настроениях искренность только усиливает вредное действие произведения, искренность – ВРЕДНА! Субъективная искренность может оказаться против правдивости показа жизни; Литература – учитель жизни; Но даже первый шаг против боли – обезболивание, тоже есть боль; Милосердная к мужчинам, война унесла их. А женщин оставила домучиваться; Как велосипед, как колесо, раз покатавишься, устойчивы только в движении, а без движения валяются, так и игра между женщиной и мужчиной, раз начавшись, способна существовать только в развитии. Если же сегодня нисколько не сдвинулось от вчера, игры уже нет; Как легко раздражить человеческое желание и как трудно насытить раздраженное; Ведь есть же люди, которым так и выстилает гладенько всю жизнь, а другим – все пережжено. И говорят – от человека самого зависит его судьба. Ничего не от него; Как ни смеялись бы мы над чудесами, пока сильны, здоровы и благоденствуем, но если жизнь так заклинется, так сплющится, что только чудо может нас спасти, мы в это единственное, исключительное чудо – верим!; Жизнь дана для счастья; Всякий общий праздник тяжел одинокому человеку. Но невыносим одинокой женщине, у которой годы уходят; Просто у людей перевернуты представления – что хорошо и что плохо. Жить в пятиэтажной клетке, чтоб над твоей головой стучали и ходили, и радио со всех сторон, – это считается хорошо. А жить трудолюбивым земледельцем в глинобитной хатке на краю степи – это считается крайняя неудача; Этот закон, вероятно, имеет и всеобщий характер: всякий делающий всегда порождает и то, и другое – и благо, и зло. Один только – больше блага, другой – больше зла; Один дурак столько за-*

даст вопросов, что сто умных не справятся ответить; Когда глаза неотрывно-неотрывно смотрят друг в друга, появляется совсем новое качество: увидишь такое, что при беглом скольжении не открывается. Глаза как будто теряют защитную цветную оболочку, и всю правду выбрызгивают без слов, не могут ее удержать (Раковый корпус); И пока не будет в стране независимого общественного мнения – нет никакой гарантии, что все многомиллионное беспричинное уничтожение не повторится вновь; Ревность – это оскорбленное самолюбие. Настоящая любовь, лишившись ответа, не ревнует, а умирает, окостеневаает; Тогда и тяжело говорить, когда слишком много есть, что сказать; Вероятно, достойный суд есть самый поздний плод самого зрелого общества; Никто из людей ничего не знает наперед. И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его – в наидурном; Высшее достижение суда: когда порок настолько осужден, что от него отшатывается и преступник (Архипелаг ГУЛАГ); А что такое демократия? – угождение грубому большинству. Угождение большинству означает: равнение на посредственность, равнение по низшему уровню, отсечение самых тонких высоких стеблей. Сто или тысяча остолопов своим голосованием указывают путь светлой голове; С кого начинать исправлять мир? С других? Или с себя?..; Какая разница – счастье для потомков или счастье на том свете? Обоих не видно; История до того однообразна, что противно ее читать; В страну прошлого билеты не продаются; Я придерживаюсь той точки зрения, что люди сами не знают, к чему стремиться. Они исходят в пустой колотье за горстку материальных благ и умирают, не узнав своего собственного душевного богатства; Что дороже всего в мире? Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть – не через тебя (В круге первом); Две загадки в мире есть: как родился – не помню, как умру – не знаю; У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей (Матренин двор); Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – качество дай, для начальника делаешь – дай показуху («Один день Ивана Денисовича») и др.

Необходимо отметить и такое качество афоризмов мастера слова, как цитатность. Это главное качество такого рода высказываний, потому что афоризм – это разновидность чужого слова, но творчество Солженицына дарит нам абсолютно новые, только солженицынские афоризмы: *Слишком долго у нас всяким делом ведали и руководили те, кто ничего в нем не понимают; Все отдавать на голосование по большинству – значит устанавливать его диктатуру над меньшинством и над особыми мнениями, которые как раз наиболее ценны для поиска путей развития; А после всего, пережитого нами, всякая власть как понятие – уже в неизбывном долгу перед народом; Если правительство само отдастся бюрократизации, то оно потеряет способность вести страну; Уже века существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержен душой, сознанием, сердечной болью – вот они и суть русские.*

Афористические высказывания А. И. Солженицына представляют собой формулу мудрости. В структурном плане солженицынский афоризм опирается на речевые средства. Именно речевые средства, используемые автором при создании афоризма, во многом гарантируют его успех. Основными средствами воздействия афоризма на читателя являются оригинальность построения, пара-

доксальность, образность. Афоризмы А. И. Солженицына заключают в себе бесценный опыт многих поколений. Изящные, мудрые, остроумные афоризмы произведений автора останутся в памяти народов на века. Листая произведения Солженицына, читатель убеждается в жизненной ценности выражений писателя, в их глубинной значимости для восприятия своего самосознания и самобытности.

Список литературы:

1. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.

Сичинава Н. Г.
(Кутаиси, Грузия)

УДК 808.5

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

Ключевые слова: *прецедентный текст; реминисценции; аллюзии; прецедентное имя; интерпретация.*

Аннотация: *в данной работе сделана попытка рассмотреть прецедентные тексты в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». Автор анализирует разнообразные функции и способы апелляции к прецедентным текстам.*

Большое влияние на менталитет русской языковой личности всегда оказывала культурная, историко-литературная память. Особенно ярко этот феномен проявился в стремлении мастеров художественного слова к насыщению текста своих произведений «чужим словом», «чужим текстом», отражающими эту память.

Вопросы воспроизводства и восприятия цитатных единиц непосредственно в речевом общении привлекли особое внимание лингвистов после появления работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой он ввел понятие «прецедентный текст» (широко известный и значимый в познавательном и эмоциональном плане для говорящего) и рассмотрел апелляции к подобным текстам посредством цитат, имен, названий произведений как инструмент, отражающий коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности [3, с. 216–237]. Определение, данное Ю.Н. Карауловым прецедентным текстам, позволило включить в число этих феноменов самые разнообразные единицы – лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы: произведения архитектуры, живописи, музыки, как своего рода «тексты», составляющие значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Ю.Н. Караулов отмечал, что знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры [3, с. 105–106]. Национальный корпус прецедентных текстов является существенным элементом

культурной грамотности. В теории лакун Ю. А. Сорокина при рассмотрении культуротаксисов, т.е. сфер, создаваемых этносами вокруг себя для притяжения или отталкивания автохтонных или неавтохтонных моделей общения, прецедентные тексты определяются как вид лакун, который является наиболее диагностирующей степенью совместимости одного культуротаксиса с другим [7].

В свою очередь, созданная Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. В. Багаевой [4, с. 120] теория прецедентных феноменов рассматривается как важный этап в исследовании прецедентности и тесно связана с учением об интертекстуальности. Прецедент понимается Д. Б. Гудковым как «определенный стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума» [1, с.153]. Внутри прецедентов в широком понимании выделяется особая группа прецедентов, которую Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева называют прецедентными феноменами [4, с. 51]. К числу собственно прецедентных феноменов эти исследователи относят прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание [4, с. 130–131].

Использование в тексте художественного произведения прецедентных текстов, сюжетов, ситуаций, аллюзий, реминисценций является важным средством характеристики персонажа как языковой личности, отражением его жизненных установок, мотивов, целей, системы оценок. На формирование портрета того или иного персонажа существенное влияние оказывают такие факторы, как частотность обращения к текстовым реминисценциям в речи, точность в воспроизведении, умение распознавать их в речи собеседника или использовать адекватно своим коммуникативным целям, приверженность тем или иным стилистически маркированным текстам.

Прецедентные тексты повести «Раковый корпус» тесно связаны с жизненными событиями и переживаниями персонажей, отражающихся в их внутренней и внешней речи. Языковой состав этих прецедентных текстов зависит от социального статуса персонажа. В речи советского чиновника, начальника по «анкетным делам» Русанова отражается партийная идеология, формирующая систему его жизненных ценностей. Его речь изобилует штампами, отражает идеологический контекст эпохи. Так, например, на вопрос Костоглотова, почему его так раздражает, когда кто-то читает Льва Толстого, Павел Николаевич отвечает: «Пусть Островского читает. Больше будет пользы». Прецедентное имя «Островский» связано с широко известным советскому читателю текстом романа «Как закалялась сталь». В данном случае Русанов апеллирует не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени: роман Островского «Как закалялась сталь» относится к жанру социалистического реализма и отражает идеологию правящей партии.

В речи персонажей повести встречаются тексты, прецедентность которых обусловлена особенностями описываемой исторической эпохи, и, в силу этого, известные или неизвестные адресату. Так, для Русанова обладают ценностной значимостью тексты, используемые в дискурсе представителей советского общества. Ему не знаком рассказ Льва Толстого «Чем люди живы», но он очень хорошо осведомлен с оценкой Ленина, данной им личности и творчеству Льва Толстого в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», так как эта

статья входила в школьную программу советской школы. В данной статье, анализируя «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого», Ленин, в частности, отмечает: «С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, “толстовец”, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: “я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками”». Используемые Русановым реминисценции «зеркало русской революции», «рисовые котлетки» основаны на буквальном воспроизведении фрагментов статьи Ленина:

– Так это – не тот Толстой! – отозвался Дёмка из угла. – Это у нас – Лев Толстой.

– Ах не то-от? – растянул Русанов с облегчением отчасти, а отчасти кривясь. – Ах это другой... Это который – зеркало русской революции, рисовые котлетки?... Так сю-сюкалка ваш Толстой! Он во многом, оч-чень во многом не разбирался.

За определенным прецедентным текстом может стоять инвариант его восприятия. В повести отчетливо прослеживается негативное отношение к личности и творчеству Л. Н. Толстого со стороны представителей властных структур, в сознании которых идеи великого писателя предстают чуждыми и вредоносными. С «шипением и возмущением» бросает Русанов Ефрему Поддуеву, изложившему своими словами сюжет рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы»: «Неужели другую пластинку завести нельзя? За километр несёт, что мораль не наша». Одновременно с этим мы видим, какое сильное впечатление произвело прочитанное на Ефрема: он много понял, переоценил. Фраза из этого рассказа («Жив всякий человек не заботой о себе, а любовью») становится ценностным эталоном, который заставил его задуматься о жизни и смерти, понять, сколько зла он причинил людям и осудить себя: «А вот по этой чудной книге так и получалось, что Ефем же во всем и виноват».

Несовпадающие интерпретации возникают вследствие того, что объект проецируется на разные эталоны. Чем большее сходство наблюдается в системах ценностей, усвоенных отдельными членами социума, тем меньше в нем индивидуальных различий в процессе рецепции и интерпретации прецедентного текста. Поэтому в повести значительную роль играет фигура интерпретатора – индивида, берущего на себя распределение смыслов и ретранслирующего свою смысловую модель на других персонажей повести.

– Да при чём тут?! – вышел из себя Павел Николаевич. – Да это же махровая поповщина, так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдыкать...

– А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? – огрызнулся Костоглотов. – Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую изжогу? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!

Данный пример является ярким примером того, что интерпретация прецедентного текста может выходить за рамки определенной микрогруппы и ре-

транслироваться на весь социум, на всю историческую ситуацию. «Нравственные уроды» не могут создать здоровое общество.

Павел Николаевич Русанов привык жить только по инструкциям сверху. Ясное представление об особенностях мышления той социальной группы, которую он представляет, дает список цитируемых им прецедентных имен и текстов. Это прежде всего имена партийных лидеров – Ленина и Сталина, писателей – представителей соцреализма (М. Горький, Н. Островский, А. Толстой), газеты «Правда». Все свои поступки он сознательно подчиняет воле партийного руководства и признанных советских авторитетов, даже своего сына он называет в честь Берии Лаврентием. *«Кто это? – кажется, Горький – сказал: если дети твои не лучше тебя, то зря ты родил их, и жил ты тоже зря. А вот Павел Николаевич жил не зря».*

Начитанность и тягу к искусству, типичную для русской интеллигенции, демонстрируют ссыльные супругу Кадмины – гинеколог Николай Иванович и его жена Елена Александровна. Осужденные на вечную ссылку в ауле Уш-Терек на юге Казахстана «после волчьего лагеря», они стремятся к сохранению духовной связи с родными корнями. Это помогает им поддерживать в себе оптимизм. При описании образов Кадминых реминисценции используются писателем как особый эстетический код, который устанавливает точки соприкосновения внутреннего мира индивида и культуры человечества.

«Двухтомник Паустовского в книжный магазин привезли – радость!»

«... приёмник включён – и музыка, райская для арестантского уха и чистая при батарейном питании, – Пуччини, Сибелиус, Бортнянский – каждый день по выбору из программы включается в кадминской халупке».

Восстановлению культурно-исторической преемственности разных поколений русской интеллигенции служит сравнение Кадмина с героем романа Льва Толстого: *«Десять соток своего огорода разбивает Николай Иванович с такой замысловатостью и энергией, что куда там старый князь Болконский со всеми Лысыми Горами и особым архитектором».*

Прецедентные тексты повести участвуют в формировании культурных концептов, т.е. социопсихических образований, характеризующихся ценностной значимостью. Содержание прецедентного текста связывается с сознанием воспринимającego, интерпретируется им и освещается по-новому. Например, для того чтобы объяснить Костоготову выражение «мягкое слово кость ломит», Кадмин обращается к тексту рукописной книги XV века «Толковой палеи», излагая сказание о Китоврасе. Содержание прецедентного текста переносится адресатом на современную ему действительность и участвует в формировании смысловой корреляции «Человек – Человек», второй компонент которой после переосмысления порождает метафору, уподобляющую человека волку: *«Кто это теперь даст ребро себе сломать в ответ на мягкое слово?.. И вот размышлял теперь Олег: этот Китоврас и эти писцы Пятнадцатого века – насколько ж они люди были, а мы перед ними – волки».*

В притче об Аллахе и человеке жизнь человека полностью отождествляется с жизнью животных: *«Первые двадцать пять лет будешь жить как человек. Вторые двадцать пять будешь работать как лошадь. Третьи двадцать пять будешь гавкать как собака. И ещё двадцать пять над тобой, как над обезьяной,*

смеяться будут...». Образные сравнения этой притчи вызывают в сознании читателя адекватные ассоциации, и лишь выражение «будешь жить как человек» остается необъясненным. Размышления над притчей привели Ефрема Поддубова к выводу, что ее мораль в том, что человеку досталось много ненужных лет и сам Ефрем не задумывается над ответом на вопрос, что значит «жить как человек», будучи уверенным, что ненужных лет нет, было бы здоровье.

Прецедентные имена, к которым обращается Шулубин, заключают в себе ценностную доминанту, раскрывающую смысл выражения «жить как человек». В трудах Владимира Соловьёва, Кропоткина, Михайловского, по мнению Шулубина, содержатся традиционные ценности русской культуры, представление о человеке как о существе, живущем по нравственным законам.

– Раньше? Это у кого как. Например, Владимир Соловьёв довольно убедительно развивает, что можно и нужно экономику строить – на основании нравственности.

– Как?.. Сперва нравственность, потом экономика? – оудело смотрел Костоготов.

– Да! Слушайте, русский человек, вы Владимира Соловьёва не читали, конечно, ни строчки?

Костоготов покачал губами.

– Но имя-то хоть слышали?

– В тюрьме.

– А Кропоткина хоть страницу читали? «Взаимопомощь среди людей...»? Всё то же было движение Костоготова.

– Ну да, он же не прав, зачем его читать!.. А Михайловского? Да нет, конечно, он же опровергнут и после этого запрещён и изъят.

Обоснование необходимости тесной связи с национальной культурной традицией наполняет концепт человек новым смыслом, создавая преемственность в аксиологической картине мира в рамках диалога культур прошлого и настоящего. Шулубин мечтает об обществе, в котором «все отношения, основания и законы будут вытекать из нравственности – и только из неё! Все расчёты: как воспитывать детей? к чему их готовить? на что направить труд взрослых? и чем занять их досуг? – всё это должно выводиться только из требований нравственности».

Идейным противником Русанова в повести выступает Костоготов, не признающий аксиом, изрекаемых советскими вождями, хоть Лениным, хоть Сталиным, потому что «Раз и навсегда никто на земле ничего сказать не может».

Обращает на себя внимание тот факт, что в уста Костоготова Солженицын вкладывает значительное количество прецедентных текстов. Герой воспроизводит в своей речи пословицы и поговорки, латинские изречения, афоризмы. Тексты эти используются им в большинстве случаев в фасциативной функции. Например, желая блеснуть своей ученостью, в разговоре с Русановым Костоготов «... с самодовольством объявил, думая, что у него получается учёно:

– Один философ сказал: если бы человек не болел, он не знал бы себе границ».

В данном случае это неточное воспроизведение цитаты из романа Л. Н. Толстого:

Во сне после Бородинского сражения Пьер Безухов как будто слышит чей-то голос: «Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого».

Прецедентный текст, как правило, – текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение у носителей языка. Использование прецедентного текста в персуазивной функции можно наблюдать в эпизоде, когда Костоглотов доказывает право пациента знать всю правду о своей смертельной болезни и прибегать к альтернативным средствам лечения для избавления от зловещей опухоли: *«Я только хочу сказать, что мы не должны, как кролики, доверяться врачам».* Он вновь обращается к цитированию с целью убеждения коммуникативных партнеров в правоте своей точки зрения: *«Вот был такой философ Декарт. Он говорил: всё подвергай сомнению!».* В данном примере Костоглотов неточно воспроизводит принцип французского философа Рене Декарта «*Dubito, ergo sum*» («Сомневаюсь, следовательно, существую»).

Перед нами образ человека, неимеющего образования, но с огромной тягой к знаниям и культуре. На читательское замечание, что Костоглотов «поражает незаурядностью своего поведения», А. Солженицын ответил, что стремился создать образ человека «с рядовыми жизненными задачами», без серьезного образования, но умного, подхватывающего знания на ходу. По признанию Солженицына, он сознательно обделил своего героя, чтобы «дать только национальный тип – каким делает лагерь всякого выжившего (цена выживания)», вся задача которого «сводится к отстаиванию своей жизни – и только».

Обращение к прецедентному тексту предоставляет писателю возможность охарактеризовать не только отдельного индивида, но и жестокую политическую машину, жертвой которой стали Костоготов и тысячи других людей. Примером может служить антитеза, в основе которой лежит латинский афоризм:

Римляне говорили: testis unus – testis nullus, один свидетель – никакой не свидетель. А в двадцатом веке и один – лишний стал, и одного-то не надо.

Апелляция к прецедентному тексту дает персонажам повести возможность предельно кратко изложить свое видение той или иной ситуации, выделить в ней наиболее существенные моменты, выразить свое отношение. Ярким примером может служить монолог Шулубина, в котором он пытается осмыслить свое место в данный исторический момент через обращение к строкам из поэзии А. С. Пушкина:

И когда о каждом из нас история спросит над могилой – кто ж он был? – останется выбор по Пушкину:

В наш гнусный век... На всех стихиях человек – Тиран, предатель или узник. Олег вздрогнул. Он не знал этих строк, но была в них та прорезающая несомненность, когда и автор, и истина выступают во плоти.

А Шулубин ему погрозил крупным пальцем:

– Для дурака у него и места в строчке не нашлось. Хотя знал же он, что и дураки встречаются. Нет, выбор нам оставлен троякий. И если помню я, что в тюрьме не сидел, и твёрдо знаю, что тираном не был, значит... – усмехнулся и закашлялся Шулубин, – значит...

Наиболее распространенным видом прецедентных текстов традиционно являются пословицы и поговорки. В повести «Раковый корпус» они представлены

в изобилии и функционируют как в виде прямой цитации, т.е. дословно воспроизводятся персонажем в том виде, в котором эта поговорка сохранилась в памяти цитирующего, так и в виде аллюзий. Интересным примером может служить аллюзия на поговорку «Бочка меду, ложка дегтю – все испортит», которая указана в книге «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля в разделе «Хорошо – худо». Аллюзия помогает образно передать психологическое состояние Костоглотова, который излечившись от страшной болезни, потерял мужскую силу:

Дошла очередь до Костоглотова. Этот ждал их со смешанным чувством: они же его как будто спасли, они же его и погубили. Мёд был с дёгтем равно смешан в бочке, и ни в пищу теперь не шёл, ни на смазку колёс.

Ассоциативную адресацию к библейскому тексту можно уловить в названии 35 главы повести – «Первый день творения». В тексте «Книги Бытия» говорится, что в первый день Бог создал небо и землю, воду и свет, и отделил свет от тьмы. Посредством библейской реминисценции писатель передает чувство возвращения к жизни, которое испытал Костоглотов, покинув ранним утром больничную палату: *«Это было утро творения! Мир сотворился снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! живи!*

Таким образом, анализ текста повести «Раковый корпус» показал значимость прецедентного текста в ее структуре. За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, раскрывающая ценностные ориентиры и интенции персонажа. Включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами способствует актуализации прецедентных текстов в том или ином контексте повести.

Список литературы:

1. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Текст] // Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003.
2. Захаренко, И. В., Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Багаева, Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
3. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы – М. : Русский язык, 1986. – С. 105–126.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
4. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц в коммуникации [Текст] // В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаев. – Вестник МГУ. – 1997.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000.
6. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.3. Раковый корпус / А. Солженицын. – М., 2012.
7. Сорокин, Ю. А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – Вып. 4. – С. 3–9.
8. Тюрина, А. А. Проблема классификации прецедентных феноменов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 6. – 2006. – № 8(63). – С. 82–84.

Ходынюк Ю.Э.
(Бяла Подляска, Польша)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»)

Аннотация

***Ключевые слова:** лексические единицы; речевая характеристика; жаргон.*

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема речевой характеристики героев повести А. И. Солженицына, речевые и стилистические приемы создания образа литературного героя. Дана характеристика основным стилистическим пластам повести «Один день Ивана Денисовича». Также дается определение жаргона, рассматривается вопрос об употреблении внелитературной лексики, диалектных и просторечных конструкций.*

Стилистическое и языковое мастерство А. И. Солженицына неоднократно отмечалось языковедами, его редкое авторское своеобразие не может не привлекать внимания исследователей в области языка и литературы. Интересной и в то же время парадоксальной является негативная позиция читателя к языку и стилю автора.

Солженицын ставил перед собой невероятно сложную стилистическую задачу, объединяя автора и героя воедино, и решал ее при помощи виртуозной игры слов, основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности стилевых приемов и речевых средств, в каких эти приемы воплощаются. Именно с этой точки зрения попробуем проанализировать творчество А. И. Солженицына, показывая внутреннее единство словесно-образного состава и последовательную мотивированность использования лексики [4].

А. И. Солженицын умело сочетает в своих произведениях яркие новаторские черты с глубокой закорененностью и наиболее отчетливо это прослеживается в области лексики. Автор употребляет не только окказиональную лексику, но и забытую или даже обычную, но обладающую иной семантикой. Кроме того, писатель значительно расширяет сферу употребления нелитературной лексики.

Например, в рассказе «Один день Ивана Денисовича» писатель проводит обширную работу по лексическому расширению русского языка.

Анализируя лексическое своеобразие рассказа, мы можем выделить следующие пласты: общелитературная лексика, диалектные и просторечные формы в языке рассказа, тюремный жаргон, окказионализмы. Таким образом, А. И. Солженицын создает четкую речевую маску, характеристику своих героев, которая соединяет в себе индивидуальные особенности речи в зависимости от его характера, черты просторечного говора, характерные для крестьянина и ерцевой колорит среды, окружающей героя, в частности – заключенных.

Сложность одновременного использования этих разнородных и разномастных речевых пластов состояла еще и в том, что по замыслу автора они должны были быть заключены не в более привычную форму повествования от первого лица – лица рассказчика, а в синтаксическую структуру несобственно-прямой речи:

«Шел Шухов тропую и увидел на снегу кусок стальной ножовки, полотна поломанного кусок. Хоть ни для какой надобности ему такой кусок не опреде-

лялся, однако нужды своей вперед не знаешь. Подобрал, сунул в карман брюк. Спрятать ее на ТЭЦ. Запасливый лучше богатого».

Использование несобственно-прямой речи достаточно часто используется в литературе для характерологических характеристик героев. И в данном случае она дает автору большую свободу и основание для объективизации действительности. Слияние героя и автора дает возможность особенно выразительно подчеркивать их сопереживание и участие в изображаемых событиях. Таким образом, Солженицын достигает ошеломляюще действенного эмоционального эффекта, раскрывает добавочную остроту, предельно обнажая ироническую горечь происходящего, например, в эпизоде описания жуткого «кросса» обгоняющих друг друга обветренных, вымерзших, выголодавших арестантов. На финише кросса – не кубок, а черпак... Черпак баланды, которая сейчас для зэка «дороже воли, дороже жизни, всей прежней и всей будущей жизни»[4].

Не менее выразительна передача прямой речи на фоне несобственно-прямой речи:

«А вблизи от них сидел за столом кавторанг Буйновский... он также занимал сейчас незаконное место здесь и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он изгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он не знал этого) особо важными для него минутами, превращавшими его из властного, звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отверстанные ему двадцать пять лет тюрьмы».

При помощи указанных приемов автор противопоставляет психологические результаты противоположного жизненного опыта. Иногда также используется прием отстранения, который показывает вещи с неожиданной стороны, совершенно по-новому:

«Цезарь Шухову улыбнулся и сразу же с чудачком в очках, который в очереди все газету читал:

– Аа-а! Петр Михалыч!

И – расцвели друг другу как маки. Тот чудак:

– А у меня “Вечерка”, свежая, смотрите! Бандеролью прислали.

– Да ну? – И суется Цезарь в ту же газету. А под потолком лампочка слепенькая-слепенькая, чего там можно мелкими буквами разобрать?

– Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадского!..

Они, москвичи, друг друга издаля чуют, как собаки. И, сойдясь, все обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда так лопочут, так редко русские слова попадают, слушать их – все равно как латышей или румын».

Такое переплетение, смешение прямой, несобственно-прямой и косвенной речи накладывается на общий для всей повести разговорный стиль, что можно отнести к еще одной интересной особенности писательской манеры А. И. Солженицына. Раздробление происходящего на мельчайшие составляющие, которые внешне кажутся незначительными, а на самом деле детали, наполненные глубочайшим смыслом, не замедляют темпа и ритма повествования. Указанная детализация допускается в разговорной речи и хорошо сочетается с обилием вводных слов и конструкций, восклицательных и вопроситель-

ных предложений, синтаксическими повторами, порядком слов и синтаксическим строением предложений.

Разговорная речь в творчестве Солженицына может рассматриваться как отдельная проблема, в которой можно рассматривать каждое из указанных явлений, а также можно выявить целый ряд других приемов и явлений.

Как уже отмечалось ранее, язык творчества А. И. Солженицына многопланов, и планы эти зачастую неуловимо, очень тонко и сознательно переплетены. С точки зрения лексики компоненты выделяются относительно явно.

И хоть на первый взгляд может показаться иначе, основу всей лексики составляет общелитературная речь. В русской литературе известны и другие примеры употребления «внелитературной» формы языкового употребления, например, Гоголь, Лесков, Леонов, Бабель и др. Но всегда опорной точкой является литературный язык, поскольку произведение, написанное на диалекте, не сможет стать общенациональным художественным достоянием.

В повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» жаргонная и диалектная лексика выполняет функцию ярких стилистических речевых фигур. Объем жаргонной и диалектной лексики явно уступает лексике литературной, а поскольку она нейтральна и служит только фоном, мало заметна по сравнению с эмоционально-окрашенными внелитературными словами, то количественная характеристика еще ничего не значит. Если более пристально присмотреться к речи героев, то можно заметить, что не только при помощи «окрашенных» слов автор создает выразительную речь героя и его окружения, а в основном общепринятыми средствами общелитературной лексики, фигурами речи, которые накладываются и переплетаются с разговорно-синтаксическими структурами:

«Снуют эскизы во все концы! Одно время начальник лагеря еще такой приказ издал: никаким заключенным в одиночку по зоне не ходить. А куда можно – вести всю бригаду одним строем. А куда всей бригаде сразу никак не надо – скажем, в санчасть или в уборную, – то сколачивать группы по четыре-пять человек, и старшего из них назначать, и чтоб вел своих строем туда, а там дожидаться, и назад – тоже строем».

Сарказм этого отрывка обостряется подчеркнутой нейтральностью словесного подбора, которая усиливает бессмысленность и тупость изображаемых лагерных порядков.

Второй пласт лексики Солженицына – это диалектная лексика. Центральным героем своей повести Солженицын сделал крестьянина и наделил его авторской функцией, создавая таким образом выразительную необычную диалектную характеристику его речи. Эта диалектная характеристика формируется не столько за счет лексики, а прежде всего за счет словообразования, обновляя, таким образом, привычные ассоциативные связи слова и образа. Ср., например, восторженный комментарий И. Гуро к таким словам, как шлепоток, пригревные полянки, первенькая черемуха в прозе С. Сартакова («Лит. Россия», 27 декабря 1963 г.).

С такой же целью писатель использует просторечную лексику. С помощью диалектной и просторечной лексики речь Ивана Денисовича получает желаемую эмоционально-стилистическую окраску, на выходе мы имеем живую, свободную, наполненную юмором народную речь.

Еще одним лексическим пластом, который явно просматривается в повести, являются слова и обороты тюремного жаргона. Таких слов во всей повести немного, всего около 40, но все они употреблены весьма тактично, с четким чувством меры.

Жаргон (франц. *jargon*), социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией. Иногда термин «жаргон» применяется для обозначения искаженной, неправильной речи [1, с. 254]. А. И. Солженицын употребляет их исключительно тактично. Все более или менее значительные моменты лагерного быта окрашены жаргонизмами.

Жаргонная лексика у писателя, как и в случае с диалектной или просторечной, сочетается с общеупотребительной. Шухов вспоминает наставления «старого лагерного волка»: «Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать». В этом примере мы наблюдаем сочетание пластов литературного и жаргонного языка (кум – начальник оперативно-режимной части, кумовский работник – доносчик, осведомитель (в камере, в «зоне»); *стучать* – доносить) [2, с. 110]. Их соразмерное сочетание и определяет особенности художественной стилистики рассказа.

Полное отсутствие этих слов в повести невозможно. Возможно ли изобразить лагерь, не употребляя лагерных выражений, тем более что рассказывает о лагере сам лагерник?

Если встать на этот сомнительный путь, то вместо слова *параши* придется написать нечто типа *туалетная бочка*; вместо *падлы* – тоже что-нибудь «нежное», например, *дурные люди*. В последнем случае речь надзирателя будет выглядеть так: «Ничего, дурные люди, делать не умеют и не хотят. Хлеба того не стоят, что им дают...».

Но даже если употребить нейтральные лексически слова (например, вместо пары *шмон – шмонять* возьмем пару *обыск – обыскивать*), даст ли это полноценный художественный результат? Очевидно, нет, и не только потому, что утратится «локальный колорит». Ведь между «шмоном» и «обыском» – пропасть неизмеримо большая, чем обычное стилистическое различие. Шмон – это не просто обыск, малоприятная, но имеющая все же какие-то логические основания процедура. Шмон – это узаконенное издевательство, мучительное и нравственно, и физически:

«Поздней осенью, уж земля стуженая, им все кричали:

– Снять ботинки, мехзавод! Взять ботинки в руки!

Так босиком и шмоняли. А и теперь, мороз, не мороз, ткнут по выбору:

– А ну-ка, сними правый валенок! А ты – левый сними! Снимет валенок зэк и должен, на одной ноге пока прыгая, тот валенок опрокинуть и портянкой потрясти...».

Само государство разговаривает с заключенными оскорбительным жаргонным языком. Вместо фамилий и имен у них номера вроде «Щ–854» или «К–460», «Ю–48», «Б–502». Таким образом, жаргон становится неотъемлемой частью лагерной культуры, указывая на тюремный характер лагеря, бесправие зэков.

В лагерной повседневности жаргон привычен, его понимают и используют почти все. Так, характеризуя бригадную ответственность за невыполнение норм, он пишет: «Тут так: или всем дополнительное, или все подыхайте. Ты не

работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, вкалывай, падло!» [3, с. 21]. В данном примере его безличные жаргонизмы – сгустки эмоций, в них переданы и отношение к лагерным порядкам, и настроение. Жаргонная лексика – это лексика мира, отгороженного колючей проволокой и «*вертухаями*» (постовыми).

Некоторые читатели считают, что тюремные слова непонятны. Но это не совсем верно. Многие жаргонные слова часто используются за пределами лагерей и тюремных стен. Они широко известны: *стучать*: «*В лагере вот кто подышает, кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать*» [3, с. 3] в значении ‘доносить’. Лексику тюремного жаргона не всегда можно отделить от вульгарно-просторечной в виду подвижности и взаимополнения. Помимо этого, многие слова тюремного жаргона комментируются в тексте прямыми ссылками: *кум*: по-лагерному – оперуполномоченный; *БУР* – барак усиленного режима [3, с. 3].

Очень прозрачна и тюремная фразеология – качать права: «Паек этих тысячу не одну переполучал Шухов в тюрьмах и в лагерях, и хоть ни одной из них на весах проверить не пришлось, и хоть шуметь и качать права он, как человек робкий, не смел, но всякому арестанту и Шухову давно понятно, что, честно вешая, в хлебрезке не удержишься» [3, с. 10].

Лексику, принадлежащую собственно тюремному жаргону, не всегда можно отделить от общей вульгарно-просторечной речевой стихии, так как та и другая подвижны и находятся в состоянии постоянного взаимополнения.

Отдельные слова тюремного жаргона автор комментирует, иногда в тексте, иногда прямой сноской (*кум, бур*). Смысл некоторых из них с достаточной ясностью раскрывается самим контекстом, без специальных пояснений. В частности, это касается и аббревиатур (*гулаг, зэк*). Сложносокращенные и просто сокращенные слова понятны – *начкар, опер*. Очень прозрачна и тюремная фразеология – *качать права, совать на лапу, травить бдительность, от звонка до звонка*.

Настоящее искусство – это прежде всего правда. Правда в большом и малом. Правда в деталях. В этом смысле для языка художественного произведения нет никаких псевдоэтических норм, нет фарисейских правил, что можно и чего нельзя. Все зависит от того, зачем употребляется в литературе то или иное речевое средство.

Таким образом, пока существует тюремный жаргон (а он умрет сам собой, когда исчезнут преступления и тюрьмы), одинаково бесполезно и закрывать глаза на его реальное существование, и возражать против его использования в реалистической художественной литературе.

В повести «Один день Ивана Денисовича» есть еще один пласт, несколько иной, чем уже названные, – это индивидуальное словообразование и употребление слов. Эта характеристика, которой всегда бывает отмечено произведение писателя. У Солженицына это свойство совпадает со стилистикой простонародной речи. Ни в одном случае нельзя с уверенностью сказать, что перед нами авторское словообразование писателя, скорее это обновленный состав слова, с увеличенной его эмоциональной значимостью. Ярким примером является слово *недокурок* вместо привычного *окурок*. Такая же функция и у глагольных образований: *обоспеть* (всюду ловко успеть), *додолбать, вычуивать, пронырнуть, ссунуть* (с лица тряпочку), *сумутиться* (суесться), *засавывать*. Таким образом, достигается живой контакт с текстом, проявляется характер действия, темп, ритм повествования, психологическая характеристика.

Неожиданной экспрессией оборачиваются:

1) использование забытого исходного значения слова (например, тленный 'гниющий, гнилой'), которое сейчас малоупотребительно и во всех других своих значениях: «разварки тленной мелкой рыбешки»;

2) просто необычное для данной контекстной ситуации словоупотребление: «до обеда – пять часов. Протяжно». То же самое – в чудесном образе «ботинки с простором»;

3) неупотребительные формы слов, например, деепричастия ждя, проля, которые расширяют диапазон сопоставительных возможностей называемых ими побочных действий с основными действиями: «Фу-у! – выбился Шухов в столовую. И не ждя, пока Павло ему скажет, – за подносами, подносы свободные искать». Здесь это ждя цементирует всю фразу, выстраивая действия Шухова в один временной ряд и подчеркивая их стремительность в ответственный момент: с боем прорваться в столовую, сразу сориентироваться и, хоть надо бы для порядка помбригадира сначала спросить, нестись за подносами, добывая их в схватках с зэками из других бригад.

Таково лексическое своеобразие произведений А.И. Солженицына.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М. : СПб., 2000.
2. Грачев, М., Гуров, А., Рябинин, В. Словарь уголовного жаргона / М. Грачев и др. – М., 1991.
3. Солженицын, А. И. Один день Ивана Денисовича / А. Солженицын. – М. : Эксмо, 2006.
4. Винокур, Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т.Г. Винокур // Русский язык. Выпуск 27. – 2008. – № 23.

Чагайда Ю. Н.

(Брест, Беларусь)

УДК 81'37 + 81'38 + 81'42

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»

Ключевые слова: ономасиологический анализ; номинативные единицы; ономасиологические уровни; герой художественного произведения.

Аннотация: статья посвящена ономасиологическому анализу предикативных и непредикативных номинаций со значением характеристики действующего лица. Материалом для анализа данных номинативных единиц послужил рассказ А. Солженицына «Матренин двор».

Ономасиологический анализ художественного текста (от формы к смыслу) развивается в нескольких направлениях. С одной стороны – это все, что связано с лингвистической поэтикой. Здесь основное внимание уделяется языковым единицам (в том числе и стилистически маркированным), которые рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания [5]. С другой сто-

роны, если принять во внимание тот факт, что «текст – это единица психолого-речевого и прагматического характера» [4, с. 17], изучение «обозначения того или иного понятия открывает дорогу к прагматическому взгляду на ономастиологию, предлагающему представление о реальном выборе конкретного слова для обозначения конкретного концепта или конкретного референта» [12, с. 127]. В аспекте прагматического анализа особенно значимыми становятся те условия, которые определяют использование языковых знаков. Прежде всего, это условия ценностно адекватного выбора языковых единиц. При этом, по мнению О. Г. Почепцова, прагматической значимостью обладает все то, что «освящено» интенцией говорящего, а, следовательно, и коммуникативный акт в том числе [8, с. 46]. Данные подходы – лингвопоэтический и прагматический – не исключают, а скорее дополняют друг друга.

Ономастиологический анализ, связанный с содержательной оценкой контекстного номинативного корпуса, может служить методологическим основанием для обоих направлений: он целесообразен и для выявления идейно-эстетической значимости, и для экспликации прагматического фона художественного произведения. При этом ономастиологический анализ текстового номинативного корпуса проводится по различным основаниям: морфологическим, лексическим, синтаксическим, функциональным. В результате оказывается возможным «выделить единые по замыслу, художественно-образной, лексико-грамматической структуре и стилевым особенностям слои, пласты, или страты, написанные в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты» [7, с. 445]. Вопрос здесь ставится не только о простом восхождении от номинативных единиц к идейно-художественному содержанию. Главное в том, что появляется возможность «увидеть в тексте соотносящиеся друг с другом (в том числе и противопоставленные) пласты, которые отнюдь не обязательно будут характеризоваться набором уникальных и никак не перекрещивающихся стилистически маркированных языковых единиц. Использование подобных единиц будет неодинаково при раскрытии одной темы по сравнению с раскрытием какой-либо другой: степень реализации метасемиотического потенциала стилистически маркированных единиц будет различаться.

Практическая сторона стратификации состоит в том, что на первом этапе ономастиологического анализа художественное произведение «препарируется» исследователем, который выбирает языковые единицы по определенным тематическим признакам. В нашем случае базовым признаком является ролевая сюжетная соотнесенность номинации, то есть связь номинативной единицы с действующим лицом художественного произведения.

По существу, ономастиологический анализ художественного произведения начинается с констатации общего принципа тематического группирования номинаций. В границах данного группирования осуществляется системная классификация имен по формальным характеристикам, а затем устанавливаются связи и соотношения между ономастиологическим планом художественного произведения и его идейным содержанием и прагматическим фоном.

Цель ономастиологического анализа художественного произведения заключается в том, чтобы выяснить, что скрывается за разнообразием лексических значений, если они все же подводятся под некие общие категории, а также

установить, в каком объеме и какие знания фиксируются в речевых формах, какой концепт или группа концептов могут совмещаться в пределах одного слова.

В нашем исследовании мы исходим из того, что развитие сюжета художественного произведения отражает развитие нравственных отношений героев. Поэтому изучение наименований лица (героя художественного произведения) способствует более предметному пониманию текста. В этой связи уместно вспомнить высказывание Ю.Д. Апресяна, который отмечал, что «лексика, описывающая человека, является наиболее важным участком словаря русского языка» [1, с. 349].

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы выяснить, насколько корпус наименований лица окажется информативным и полезным в понимании и объективированной интерпретации идейной структуры художественного произведения.

Так как центральным образом в рассказе А. Солженицына «Матренин двор» является Матрена Васильевна Григорьева, то и непредикативные и предикативные номинации, рассматриваемые в данной статье, замыкаются на этом персонаже.

Корпус номинаций главного героя в рассказе «Матренин двор» формируется на основе систематизации базовых синтагматических и парадигматических признаков. Кроме того, «поскольку коммуникативные функции разграничены между синтаксическими позициями, правомерно говорить о зависимости номинации от занимаемого ею в структуре предложения синтаксического места» [2, с. 306]. Именно в связи с этим мы говорим о предикативных и непредикативных номинативных единицах.

Наиболее важные семантические свойства имени персонажа проявляются в художественном тексте через предикативные глагольные сочетания, которые составляют ядро ономазиологического портрета. Данный вид номинаций позволяет обнаружить в произведении универсальные семантические свойства действующего лица, а также установить степень семантической связи между значениями заданных номинативных единиц. Более того, только одновременное рассмотрение предикативных и непредикативных единиц позволит нам дать всестороннюю оценку образу героя художественного произведения.

Предикативные номинации являются сказуемыми в предложении, отражают типичные для героя действия или состояния, выявленные в рассказе А. Солженицына «Матренин двор»: *Она [Матрена]³ включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу <...>, по воду ходила и варила в трех чугунках...* [9, с. 117]; *Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовь* [9, с. 120]; *Матрена бегала среди мужчин, суежилась и помогала накатывать бревна на сани* [9, с. 135].

Непредикативные номинации представляют собой имена действующего лица в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, а также обращения: *Была она [Матрена] одинокая кругом, а с тех пор, как стала сильно болеть – и из колхоза ее отпустили* [9, с. 119]; *В ту осень много было у Матрены обид* [9, с. 119]; *Завтра, Матрена, придешь мне пособить* [звала соседка Матрену помочь картошку копать] [9, с. 123];

Непредикативные номинативные единицы в лингвистической науке делятся на две основные группы: **цельнооформленные** (однословные) и **раздельно-**

³ Здесь и далее в примерах из художественной литературы в квадратных скобках даются уточнения автора статьи.

оформленные (неоднословные) [6, с. 26]. В корпусе непредикативных наименований главного персонажа рассказа «Матренин двор» преобладают цельнооформленные номинативные единицы: *Матрена вставала в четыре-пять утра* [9, с. 117]; *Когда я вошел в избу, она лежала на русской печи, тут же, у входа, накрытая неопределенным темным тряпьем* [9, с. 115]; *Они [горшки с фикусами] заполнили одиночество хозяйки безмолвной, но живой толпой* [9, с. 115]; *...познакомлен [рассказчик] был с тремя Матрениными родными сестрами, звавшими Матрену как старшую – лёлька или нянька* [9, с. 125]; *Да ты ж моя сестричечка!* [плакала сестра Матрены] [9, с. 141]. Раздельнооформленные наименования главных героев, как структурные элементы предложения, в исследуемой повести представлены в меньшей степени: *...год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала Матрена Васильевна ни рубля* [9, с. 116]; *Строено было давно и добротнo [изба], на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти* [9, с. 115]; *Та-ак, – раздельно говорила жена председателя. – Товарищ Григорьева? Надо будет помочь колхозу!* [9, с. 122]; *Хромой [сын Фаддея] задержался у моего стола закурить и вдруг заговорил, как любит он тетку Матрену* [9, с. 135]; *Ах, Матрена-Матренушка!...* [скорбит рассказчик по поводу смерти Матрены] [9, с. 138]; *Ах, нянька-нянька! Ах, лёлька-лёлька!* [плакали над гробом близкие Матрены] [9, с. 140].

По мнению В.М. Никитевича, неоднословные номинации представляют собой «запасной способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств» [6, с. 26]. Другие лингвисты видят в данном способе номинаций «стремление к предельной (в соответствии с возможностями языка) мотивированности обозначения» [3, с. 102].

С нашей точки зрения, есть смысл в том, чтобы различать три базовых ономаσιологических уровня, в которых функционируют как предикативные, так и непредикативные наименования героев любого художественного произведения: **событийный, прагматический и коммуникативный**. Мы полагаем, что именно эти уровни формируют содержательные основания для дальнейшей предметной классификации номинативных единиц.

Событийный уровень предполагает сюжетное сосуществование с героем как с субъектом действия или состояния. Этот уровень максимально приближен к фабуле произведения. Он формируется совокупностью номинаций и текстовых фрагментов, которые отражают все, что герой воспринимает и совершает. При этом основное содержание данного уровня образуют предикативные номинации.

Основу событийного уровня составляют предикативные конструкции с глаголами совершенного вида в составе простого предложения, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений. Данные номинации сопряжены с событийным фоном произведения, т.е. описывают особенности действий и поведения персонажа: *И в середине зимы зашила Матрена в подкладку этого пальто двести рублей себе на похороны* [9, с. 125]; *Наворочено было много несправедливостей с Матреной: она была больна, но не считалась инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца* [9, с. 119]; *И справила пальто из ношенной железнодорожной шинели, которую подарил ей машинист из Черустей, муж ее бывшей воспитанницы Кирьы* [9, с. 125].

Непредикативные номинации на событийном уровне выражаются именами собственными, а также личными местоимениями в функциях подлежащего и употребляются в конструкциях с отмеченными выше глаголами. Вот несколько типичных примеров: *И хотя Матрена Васильевна вынудила меня [рассказчика] походить еще по деревне, и хотя в мой второй приход долго отнекивалась, но уж встретила меня на ногах, и даже будто удовольствие пробудилось в ее глазах оттого, что я вернулся* [9, с. 116]; *Она не проявила радости заполучить квартиранта, жаловалась на черный недуг* [9, с. 115].

Прагматический уровень предполагает, что герой является действующим лицом, которое не участвует в речевом общении, но поведение и поступки которого являются объектом для прямых (авторских) или косвенных (от лица других героев) оценок. В этой связи персонажу дается качественная или количественная характеристика. В первом случае оценка осуществляется по шкале «хорошо – безразлично (нулевая оценка) – плохо», во втором – по признаку «больше нормы / меньше нормы». Мнение, выраженное персонажем, субъективно, оно может варьироваться от ‘+’ до ‘-’ в зависимости от интенции этого персонажа. И тогда, как справедливо замечает В.Н. Телия, «практически все оценки относительны, так как они зависят от эмпатии, а потому большинство оценочных значений амбивалентны: они меняют свой ‘+’ на ‘-’ в зависимости от ценностной ориентации» персонажа [11, с. 110]. Специфика оценочной номинации заключается в том, что употребляя ее, герой художественного произведения «выражает не только определенное интеллектуальное содержание, но и оценочное отношение к языковой единице и через нее к обозначаемой ситуации» [10, с. 44–45].

Ономасиологической базой прагматического уровня являются:

- предикативные номинации со значением мысли и чувства, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида: *Боялась она пожара, боялась молоньи’, а больше всего почему-то – поезда* [9, с. 124]; *Видно, весь вечер Матрена только об том [о своей молодости] и думала* [9, с. 129]; *Оттого особенно ей было тяжело, что пришли три сестры ее, все дружно обругали ее <...> за то, что горницу отдала, сказали, что видеть ее больше не хотят, – и ушли* [9, с. 134];

- предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида в составе придаточной части сложноподчиненного предложения, во фрагментах авторской речи, а также в безличном употреблении: *Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово* [9, с. 126]; *Притесняют меня, Игнатич, – жаловалась она мне...* [9, с. 120]; *В стенке они покинули щели, и все показывало, что ломатели – не строители и не предполагают, чтобы Матрене еще долго пришлось здесь жить* [9, с. 133];

- предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме несовершенного вида в составе простого, сложносочиненного, сложного бессоюзного предложений, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений: *А в колхозе она работала не за деньги – за палочки* [9, с. 116]; *Мой [рассказчика] торф она сложила открыто, свой прятала под мостами, и каждый вечер забивала лаз доской* [9, с. 121]; *Раз только запечатлел я [рассказчик], как она улыбалась чему-то, глядя в окошко на улицу* [9, с. 119]; *Матрена не возвращалась, но я не удив-*

лялся: *проводив сани, должно быть, ушла к своей Маше* [9, с. 136]; *С утра узнала она, что я [рассказчик] хочу сфотографировать кого-нибудь за старинным ткацким станом (такие еще стояли в двух избах, на них ткали грубые половики), – и усмехнулась застенчиво* [9, с. 134];

• предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида будущего времени: *До этого дня мало было в нашей избе слышно о сестрах – то ли опасались они, что Матрена будет просить у них помощи?* [9, с. 126]; *Завтра, значит, опять иди* [узнавать, дадут ли пенсию]. *Теперь секретарь есть, да печати у него нет. Третий день опять иди. А четвертый день иди потому, что сослепу они не на той бумажке расписались* [9, с. 120].

Непредикативные номинативные единицы на прагматическом уровне выражены именами собственными и нарицательными, личными местоимениями в функции дополнения, а также в функции подлежащего (в конструкциях с отмеченными выше глаголами): *В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне [рассказчику] желтым, больным* [9, с. 115]; *Так и поселился я [рассказчик] у Матрены Васильевны* [9, с. 116]; *Наворочено было много несправедливостей с Матреной: она была больна, но не считалась инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии за себя, а добиваться можно было только за мужа, то есть за утерю кормильца* [9, с. 119].

К коммуникативному уровню относятся номинации, которые связаны со сферой диалога, информационного обмена между персонажами.

Ономасиологической базой данного уровня являются предикативные номинации, представленные глаголами речи во фрагментах прямой и косвенной речи, а также в диалоговых репликах. Данные номинации характеризуют героя в процессе коммуникации: *Э-эх, Игнатич, – разъяснила Матрена, стоя в нечистом фартуке в кухонном дверном вырезе и оборотясь к моему столу. – Мне молока и от козы хватит. А корову заведи, так она меня самую' с ногами съест* [9, с. 122]; *Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти: «Ах, Игнатич, и крупная ж картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось...»* [9, с. 123]; *Ну что ж, – тянула она. – Я больна, конечно. И к делу вашему теперь не присоединёна. – И тут же спешно исправлялась: – Какому часу приходится-то?* [жена председателя попросила Матрену выйти на работу] [9, с. 122].

Непредикативные номинации на коммуникативном уровне либо именуют коммуникантов, либо присваивают участникам диалога определенные ролевые функции, либо выражают их оценочные характеристики: *Где хозяйка?* [расспрашивали рассказчика люди в шинелях о Матрене] [9, с. 136]; *Доброе утро, Матрена Васильевна!* [поздоровался рассказчик с Матреной] [9, с. 118]; *Ах, тётанька-тётанька! И как же ты себя не берегла!* [плакали родные над гробом Матрены] [9, с. 141].

Как видим, распределение номинативных единиц на основе базовых синтагматических и парадигматических признаков позволит выявить и описать основные тенденции в использовании номинаций, предназначенных для создания ономасиологического портрета персонажа, а также проследить за динамикой образа героя художественного произведения.

Список литературы:

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. рус. культуры, 1995. – Т. 1. : Лексическая семантика: синонимические средства языка. – 1995. – 472 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Номинация и текст / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация. Виды наименований ; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 304–357.
3. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз ; редкол.: Д. Н. Шмелев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1982. – С. 45–108.
4. Колшанский, Г. В. Текст как единица коммуникации / Г. В. Колшанский // Проблемы общего и германского языкознания : сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; редкол.: Э. М. Медникова [и др.]. – М., 1978. – С. 16–52.
5. Липгарт, А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX веков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. А. Липгарт. – М., 1996. – 656 л.
6. Никитевич, В. М. Субстантив в составе номинативных рядов (к проблеме деривационной грамматики) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. М. Никитевич ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1973. – 56 с.
7. Полубиченко, Л. В. Филологическая топология: теория и практика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Полубиченко. – М., 1991. – 465 л.
8. Почепцов, О. Г. Основы прагматического описания предложения / О. Г. Почепцов. – Киев : Вища шк., 1986. – 116 с.
9. Солженицын, А. Матренин двор / А. Солженицын // Рассказы. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – С. 112–146.
10. Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1991. – С. 36–66.
11. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 285 с.
12. Хэйраартс, Д. Принципы прагматической ономазиологии / Д. Хэйраартс // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1995. – № 5. – С. 127–135.

Статкевич Е. В.
(Пинск, Беларусь)

УДК 37.015.31:7.01-057.874

ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И СПОСОБЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: ценность; ценностное отношение; эстетическая ценность; красота; гармония; эстетический идеал; старшекласник; критерий оценки жизнедеятельности.

Аннотация: в статье отмечается, что в формировании творческой личности значительную роль играют ценности, в числе которых особое место занимают эстетические ценности. В данном ключе обосновывается целесообразность изучения современными школьниками творчества А. И. Солженицына.

В современном мире глобализация охватывает все стороны жизнедеятельности человека, вносит изменения не только в социальную организацию, но и в осознание мира, тем самым оказывая как позитивное, так и негативное влияние на формирование личности.

С одной стороны, расширяются возможности межличностного общения за счет информационных технологий, а с другой – происходит разрушение социальных связей ближайшего окружения. Возникает опасность потери адекватного восприятия реальности, нивелирования человека, так как сетевой ресурс, манипулируя массовым сознанием, задает правила поведения, а также определяет стереотипы, формируя планетарное мышление, приводящее к трансформации мировоззрения и идентичности субъектов.

Ситуация коллапса, порождая противоречия и конфликты, вызывает аксиологический кризис и изменение ценностей в обществе.

Именно ценностные ориентации определяют социальное взаимодействие людей, задают критерии, используемые для оценки общества, регулируют поведение и определяют стратегию жизни человека (Б. Г. Ананьев [1], В. Н. Мясищев [2], В. А. Ядов [3]).

Руководствуясь собственными ценностными ориентирами, каждый человек определяет индивидуальную систему ценностей, которая служит звеном между духовной культурой общества и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием.

Ценность выступает мировоззренческой ориентацией личности, сформировавшимся представлением об идеалах и эталонах поведения в повседневной жизни и деятельности. Это отношение, в которых человек выражает свои предпочтения к объектам, идеям, окружающим его людям, самому себе, где присутствуют оценка субъекта, проявление избирательности, предпочтения по отношению к другим объектам. Осваивая ценности, человек приобретает качества, характеризующие его как личность, как активного субъекта жизнедеятельности, способного совершать выбор программ поведения на ценностной основе.

Сегодня востребована разносторонне развитая, нравственно зрелая и творческая личность, обладающая высокой культурой и устойчивым мировоззрением. Это не случайно, так как в переходные эпохи от человека требуются повышенная творческая активность, напряжение всех духовных сил, ценностное отношение к нравственным устоям общества, его эстетическим ценностям. Данное обстоятельство актуализирует проблему формирования ценности бытия, ценностного отношения личности к культурным императивам, к пониманию и освоению ее эстетических ценностей.

С полным правом можно утверждать, что в формировании творческой личности большое место отводится ценностям, в числе которых особое место занимают эстетические ценности, которые выступают одним из смыслообразующих оснований бытия человека.

Эстетические ценности – это особый класс ценностей. Своеобразие их определяется характером эстетического отношения человека к действительности – непосредственным, чувственно-духовным, бескорыстным восприятием, ориентированным на познание и оценку содержательной формы, структуры, меры организованности и упорядоченности реальных объектов [4]. Эстетические ценности духовно возвышают человека. При сформированных эстетических ценностях человек снабжен критерием выбора с позиции эстетических категорий.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в старшем школьном возрасте, в период мировоззренческого и жизненного самоопределения, когда старшеклассники вовлечены в процесс самопознания и построения прочного

фундамента для определения и реализации всей жизненной стратегии и нуждаются в сформированных критериях жизненно важных выборов. Поэтому важно заложить у учащихся в этом возрасте представления об эстетических ценностях: *красоте, гармонии и эстетическом идеале как лично значимых критериях оценки жизнедеятельности*, способствующих самоопределению и самореализации старшеклассников.

Ориентация на прекрасное, стремление к красоте и совершенству, поиск гармонии составляют ценностную установку человека. Значимость данной установки отчетливо определяется в философско-антропологических и аксиологических учениях как критериальная основа поиска человеком смысла и целей своей жизни, способов их достижения.

Жизнь и творчество А. И. Солженицына служат прекрасным материалом, помогающим формировать эстетические ценности у подрастающего поколения. Это «доныне актуальный материал для эстетического и нравственного диалога» [5], поскольку в современной ситуации обесценивания духовных ориентиров опыт, раскрываемый в произведениях А. И. Солженицына, приобретает особый смысл, так как представляет собой образец глубоких раздумий о высоком призвании человека. «Вдумчивое изучение его творческого наследия может способствовать формированию у подрастающего поколения положительного духовного идеала, научить видеть красоту, ориентироваться на традиционные для отечественного мировоззрения ценности семьи, труда, взаимной поддержки» [6].

И мы в своей статье попытаемся раскрыть, какие ценности жизни и способы их достижения прослеживаются в судьбах героев произведений выдающегося русского писателя А. И. Солженицына.

Александр Исаевич Солженицын – это человек с необычной биографией, яркая личность, вступившая в единоборство с политической системой целого государства и заслужившая уважение и признание всего мира.

Неподдельный интерес к фигуре и творчеству Солженицына определяет его место и роль в современном мировом литературном процессе.

Изучение жизни и творчества писателя означает приобщение к истории, приближение к осознанию тех причин, которые привели общество к политическому, экономическому и духовному кризису. Наблюдается его устремленность к торжеству истины, красоты и добра в условиях все усложняющейся реальности.

Широко известны его произведения «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ», «Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и многие другие.

Уже в первом своем опубликованном произведении «Один день Ивана Денисовича» писатель заявил о себе, как о летописце народного страдания и нетленного народного духа. При этом особое внимание он обращал на нравственные проблемы. «...И вышла колонна в степь, прямо против ветра... Как тут отыскать человеческое лицо среди одинаковых бушлатов с нашитыми номерами? Кажется, что навсегда исчез в этой колонне человек».

Однако именно в толпе заключенных, лишенных самого элементарного, Солженицын находит носителя тех духовных ценностей, того духовного богатства, которые делают человека Человеком.

Это Иван Денисович Шухов – простой русский мужик, сумевший сохранить в себе те духовные ценности, которые веками оберегались и почитались в народе.

На примере Шухова писатель раскрывает черты русского характера: огромную силу духа и стремление к жизни, умение оставаться самим собой, способность выстоять и продолжать жить любой ценой. И в этом герою помогает труд. Для Ивана Денисовича, выросшего в атмосфере повседневного труда, даже подневольный лагерный труд, – это не просто средство выживания, а источник его духовного удовлетворения и радости.

Велика роль природы в системе ценностных координат героев А. И. Солженицына, которая во многом формирует характер человека. Важным моментом является созерцание Шуховым красоты Вселенной в краткие мгновения между делами, думами о работе, о семье.

«...Художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям», – говорил А. И. Солженицын в Нобелевской лекции.

Своеобразен его подход к художественному отражению бытия. Он не дает каких-либо рекомендаций, но дает ясное понимание цели человеческого бытия. В пьесе «Свеча на ветру» отчетливо прослеживается следующая мысль: смысл человеческой жизни определяется ее направлением или, по выражению автора, *вектором*, что и выражает в конечном итоге свободу или несвободу личности. По-настоящему свободны те солженицынские герои, для которых приоритетны духовные, а не материальные ценности. По убеждению автора, самое страшное, что может случиться с человеком, – это его духовная гибель.

В лирических миниатюрах А. И. Солженицын посредством ценностного осмысления роли и значения красоты, гармонии в жизнедеятельности человека рассуждает о прогрессе и его цене для человека («Утенки», «Способ двигаться»); о разрушении памятников и культуре предков, часто уже утерянной для современников («Прах поэта», «Путешествуя вдоль Оки», «Колокольня»); о вечном поиске истины («Отраженье в воде», «В сумерки»); о Родине и ее трагической судьбе («Костер и муравьи», «На родине Есенина»). Он размышляет о проблемах гармонии человека и природы.

Человек гармоничен как продукт эволюции и истории. Это обусловлено тем, что дисгармония исключала не только социальное, но и биологическое, индивидуальное выживание людей. Отсюда *гармония* – первое условие их жизнедеятельности и эстетическая ценность.

Гармония выступает определенной формой отношений в объективном и субъективном мире, означающих высокий уровень упорядоченности многообразных свойств, оптимального соотношения различных компонентов в составе целого, соответствие эстетическим критериям красоты и совершенства. Она отражает стремление к уравниваемости и целостности в восприятии мира. Характеризует способ, механизм и результат включенности в жизнедеятельность с учетом внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов.

Так, в зарисовке «Дыхание» автор обращает внимание читателя на неразрывную связь человека и природы, где природа – это часть жизни. Человек свободен, пока он может еще дышать, а значит жить! И для лирического героя важно само дыхание, возможность вбирать напоенный ароматами жизни воздух полной грудью. «Пока можно еще дышать после дождя под яблоней – можно еще и пожить» [7].

В миниатюре «Гроза в горах» представлена картина ночной грозы и автор проводит мысль о человеке как частице большого, стихийного мира космоса. Он позволяет своим героям одновременно ощутить как величие и мощь природы, так и одновременно почувствовать свое родство с бытующими в ней таинственными силами.

Вся эта миниатюра сконцентрирована на одном природном мгновении – на вспышке молнии, которая делит жизнь на два мира: *мир темноты, хаоса* в восприятии мира: «Все было – тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта» – и *мир света, жизни, спокойствия, основы* – «И лишь на мгновение показывалось нам, что есть уже твердая земля...».

Мрак, ночь составляют большую часть времени. И лишь на мгновение наступает прояснение, мгновение, в котором «отделялась тьма от света, выступали исполины гор... и черные сосны многометровые около нас, ростом с горы».

И в этом мире страха, темноты появляется сила, способная противопоставить себя стихии природы, – сила жажды жизни, максималистское стремление к свободе – это горная река.

Бессильна стихия перед жизнью: молнии «дробились в змейки, в струйки».

Приходит осознание того, что страх – это «капля морская».

В этот момент, когда мы побеждаем свой страх, мы становимся «ничтожной и благодарной частицей этого мира, этого мира, в первый раз создавшегося сегодня – на наших глазах».

В миниатюре «Утенок» Солженицын *противопоставляет мир современной техники*, которую воспринимает как что-то уродливое и бездушное, деформирующее в человеке чувство прекрасного, *красоте, гармонии и неповторимости природы*, воплощенных в маленьком утенке.

Одним из регуляторов человеческих взаимоотношений является и *красота*, благодаря которой люди интуитивно тянутся к добру еще до того, как идея добра осмысленно воспринята их моральным сознанием. «Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком... Человек жаждет ее, находит и принимает без всяких условий, и с благоговением преклоняется перед нею» [8, с. 47]. Обладая развитым чувством прекрасного, а «прекрасное – это сама жизнь в ее наиболее совершенных проявлениях, и природа, и продукты труда, и человеческие отношения» [9, с. 341], – человек во всех сферах социального бытия действует творчески в соответствии с той мерой совершенства, которую сам достигает, проявляя себя как эстетический субъект.

Красоту жизни А. И. Солженицын раскрывает через образ жизни, мысли, действия своих героев и определяет, как отражение их внутреннего мира, в котором происходит осмысление важнейших вопросов бытия, законов совести и справедливости, добра и зла, поиск смысла человеческой жизни.

Так, в рассказе «Матренин двор» автор обращает внимание читателя на духовную красоту хозяйки, что скрывается за неказистой внешностью и восхищается ее умением любить жизнь. Замечательна в связи с этим фраза Солженицына: «У тех людей всегда лица хорошие, – что в ладах с совестью своей».

Без идеала красоты не может быть идеала настоящего человека и настоящего творчества. *Эстетический идеал* – это представление личности о совершен-

ной красоте как о высшем критерии эстетической оценки действительности. Он является «представлением о совершенстве» [10, с. 96], которое характеризуется выходом за пределы возможного и олицетворением высокой цели, определяющей программу реальной деятельности; служит субъективным выражением будущего в настоящем, раскрывает его в идеальном представлении. К идеалу стремятся, ему подражают, он побуждает к активному творческому самовыражению, направленному на различные стороны жизни.

Мировоззренческо-эстетический идеал Солженицына устремлен к гармонической упорядоченности всего сущего. Его главная цель – преодоление ценностного хаоса и восстановление гармонии человека с миром.

По Солженицыну, жизненная цель человека состоит, наряду с духовным самосовершенствованием, в активной деятельности по «обустройству» дома, страны, мира, т.е. в осуществлении миссии по упорядочению бытия. Однако на такое способен лишь тот, у кого выстроен гармонический порядок в душе, кто преодолел хаос в мировоззрении, в собственном внутреннем мире.

Благодаря своим произведениям А. И. Солженицын помог миру осознать не только ужасы советской эпохи, но и, акцентируя внимание на проблемах человеческого существования, ту систему духовных ценностей, которая позволила его героям выстоять.

Это жизнь и свобода, как необходимые условия человеческого существования, труд, семья и природа. Именно такая система ценностей дала возможность им жить не по лжи, сохранить свое человеческое достоинство, создать вокруг себя особый мир, который служит отражением их русской души.

Как духовное завещание живущим и последующим поколениям звучат слова писателя: «Без устойчивой системы духовно-нравственных ценностей не устоит ни село, ни город, ни Земля наша...».

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания : избр. психол. тр. / Б. Г. Ананьев ; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т ; под ред. А. А. Бодалева. – М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 383 с. – (Психологи Отечества : избр. психол. тр. : в 70 т.).
2. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. – М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1995. – 356 с.
3. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т психологии ; отв. ред. Е. В. Шорохова. – М., 1975. – С. 89–105.
4. Эстетика : словарь / А. Л. Абрамов [и др.] ; под ред. А. А. Беляева. – М. : Политиздат, 1989. – 445 с.
5. Лопухина-Родзянко, Т. А. Духовные основы творчества А. И. Солженицына [Текст] / Т. Н. Лопухина-Родзянко. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 180 с.
6. Солдаткина, Я. В. Русский национальный характер в прозе М. А. Шолохова и А. И. Солженицына // Русская словесность. – 2009. – № 6. – С. 29.
7. Солженицын, А. Рассказы / А. Солженицын. – М. : Астрель, 2012. – 587 с.
8. Достоевский, Ф. М. Записки о русской литературе : статьи, очерки, письма / Ф. М. Достоевский. – М. : Эксмо, 2006. – 446 с.
9. Подласый, И. П. Педагогика : 100 вопр. – 100 ответов / И. П. Подласый. – М. : Владос-пресс, 2003. – 364 с.
10. Салеев, В. А. Эстетика : крат. курс / В. А. Салеев. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 160 с.

Чечилия Матичук
(Яссы, Румыния)

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В РУМЫНИИ

До 1990 года книги Солженицына были запрещенными в Румынии. Однако румынские читатели, которые всегда относились к русской литературе восторженно, находили способы познакомиться с творчеством русского писателя. Интерес румынской интеллигенции к его произведениям появился сразу после опубликования во Франции рассказа «Один день Ивана Денисовича». Румыны знакомились с произведениями А. Солженицына через французские или английские переводы. Кто возвращался из зарубежных поездок, часто привозил запрещенные книги. В архивах румынских цензурных инстанций сохранились документы, которые это доказывают. Приведу только один пример: в 1975 г., на таможне конфисковали у румынского писателя Аугустина Бузуры 12 книг на французском языке, среди которых *Les droits de l'écrivain* и *L'archipel du Goulag* Александра Солженицына (4 экземпляра), *Lolita* Владимира Набокова, *Le docteur Jivago* и *Essai d'autobiographie* Бориса Пастернака, *Contre tout espoir* Н. Мандельштама.

Русская литература оказывает огромное воздействие на румынских писателей, которым хорошо известны русские классики XIX в., писатели серебряного века, прозаики XX в. и многие современные писатели. Некоторые из них были вдохновлены на творчество произведениями и личностью А. Солженицына. Приведу только два примера: Николае Штейнхард и Паул Гома.

Николае Штейнхард пробыл в тюрьме пять лет (с 1959 по 1964 г.). Здесь он стал верующим и принял православие. В своём «Дневнике счастья», написанном в 70-х годах, но опубликованном лишь в начале 90-х годов, отмечает, что выход из неволи возможен лишь путём веры. Писатель ссылается на три разных типа решения проблемы духовного освобождения (три способа выживания в тоталитарной системе), предложенные Александром Солженицыным, Александром Зиновьевым, Уинстоном Черчиллем и Владимиром Буковским. Тем самым румынский писатель Штейнхард доказал, что он хорошо знаком с книгами «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына.

Паул Гома – писатель румынской эмиграции, живущий в Париже. Пробыл два года в тюрьме (с 1957 по 1958), потом в ссылке шесть лет, до 1964 г., эмигрировал в 1977 г. Его называли «румынским Солженицыным» за мужественность, сопротивление румынскому правительству и, конечно, за «лагерную» тематику в творчестве. Но у него была другая писательская манера. Для румынского писателя Солженицын прежде всего пример гражданской и писательской смелости, честности и ответственности. Паул Гома принял участие в 1978 г. в работе круглого стола, который проводил журнал «Континент» в Париже (в работе приняли участие такие писатели, как Владимир Максимов, Наталья Горбаневская, Жорж Нива, Филипп Соллерс, Жак Бруайель, Бернар Футрийе). На вопрос «Что значит Солженицын для вас?» румынский писатель ответил: «Для меня он, во-первых, подтверждение правильности выбранного мною пути. Во-вторых, прорыв, сделанный им в сознании живущих на Западе, чрезвычайен, и я принадлежу к тем людям, к тем писателям, которые воспользовались этим прорывом. [...] друзья ли, недруги ли Солженицына – мы все его должники».

О Солженицыне написала Моника Ловинеску, румынский литературный критик, которая до самой смерти (до 2008 года) проживала в Париже. В 60-70 годах она работала радиожурналистом в сфере культуры на радиостанции «Свободная Европа». Моника Ловинеску прекрасно знакома с творчеством Солженицына, читала книги русского писателя в переводе на французский язык и написала ряд статей: в 1963 г. – о рассказе «Один день Ивана Денисовича», в 1968 г. – о романе «В круге первом», в 1973 г. – о произведении «Архипелаг Гулаг» и т.д. В её творческом багаже можно найти исследования по поэзии А. Ахматовой, И. Бродского и Н. Мандельштама.

Произведения Солженицына издавались в Румынии, начиная с 1991 года, после того как рухнул коммунистический режим. Большой интерес вызывали в 90-е годы работы «Как нам обустроить Россию» (1991) и «“Русский вопрос” к концу XX века» (1995), переведенные на румынский сразу после их публикации в России. За последние почти тридцать лет в Румынии вышли переводы рассказов «Один день Ивана Денисовича» (1991; 2000; 2008; 2013), романов «Раковый корпус» (1997; 2009), «В круге первом» (2009), «Архипелаг ГУЛАГ» (1997–1998; 2008), мемуаров Солженицына – «Бодался телёнок с дубом» (2002) и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (2006). Но до сих пор не переведены на румынский стихи, драматургия и роман «Красное колесо».

Недавно были опубликованы два сборника рассказов – «двучастные рассказы» (под заглавием «Абрикосовое варенье», 2015), литературные миниатюры («Рассказы и крохотки», 2017). По заказу издательства «Универс» я взялась за переводы крохоток А. Солженицына на румынский язык. В процессе работы столкнулась со множеством трудностей; во-первых, лексического характера. Как известно, Солженицын изучал «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля и составил множество новых слов – неологизмов. Таким образом, писатель стремился «оживить» скуднеющий, с его точки зрения, русский язык. Именно перевод новых слов вызывал наибольшие затруднения. Во-вторых, были ещё проблемы стилистического плана. При переводе крохоток важно было передать лиризм, глубину произведения, сохранить дух оригинала. Важно, чтобы перевод оказывал на румынских читателей такое воздействие, как оригинал на русскоязычных почитателей творчества Солженицына.

Авторы наиболее значительных русских и зарубежных монографий по творчеству А. Солженицына (исследователи Л. Сараскина, А. Урманов, Ж. Нива, М. Шнеерсон и др.), постигая полноту художественного мира писателя, предлагали системный подход к изучению его творчества. Начиная с 1991 года стали появляться в литературных журналах Румынии статьи и рецензии по изучению наследия русского писателя. Среди авторов хочется выделить имена таких филологов-славистов, как Альберт Ковач, Георге Барбэ, Эмиль Йордаке, Сорина Бэлэнеску, Ливия Которча. Для них А. Солженицын – это «пророк», мыслитель, историк и художник. Так, в статье о романе «Раковый корпус» («Шедевр Солженицына», 1997) румынский славист А. Ковач утверждает, что писатель успел создать «почти совершенную, оригинальную, выразительную художественную структуру». В статье 1996 г. Л. Которча обращает внимание на духовный пласт рассказа «Один день Ивана Денисовича» (об этом написал в 70-е годы и французский богослов Оливье Клеман). На сегодняшний день есть единственная монография на румынском языке «Проза А. И. Солженицына. Художественный документ Гулага» (была опубликована в 2014 г.), которая принадлежит перу автора данной статьи.

По проблеме рецепции творчества А. Солженицына в Румынии можно сделать следующий вывод: в 60-е и 70-е годы читатели смотрели на русского писателя как на борца, героя и тайне читали его книги. Позже, в 90-е годы, они могли изучать творчество писателя, не встречая никакого препятствия. В начале XXI века вышли мемуары и работа «Двести лет вместе», в результате знакомства с которыми румынские читатели узнали больше о мировоззрении, творческой судьбе писателя, об отношении к нему современников, коллег по перу.

Книги А. Солженицына пользуются успехом, хотя «горизонт ожидания» румынского читателя постоянно расширяется. Так, после знакомства с «Крохотками» Румыния открыла для себя лирическое начало в творчестве Александра Исаевича. С отношением молодых людей к личности Солженицына можно познакомиться, просмотрев специальный номер (апрель 2018 г.) культурного журнала «Дилемма». Одни восхищаются его мужеством, других привлекает поиск писателем истины, третьи увлечены работой писателя над словом, для кого-то А. Солженицын стал примером на пути духовного совершенствования. Всё это свидетельствует о силе обаяния личности русского писателя и силе воздействия творчества А. Солженицына на молодёжь.

Березовская Татьяна Юрьевна
(Москва, Россия)

«РУССКИЙ СЛОВАРЬ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА И РУССКИЙ ЯЗЫК XXI ВЕКА (ОСМЫСЛЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБОБЩЕНИЕ)

***Ключевые слова:** жизнь языка; его обогащение и обеднение; значение словарей.*

***Аннотация:** в статье поэтапно представлена характеристика «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына. Также анализируются особенности его авторского языка, в том числе, стиля произведений. Сопоставляются выборочные примеры языка М. Цветаевой, В. Маяковского, А. Платонова, Л. Щербы. Дополнительно сделана выборка из «Цитатника» А. Солженицына, основанного на языковом материале повести «Раковый корпус». Исследование проводилось в сопоставлении с современным состоянием русского языка.*

*/Сост. А.И. Солженицын (1918-2008).
3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
Первое издание - М. Наука, 1990. 292 с./*

Автор-составитель Александр Исаевич Солженицын в 1963-1966 годах предпринял попытку воскресить прежнюю, утерянную красоту русского языка. В поисках этой красоты он обратился к лексике писателей XIX-XX столетий и к изданному в 1863-1866 годах, первому в России, четырёхтомному «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Солженицын писал в предисловии к своему словарю: «Лучший способ обогащения языка — это восстановление ...накопленных, а потом утерянных богатств». По выражению автора, правдивое слово не должно быть обезличенным, т.е. «без вкуса, без цвета, без запаха» /так он сказал в своей «Нобелевской речи» (1970)/. Таким образом, главная задача Словаря — дать людям возможность узнать об этих ушедших словах, рассказать об их значении и применении. «Современная ...речь заметно оскудевает, становится бедной и невыразительной, и мы неоправданно отказываемся от ещё жизнеспособных полнокровных слов, которым грозит преждевременное отмирание», - считает автор. [7]

Целью издания вышеназванного словаря он считал возможность послужить отечественной культуре, «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему».

Вообще (в общепринятом понимании этого слова) словарь — это книга или любой другой источник информации. В нём эта информация упорядочена с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике. В огромное сообщество словарей входят и языковые (или *лингвистические*) - в том числе те, которые содержат заданный тематический перечень слов, расположенных в определенном порядке (обычно по алфавиту) с толкованием на том же или другом языке.

«Русский словарь языкового расширения» Солженицына составлен так же по частям в привычном для нас алфавитном порядке. Однако, в нём есть и много совсем не обычного. Первые два слова названия этого словаря являются совершенно обыденными, но следующие два слова сразу кажутся удивительными. Что же означает термин языковое расширение? Он (по Солженицыну) означает последовательное введение в языковое поле языка прошлых языковых единиц, потерявших или утративших своё значение и исчезнувших, ставших таким образом недоступными нашему пониманию.

Само название и даже названия частей словаря продуманы автором и принципиально сделаны не точно по привычному шаблону. Вот достаточно необычные главы:

Объяснение (с. 1-6), а не предисловие.

Грамматические и локальные указания (с. 7). *Грамматические* – слово понятно (*например, сущ., употр.*), а *локальные* (т.е. не выходящие за определенные пределы) – изначально вызывают удивление и недоумение, да ещё появляются в сочетании с *указаниями*, а не с привычными нам *примечаниями*.

Другие сокращения. (*вм. ... м.ск. = вместо ... можно сказать*).

Авторы (с. 8) – А. Т. = Алексей К. Толстой; Блв = Белов.

Картина представляет собой непривычное и странное для взгляда и слуха начертанные звуковые сочетания. Но логика автора становится понятной, если учесть, что основная смысловая нагрузка в системе слов русского языка ложит-

ся именно на согласные, а гласные играют соединительную, вспомогательную роль. Именно таким образом делает свои сокращения автор словаря.

Добавление (с. 267) – слово, вообще не встречающееся сейчас в заголовках и подзаголовках. В этой главе представлены выдержки из работ А. Малышкина, произведений В. Распутина и др., а также из некоторых исторических выражений.

О лошадях (с. 268-271) - эта глава просто поражает своим выделением из предлагаемого языкового среза данного словаря. Она относится исключительно к терминологической сфере профессионализмов (конкретно - к области использования и обслуживания лошадей).

Некоторые бранные слова (с. 272) – эта глава предлагает отойти не только от современных, но и от уже ушедших общепринятых норм, эти слова относятся более к устному, чем к письменному языку. (Балабан = болван, балабой = болтун, выжига-пройдоха.)

Показательно, что и сам А. Солженицын смог использовать в собственных произведениях, по разным подсчётам, лишь около пятисот лексических единиц из своего Словаря. Тем не менее, нельзя сказать, что слова «образованщина, массовизация, предзонник, школить, звёздохват, авосьничать» не совсем понятны современному человеку. Область использования этих слов, формы существительных и глаголов, их изменение по числам и, в первом случае, - по падежам, а во втором - по лицам остались прежними и доступны каждому, ныне живущему и по-русски говорящему, без дополнительных объяснений.

Все герои А. Солженицына говорят на живом наречии русского, как бы подслушанном «в гуще народной», при этом он учитывает опыт разных времён отечественной культуры – песен и прибауток, сказов и сказок, поэзии и прозы. Писатель, по его мнению, и вообще должен стать «выразителем национального языка - главной скрепы нации и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае, и национальной души» (1970. «Нобелевская речь»).

«Вот ...так складывается стилистика Солженицына; архаичности в ней не так уж много, а много - широты словарного запаса, неожиданного словоупотребления, неприятия сложившегося стандартно-железобетонного литературного языка, а именно, языка соцреализма. Я имею в виду именно язык, синтаксис, наборы стандартных эпитетов, фразеологизмы, словотворчество, меру эмоциональности в предложениях и т.д.», - пишет писатель-литератор Анатолий Воробьёв. «Солженицын: а) странно строит предложения; б) использует много архаичных и полу-архаичных слов; в) существующие слова странным образом составляет вместе.» [1].

Вот пример из рассказа А. Воробьёва, произведённый на языке словаря А. И. Солженицына. (Разумеется, данный пример – некая утрировка.)

Растопыра (или Необходимая баба).

- "Эвось! – защепырил прожубрястый валявка, - "я то – чуфырь! А ёна ведь неутомчивая жемжурка. Коли ей баларыст зажирнить в шабры, так расщепырится захухрястой профефёлой!"

К сожалению, ни словарь А. И. Солженицына, ни словарь В. И. Даля не могут прояснить сейчас смысла всех этих лексем. В таких словарях определение

значений слов или вообще отсутствует, или строится из слов-синонимов того же самого, совершенно не понятного и давным-давно ушедшего языка («фефёла – растопыря, необходимая баба; балахрыст – шатун, шлэнда; верстан – долгай, жердяй»; ерыжливый – нет определения значения; «жубря – мешкотно жующий; маламзя» – нет определения значения). [4]

Но вот - противоположный пример. Многим известна также фраза: «Глокая кúздра штéко будланúла бóкра и курдячит бокрénка» — искусственная фраза на основе русской языковой системы. Пример был предложен академиком Л. В. Щербой в 1930-е годы и использовался им на вводных лекциях по курсу филологии «Основы языкознания». Особенно широко этот пример стал известен после публикации в 1954 году научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» [7]. В этой приведённой ранее фразе нелепы все слова, они даже абсурдны, тем не менее, она в чём-то всё-таки понятна.

«Понятен общий смысл: некоторая определённым образом характеризующая сущность женского рода что-то сделала определённым образом с другим существом, уже мужского пола, а затем начала (и продолжает до настоящего момента) делать что-то другое с его детёнышем (или более мелким представителем того же вида).» - из интервью литератора Ю.А. Кублановского [2].

Фраза создана для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. Кто, как и на кого действует, совершенно очевидно, ведь при том, что все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков, сами слова и всё предложение построены абсолютно правильно, т.е. в рамках и на материале русской языковой системы/

Надо сказать, что во всём этом и Щерба, и Солженицын были далеко не одиноки.

Марина Цветаева тоже употребляет не совсем привычные для нас слова: «думьте», «впадывають», «влюбливаются» и др. [8]

Владимир Маяковский делает это в словосочетаниях ещё чаще: «...разотзовись на стих; ...мечусь, оря; ...еле расстались, ...развиделись еле; ...приходится раздвоиться» и т.п. [3]

Андрей Платонов создаёт удивительно своеобразные фразы: «мысль не дошла до ясности; должен домучиться ещё двадцать лет ради общего порядка в человечестве» и т.д. [4]

Необходимо отметить, что ни один из приведённых примеров не вошёл в современный язык. Но если у Щербы задача была в том, чтобы показать именно эту формальность, у Цветаевой и Маяковского задача стояла другая – найти более чувственные неологизмы, всё же близкие к общепринятым словам. У Солженицына же задача была поставлена принципиально другая. Он решил расширить кругозор говорящего, читающего и пишущего, используя как можно больше словесных единиц, причём не создавая новые, а сохраняя старые.

Вот что на нашем русском языке написал полвека назад и навсегда оставил нам всем Александр Исаевич Солженицын. Сам автор определял эту свою вещь как повесть. Его «Раковый корпус» - это повествование о месте, где волей судьбы пришлось встретиться абсолютно разным, не похожим друг на друга людям - гонимым и гонителям, работягам и стяжателям, молчаливым и бод-

рым, одинаково вырванным из привычной обстановки. Их трудно представить в компании друг друга вне этих стен. Разные они не только с точки зрения социального положения, но и с позиции мировоззренческих умозаключений.

Несколько цитат (выборка).

1. Если ты не умеешь использовать минуту, ты зря проведешь и час, и день, и всю жизнь.

2. Когда-нибудь не страшно умереть — страшно умереть вот сейчас.

3. Одна большая страсть, занявши раз нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас.

4. Тот мудрец, кто доволен и немногим.

5. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.

6. Да поднимись ты выше своей кочки зрения.

7. Умного на свете много, мало – хорошего.

8. Никто из людей ничего не знает наперёд. И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его — в наидурном.

9. Образование ума не прибавляет. Интеллигент - это тот, чьи интересы к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им. Интеллигент - это тот, чья мысль не подражательна.

10. Как ни смеялись бы мы над чудесами, пока сильны, здоровы и благоденствуем, но если жизнь так заклинится, так сплющится, что только чудо может нас спасти, мы в это единственное, исключительное чудо — верим!

11. Не бойся пули, которая свистит. Раз ты ее слышишь – значит, она уже не в тебя. Той единственной пули, которая тебя убьет, ты не услышишь.

12. Легкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал. Правильно старики говорили: за что не доплатишь, того не доносишь.

13. Просто у людей перевернуты представления — что хорошо и что плохо. Жить в пятиэтажной клетке, чтоб над твоей головой стучали и ходили, и радио со всех сторон, — это считается хорошо. А жить трудолюбивым земледельцем в глинобитной хатке на краю степи — это считается крайняя неудача.

14. Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости.

15. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

16. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ - не власти (жажда ее свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка

17. Совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое – всегда в нашей власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать.

18. Сытость совсем не зависит от того, сколько мы едим, а от того, как мы едим! Так и счастье, оно вовсе не зависит от объема внешних благ, которые мы урвали у жизни. Оно зависит только от нашего отношения к ним!

19. Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званиями: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды и не томитесь по счастью. Все равно ведь и горького не до века и сладкого не до полна. Довольно с вас, если вы не замерзаете и если жажда и голод не рвут вам когтями внутренностей... Если у вас не перешиблен хребет, ходят обе ноги, сгибаются обе руки, видят оба глаза и слышат оба уха – кому вам еще завидовать? Зависть к другим, больше всего съедает нас же.

20. Самая тяжелая жизнь совсем не у тех, кто тонет в море, роется в земле или ищет воду в пустынях. Самая тяжелая жизнь у того, кто каждый день, выходя из дому, бьется головой о притолоку — слишком низкая.

21. Протрите глаза, омойте сердце и выше всего оцените тех, кто любит вас и кто к вам расположен. Не обижайте их, не браните. Ни с кем из них не расставайтесь в ссоре. Ведь вы же не знаете, может быть, это ваш последний поступок и таким вы останетесь в их памяти. [6]

Любой язык из всех существующих - самодостаточен для своего народа. Язык саморегулируется в пределах социума (разумеется, при условии его достаточных численности и независимости). Наше время - эпоха технического прогресса в обществе. Наш язык, так же как и раньше, саморегулируется в пределах своей страны. Кроме того, существенную роль в эволюции языка играет открытость каждого социума для остального мира. Большая часть его живет в постоянном обмене информацией, так что совершенно невозможно изолировать отдельный язык от других.

При этом именно язык сильнее всего подвержен изменениям, т.е. процессу языковой трансформации (древнерусский язык со старославянским и обязательным сленгом, оканьем-аканьем и матом, «ѣ» и «ё», Мефодием и Розентальем - от «гой еси» до «лол кек»).

***Гой еси* — приветственно-величальная формула в значении «будь жив!» или «будь здоров!». Дословно «гой» означает «жить», а «еси» — «есть». Буквально эту фразу можно перевести на современный русский так: «Ты есть сейчас и будь живым еще!». Это выражение характерно для русского устного народного творчества и встречается, прежде всего, в текстах былин.**

Лол - англоязычный акроним, интернет-мем, от англ.— громкий смех, громко смеясь/смеяться; смех вслух. Термин используется для общения в сети - главным образом, для выражения смеха в письменной форме. *Кек* – это выражение на сленге, который используется при общении в интернет-сообществах. Оно обозначает ехидный и злорадный смех.

Любая лексика, в том числе, разговорная, включает в себя все виды, даже сниженные по стилю. То же касается и языка художественной литературы. Он может содержать и жаргонную лексику (арго), и научную терминологию, и диалектно окрашенную, а также архаизмы и неологизмы. [5]

Сейчас вопрос состоит не в узости и некоей жёсткости рамок, определяющих, что является литературным языком, а что – нет. Мы констатируем стремительно нарастающую роль англицизмов, универсализацию и обеднение, в

первую очередь, разговорной речи. Засорение русского языка иностранщиной было всегда, об этом постоянно говорили многие писатели и прогресс в этой области очевиден.

И всё же, несмотря ни на что, в настоящий момент русский язык так же полон и богат, как был и раньше. Его изменения - это естественный процесс, который существовал всегда, во все времена. Какие-то единицы и формы языковой системы уходили, на смену им приходили новые (в том числе, заимствования, которые становились частью уже существующей системы). Эта система - всё также совершенна, многообразна и даёт человеку, такие же, как и прежде, широчайшие возможности её употребления.

Список литературы:

1. Vorobey Anatoly. О Солженицыне и русском языке. Абзац 12. LAVJOURNAL. 200325 авг. 08:27
2. Кублановский Ю. М. Стих и историософия “Красного колеса” А.Солженицына // Материалы конференции “А.Солженицын и его творчество”. Париж: Нью-Йорк 1988. С. 58-69.
3. Маяковский В. Прозаседавшиеся. Слово. Серебряный век.
4. Платонов А. Поэма мысли. Олимпия. Международный литературный клуб. Опубликовано: 13/10/2016.
5. Семёнова Г.П. Чтобы слова не утекали как вода. Русская речь. 1996. № 3. С. 19-28.
6. Солженицын А. И. Раковый корпус. АСТ. 2015. 544 с.
7. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
8. Успенский Л.В. Слово о словах. Электронный цитатник. Вторник, 14 июля 2009 г. 13:30.
9. Цветаева М. Крысолов. Электронная библиотека отечественной и зарубежной поэзии XIX-XX веков. 1925.

ГЛАВА 4. ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кулибина Н. В.
(Москва, Россия)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ УРОКИ ЧТЕНИЯ ПО «КРОХОТКАМ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: русский язык; интерактивные уроки чтения; художественный текст; Солженицын; обучение; цифровая среда.

Аннотация: в статье описываются интерактивные уроки чтения по произведениям А. С. Солженицына.

Писатель живёт, пока его произведения читают всё новые – подрастающие – поколения читателей.

В настоящее время в разных странах отмечается кризис гуманитарного образования: книга и соответственно чтение не числятся в приоритетах детей, подростков и молодёжи. На отсутствие рецептов, средств, которые могут помочь исправить ситуацию, пожаловаться нельзя, однако, как говорится: «воз и ныне там».

Возможно, стоит прислушаться к совету Н. А. Рубакина, создателя библиопсихологии: «Если читатель не идёт к хорошей книге, надо сделать, чтобы сама книга пошла к нему». Попытка претворить в жизнь эту рекомендацию – создание открытого электронного образовательного ресурса <http://ac.pushkininstitute.ru/course1.php>.

Интерактивный авторский курс «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» – электронная образовательная среда для читателей – помогает понимать художественные тексты не путём объяснения и комментирования, а благодаря погружению в текст, которое возможно только при самостоятельном чтении, что формирует необходимую читательскую компетенцию и превращает пользователей сайта в квалифицированных – «идеальных» (по Умберто Эко) – читателей.

В отличие от привычных учебных пособий на бумажных и даже электронных носителях курс «Уроки чтения» является открытым онлайн-ресурсом не только в том смысле, что к нему может свободно подключиться любой желающий (хотя это именно так), но и потому, что этот ресурс постоянно пополняется и совершенствуется за счёт оптимизации его структуры и навигации, отвечающей изменяющимся потребностям аудитории, расширению круга активных пользователей и др.

Постоянно создаются и размещаются новые онлайн-уроки, курс пополняется новыми разделами и сервисами, облегчающими для пользователя ориентацию в навигации проекта, используются новые программы создания электронного контента и др.

Содержательный контент курса на сегодня включает более трёх десятков уроков чтения по произведениям русских писателей и поэтов XVIII–XXI веков. Среди них три урока по «Крохоткам» А. И. Солженицына:

ac.pushkininstitute.ru/course1.php

Интерактивные авт: Наталья Кулибина eLIBRARY.RU - Кулиб Встречи с Россией Портал "Образовани

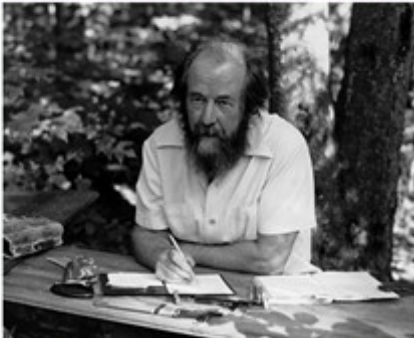
О курсе
Новости
Обучение чтению художественной литературы
К юбилеям
Произведения
Практика применения
Образование на русском
© Государственный институт
Разработка и сопровождение

Дорогие коллеги! С началом нового учебного года чтения! Впереди у нас много интересного: новые уроки

Начальник методиче
Руководи
центра.

44
ПЕД
Биллинг
Стя - «Б

Александр Исаевич Солженицын (1918-2008)

11 декабря 2018 года исполняется **100 лет** со дня рождения Александра Исаевича Солженицына!

Многим Солженицын представляется суровым мрачным старцем без чувства юмора, аскетом, лишённым мирских радостей. Но у Солженицына есть свои удивительные «стихотворения в прозе» - «Крохотки». Прочитайте и Вы измените своё мнение об этом писателе.

На нашем сайте уроки чтения по текстам из цикла «Крохотки» размещены в тематической серии «Читаем Солженицына».

[А.И. Солженицын. Из цикла «Крохотки»: «Утёнок»](#)
[А.И. Солженицын. Из цикла «Крохотки»: «Лиственница»](#)
[А.И. Солженицын. Из цикла «Крохотки»: «Отражение в воде»](#)

Урок по крохотке «Утёнок» может быть использован как в детской, так и взрослой аудитории. Именно детская аудитория «потребовала» использовать в сценарии урока не только звучащий и печатный текст/гипертекст, но и различные иллюстрации, созданные художником специально для этого электронного ресурса:

Уроки чтения с Н.В. Кулибиной

Читаем
рассказ А.И. Солженицына
«Утёнок»

Задания:

1 2 3 4

Верный выбор!

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?» А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик — перевёрнутую корзину без дна — отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

Читателям повзрослее адресованы уроки чтения по «крохоткам» «Лиственница» и «Отражение в воде», предлагающие задуматься над вроде бы очевидными, но вместе с тем удивительными вещами: поразмышлять над «характером» «диковинного дерева» лиственницы

Уроки чтения с Н.В. Кулибиной

Что за диковинное дерево!

«Образование pushkinin»

Читаем
рассказ А.И. Солженицына
«Лиственница»

Задания: 1 2

Вот видите, уже стало понятно, что лиственница – это дерево.
А знаете ли Вы, какое дерево лиственница?

Хвойное дерево (как ель и сосна). Лиственное дерево (как берёза и осина).

или подумать над тем, может ли человек отразить «чеканную истину».

Уроки чтения с Н.В. Кулибиной

«Образование pushkinin»

Читаем
рассказ А.И. Солженицына
«Отраженье в воде»

Урок состоит из трёх частей:

1. Предтекстовая подготовка | запустите видео
2. Притекстовая работа | слушаем, читаем и интерактивно размышляем
 - [Читаем первый фрагмент](#)
 - [Читаем второй фрагмент](#)
 - [Читаем третий фрагмент](#)
 - [Читаем весь текст целиком](#)
3. Послетекстовая работа

Объединяющей основой содержательного контента уроков чтения является авторская методика обучения чтению художественной литературы, представленная в первых трёх главах настоящей монографии, в соответствии с которой художественные тексты отбираются и предъявляются читателю, создаётся методический аппарат для последовательной (пред-, при- и послетекстовой) работы над текстом и др.

Отличительной особенностью варианта авторской методики обучения чтению для использования в цифровой среде является предъявление интерактивных заданий и вопросов в тестовом формате, а также сопровождение

уроков различными средствами мультимедиа, о чём уже было сказано ранее в этой главе.

В рамках курса каждый интерактивный онлайн-урок чтения представлен в двух версиях «Читателям» и «Учителям». Отличие между ними состоит в том, что в «учительской» версии пользователь имеет возможность познакомиться с методически организованной структурой урока (со всеми его составляющими) и по своему желанию войти в любой фрагмент урока, а во фрагменте – сцене (части сценария) – выбрать нужное задание или познакомиться со всеми заданиями в произвольной последовательности. Подобная организация этой версии интерактивного онлайн-урока чтения позволяет учителю представить урок в его целостности и подготовиться к своему занятию с меньшей затратой времени и сил.

В планах создание ещё двух уроков чтения по крохоткам А. И. Солженицына «Прах поэта» и «Колокол Углича».

Целевая аудитория интерактивного курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой»:

изучающие РКИ (А2-С1)

носители русского языка

дети-билингвы

дети с нарушениями речевого развития (дислексия).

Индивидуализация обучения чтению происходит за счёт выбора художественного текста, предназначенного читателю соответствующего возраста, а также имеющего тот или иной уровень владения русским языком (актуально для инофонов). Все уроки снабжены соответствующими пометами.

Вопросы создания и использования интерактивных онлайн-уроков чтения отражены в публикациях автора:

Методика обучения чтению художественной литературы очно и в цифровой среде. Монография. – М. : Флинта, 2018.

Роль филологии в междисциплинарном интерактивном проекте «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3 (10). – С. 164–175.

Интерактивный онлайн-урок чтения как поликодовый текст (на материале интерактивного авторского курса «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой»). – РЯЗР – 2018 – № 1 – С. 21–25.

Как оценить качество образовательного онлайн-ресурса? (на примере онлайн ресурса по чтению художественной литературы) // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах ; под общей редакцией А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – 2018. – С. 459–466.

Как учить читать онлайн: «Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой» // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы : сборник научных статей. – Москва : МГИМО – Университет, 2018. – С. 214–219.

Жигалова М. П.

(Брест, Беларусь)

ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *Солженицын; Беларусь; творчество; литературное образование; восприятие; интертекст, интерпретация и анализ.*

Аннотация: *в статье предложены методы и приёмы изучения жизни и творчества А. Солженицына; обозначены способы выявления читательского восприятия, интерпретации и анализа, используемые в ходе изучения рассказа «Один день Ивана Денисовича» в выпускном классе школ Беларуси; даны элементы интертекста; показаны пути осмысления читателем времени и пространства, отражающие трагическую сущность эпохи сталинизма.*

Современная система школьного литературного образования Беларуси, начиная с пятого и по одиннадцатый классы, ставит целью не только познакомить учащихся с этапами и направлениями развития русской литературы, с произведениями мировой классики, но и помочь учащимся постичь общечеловеческие ценности в ходе интерпретации и анализа программных произведений.

В этой связи знакомство с произведениями А. И. Солженицына занимает особое место. Изучая жизнь и творчество писателя, который осмелился открыть весь ужас тоталитарного режима и описать жизнь осуждённых, независимо от национальностей и возраста, званий и профессий, социальной принадлежности, учащиеся смогут представить реальные страницы самого страшного, сталинского периода развития истории СССР. А значит, и понять собирательный образ всех русских заключённых, которые по ложным либо же мнимым обвинениям разделили с А. Солженицыным горькую участь политических репрессий.

Поскольку тема, как в историко-философском, так и в нравственно-психологическом плане сложна для осмысления, то вполне понятно, почему такое знакомство происходит только на последней ступени обучения. Изучив страницы истории, читатель-выпускник в какой-то мере уже готов к восприятию очень сложного и неоднозначно оцененного мировым сообществом учёных периода, трагического и практически недоступного для глубокого осмысления и понимания современным читателем, живущего в комфортных условиях.

Школьная программа отводит в выпускном классе три урока на изучение темы «А. И. Солженицын» в контексте изучения обзорной темы «Литература середины 50–60 годов» XX века [9, с. 105]. В рамках программы и монографического подхода к освещению тематического материала, предполагается обзорное знакомство с жизнью и творчеством писателя и аналитическое изучение рассказа «Один день Ивана Денисовича».

Поэтому **на первом уроке** важно будет познакомить учащихся с жизнью и творчеством художника слова [3, с. 158–161], который впервые в советской литературе показал читателю эпоху сталинских репрессий и описал жизнь заключённых в сталинских лагерях.

Второй урок будет посвящён изучению рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». При этом акцент должен быть сделан на исследовании темы трагической судьбы человека в условиях несвободы; сталинизме как народной трагедии, а также на концепции личности.

На третьем уроке предлагается проанализировать образ Соцгородка, стратегию выживания человека в нечеловеческих обстоятельствах, а также показать, в чём заключается своеобразие композиции и языка рассказа.

Кроме того, для дополнительного чтения рекомендуется рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» [3, с. 161–165].

При знакомстве **на первом уроке** с биографией писателя учителю важно не только рассказать о вехах жизни, но и показать, как «лагерные университеты» капитана Солженицына привели его к главной теме. И здесь уместны будут пропедевтические домашние задания творческого характера, такие, как создание «*карты тюремных и лагерных маршрутов*», указывающей на его тюремные и лагерные скитания, имеющей несколько очевидных вех: 1945 год – лагерь на Калужской заставе, с лета 1946 до лета 1947 – спецтюрьма в г. Рыбинске (недолго в г. Загорске); затем до 1949 года – Марфинская «шарашка» (то есть, специнститут в северном пригороде Москвы), с 1949 года лагерные работы в Экибастузе (Казахстан).

Использование такой *карты* на уроке поможет учащимся понять специфику и вехи творчества Солженицына, его истоки.

Если учесть, что в Марфинской «шарашке» (она изображена в романе «В круге первом»), писатель мог много читать (Л. Толстого, А. Толстого, А. Фета, В. Даля и др.), беседовать, спорить с весьма оригинальными, разносторонне одарёнными и образованными людьми, такими, как инженер Д. М. Панин, критик-германист Л. З. Копелев, то лагерный маршрут Солженицына, конечно, был менее крутой, чем, например, у В. Шаламова, который пролегал через ледяные пустыни Колымы, или у Е. С. Гинзбург, который состоял из двухгодичного пребывания в одиночке.

И вместе с тем, в Экибастузе Солженицын пережил эпизод «смуты», восстания заключённых, во время которого мог погибнуть. Всё это он описал в сценарии «Знают истину танки» (1959 г.).

В феврале 1953 года Солженицын был освобождён из лагеря и стал «вечным ссыльнопоселенцем» в ауле Кок-Терек Джамбульской области, где сначала жил в съёмной глинобитной хатке, затем купил собственный домишко, а в 1955 году ему было разрешено въехать в Ташкент для стационарного лечения в онкологической лечебнице (повесть «Раковый корпус»).

После облучения и реабилитации он некоторое время работает в Мезиновской школе во Владимирской области и живёт у Матрёны Васильевны Захаровой (новелла «Матрёнин двор», 1959 г.), а затем переезжает в Рязань (повести «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка»), где прожил до 1969 года. Все эти произведения и сделали Солженицына всемирно известным.

Такая работа с *картой* дополняется ещё и *сообщением учителя о прототипах героев* рассказа «Один день Ивана Денисовича», над анализом которого учащимся предстоит работать на двух последующих уроках.

Учитель отметит, что почти все герои имеют своих прототипов. Так, главный персонаж, Иван Шухов, списан отчасти с самого автора, отчасти с его знакомого, солдата Ивана Шухова (никогда не сидевшего). СобираТЕЛЬНЫМ также является образ капитана Буйновского – его прототипами являлись капитан Борис Васильевич Бурковский и спортсмен Георгий Павлович Тэнно. Фельдшера Колю Вдовушкина в реальности звали Николай Боровиков, а Цезарь Маркович списан с режиссёра Льва Алексеевича Гроссмана [10].

Однако *сообщение учителя о жизни и творчестве писателя* будет неполным, если не включить в его структуру элементов *интертекста* [2, с. 92–94].

Заметим, что творчество и личность самого писателя привлекают внимание критиков и литературоведов, которые сравнивают его с Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым, с зарубежными писателями. Не менее интересны попытки соотнесения его творчества с европейской литературой в целом, с реалиями западной культуры. Учитель укажет на связи Солженицына с Данте, на диалог между текстами А. Солженицына и Данте.

Педагог отметит, что в заглавии романа А. Солженицына «В круге первом» [7] содержится явная интертекстуальная отсылка к Дантовому аду и укажет на мотивы введения интертекста Солженицыным. Для этого учителю необходимо вспомнить «Божественную комедию» Данте.

Школьники заметят, что трудно сказать, имел ли в виду именно ад Данте Солженицын, или он опирался на общехристианское представление об аде и рае. В любом случае, безотносительно к тому, что имелось в виду, поэма Данте помогает расшифровать смысл этого символа.

Учитель даст *интертекстуальный комментарий*. Он пояснит, что у Данте, как и в христианской традиции, лимб – «круг первый», он расположен у края ада. С лимба начинается движение по всему миру теней, начинается приобщение к этому миру. Там пребывают души невинные, но непросвещенные благодатью христианской веры. У Данте в лимбе находятся носители бессмертной мысли – Аристотель, Сократ, Платон, Гомер, Гораций и Вергилий. Учитель сделает акцент на нескольких важных вопросах, на которые попробуют ответить учащиеся с помощью педагога:

1. Что есть лимб для Солженицына и современного читателя?

(Старшеклассники заметят, что если для современного читателя лимб – это скорее символ роковой черты, у которой стоит человек в преддверии перехода в инобытие, то для Солженицына явственнее звучит мотив невинности, так как его герои попадают в «круг первый» без вины виноватыми и мучаются там, не ведая за собой греха).

2. Кого видят писатели в зеркале лимба?

(Данте видит отражение великих мира сего. Герои же Солженицына: Нержсин, Рубин, Хоробов – люди для истории мало заметные, но страдания их не уменьшаются от этого, так как муки души человека мало зависят от величия при жизни. И как бы ни страшна была их жизнь на «шарашке» в Марфино, что автор называет ее «кругом первым» ада, но ведь следующие круги еще страшнее. В финале произведения Солженицына, когда героев увозят из «шарашки» в лагерь, Нержсин говорит: «Это не ад. В ад мы едем. В ад мы возвращаемся, а «шарашка» – лучший, высший, первый круг ада. Это – почти рай»).

3. Есть ли в других произведениях аналогии с творчеством Данте?

(Учитель заметит, что в произведении «В круге первом» не единственные аналогии с творчеством Данте. По величественности и грандиозности замысла с «Божественной комедией» может быть сопоставлено и произведение Солженицына «Архипелаг Гулаг». «Божественную комедию» часто называют блистательным мрачным полотном. Этот эпитет может быть отнесен и к произведению Солженицына. Неслучайно, что произведения были созданы в трагическую переломную эпоху. Материалом для них служат отнюдь не самые светлые стороны человеческой жизни. И это вполне понятно. Обращение к теме страдания, ада, искупления грехов оправдано в такие напряженные периоды человеческого бытия).

Такая информация поможет учащимся выявить мотивы и характеры интертекстуальности в творчестве А. И. Солженицына и подготовит их к анализу повести «Один день Ивана Денисовича».

Заметим, что элементы интертекстуального анализа [1, с. 113–131] могут быть использованы учителем как при изучении биографии писателя в старших классах общеобразовательных школ (на что мы указали выше), так и при анализе произведений, потому что они являются одним из эффективных способов проникновения в детали художественного текста, характер героев, индивидуальный стиль писателя. Это и специфический этап обогащения рецепции старшеклассников и развития их культурно-информационного поля, а также постижения характера взаимодействия текстов. Это и приём, способствующий взаимообогащению и взаимопониманию культур писателя и реципиента через другой культурный код, своеобразный путь, способствующий осмыслению произведения как эстетического целого.

Если речь идёт об использовании интертекстуального анализа произведения, то он строится на нахождении в художественном произведении интертекстуальных элементов, объяснении мотивов их употребления, влиянии на идейно-художественное содержание произведения: заглавия, эпиграфа, отсылающих к другому произведению, аллюзий, реминисценций, различного рода пересказов, наличествующих в составе анализируемого художественного произведения.

Поэтому *интертекстуальный комментарий* и анализ – это ещё одна возможность помочь школьникам понять ценность конкретного произведения и определить его место в мировом литературном и культурном процессе, найти себя в мире многовековых и культурных традиций, понять роль художественного произведения в формировании эстетического и нравственного идеала старшеклассников.

Второй и третий уроки будут посвящены анализу рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Так как акцент должен будет сделан на анализе темы трагической судьбы человека в условиях сталинизма как народной трагедии, а также на концепции личности, то дидактический сценарий урока будет открываться *историей создания произведения*, рассказом подготовленного учащегося о том, как зародилась у писателя идея создания рассказа и что легло в его основу.

Вот что об этом пишет сам автор рассказа «Один день Ивана Денисовича»: «Я в 1950 году в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и думал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути дела, достаточно описать всего один день в подробностях, и день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтобы это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складывается жизнь» [8].

Учитель отметит, что в основу сюжета произведения положен рассказ советского лагерного заключённого, русского крестьянина и солдата Шухова Ивана Денисовича, который вспоминает свою жизнь перед арестом.

Первоначальное авторское название повести – «Щ-854. Один день одного ээка» – первое опубликованное произведение А. Солженицына, принёсшее ему мировую известность, издание которого, по мнению историков и литературоведов, повлияло на весь дальнейший ход истории развития литературы.

Рассказ был задуман в лагере в Экибастузе (Казахстан) зимой 1950–1951 годов, написан в 1959 году (начат 18 мая, закончен 30 июня) в Рязани, где в июне 1957 года Александр Исаевич окончательно поселился по возвращении из вечной ссылки. Работа заняла меньше полутора месяцев. Вот как об этом вспоминает сам автор: «Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только в 1959, через девять лет, сел и написал. ... Писал я его недолго совсем, всего дней сорок, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, и не то, что не надо там догадываться до чего-то, что-то пытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтобы лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое [10]. В 1961 году создан «облегчённый» вариант, без некоторых наиболее резких суждений о режиме.

Поэтому *беседа на выявление читательского восприятия* поможет определиться с дальнейшими аналитическими акцентами читателей-школьников. Выявить их отношение к содержанию прочитанного произведения помогут ответы на вопросы, составленные учителем заранее:

1. Как воспринимается повесть читателем?

(Она воспринимается по-разному: и как вымышленная история, которой не может быть, потому что у человека не хватит сил, чтобы вынести такие условия; и как будничная, и даже в некоей мере символичная, потому что она «отсеяна», отобрана не автором, а многими годами лагерного бытия. Отобран и жаргон, тоже ставший событием после публикации повести. Вот как описана помощь одного заключённого другому: она «доходила на общих, я её в портяжную устроил». Конечно, современному читателю такое выражение не совсем понятно, как и весь быт заключённых. В контексте произведения это можно понимать так: «доходила», значит, была в шаге от смерти; «на общих работах», то есть на лесоповале, карьере, где голодно и холодно; а в «портяжной мастерской», где шьют портянки, всё-таки труд полегче. Эти будни быта воспринимаются читателем как тра-

гедия, к которой уже привыкли заключённые, но именно она больше всего и поражает).

2. О чём рассказывает повесть «Один день Ивана Денисовича»?

(Солженицын рассказывает в повести о лагере, как о чём-то давно и прочно существующем, имеющем свой регламент, будничные свод правил выживания, свой фольклор, свою лагерную «мораль», устоявшуюся дисциплину).

Дальнейшая аналитическая беседа поможет учащимся понять не только трагическую историю России, но и её нечеловеческую боль, большую беду, которую она пережила в сталинские времена.

1. Где и когда происходит действие? (Цитирование учащимися страниц текста).

2. Что рассказывает автор о жизни заключённых? (Пересказ и цитирование учащимися страниц текста).

3. За что эти люди осуждены? (Пересказ и цитирование учащимися страниц текста).

4. Какими жизненными ценностями дорожат?

(Пересказ и цитирование учащимися страниц текста: «умеют подать сухие валенки бригадиру», «протащить в барак дрова», «обойти завстоловой», «незаметно «заначить», то есть, присвоить лишнюю порцию баланды», «одолжить за сигарету ножик» и т.д.).

5. Как освещает А. И. Солженицын тему лагерного быта?

(Рассказ учащихся о том, где и как живут, как обустроены бараки, как работает санчасть, столовая и т.д.); учащиеся отметят и отношение надзирателей к заключённым, процитируют отдельные страницы: «Читали ж вот приказ по баракам – перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть. Иной надзиратель бредёт, как слепой, ему всё равно, а для других это сладость. Сколько за ту шапку в конвой перетаскали, псы клятые. Нет уж, за углом перестоим») [6, с. 14].

Вместо беседы, если учитель посчитает нужным, может быть проведена и дискуссия «Есть ли жизнь у заключённых?» о прочитанном произведении и его актуальных проблемах, о его тематике и образной системе.

Но какой бы методический приём для аналитической работы ни выбрал учитель, важно подчеркнуть, что «Один день Ивана Денисовича» – повесть, рассказывающая о жизни и выживании простого человека в условиях лагерной зоны: «В лагере вот кто поддыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к «куму» ходит стучать»; «Никак не годилось с утра мочить валенки»; «Если каждый из бригады хоть по чутку палочек принесёт, в бараке теплей будет»; «Завстоловой никому не кланяется, а его все зэки боятся. Он в одной руке тысячи жизней держит».

В рассказе автор освещает не только тему лагерного быта, но и многие социальные проблемы, спровоцированные тоталитарным режимом. Что это за проблемы, учащиеся сделают вывод, опираясь на анализ содержания, описав поэтапно события одного дня. Поэтому уместно будет использовать на уроке приём *устного словесного рисования*, предложив учащимся попробовать описать жизнь лагеря, какой она видится читателю.

После этого можно поработать над составлением *кадроплана*, отражающего хронологию событий одного дня жизни в лагере, или *созданием киносценария*, который позволит за счёт подобранной музыки к каждому кадру ощутить ещё и тот психологический дискомфорт, который царил в лагере и душах заключённых. Попробуем представить отдельные кадры в сопровождении текстового материала. Заметим при этом, что каждому кадру будет соответствовать ещё и рисунок, сделанный учащимися на основе описания в тексте рассказа.

Название кадра	Содержание кадра
1 кадр Сон – утро (рисунок)	«Сквозь сон чудилось – то вроде совсем заболел, то отходил маленько. Всё не хотелось, чтобы утро» (с. 6); «В пять часов утра, как всегда пробило подъём» (с. 8); «..во всём тёмном бараке, где лампочка горела не каждая, где на полусотне клопных вагонок спало двести человек, сразу заворочались и стали поспешно одеваться» (с.12)
2 кадр Завтрак (рисунок)	«Прокликаясь через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах»; «Сидеть в столовой холодно, едят больше в шапках, но не спеша, вылавливая разварки тленной мелкой рыбёшки из-под листьев чёрной капусты и выплёвывая косточки на стол...» (с. 12); «...из рыбки мелкой попадались всё больше кости, мясо с костей сварилось, развалилось, только на голове и хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбьиного скелета, не оставив ни чешуйки, ни мясинки...» (с. 13); «На второе была каша из магары. Она застыла в один слиток. Шухов её отламывал кусочками. Магара не то, что холодная, она и горячая ни вкуса, ни сытости не оставляет: трава и трава, только жёлтая, под вид пшена» (с.13–14)
3 кадр Работа (рисунок)	«Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – качество дай, для начальника делаешь – дай показуху» (с.11); «Как ни тяжело было начинать рабочий день в такой мороз, но только начало это и важно было переступить, только его» (с. 36); «...опять их ямки долбать заставили. Ямки нужны невелики: пятьдесят на пятьдесят и глубины пятьдесят, да земля та и летом как камень, а сейчас морозом схваченная, пойдя её угрызи. Долбают её киркой – скользит кирка, и только искры сыплются, а земля – ни крошки... греться ребятам негде, отойти не велят – давай опять за кирку. От неё всё тепло... » (с. 37)
4 кадр Обед (рисунок)	«Ту т и гудок. Тут приходят бригады в черёд и выдаёт повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы – не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь...и здесь воруют, и в зоне воруют, и ещё раньше на складе воруют... все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. А ты – вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка... Главное, каша сегодня хороша, лучшая каша – овсянка. Не часто она бывает. Больше идёт магара по два раза в день или мучная затирка. В овсянке между зёрнами – навар этот сытен, он-то и дорог» (с. 47–48)

5 кадр Работа (рисунок)	«Побили ещё, постучали, четыре корытца сколотили. – Ладно, посыдымо, погриемось, – двоим каменщикам сказал Павло. – И вы, Сенька, пишла обида тожэ будэтэ ложыть. Сидайтэ!.. И – сели к печке законно. Всё равно до обеда уж кладки не начинать, а раствор разводить некстати, замёрзнет» (с. 43); «Своё дело знай, сморчок! Таскай кирпичи!.. Подносчики, как лошади запышенные...» (с. 67).
6 кадр Ужин (рисунок)	«Фетюков свою миску из первых взял и ушёл: расчёл, что в бригаде сейчас не разживёшься, а лучше по всей столовой походить-пошакалить, может, кто не доест (Если кто не доест и от себя миску отодвинет – за неё как коршуны хватаются, иногда сразу несколько)... Вообще-то по вечерам баланда всегда жижэ много, чем утром: утром зэка надо накормить, чтоб он работал, а вечером и так уснёт, не подохнет...» (с. 93).
7 кадр Сон (рисунок)	«Засыпал Шухов вполне удовлетворённый. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил, не заболел, перемогся. Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый» (с. 111)

Такой приём поможет подготовить учащихся к следующему этапу работы на уроке – *характеристика образов заключённых, их характеров и жизненных ценностей*, что позволит раскрыть тему трагической судьбы человека в условиях несвободы, показать сталинизм как народную трагедию, которую читатель определит уже с момента знакомства с сюжетом рассказа, имеющим кольцевую композицию.

Произведение начинается словами: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъём – молотком об рельс у штабного барака» и заканчивается словами: «Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...» [6, с. 5]. Это свидетельствует о серых буднях безрадостной жизни: каждый её день начинается, проходит и кончается одинаково бессмысленно и неинтересно.

Рассуждая о «счастье» жизни заключённых, учащиеся отмечают, что уже самое начало повести предлагает читателю подсказку: такое «счастье» – это трагедия («молоток», «рельс», «барак», «звонок»).

В произведении представлен достаточно широкий спектр персонажей, которых объединяло одно невыносимое настоящее лагерной жизни. И всё же автору удалось подметить индивидуальность каждого, показать причины излома их судеб, подчеркнуть многогранность человеческих отношений в нечеловеческих условиях, отметить особенность проявления их национальных и общечеловеческих качеств в экстремальных ситуациях. Описание судеб заключённых подтверждает это.

Перед читателем предстают и *два эстонца*, «один... – рыбак с побережья, другой, другого же, когда Советы установились, ребёнком малым родители в Швецию увезли. А он вырос и самодумкой назад, дурандай, на родину, институт кончат. Тут его и взяли» [6, с. 33].

Это и Фетюков, *бывший директор*, у которого «на воле детей трое, но как сел – от него все отказались, а жена замуж вышла...» [6, с. 33].

Это и *кавторанг Буйновский*, который «со всеми людьми разговаривает так, как командует» [6, с. 33]. Это он, ещё и трёх месяцев не проживший в лагере, кричит охране: «Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!.. Вы не советские люди!», на что Шухов иронически замечает: «Имеют. Знают. Это ты, брат, ещё не знаешь» [6, с. 24].

Это и *дозорщик, строительный десятник Дэр, москвич*, который в министерстве работал: «Бушлат у Дэра лагерный, но новенький, чистенький. Шапка отличная, кожаная. А номер и на ней, как у всех: Б-731» [6, с. 65].

Это и *маленький чернявый молдаван*, заснувший на лесах, который, по мнению заключённых, был настоящим румынским шпионом, и *мадьяр*, который «выскочил из той же 32-ой, да ногой его под зад! (Мадьяры вообще румын не любят)» [6, с. 76].

Это и *Алёшка с друзьями-баптистами*, которым «по двадцать пять лет вкатили за баптистскую веру – неуж думают тем от веры отвадить» [6, с. 30].

Это и *Иван Денисович Шухов*, который ушёл из дома 23 июня 1941 года и которого посадили за измену родине. «И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, делая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили – просто задание. В контрразведке били Шухова много. И расчёт был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживёшь ещё малость. Подписал» [6, с. 44]. Потому «сорок лет землю топчет, уж и зубов нет половины и на голове плешь, никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился. Лёгкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал...» [6, с. 29].

Это и *бригадир Андрей Прокофьевич Тюрин*, уволенный из рядов армии как *сын кулака, латыш Ян Кильдигс* (знает русский как родной), с которыми Шухов в лагере больше говорит, чем со своими домашними, потому что писать им о своих переживаниях нельзя, да и рассказывать особенно не о чем.

Это и *Цезарь Маркович*, в котором «всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган – не поймёшь...картины снимал для кино. Но и первой не доснял, как его посадили» [6, с. 21], «богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – и *придурком* работает в конторе, помощником нормировщика» [6, с. 31].

Это и *глуховатый Сенька Клевишин* – «тихий бедолага. Ухо у него лопнуло одно, ещё в сорок первом. Потом в плен попал, бежал три раза, изловили, сунули в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть обминул, теперь отбывает срок тихо...кряхти да гнишь. А упрёшься – переломишься...» [6, с. 34].

Это и *Гопчик*, «хлопец лет шестнадцати, розовенький» [6, с. 36], которого посадили «за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому. Он – телёнок ласковый, ко всем мужикам ластится. А уж и хитрость у него: посылки свои в одиночку ест...» [6, с. 40].

Следует заметить, что в основу сюжета положен рассказ Шухова Ивана Денисовича, лагерного заключённого, который вспоминает свою жизнь перед арестом (*пересказ учащегося*).

После пересказа фрагментов текста и обсуждения судеб заключённых учащиеся сделают вывод, что образ Ивана Денисовича – это собирательный образ

всех русских заключенных, которые по ложным, либо же мнимым обвинениям разделили с Солженицыным горькую участь политических репрессий. Шухов с первых дней героически воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Он попал в плен, с которого ему удалось бежать. Как и многих людей бежавших из плена, Ивана Денисовича обвинили в измене Родине и заключили в каторжные лагеря: «А было вот как: в феврале сорок второго года на Северо-Западном окружили их армию всю, и с самолётов им ничего жрать не бросили, а и самолётов тех не было. Дошли до того, что строгали копыта с лошадей околевших, размачивали ту роговицу в воде и ели. И стрелять было нечем. И так их помалу немцы по лесам ловили и брали. И вот в группе такой одной Шухов в плену побыл пару дней, там же, в лесах, – и убежали они впятером. И ещё по лесам, по болотам покрались – чудом к своим попали. Только двоих автоматчик свой на месте уложил, третий от ран умер, – двое их и дошло. Были б умней – сказали б, что по лесам бродили, и ничего б им. А они открылись: мол, из плена немецкого. Из плена?? Мать вашу так! Фашистские агенты! И за решётку. Было б их пять, может, сличили показания, поверили б, а двоим никак: сговорились, мол, гады насчёт побега...» [6, с. 45].

Повествуя о судьбах заключённых, Солженицын устами своих героев рассказывает реальные истории, освещающие проблемы последствий коллективизации в русской деревне (рассказ бригадира Тюрина, рассказы других заключённых); проблемы деградации искусства, вызванной вмешательством в него коммунистической идеологии. Цезарь Маркович, например, рассуждает о гениальности фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», о ловкости в обхождении цензуры, а жилистый старик-интеллигент называет ловкость лжи режиссёра посвоему («заказ собачий выполнял»). Это и Пётр Михалыч, который читает свежую газету «Вечёрка», присланную бандеролью, особенно привлекает его «интереснейшая рецензия на премьеру Завадского» [6, с. 87].

Обсуждают заключённые и проблемы веры человека. Вот что внушает Антошка Шухову, читая страницы Библии: «Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды... Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал...» [6, с. 108].

В ходе такого анализа, учащиеся отметят, что изображая судьбы героев, Солженицын отнюдь не идеализирует народный тип, но в то же время показывает доброту, отзывчивость, простоту, человечность представителей многих национальностей, которые противостоят узаконенному насилию уже тем, что герои рассказа проявляют себя не как безымянные «винтики» тоталитарной машины под номером Ш-854 (таков лагерный номер Ивана Денисовича Шухова), а как люди, с глубоко национальной и социальной психологией (крестьянской психологией, как у Шухова, например), научившиеся выживать в нечеловеческих условиях.

На следующем уроке учащиеся смогут проанализировать образ *Соцгородка*, проследить стратегию выживания человека в таких обстоятельствах: «А Соцгородок тот – поле голое, в увалах снежных и прежде чем, что там делать, надо ямы копать, столбы ставить и колючую проволоку от себя самих натягивать – чтоб не убежать. А потом строить. Там, верное дело, месяц погреться негде будет – ни конурки. И костра не разведёшь – чем топить? Вкалывай на совесть – одно спасение» [6, с. 6].

Школьники *перескажут наиболее яркие страницы строительства городка*, что позволит сделать вывод о том, что «машина лагеря заведена и что она работает в заданном режиме, к которому привыкли все: и лагерные работяги, и ловкачи, пристроившиеся «потеплее», и подлецы («придурки»), и сама охрана, и работники санчасти, столовой... Поэтому выжить здесь сможет только тот, кто сумеет «забыть» о том, что лагерь – это смерть, это катастрофа...» [4, с. 279], а сможет воспринимать его как данность, уйти от которой есть всего два пути – смириться, пристроиться к ситуации или умереть.

Как видим, несмотря на довольно сжатую форму произведения, автор смог показать на примере одной отдельно взятой личности судьбу всего русского народа, который стал жертвой Сталинского террора. Как отмечает литературовед Людмила Сараскина, первый биограф писателя, исследователь его жизни и творчества, «Солженицын нигде не пишет, что он точно знает цифру расстрелянных, убитых, уничтоженных в ГУЛАГе. Он ссылается на авторитетного профессора статистики и говорит, что речь идёт о той цифре, которая включает в себя и гражданскую войну, и «красный террор» первых лет советской власти, и голод, и коллективизацию со ссылкой крестьян, где погибло четверть высланных. Да ещё больше десяти миллионов ожидаемых нерождённых»[5].

Очевидно, что каждая эпоха вызывает к жизни свои темы и проблемы, рождает своих писателей и героев, которые наиболее полно и глубоко отражают страсти и трагическую сущность своего времени. Неудивительно, что М. Бахтин отметил: «Я представляю Солженицына величиной формата Достоевского» [5], а А. Шмеман подчеркнул, что «его вера – горами двигает... Рядом с ним невозможна никакая фальшь, никакая подделка, никакое «коккетство» [5]. И в этом смысле значимость для России и русской литературы личности и творчества А. Солженицына трудно переоценить. На этой ноте заканчивается урок, но не заканчивается знакомство с творчеством Солженицына, которое открыло учащимся не только новые страницы истории, но и заставило обратить взоры на психологию русского человека, умеющего выживать в нечеловеческих условиях.

Список литературы:

1. Жигалова, М. П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика : монография / М. П. Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест : БрГУ, 2011. – 269 с.
2. Жигалова, М. П. Типология анализа произведений русской литературы : монография / М. П. Жигалова. – Брест : БрГУ, 2004. – 300 с.
3. Жигалова, М.П. Русская литература XX века в старших классах : пособие для учителей общеобразовательной школы. Рекомендовано Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования. – Мн. : «Аверсэв», 2003. – 220 с.
4. Русская литература XX века. Учебник для 11 кл. общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / В. А. Чалмаев, О. Н. Михайлов, А. И. Павловский и др. ; сост. Е. П. Пронина; под ред. В. П. Журавлёва. – М. : Просвещение, 1997. – 399 с. – С. 279.
5. Сараскина, Л. К дискуссиям о месте Александра Солженицына в истории. Православие и мир. 2014. 3 октября. <http://www.pravmir.ru/lyudmila-saraskina-k-diskussiyam-o-meste-aleksandra-solzhenitsyina-v-istorii/>
6. Солженицын, А. Малое собрание сочинений. Т3. Рассказы. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – 288 с. Печатается по тексту собрания сочинений А. Солженицына. Вермонт; Париж, YMCA-PRESS, 1978, том 3.
7. Солженицын, А. И. Малое собрание сочинений. В круге первом. В 2 кн. / А. И. Солженицын. – М., 1991. – 384 с.

8. Александр Солженицын. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-Би-Си (1983), написано в 1982 // Звезда, 1995. – № 11. – С. 3–7. Дано в Вермонте в доме автора 8 июня 1982. Барри Холланд – тогдашний глава русской службы Би-Би-Си. Передавалось на СССР в ноябре 1982 в связи с 20-летием опубликования «Ивана Денисовича». Текст с оригинальной звукозаписи. Опубликовано: Вестн. рус. христиан. движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1983. – № 138. – С. 155–163 (К 20 летию выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича»). В России впервые – Звезда. – 1995. – № 11. – С. 3–7.

9. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским и белорусским языками обучения. Русская литература. V–XI классы. Утверждено Министерством образования Республики Беларусь. – Минск, Национальный институт образования, 2018.

10. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

УДК 821.161.1

Критарова Ж. Н.
(Москва, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. СОЛЖЕНИЦЫНА В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

***Ключевые слова:** литературное образование; российская школа; стандарты по литературе; Примерная программа; творчество А.И. Солженицына.*

***Аннотация:** в статье рассматривается история событий, связанных с изучением творчества А. И. Солженицына в российской школе. Проанализированы нормативно-законодательные акты, регламентирующие литературное образование в школах РФ, определено место творческого наследия Солженицына в учебном плане словесников. Обозначены отдельные произведения писателя, изучение которых вошло в школьное образование.*

100 лет – это мало или много? В истории мировой цивилизации – это мгновение. В истории современной России – это эпоха. Таким человеком-эпохой был и остается писатель А. И. Солженицын, чье имя известно каждому образованному человеку в мире.

Весьма неоднозначно складывались отношения писателя с родной страной. Выступая в течение нескольких десятилетий против коммунистических идей и политического строя СССР, Солженицын был выдворен из страны. А через некоторое время имел возможность не только торжественно вернуться, но и удостоиться внимания власти. «Учитывая большое значение творчества А. И. Солженицына для отечественной культуры и в связи с исполняющимся в 2018 году 100-летием со дня его рождения», летом 2014 года президент подписал указ о праздновании юбилея А. И. Солженицына. Как могло быть иначе? Писатель, публицист, поэт, общественный и политический деятель Александр Исаевич Солженицын пророс корнями в родную землю и русский язык, с болью воспринимал все невзгоды, выпавшие на постперестроечную Россию. Все его помыслы были связаны с сохранением духовности и нравственности человека. Не случайно Нобелевская премия по литературе была дана Солженицыну с формулировкой «за нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы».

Сам Солженицын неоднократно говорил, что школой жизни стали для него фронт, лагерь и ссылка. Эту мысль писатель высказал в своем знаменитом

«Архипелаге ГУЛАГе»: «Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага, – шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах – [перечень 227 имен].

Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым». Эти слова Солженицына можно в полной мере отнести к любому его произведению. Написанное болью и кровью не может не войти в душу читателя, будь это масштабный «Архипелаг ГУЛАГ», монументальное «Красное колесо», повесть «Один день Ивана Денисовича», рассказы «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела», рассказы-притчи цикла «Крохотки». Творчество такого писателя однозначно должно стать объектом изучения на уроках литературы в школе.

После долгого забвения в 1988 году книги Солженицына стали возвращаться к читателю. Серьезным шагом в этом направлении явилась публикация в 1989 году в журнале «Новый мир» «Нобелевской лекции» и отдельных глав «Архипелага Гулага» писателя. А уже в 1990 году выходит 8-томное собрание сочинений Солженицына. В это же время в главном методическом журнале учителей литературы («Литература в школе», № 5, 1989) появляется информация об отмене решения об исключении Солженицына из Союза писателей СССР и статья Петра Паламарчука «Александр Солженицын: путеводитель» с краткой характеристикой рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», романа «В круге первом», повести «Раковый корпус», книги «Архипелаг ГУЛАГ» [3, с. 35–47]. Там же были предложены варианты программ по литературе для 11 класса, в одной из которых имя Солженицына упоминается в разделе «Возвращенные имена».

Первой методической статьей об изучении произведений Солженицына в школе стала статья Д. Н. Мурина, в которой автор с полной ответственностью заявлял, что «явление Солженицына современному читателю состоялось. Стало ясно, что не проводить уроков в школе о творчестве писателя – нельзя, молчать о нем – безнравственно» [6, с. 103].

«Стандарты по литературе» и «Примерные программы» 2004 года законодательно определяют место писателя Солженицына в школьном литературном образовании. В основной школе для чтения и изучения предлагается рассказ «Матрёнин двор», в старшей – «Один день Ивана Денисовича». В профильный уровень добавляются фрагменты из романа «Архипелаг ГУЛАГ». Авторские программы идут дальше, дополняя список произведениями «В круге первом», «Раковый корпус», «Красное колесо» и другими с пометами «Общая характеристика» или «Для внеклассного чтения».

В рабочих программах изучение произведений Солженицына было представлено следующим образом:

Ланин Б. А. (1999): 9 класс – «Матренин двор»; 11 класс – «Один день Ивана Денисовича».

Агеносов В. В., Архангельский А.Н.: 10–11 классы – «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», общая характеристика – «Раковый корпус», «Красное колесо».

Маранцман В. Г. (2005): 8 класс – «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка» (внеклассное чтение); 9 класс – «В круге первом».

Москвин Г. В. Пуряева Н. Н., Ерохина Е. Л. (2008): 9 класс – «Матренин двор»; 11 кл. – «Один день Ивана Денисовича».

Черкезова М. В. (2012): 9 класс – «Матренин двор», «Как жаль»; 11 класс профиль – «Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича».

Изучение произведений Солженицына в российской школе приобрело новый разворот после ухода писателя из жизни в 2008 году. На смерть писателя откликнулись средства массовой информации как в России, так и во всем мире. Политики бывшего диссидента попытались представить идеологом новой власти. Премьер-министром РФ (В. В. Путиным) было предложено доработать учебные программы и полнее представить в них жизнь и творчество писателя. Предложение Путина вызвало большую дискуссию среди литературоведов, критиков и школьных учителей. Наиболее здравым, на наш взгляд, является высказывание исследователя творчества Солженицына, доктора филологических наук А. Урманова: «Произведения Солженицына включены в школьную программу и изучаются уже немало лет. Другой вопрос – не воспринимаются ли они школьниками как нечто навязанное сверху, без сердечного отклика? В самих произведениях – это шедевр малой прозы рассказ «Матренин двор», рассказ «Один день Ивана Денисовича» и другие – есть та нравственная, смысловая, образная основа, которая может вызывать отклик в душе школьников. Как построить урок, чтобы этот отклик случился, чтобы ребенок не просто получил сумму знаний, а испытал что-то вроде катарсиса, духовного очищения? Это зависит от учителя – как он сумеет подготовить ученика к восприятию ситуаций, которые есть в книгах писателя» [9].

В 2008 году по рекомендации Министерства образования и науки России Департаментом государственной политики в образовании было подготовлено и разослано по регионам письмо «О методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях» [7]. В нем обосновывается необходимость изучения жизненного и творческого пути Солженицына в школе и предложены различные методические советы. Например, предлагается сопоставить образы Ивана Денисовича Шухова («Один день Ивана Денисовича»), Матрены («Матренин двор») и Юшки (А. Платонов «Юшка»), что позволит учителю рассмотреть тему праведничества в русской литературе XX века и решение ее разными писателями. В рекомендациях предложены различные формы занятий, примерные темы элективных курсов, направления по изучению творческого наследия А. И. Солженицына в рамках других учебных предметов. Например,

- «“Лагерная тема” в произведениях А. И. Солженицына и В.Т. Шаламова». Форма – урок-дискуссия.

- «Гуманистическая философия русских писателей (на материале творчества А. И. Солженицына и Ф. М. Достоевского)». Форма – семинар с элементами дискуссии.

- «Диссидентство как явление в культуре и литературе СССР». Форма – урок-панорама (интегрированный с уроком истории и обществознания).

- «Язык литературы – отражение реальной действительности» (на материале произведений Е. И. Замятина, А. П. Платонова, А. И. Солженицына). Форма – семинар.

«Архипелаг ГУЛАГ», впервые опубликованный в 1974 году, переведенный более, чем на 40 языков, широкому советскому читателю долгие годы был практически недоступен. В 1989 году в «Новом мире» появились первые главы «Архипелага» с предисловием главного редактора Сергея Залыгина, в котором он писал о значимости личности и творчества Солженицына: «Александр Солженицын нам нынче попросту необходим – мы должны его знать и слышать, а не знать и не слышать не имеем ни морального, ни умственного права».

О необходимости изучения романа «Архипелаг ГУЛАГ» в школе высказывались многие деятели российской культуры, однако объем произведения не позволял этого делать. В 2009 году был принят приказ Министерства образования Российской Федерации № 320 о внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, «обязательный минимум» был дополнен изучением фрагментов одной из самых известных книг XX века романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». После долгих переговоров в 2010 году в издательстве «Просвещение» вышел том сокращенного варианта романа в пределах 300 страниц (полный вариант – 1200 страниц), подготовленный Н. Солженицыной. Таким образом, изучение в 11 классе этого непростого произведения стало обязательным.

В настоящее время изучение литературы в российской школе регламентируется Концепцией преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации (Распоряжением Правительства РФ (от 9 апреля 2016 г. №637-р), целью которой является – обеспечение высокого качества изучения и преподавания русского языка и литературы в современных условиях. Основными задачами являются: модернизация содержания образовательных программ, а также технологий и методик преподавания, усиление компонента, направленного на формирование читательских компетенций, способности осмысленно воспринимать художественный текст.

В рамках Концепции созданы программы, включенные в реестр примерных программ. Так Примерная основная образовательная программа основного общего образования, одобренная решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 8 апреля 2015 г. № 1/15), предлагает изучение в 7–9 классах одного рассказа Солженицына. Для выбора предложен небольшой список, например, «Матренин двор» (1959) или один рассказ из «Крохоток» (1958–1960) – «Лиственница», «Дыхание», «Шарик», «Костер и муравьи», «Гроза в горах», «Колокол Углича» и др.

Примерная основная образовательная программа среднего общего образования, одобренная решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 28 июня 2016 г. № 2/16-з), рекомендует к изучению в 10–11 классах произведения и авторов, представленных в трех равноправных по статусу списках. Даны списки А, В и С, в которые включены конкретные произведения, занявшие в силу традиции особое место в школьном преподавании русской литературы или которые выделены по определенному принципу (теоретико- или историко-литературному). Конкретного автора и произведение, на материале которого может быть изучено данное литературное явление, выбирает составитель программы. «Такое деление, – по мнению авто-

ров Программы, – не совпадающее в полной мере с традиционным делением на историко-литературные периоды, предложено для того, чтобы в рамках изучения каждого из блоков можно было создавать условия для формирования историзма восприятия литературного процесса, проводя сопоставительное рассмотрение произведений, созданных в разные периоды, но объединенных близостью творческого метода (например, “реализм”), литературного направления (например, “модернизм”), культурно-исторической эпохи (например, “советское время”) и т.п.» [8].

Творчество Солженицына выглядит в списках Программы следующим образом:

Список А – А. И. Солженицын. Рассказ «Один день Ивана Денисовича».

Список Б – А. И. Солженицын. Рассказ «Матренин двор». Книга «Архипелаг ГУЛАГ».

Список С – А.И. Солженицын. Повесть «Раковый корпус». Статья «Жить не по лжи».

Таким образом, и Примерные, и рабочие программы давно определили перечень произведений А. И. Солженицына для школьного изучения.

По мнению российских педагогов, знакомство с творчеством Солженицына следует начать с цикла «Крохотки» (1958–1960), в который включено 17 рассказов, притчей, философских зарисовок. Порой они не имеют сюжета, однако позволяют прикоснуться к мировоззрению писателя, понять смысл его крупных произведений. В цикле «Крохотки» Солженицын выразил самое затаенное своей души, поделился духовным опытом. Первая из миниатюр называется «Дыхание», последняя – «Молитва». Обе написаны от первого лица и являются лейтмотивом всего сборника. Причем, «Молитва», которой завершается философский цикл «Крохотки», была написана А. И. Солженицыным в преклонном возрасте, после возвращения в Россию. Впервые цикл был опубликован за рубежом в журнале «Грани» (1964). Вторая часть «Крохоток» была написана автором после возвращения на Родину (1996–1999). Место и значение «Крохоток» в творчестве Солженицына верно определены одним из критиков: «Крохотки» «как малые дети, для писателя, может быть, самое близкое и родное, в них – то, отчего щемит сердце неотступной тревогой, волнением, но и надеждой» [1, с. 39–44]. Учащимся можно предложить прослушать аудиозапись крохотки «Молитва» в исполнении самого писателя.

«Как легко мне жить с Тобой, Господи! Как легко мне верить в Тебя! Когда расступается в недоумении или сникает ум мой, когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера и не знают, что надо делать завтра, – Ты снисылаешь мне ясную уверенность, что Ты есть и что Ты позаботишься, чтобы не все пути добра были закрыты. На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь на тот путь через безнадежность – сюда, откуда и я смог послать человечеству отблеск лучей Твоих. И сколько надо будет, чтобы я их ещё отразил, – Ты дашь мне. А сколько не успею – значит. Ты определил это другим».

Рассказ «Один день Ивана Денисовича» был задуман на общих работах в Экибастузском особом лагере на севере Казахстана зимой 1950–1951 гг. Перед отъездом в больницу Солженицын записал свои наблюдения на клочках бумаги, затолкал в бутылку из-под шампанского и закопал. Написан же рассказ в течение полутора месяцев в 1959 году в Рязани. Через два года Солженицын под псевдонимом «А. Рязанский» передал рукопись рассказа под названием «Щ-854» в отдел прозы журнала «Новый мир». Благодаря усилиям главного ре-

дактора журнала А. Твардовского, после долгих переговоров с представителями властных структур, рассказ, названный для весомости повестью, был опубликован в журнале «Новый мир» в 11 номере 1962 года.

«Один день Ивана Денисовича» раскрывает тему сопротивления простого человека лагерному насилию, способность сохранить лучшие человеческие качества в труднейших жизненных обстоятельствах. Иван Денисович запомнил урок Куземина: в лагере поддыхает тот, кто миски лижет, кто на санчасть надеется, кто бежит к начальству доносить. Выживает тот, кто умеет делать все своими руками и получает от этого радость. Честность и бескорыстие помогают герою, зэку Щ-85, выжить и остаться человеком.

Вопросы по рассказу «Один день Ивана Денисовича» для работы в группах

- Какое название первоначально носил рассказ «Один день Ивана Денисовича»? («Щ – 854»)

- Реальный ли это человек Шухов? (Да, это был солдат Шухов, воевавший с автором в советско-германской войне, никогда не сидевший)

- Какой исторический казус произошел с выходом в свет этого рассказа? Хрущев, глава государства 60-х годов 20 века, не мог запретить публикацию рассказа, но и не имел права решать сам вопрос о публикации рассказа. Что он предпринял? (Он дал приказ отпечатать 20 экземпляров для членов Президиума ЦК КПСС. Вопрос был включен в повестку дня. После долгих сомнений решение печатать было принято, причем единогласно)

- За что Иван Денисович находится в лагере? (Он 2 дня был в плену у немцев. За это своими и арестован)

- Какими профессиями владеет Шухов? (Он лучший каменщик, плотник, столяр, печник, сапожник).

- О ком, о каких людях он говорит: «как волк», «враги», «сволочь хорошая», «псы клятые», «гады откормленные», «собаки»? (О лагерном начальстве).

- Закончи пословицы, которые звучат из уст Ивана Денисовича: «Кто кого может, тот ...», «Кряхти, да А упрешься – переломишься» (1) того и гложет, 2) не гнишь).

- Иван Денисович не сопротивляется там, где это может быть чревато гибелью. В какой ситуации он спасает себе жизнь, понимая, что другое решение привело бы к гибели. (В контрразведке подписал самооговор).

- О ком? «Он не был шакал... – и чем дальше, тем больше утверждался на подлость, на предательство он не пошел бы под страхом смерти». (Шухов И.Д.).

- Что Шухов всегда носил в специальном карманчике, в чистой тряпочке? (Хлеб).

Работа над рассказом «Матренин двор» велась Солженицыным в течение нескольких месяцев, написан он в 1961 году. Первоначально рассказ назывался «Не стоит село без праведников». Это название заключало в себе глубокий смысл: российское село держится на людях, чей образ жизни основан на общечеловеческих ценностях добра, труда, сочувствия, помощи. Так как праведником называют, во-первых, человека, живущего в соответствии с религиозными правилами; во-вторых, человека, ни в чем не погрешающего против правил нравственности. По совету А. Твардовского во избежание цензурных препят-

ствий название было изменено. По этим же причинам год действия в рассказе с 1956-го был заменен автором на 1953-й. Второе название – «Матренин двор» – несколько изменило угол зрения: нравственные начала стали иметь четкие границы в пределах Матрениного двора. В более широком масштабе села они размыты, люди, окружающие героиню, часто отличаются от нее. Озаглавив рассказ «Матренин двор», Солженицын сосредоточил внимание читателей на удивительном мире русской женщины [2, с. 227–222]. Как замечал сам автор, рассказ «полностью автобиографичен и достоверен».

«Летом 1956 года из пыльной горячей пустыни я возвращался наугад – просто в Россию, – читаем в рассказе «Матренин двор». По приказу Владимирского областного отдела народного образования учитель математики А. И. Солженицын в августе 1956 года прибыл на станцию Торфопроduct. Устроившись на жилье к Матрене, каждый день А. И. Солженицын шагал от дома Матрены на работу в Межиновскую среднюю школу. Школа была десятилетка, в каждом классе которой обучалось по 45–46 учеников. Это было старое, одноэтажное, деревянное здание, с печным отоплением. Здесь же в Межиновском поссовете (1957) была проведена регистрация брака между А. И. Солженицыным и Н. А. Решетовской и выдано свидетельство о браке: «Гражданин Солженицын Александр Исаевич 1918 года рождения город Кисловодск и гражданка Решетовская Наталья Алексеевна 1919 года рождения город Новочеркасск Ростовской области вступили в брак 2 февраля 1957 года».

В 1994 году, спустя 37 лет, А. И. Солженицын, уже лауреат Нобелевской премии, присутствовал на торжественной линейке и выступал перед первоклассниками Межиновской средней школы. Провёл урок нравственности в кабинете литературы 14, сегодняшнем музее. 11 декабря 2003 года к 85-летию русского писателя А. И. Солженицына на здании школы была открыта мемориальная доска, а в кабинете литературы 14 торжественно открыт литературно-краеведческий музей «Жизнь и творчество А. И. Солженицына», который работает и развивается по сегодняшний день.

Вопросы по рассказу «Матренин двор» для работы в группах

- Какова история рассказа «Матренин двор»? Как родился его замысел? (Рассказ автобиографичен. Вернувшись из лагеря, Солженицыну «хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России». Работу ему могли дать только ту, которая будет связана с физическим трудом. Но он хотел учительствовать. И после реабилитации в 1957 году он работает некоторое время учителем физики, а живет у крестьянки Матрены Захаровой. Об этом он пишет свой рассказ «Матренин двор»).

- Почему герой рассказа называет себя «квартирантом выгодным»? («Сверхплаты сулила школа за меня еще торф на зиму»).

- В чем трагичность судьбы Матрены? (Вышла замуж до революции. Было у нее шесть детей, которые один за одним умирали. Муж с войны не вернулся, похоронки не было (либо в плен попал, либо погиб, тела не нашли). Воспитывала дочку Фаддея Киру).

- Из-за чего три сестры Матрены отвернулись от нее? (Они претендовали на наследство, на ее дом, но она его отписала приемной девочке Кире).

- «Одно к одному. Еще и это пришибло Матрену». Что «добило» бедную Матрену? («...кошка колченогая сбрела со двора – и пропала»).
- Сколько человек погибло на переезде? Кто это был? (3 человека: Матрена, хромой сын Фаддея, тракторист).
- Как распределили наследство Матрены после ее смерти? (Козу забрала одна сестра, избу – сапожник с женой, Фаддею – уже свезенная горница, сарай и весь внутренний забор).
- Кто это? («Высокий черный старик... Все лицо его облегалли густые, черные волосы, почти не тронутые сединой; с черной окладистой бородой сливались усы густые, черные, так что рот был виден едва»). (Фаддей).
- Однажды Матрена чуть не погибла, вмешиваясь в мужички дела. Как это было? («Конь ее когда-то чуть в озере не сшиб, под прорубь»).
- Главный герой хотел Матрену сфотографировать. Как она хотела сфотографироваться? (За ткацким станом. «Сложу свой стан, ведь цел у меня – снимешь тогда»).

Творчество А. И. Солженицына прочно вошло в школьное литературное образование Российской Федерации. Произведения писателя, наполненные нравственным содержанием, формируют у подрастающего поколения лучшие черты настоящего человека, помогают выжить в трудных жизненных обстоятельствах. Порой в прямом смысле этого слова. Так, начиная с 1973 года, с первого парижского издания, все гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ» уходят на счета Солженицынского фонда и используются для поддержки выживших в лагерях и семей политзаключенных. Сегодня Солженицынский фонд поддерживает 2,5 тысячи бывших зэков. Достойный пример для подражания.

Список литературы:

1. Колобаева, Л. «Крохотки» // Феномен Солженицына. Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 39–44.
2. Критарова, Ж. Н. Анализ произведений русской литературы. 8 класс / Ж. Н. Критарова. – М. : Издательство «Экзамен», 2011. – 222 с.
3. Лазарев, Ю. В. Изучение А. И. Солженицына в школе в контексте проблем современного литературного образования // Вестник Рязанского университета им. С. А. Есенина. – 2011. – № 3 (32). – С. 35–47.
4. Макарова, О. С. Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки» А. И. Солженицына // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 57–61.
5. Махова, В. Н., Раева, А. В. Проблемы изучения рассказа А. Солженицына «Матренин двор» в средней школе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 82–84.
6. Мурин, Д. Н. Один час, один день, одна жизнь человека в рассказах А. И. Солженицына // Литература в школе. – 1990. – № 5. – С. 103.
7. «О методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях» [Приложение к письму Минобрнауки России от 4 сентября 2008 года N 03-1905 URL: <http://docs.cntd.ru/document/902124537> (дата обращения: 20.11.2018)].
8. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования URL: <http://lermsch.edusite.ru/DswMedia/primernayaobrazovatel-nayaprogrammasoo.pdf>. (Дата обращения: 21.11.2018).
9. Урманов, А. Не сумма знаний, а духовное очищение // Амурская правда. – 2008. – № 231.
URL: <http://www.amurpravda.ru/articles/2008/12/12/7.html> (Дата обращения: 04.10.2018)].

Атрощенко А. С.,
Бисерова М. В.

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Ключевые слова: переосмысление; восприятие; понимание; оценка; историческая действительность; особое мировосприятие; современное мышление.

Аннотация: статья посвящена восприятию творчества Солженицына современными студентами, их оценке и отношению к произведениям писателя, его общественной деятельности. Приводятся примеры суждений студентов, даются обобщенные выводы их высказываний; говорится о трактовке творчества А. Солженицына и его роли в современном обществе в целом.

Александр Солженицын сегодня известен во всем мире. Лауреат Нобелевской премии, писатель, социальный мыслитель, общественный деятель одна из ключевых фигур в истории XX века.

Восприятие творчества Александра Солженицына было и остается очень разным. Соответственно и отношение к нему многообразно. Некоторых восхищает его потрясающий здравый смысл, его суждения и оценки, его абсолютная естественность мировосприятия. Другие же отмечают в Солженицыне склонность к чрезмерной категоричности и односторонности суждений. Так, А. Сахаров в «Воспоминаниях» сформулировал следующее: «...это были скорее смутные ощущения какого-то утрирования, перекоса оценок при общем восхищении силой мысли и чувства, верности в главном» [6]. Всеобщее восхищение и почитание силы писателя сменилось сначала удивлением, а позднее и откровенным непониманием, когда появились его призывы «обустроить Россию». На волне этих высказываний личность Солженицына по большей своей части стала восприниматься как «раздутая», гиперболизированная по своему значению. Все чаще стали звучать такие характеристики, как «самодеятельный политик и банальный предсказатель», «представитель умирающих литературных традиций» [3]. За этой резкой критикой люди перестали понимать его истинную и немаловажную роль как значимого общественного и исторического деятеля, писателя, который упорным трудом заслужил Нобелевскую премию.

Студентам трех групп (62 человека) направления «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в рамках курса «Филологический анализ текста и художественный перевод» были предложены для изучения и дальнейшего выборочного перевода произведения А. Солженицына («Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича» и другие на собственный выбор) и был задан вопрос, каково их мнение о творчестве А. И. Солженицына и какой они видят роль его творчества в современном мире на основе прочтенных произведений. Также студентам рекомендовалось ознакомиться с современными трудами по творчеству А. И. Солженицына и попытаться сформировать свое собственное суждение об авторе и его творчестве. После прочтения состоялись практические занятия-дискуссии, где студенты поделились своими впечатлениями и мыслями.

Так, некоторые студенты посчитали, что интерес к произведениям автора является временным и обусловлен, во-первых, ситуацией в России, когда идет переосмысление истории и текущей обстановки в стране, а во-вторых, в связи со 100 летним юбилеем Солженицына.

Часть студентов рассматривает Солженицына как историка, так как считают, что его произведения «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг-Гулаг» – это скорее хроника, а как писателя – только благодаря рассказу «Матренин двор». А. Солженицын интересен им в историческом плане, как он показывает эпоху, в которой его произведения были созданы. Его главная заслуга состоит в том, что он один из первых заговорил на такую закрытую и опасную тему ГУЛАГа. А. И. Солженицына можно назвать вестником гласности и знаковой фигурой в период перестройки. Его популярность во времена перестройки закономерна, однако его произведения не являются классической литературой, а это только одна из ярких и запоминающихся страниц литературной деятельности в СССР. Прочтенные произведения Солженицына воспринимаются в большей степени как исторические, а не как литературное наследие. И его высказывания, и идеи весьма субъективны. Он пугает читателя описанием происходящего, но у читателя нет возможности проанализировать события (прежде всего речь идет о произведении «Один день Ивана Денисовича»).

А. И. Солженицына до его отъезда за границу, по мнению некоторых студентов, можно считать честью и совестью русской интеллигенции за то, что он открыто говорил, высказывал свои идеи. В своем большинстве, все три группы считают, что А. И. Солженицын – это человек, борющийся за справедливость, настоящий патриот своего народа.

Сегодня общество пребывает в состоянии апатии и разочарования, и творчество Солженицына становится актуальным. И в определенной мере его можно отнести к писателям-провидцам. А. И. Солженицын занимает достойное место на литературной арене и в общественной деятельности нашей страны, он является спорной личностью, но его вклад в крушение советской тоталитарной системы огромен. В «Одном дне Ивана Денисовича» он рассказал правду о том, что происходило в стране. В те времена это было своего рода подвигом, он не согнулся и не сломался. Однако его стремление учить, как построить Россию, хотя сам находился за ее пределами, были не совсем этичными и корректными.

Однако признавая значимость А. Солженицына для мировой культуры в целом, и русской, в частности, некоторым студентам трудно четко сформулировать свое отношение к творчеству Солженицына, и они считают, что он или будет забыт совсем, так как то, что он написал, молодежь сейчас не читает, или его будут помнить только как русского писателя эпохи тоталитаризма.

Далеко не все суждения А. Солженицына близки молодому поколению, не всегда молодежь принимает позицию писателя, но неоспорим тот факт, что Солженицын – это личность, которая неотделима от истории нашей страны, что писатель, который обратился к активному художественному творчеству в сложный, неоднозначный советский период, должен обладать нравственной силой, так как реальная жизнь того времени подменялась идеологизированными суждениями.

«Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» произвели на студенческую молодежь ошеломляющее воздействие. После прочтения этих книг Солженицын заинтересовал их как писатель, а не как идеолог. Книги привлекли

студентов прежде всего способом передачи мысли, показом характера человека, его внутренних качеств и силы духа.

Для некоторых студентов (6 человек) произведения А. Солженицына откровением в смысле темы не стали, не оставили яркого впечатления, сюжет их не заинтересовал, однако они обратили внимание на выразительные средства текстов автора: приемы лексических и синтаксических повторов, музыкальность текста, широкое использование неологизмов и символов, метафор и олицетворений, т.е., по их словам, язык А. Солженицына колоритен, тексты изобилуют специфическим языковым оформлением: часто автор утяжеляет смысл слов, делает слова более значимыми в содержательном и эмоциональном плане, использует очень много фонетико-грамматических просторечий. С точки зрения перевода, очевидна трудность при передаче национально-ориентированного текста с русского языка на иностранный, причина видится в избытке социально-обусловленной нелитературной лексики, авторских новообразований, жаргонизмов, безэквивалентной лексики.

В современном обществе очевиден контраст восприятия: общество разделилось на тех, кто не приемлет творчество А. Солженицына вообще, или же приемлет с большим энтузиазмом. Такая тенденция стала особенно очевидной на фоне эволюции отношения к его имени за последние несколько десятилетий.

Сегодня в некоторых городах России происходят митинги и акции против признания Солженицына, против изучения его творчества в школах и вузах. Появляются требования противников А. Солженицына прекратить травить сознание подрастающего поколения, считая всю деятельность автора исторической, отменить установку памятника этому деятелю, остановить переименование улиц в городах. И любопытен тот факт, что интерес к участию в подобных мероприятиях проявляет молодое поколение, а не старшее, которое в той или иной мере являлось частью описанного в произведениях А. Солженицына общества.

Солженицын не единожды становился жертвой несправедливых слухов, созданных нарочно или по незнанию. Даже сейчас, когда его уже нет в живых, многие задают вопросы об истинной художественной ценности его произведений, говорят о преувеличениях числа жертв репрессий в его книгах, о приукрашивании фактов.

В книгах А. Солженицына всегда присутствует живой человек, как правило, одинокий в своих суждениях, но который всегда открыт читателю. Подобных Солженицыну авторов не так и много в нашей стране, чтобы их забывать. И остается открытым вопрос, останется ли он историком с субъективным мнением об ушедшей эпохе или же будет восприниматься человеком, который боролся за правду, которую он видел своими глазами и о которой считал своим долгом рассказать. И те, кто знаком с творчеством писателя по слухам, будут его считать субъективным автором, те же, кто прочитал хотя бы одно его произведение, непременно увидит в нем борца за правду.

А. Солженицын, историк, писатель и исторический публицист крупного масштаба. Отношение к нему может быть абсолютно разным, от «глубокого обожания» до «явного неприятия» [3], но невозможно отрицать значимость его личности, величие его творчества. И прочитать произведения А. Солженицына необходимо каждому, чтобы понять, что представляет собой человек в различных ситуациях, на определённых этапах своей жизни.

Таким образом, подводя итоги, большая часть студентов в своих суждениях приходят к выводу, что произведения А. И. Солженицына способствуют осмыслению жизни людей в переломные моменты истории, помогают современному поколению осознать свое место в современном мире.

Список литературы

1. Абрамов, Ф. Кого ждет время. Шолохов и Солженицын: Черновые заметки к задуманной статье // Нева. – 2010 г. – № 4. – С. 140–148.
2. Алтынбаева, Г. М. Изображение власти в художественном творчестве А. И. Солженицына // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. – СПб, 2008 г. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 5–10.
3. Басенко, Ю. Н. Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве А. И. Солженицына / Ю. Басенко. – Курск : Мечта, 2010 г. – 228 с.
4. Бушуева, Л. П. О творческой индивидуальности А. И. Солженицына // Творческая индивидуальность писателя: теор. аспекты изучения / Л. Бушуева. – Ставрополь, 2008 г. – С. 114–117.
5. Киреева, Т. В. А. И. Солженицын как языковая личность сквозь призму современных исследований // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи, 2007 г. – Вып. 9. – С. 74–80.
6. Сахаров, А. Д. Воспоминания: в 2 т. / ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. – Москва, Права человека, 1996. – Т. 2. – 862 с.
7. Урманов, А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына / А. Урманов. – М. : Изд-во: Русский путь, 2017 г. – 624 с.

Кобылянская Л. И.
(Кишинёв, Молдова)

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ВЫБОРЕ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

***Ключевые слова:** совладающее поведение, ресурсы совладающего поведения, мотивация, ведущая мотивация, направленность личности, трудная жизненная ситуация, стратегии совладающего поведения, проблемно-ориентированный тип совладания, эмоционально-ориентированный тип совладания*

***Аннотация:** в статье изложены результаты теоретико-эмпирического исследования взаимосвязи и влияния типа ведущей мотивации на выбор копинг-стратегий проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного типа совладания в трудных жизненных ситуациях в аспекте молдавского менталитета, впервые проведенного в Республике Молдова.*

Имя Александра Исаевича Солженицына в современной России воспринимается неоднозначно и отношение к этому автору и личности все более усложняется. Это объясняется прежде всего тем, что творчество писателя давно и далеко вышло за рамки собственно литературной деятельности. Он тревожил и побуждал в нашем постсоветском, постмодернистском сознании потребность размышлять. Заставлял мыслить не только, используя релятивистский и праг-

матический подходы в методах анализа действительности, но, прежде всего, с точки зрения морально-этических норм. Гражданственность и пафос его публичных выступлений, многочисленных статей способствовали сохранению и трансляции лучших традиций русской философской мысли, сосредоточенной на самых сложных вопросах русской культуры и истории. Его произведения, с первых публикаций, представляют интерес не только для любителей чтения, литературоведов, но и для историков, философов, и можно сказать еще шире, для людей думающих и не изменяющих этому сложному занятию под грузом повседневности.

Науковедческий анализ его произведений представлен в многообразном содержании гуманитарных наук и дисциплин. На протяжении своего творческого пути А. И. Солженицын писатель сосредоточен не столько на художественном сочинительстве, сколько на конкретизации, популяризации и отстаивании своих мыслей и убеждений, которые он излагает в понятийной и категориальной предметности этического и социально-философского знания. Его публицистика содержит концептуальный анализ, собственное гражданское видение актуальных проблем современной России, ее государственности, общества, культуры. Свобода, личность, самопознание, идентичность, культурный архетип, долг, совесть, этнос, глобализация – вот очень краткий и неполный перечень тем, которые содержит его авторская философская мысль. Жанровое многообразие литературного творчества по глубине содержания представляет собой единое целое – философию бытия России. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что произведения А. И. Солженицына во многом определили мировоззрение нескольких поколений советских людей и даже сейчас их влияние проявляется в самых неожиданных областях культуры, в том числе и в современной популярной литературе [16]. Его прогнозы будущности российского существования отнюдь не утопичны, они основаны на реальном социокультурном анализе, который может стать тактическим средством выхода из кризиса, а по сути, цивилизационного тупика.

Современная Молдавия переживает очень важный и сложный период развития. На постсоветском пространстве произошла кардинальная трансформация ее экономического уклада, политического устройства, изменились культурно-ценностные предпочтения большей части населения. Ушли в прошлое идеологические постулаты, определявшие развитие страны на протяжении десятилетий. Именно сегодняшняя наша действительность, освобожденная от прежнего социального устройства, привела в действие новые механизмы, кардинально влияющие на поведение человека, и ставит перед ним сложные, нередко трудно разрешимые проблемы. Все эти события и реакция на них не проходят для личности бесследно: они образуют ее опыт, историю ее индивидуальной жизни и делают в конечном итоге тем, чем она является на каждом отрезке своей биографии, испытывая чувство смысла жизни или его отсутствие. В этой ситуации перед Молдавией стоит задача поиска новых ориентиров социальной эволюции, новых экономических и политических моделей и институтов, адекватных вызовам современности. Особенно трудно приходится молодежи с ее еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей и смысловых ориентаций. Процесс социализации как передача молодому поколению норм и тра-

диций, выработанных предшествующими поколениями, существенно изменился. Старшему поколению сложно адаптироваться в нынешних условиях, сохраняя прежнюю систему ценностей, а молодому поколению еще сложнее в этом плане, т. к. ценности старшего поколения не всегда соответствуют реалиям времени и собственная система еще не сформировалась.

Многомерная проблема психологических детерминант выбора стратегий совладающего поведения человека в трудных жизненных ситуациях в современном нестабильном мире является не только научной, но и стратегической. При этом остро возникает проблема выживания.

Исследование взаимодействия в системе «человек – жизненная среда» в контексте проблемы личностного потенциала человека актуализирует изучение становления личностных ресурсов и механизмов их использования в трудных жизненных ситуациях.

По мнению В. В. Знакова (2016), феномен трудной жизненной ситуации является предметом изучения и в психологии человеческого бытия, и в неразрывно связанной с ней психологии совладающего поведения [3, с. 32].

Критические события и трудные жизненные ситуации являются основным предметом исследования в психологии совладающего поведения, которая в последние годы интенсивно развивается в российской и молдавской психологической науке (Л. И. Кобылянской, Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. В. Сапоровской, С. А. Хазовой и другими) [2; 4–9].

В их исследованиях предпринята продуктивная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними. Проведенный анализ переживания субъектом трудных жизненных ситуаций привел к получению научно значимых результатов о психологических механизмах совладающего поведения (в частности, внутренних и внешних ресурсах совладания), а также к интеграции представлений о закономерных тенденциях развития сложного и многомерного феномена совладания. В этих исследованиях феномен совладающего поведения проанализирован с позиций психологии субъекта.

При этом внимание исследователей фокусировалось на том, как субъект осуществляет выбор стратегий и стилей совладающего поведения. Под выбором определенного поведения субъектом в данном случае имеется в виду то, как человек – источник собственной активности и самоорганизации – взаимодействуя с трудной ситуацией, осознанно выбирает один из нескольких альтернативных вариантов поведения. *Копинг-поведение* (*coping behavior* – совладающее поведение) – осознанное поведение субъекта, направленное на психологическое преодоление стресса. *Копинг-стратегии* – это актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, способ управления стрессором (Т. Л. Крюкова, 2004) [9].

В Республике Молдова впервые было проведено комплексное теоретико-экспериментальное исследование проблемы психологических детерминант выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях в аспекте молдавского менталитета (Л. И. Кобылянская, 2007) [4]. На основе анализа, проведенного в русле деятельностного подхода, впервые выделены психологические факторы, определяющие выбор конструктивных стратегий совладающего пове-

дения в трудных жизненных ситуациях, обусловленный социальными по содержанию и личными по внутренним потребностям высокой мотивацией самосовершенствования: *владением социальной ситуацией; положительным социальным сравнением; самоутверждением; потребностью в автономности; социальной GRATИФИКАЦИЕЙ*. Автором внесен научный вклад в разработку проблемы научения людей совладанию с трудной жизненной ситуацией, который состоит в том, что были раскрыты содержание и характер влияния доминирующей мотивации на выбор стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях, а также способы формирования эффективного поиска конструктивных стратегий поведения человека в трудных жизненных ситуациях путем изменения его смысложизненных ориентаций. Дано более четкое определение понятиям «*психологическое совладание*», «*трудная жизненная ситуация*» [4–8].

Психологическое совладание – это комплекс когнитивных и аффективных действий, поступков, которые проявляются в виде реакции у человека на возникшие трудные жизненные ситуации [4].

Трудная жизненная ситуация – это такая психологическая ситуация, в которой человек испытывает эмоциональное тяжелейшее потрясение; психологическое состояние «взрыва», когда человек, порой, теряет смысл существования или у него происходит переоценка ценностей, мотивации поведения [4].

Понятие “*coping behavior*” («совладающее поведение», «поведение по преодолению») используется для характеристики способов поведения человека в различных трудных ситуациях. Р. Лазарус (R. Lazarus) и С. Фолкман (S. Folkman) определили его как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека [17].

Согласно системному подходу в психологии (Б. Ф. Ломов, 1984), психика является целостной системой, и потому ее познание возможно лишь во множестве внешних и внутренних взаимосвязей и отношений с учетом совокупности свойств различного уровня и порядка. Соответственно, совладающее поведение (*coping*) также изучается через соотнесение его с другими свойствами психики и личности.

Наряду с продолжающейся теоретической разработкой понятия копинга, ведется и его эмпирическое изучение, что привело к получению множества интересных и разнообразных данных о его специфике в зависимости от вида ситуации и деятельности, взаимосвязей со свойствами личности и социально-психологическими явлениями и т.д.

Анализ основных отечественных, российских и зарубежных психологических исследований по проблеме «человек в трудных жизненных ситуациях» позволяет говорить о том, что для исследования этой проблемы характерна тенденция постепенного перехода от анализа «человека изолированного» к исследованию «человека в контексте его реальной жизни в обществе»; к целостному взгляду на особенности «мира в человеке и человека в мире».

В соответствии с заявленной темой перед автором стояла принципиальная задача – взглянуть на проблему совладающего поведения в трудных жизненных

ситуациях через призму молдавского менталитета, попытаться раскрыть молдавскую «бытийность» совладающего поведения в связи с национально-психологическими особенностями молдавского народа, самобытности его судьбы. При этом мы исходили из идеи о том, что выбор стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях молдавских граждан в возрасте 20–45 лет напрямую связан с мотивацией личности, с миром ценностных отношений и приоритетов, представлений народа о высшем и желанном. А также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия мира, что является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета.

Подобная «менталистская» ориентация нашего исследования не является, конечно, случайной. Но было бы неверно видеть в ней одно лишь желание следовать модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли и связанной с ним проблематики. Для нас этот выбор имеет более глубокие основания: он определен внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований, проведенных, начиная с 2003 года и за последние годы, а также гражданской позицией автора, его глубокой озабоченностью ситуацией, в которой оказались сегодня и молдавское общество в целом, и молдавский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях и смысловых ориентациях.

Предметом исследования является психологические детерминанты выбора стратегий поведения человека в трудных жизненных ситуациях.

Фактологическим фундаментом анализа являются материалы эмпирического исследования, впервые проведенного в Республике Молдова [4].

В эксперименте участвовало 200 испытуемых, работники обувной фабрики «Зориле» города Кишинева, пережившие самую сложную, по их мнению, ситуацию, с которой они столкнулись в своей жизни за последнее время и с которой не смогли эффективно совладать. Из них: по полу – 74 мужчин и 126 женщин; по возрасту – 98 испытуемых 20 – 27 лет (60 женщин и 36 мужчин); 102 испытуемых 28 – 45 лет (66 женщин и 36 мужчин).

В ходе исследования нами проверялась *гипотеза*, согласно которой выбор стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях (далее – ТЖС) соответствует двум главным типам совладания – эмоционально-ориентированным и проблемно-ориентированным – и определяется типом ведущей мотивации поведения личности в ТЖС.

Одной из задач нашего исследования явилось: выявление стратегий и способов совладания в трудных жизненных ситуациях в аспекте молдавского менталитета [4].

Для решения поставленной задачи в качестве конкретной методики мы использовали «Опросник способов совладания» - OCC (Ways of Coping Questionnaire - WOC) Lazarus R., Folkman S. [17] (русская версия И. А. Джидарьян) [2].

В целях анализа всей совокупности данных, полученных путем использования OCC и группировки полученной информации по принципу однородности, был проведен кластерный, а затем факторный анализ данных [11]. На основе общей оценки значения коэффициентов корреляции между исходными признаками и главными компонентами были определены наиболее статистически су-

ществленные факторы (стратегии). Их 13: «*социальная фасилитация*» (24.7% общей дисперсии); «*социальный риск*» (11.9%); «*компромисс*» (10.0%); «*фатализм*» (9.1%); «*фантазирование*» (7.2%); «*планирование*» (6.8%); «*эмоциональное дистанцирование*» (5.6%); «*воля и поиск*» (5.1%); «*творчество*» (4.6%); «*опыт*» (4.4%); «*уход*» (4.1%); «*самоконтроль*» (3.9%); «*компенсация*» (2.9%).

Среди них выделились четыре ведущие, преобладающие стратегии совладания: «*социальная фасилитация*», «*социальный риск*», «*компромисс*», «*фатализм*». Все четыре ведущие стратегии совладающего поведения содержат эмоционально-ориентированные способы, которые в общем раскладе доминируют. Мы полагаем, что эмоции являются следствием глубокого переживания ТЖС, но, вместе с тем, представляют необходимый и переходный этап к конструктивному решению проблем менталитета Молдовы.

Особенно это проявилось в первой основной стратегии совладающего поведения, где переплелись различные способы, отражающие одинаковую тенденцию – к общению. Но, к сожалению, ТЖС остаются на уровне переживаний, не подвергаются анализу и не становятся поводом для мотивации к действию.

В результате исследования были выделены и обозначены типы стратегий совладающего поведения в ТЖС – проблемно-ориентированные: «*планирование*» (30.9%); «*социальная фасилитация*» (18.0%); «*творчество*» (14.8%); «*самоконтроль*» (13.7%); «*опыт*» (11.9%); «*самопредъявление*» (10.7%). И эмоционально-ориентированные: «*фантазирование*» (33.1%); «*осторожность и уравновешенность*» (15.2%); «*соглашательство*» (13.7%); «*успокоение*» (11.0%); «*компромисс*» (10.0%); «*уход*» (9.4%); «*подчинение*» (7.6%).

При сравнении полученных данных установлено, что эмоционально-ориентированный тип совладающего поведения занимает более высокую долю в факторном распределении – 59,9%. Можно предположить, что ведущие позиции эмоционально-ориентированных стратегий поведения наших испытуемых, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, обусловлены культурно-историческими условиями и особенностями отражения социального времени. Подробный анализ показал, что с возрастом испытуемые более склонны решать ТЖС путем ориентации на саму проблему, но все же не отказываясь переживать ее. Под *эмоционально-ориентированным* типом совладания подразумевается совокупность тех способов совладающего поведения, которые основываются на эмоциях, в то время как *проблемно-ориентированный тип совладания* включает такие способы, которые направлены на выявление и решение задач.

Анализ полученных результатов сравнения средних показателей на мужской и женской выборке показал, что женщины при выборе стратегий и тактик преодоления жизненных трудностей в большей степени, чем мужчины полагаются на творческие решения и на познание опыта других. Мужчины более требовательны к себе, следят за своими действиями и полагаются на свой опыт. Однако в результате корреляционного анализа данных обращает на себя внимание тот факт, что женщины все же недостаточно способны предусмотреть дальнейшие свои действия, контролировать их и полагаться на опыт других.

Анализ результатов опроса по возрастным и половым категориям показал, что молодые женщины 20–27 лет в трудных жизненных ситуациях больше уделяют внимания планированию, социальной фасилитации, самоконтролю и са-

мопредъявлению, меньше творчеству и сравнению с опытом. Женщины 28–45 лет меньше уделяют внимание планированию и самоконтролю и больше – социальной фасилитации, самопредъявлению, творчеству и сравнению с опытом. А мужчины 20–27 лет отдают большее предпочтение стратегии «*планирования*», чем мужчины 28–45 лет. В целом, полученные данные свидетельствуют о склонности молодых мужчин 20–27 лет в трудных жизненных ситуациях чаще прибегать к таким стратегиям поведения как «*планирование*», «*социальная фасилитация*», «*самоконтроль*» и реже к стратегиям – «*самопредъявление*», «*творчество*» и «*сравнение с опытом*».

В завершении данного анализа следуют некоторые выводы. Мы полагаем, что основные характеристики стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях определены не только особенностями молдавского менталитета: необходимостью поддержки в трудной ситуации; склонностью, с одной стороны, к социальному риску, а с другой – к компромиссу; фатализму и фантазированию, но и современным состоянием постоянно меняющихся общественных реалий. В условиях ценностного кризиса человек ориентируется больше на собственные силы, а так как они недостаточны, он выбирает ожидание, эмоциональное дистанцирование, «*уход*».

Выявлены трудные жизненные события и ситуации, которые по своему содержанию распределились по следующим группам: *межличностные трудности*; *жизненные затруднения*; *внутриличностные трудности*; *травматические переживания*; *проблемы других*; *жизненные изменения*.

Содержание трудной жизненной ситуации и частота указания на трудные события показали, что молодые испытуемые (мужчины и женщины) 20–27 лет гораздо больше подвержены *межличностным трудностям* – 30.6% (серьезные разлады во взаимоотношениях с близкими и дорогими людьми, ссоры с партнером, семейные конфликты, разногласия с родителями и др.). А также *жизненным затруднениям* – 31.7% (неурядицы, стрессы по причине финансовых, материальных и других трудностей, безработица, конфликты на работе, различные жизненные испытания). Межличностные трудности и жизненные затруднения приводят молодых людей к *внутриличностным трудностям* – 14.3% (ситуации выбора и принятия важных решений, совершение каких-то очень значимых поступков, необходимость глубже разобраться в себе и в близком человеке, изменить отношение к жизни, к людям, к ценностям, потребность в самоутверждении).

В группе испытуемых (мужчин и женщин) 28–45 лет наряду с межличностными трудностями – 25.5% и жизненными затруднениями – 15.5%, чаще, чем в предыдущей возрастной группе, указаны *травматические переживания* -14.7% (серьезные физические повреждения, потеря близких или родных, имущественные проблемы, столкновения с государственными органами и др.). А также *проблемы других* – 13.7% (болезни или материальные неурядицы близких или родных людей). *Жизненные изменения* – 3.9% (важные события в жизни, приводящие к проблематичности существования, к поиску подходящего решения) в большей степени наблюдаются в возрастной группе 28–45 лет. Однако *жизненные изменения* в меньшей степени приводят к *внутриличностным трудностям* – 9.8%, чем в возрасте 20–27 лет. Главную рейтинговую позицию заняли

все же *межличностные трудности* в двух возрастных группах: особенность ментальности молдавского народа, часто обозначенной в исследованиях тенденции экстерналистских культур, повышенное внимание к общению с социальной средой, к поиску решений проблем в коммуникации с другими.

Следующей задачей нашего исследования явилось: определить зависимость выбора стратегий поведения в ТЖС от типа ведущей мотивации личности.

Для решения поставленной задачи в качестве конкретной методики мы использовали ориентационную анкету «Определение направленности личности» Б. Басса [13].

В поведении человека есть две функционально-взаимосвязанные стороны: побудительные и регуляционные. Психические процессы и состояния обеспечивают в основном регуляцию поведения. Что же касается стимуляции, или побуждения, которые обеспечивают активацию и направленность поведения, то они связаны и мотивами, и мотивацией.

В современной психологии не существует единой концепции движущих сил поведения человека. Каждое направление использует свой понятийный аппарат, вследствие чего наблюдается терминологическая неоднозначность в понимании и толковании основных понятий в области изучения психологии мотивации. Мотивация – одна из наиболее сложных проблем психологической науки. К настоящему времени она недостаточно полно и всесторонне изучена, что сдерживает решение и других, связанных с нею теоретических и практических задач. Чаще всего в научной литературе мотивация рассматривается как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность [12, с. 219]. Можно говорить не только о мотивации какой-либо деятельности, но и об общей мотивации, характерной для данного человека, имея в виду совокупность стойких мотивов. Совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности и относительно независимых от наличных ситуаций, называется направленностью личности [там же, с. 230]. В основе направленности личности лежит система мотивов, в которой ведущие мотивы, подчиняя себе остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека. В зависимости от доминирующих мотивов выделяют направленность личности: на себя, на других людей, на деятельность. Однако понимание направленности как совокупности или системы мотивационных образований – это лишь одна сторона ее сущности. Другая сторона заключается в том, что эта система определяет направление поведения и деятельности человека, ориентирует его, определяет тенденции поведения и действий, в конечном итоге, определяет облик человека в социальном плане. Из сказанного следует вывод, что направленность личности в мотивационном процессе притягивает к себе и направляет активность человека, то есть в какой-то степени облегчает принятие решения о действиях в той или иной жизненной ситуации. В то же время направленность личности как психологический феномен во многом остается неопределенной.

До настоящего времени в психологии не разведены четко два понятия, раскрывающие детерминацию поведения человека: «направленность личности» и «мотивация». Зачастую это приводит к терминологическим проблемам, а также к смешению или нечеткой дифференциации их функций и роли в поведении

человека. Содержание направленности и мотивации по большей мере совпадает, однако отличие состоит в том, что направленность составляют те мотивационные линии, которые стали доминирующими в общей системе детерминации поведения. Направленность в структуре личности является высшим по сравнению с мотивацией уровнем регуляции поведения и деятельности. Основная роль в формировании направленности личности принадлежит осознанным мотивам. Многочисленные определения, данные понятию *мотив*, как правило, выделяют именно динамический, энергетический его аспект. С. Л. Рубинштейн пишет по этому поводу, что «мотивы человеческой деятельности являются отражением более или менее адекватно преломленных в сознании объективных движущих сил человеческого поведения» [15, с. 348].

Проблема ведущей или доминирующей мотивации – одна из самых спорных проблем современной психологии. Вполне оправдано стремление рассматривать мотивы личности, исходя из той роли и места, которые они играют и занимают в жизни человека. Некоторые аспекты, связанные с проблемой ведущей мотивации, освещены в рамках деятельностного подхода. По мнению А. Н. Леонтьева, анализу этой проблемы должен предшествовать анализ человеческой деятельности. «В исследовании личности, – писал он, – нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом» [10, с. 181]. Самое важное при этом заключается в том, что «в ходе развития субъекта отдельные виды его деятельности вступают между собой в иерархические отношения» [там же, с. 138]. Именно иерархические деятельности и «образуют ядро личности». Но поскольку деятельность выступает в качестве процесса, побуждаемого и направляемого мотивом, то за «соотношением деятельностей скрывается соотношение мотивов» [там же].

От мотива и мотивации человека зависит, в каком направлении им будут использованы различные функциональные способности, составляющие суть его деятельности. Более того, определенная часть мотивов, побуждая ту или иную деятельность, придает ей личностный смысл для носителя этих мотивов. Это верно в отношении усвоенных личностью форм поведения и видов деятельности, совершаемых в привычных или типичных ситуациях.

Совершенно иначе обстоят дела в особых, непривычных ситуациях, например, в жизненно трудных. Эти ситуации отличаются тем, что смысл в них заранее не заложен, и как следствие – человек вынужден производить его. Именно это позволило Ф. Е. Василюку (1984) выдвинуть идею о смыслопорождении. Совладающее поведение – это одна из разновидностей социального поведения. Исследуя совладающее поведение человека в трудных жизненных ситуациях в структуре разработанного С. Л. Рубинштейном субъектно-деятельностного подхода к изучению психических явлений и человеческой жизни, мы использовали тезис о двух детерминантах деятельности: внешней и внутренней и особой значимости ведущей мотивации в поведении [14]. В рамках деятельностного подхода истоки психологического стресса видятся не внутри субъекта и не во внешних стрессовых факторах, а в деятельности, опосредующей связи личности с миром. Процесс совладания – деятельность, обусловленная уровнем развития сознания и жизненного мира человека.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что опора на идеи С. Л. Рубинштейна, введенные и разработанные им для психологии в целом, могут сегодня стать методологическим основанием для дальнейшего становления и совершенствования такой ее отрасли, как психология совладающего поведения.

Полученные нами результаты продемонстрировали эффективность субъектно-ориентированной методологии С. Л. Рубинштейна при исследовании психологических детерминант выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях, что принцип сознания и деятельности, принцип детерминизма имеют реальное операциональное значение [14].

В результате анализа исследований по теме мы построили теоретическую модель, предположив, что выбор стратегий проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного типа совладания определяется типом ведущей мотивации – совокупностью доминирующих мотивов, ориентирующих деятельность личности в трудных ситуациях, то есть направленностью личности как личностного ресурса.

Таким образом, цель исследования – определить возможные взаимосвязи и влияние типа ведущей мотивации как личностный ресурс на выбор стратегий проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного типа совладания в ТЖС по возрастному и половому признаку. Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие основные выводы.

При изучении зависимости выбора стратегий совладающего поведения в ТЖС от типа ведущей мотивации была обнаружена ориентация испытуемых *на дело* (средние показатели – 30.15), в то время как коммуникативные мотивы заняли второе место в иерархии мотивов наших респондентов (26.71), а мотивы личной заинтересованности – последнее (24.13). Корреляция результатов показала отрицательную связь между направленностью личности *на себя* и *на общение* ($r = -0.531$ при $p < 0.001$), *на себя* и *на дело* ($r = -0.587$ при $p < 0.001$), *на общение* и *на дело* ($r = -0.341$ при $p < 0.001$), то есть наблюдается рассогласованность ориентаций. Учитывая данные показатели, мы пришли к выводу о разнонаправленности ведущих мотивов поведения, ориентирующих деятельность испытуемых нашего исследования.

Выделены два типа ведущей мотивации деятельности в ТЖС – *конструктивная мотивация* решения проблем путем делового подхода, отстаивания собственных интересов и мнений с целью реализации конечного результата и *неконструктивная* – ожидание вознаграждения и личного удовлетворения потребностей безотносительно результатов работы, применения в этих целях конкурентных, агрессивных способов поведения.

При сравнении ведущей мотивации деятельности личности и выбора стратегий совладания выявлено, что конструктивными (эффективными) стратегиями являются стратегии проблемно-ориентированного типа совладания: «*социальная фасилитация*» ($F = 1.893$ при $p = 0.002$), «*творчество*» ($F = 1.936$ при $p = 0.001$), «*самоконтроль*» ($F = 1.858$ при $p = 0.001$), «*сравнение с опытом*» ($F = 1.324$ при $p = 0.005$). Эти стратегии совладания определены зависимостью от ведущей мотивации «*на дело*», то есть мотивами заинтересованности в решении деловых проблем, достижения цели путем выполнения работы, делового со-

трудничества, отстаивания интересов и собственного мнения. Стратегии «*планирование*», «*самоконтроль*» ($F = 1.699$ при $p=0.005$, $F = 1.827$ при $p=0.005$) определены зависимостью от ведущей мотивации «*на общение*», то есть мотивацией совместной деятельности, отношений с людьми, социального одобрения, привязанности и эмоциональных отношений. Стратегии «*планирование*», «*самоконтроль*», «*самопредъявление*» ($F = 1.641$ при $p=0.005$, $F = 1.669$ при $p=0.005$ и $F = 1.670$ при $p=0.005$ соответственно) определены зависимостью от ведущей мотивации «*на себя*», то есть от мотивации ожидания вознаграждения и личного удовлетворения потребностей безотносительно результатов деятельности.

Таким образом, мы можем судить о двух главных типах ведущей мотивации деятельности в ТЖС – конструктивная мотивация (мотивация «*на дело*») решение проблем путем делового подхода и деструктивная (мотивация «*на себя*») – ожидания вознаграждения и личного удовлетворения потребностей безотносительно результатов деятельности.

Выбор стратегий эмоционально-ориентированного типа совладания «*согласительство*», «*компромисс*», «*уход*», «*подчинение*» зачастую немотивирован, то есть определен не направленностью личности, а временными эмоциональными состояниями.

Ведущая мотивация деятельности в ТЖС определяется половыми и возрастными особенностями. Сравнительный анализ ведущей мотивации деятельности мужчин и женщин выявил следующие закономерности. Так, у мужчин более выражена ориентация «*на дело*». Женщины больше ориентируются «*на себя*» и «*на общение*». У мужчин стратегии совладания имеют в основе различную мотивацию: наблюдается переплетение мотивов, в основном сочетание мотивации «*на дело*» и «*общения*»; «*общения*» и «*удовлетворения личных интересов*» безотносительно конкретных результатов. Женщины в ТЖС склонны изучать сторонний опыт, усилить самоконтроль и тщательно планировать деятельность. А мужчины повышают требования к себе, при этом полагаясь на собственный опыт, предпочитая метод «проб-и-ошибок». Выбор женщинами стратегий эмоционально-ориентированного типа совладания зависит от разнообразных мотивов, в то время как мужчины зачастую прибегают к выбору стратегий данного типа немотивированно, руководствуясь, по-видимому, временными эмоциональными состояниями.

Сравнительный анализ ведущей мотивации деятельности испытуемых по возрастному признаку (20–27 и 28–45 лет) выявил примерно одинаковую выраженную направленность «*на себя*». Однако в возрастной группе 28–45 лет более выражена мотивация, направленная «*на дело*», и менее – «*на общение*». Выбор испытуемыми 20–27 лет стратегий проблемно-ориентированного типа совладания в основном немотивирован из-за отсутствия четкой ведущей мотивации деятельности. Такая тенденция более выражена у молодых женщин 20 – 27 лет. Факт, который объясняется отсутствием опыта в преодолении ТЖС. При выборе стратегий эмоционально-ориентированного типа совладания испытуемые обеих возрастных групп недостаточно конструктивно определяют связь между ведущей мотивацией и деятельностью. Сравнительный анализ ведущей мотивации в возрастных группах мужчин 20–27 и 28–45 лет показал яв-

ные различия. Молодые мужчины 20–27 лет руководствуются ведущей мотивацией прямого вознаграждения, агрессивности в реализации целей (направленность «на себя»), с одной стороны, а с другой – заинтересованностью в решении деловых проблем (направленность «на дело»). В следующей возрастной группе (28–45 лет) наблюдается более выраженная направленность «на дело». Ориентация направленности «на общение» характеризуется примерно одинаковой выраженностью у мужчин обеих возрастных групп.

Таким образом, в результате проведенного нами эмпирического исследования установлено, что тип ведущей мотивации, то есть направленность личности как ресурс совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях оказывает существенное влияние на тип стратегий совладания у мужчин и женщин в возрасте 20–45 лет.

Список литературы:

1. Выготский, Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. – М., 1982.
2. Джидарьян, И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб. : Алетейя, 2001.
3. Знаков, В. В. Понимание экзистенциальных событий и критических ситуаций человеческого бытия // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : материалы IV Междунар. науч. конф., Кострома, 24 сент. 2016 г.: в 2 т. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – Т. 1. – С. 30–32.
4. Кобылянская, Л. И. Психологические детерминанты выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях. Дисс. ... доктора психологии [На правах рукописи] Кишинэу : КГПУ им. «Иона Крянгэ», 2007.
5. Кобылянская, Л. И. Совладающее поведение человека в трудных жизненных ситуациях: Теоретико-экспериментальное исследование. Монография / Л. И. Кобылянская. – Чл.: Славян. ун-т Респ. Молдова, 2013.
6. Кобылянская, Л. И. Ведущая мотивация как личностный ресурс совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях: эмпирическое исследование // Психология состояний : сб. материалов юбилейной Международной школы / под ред. Б. С. Алишева, А. О. Прохорова. – Казань : Изд-во Казан ун-та, 2016. – С. 118–128.
7. Кобылянская, Л. И. Смыслопорождающая мотивация совладающего поведения личности в трудных жизненных ситуациях // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы Третьей Международной научной конференции. Казань, 8–10 ноября 2018 г. / отв. ред.: Б. С. Алишев, А. О. Прохоров, А. В. Чернов. – Казань : Изд-во Казан ун-та, 2018. – С. 242–245.
8. Кобылянская, Л. И. Особенности совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях в современном молдавском менталитете // Брестчина и соседи: сборник научных трудов ; под общ. ред. М. П. Жигаловой. – Брест: БрГТУ, 2018. – С. 105–112.
9. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома : Авантитул, 2004.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1977.
11. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. 2-е изд. СПб., 2006.
12. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
13. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. Т. 1. М., 2003.
14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
15. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 348-374.
16. Солженицын, А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 2005.
17. Lazarus, R. S., Folkman, S. Stress, Appraisal, and Coping. N. Y.: Springer Publishing Company, 1984. – P. 140–146.

Койнова-Цёльнер Ю. В.
(Дрезден, Германия)

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: воспитание чувств, встреча как со-бытие, самосовершенствование, смысл жизни, видимая и невидимая педагогика

Аннотация. признавая важность формирования широкой базы знаний учащихся, в качестве современных вызовов образования сегодня выделяется личностное развитие учащихся, воспитания чувств и выработка концепции смысла жизни. В постоянно усложняющемся мире условием формирования концепции смысла жизни и развития социально-эмоциональной сферы учащихся является рефлексия ценностной системы самого учителя. В статье предлагается не литературный анализ, а обзор педагогического потенциала А. И. Солженицына, который позволяет понять важность самосовершенствования каждого человека, задача не зависящая от категорий времени и пространства.

1. Видимая / невидимая педагогика

В немецком языке есть слова, различные по своей внешней форме и значению, но переводятся на русский язык одним словом, например: нем. «die Welt» – мир и нем. «der Frieden» – мир. Речь идёт о двойственно-смысловых словах, которые обозначают различные семантические смыслы. Многозначное слово «мир» /нем. «der Frieden» обозначает невидимое, но ощущаемое состояние мира/ чувство мира, отсутствие войны. Слово нем. «die Welt» подразумевает мировое пространство, планету. К одинаковым по форме, но различным по значению относятся слова: нем. «die Begegnung» и нем. «das Treffen», которые переводятся на русский язык одним словом «встреча». Понять разницу в значении легко. В жизни каждого человека были и есть встречи реальные, видимые, физические и встречи на уровне чувств, т.е. ощущения родства чувств, взаимопонимания. В педагогике это понимается как «со-бытие», означающую не физическую встречу педагога с учащимся, а духовное взаимопонимание и взаимодействие. В таком понимании, слово «воспитание», как любая другая единица языка, обладает двумя важными признаками: оно видимо, имеет внешнюю форму выражения и оно невидимо, передаёт отношение, формирует внутренний мир учащихся, его ценности, содержит смысл, эмоции, отношение. Учителя, преподающие родной язык и литературу, часто встречаются с проблемой «не состоявшейся встречи» учащихся с произведениями, которые изучаются в рамках учебного плана. Встреча символическая, обозначающая понимание темы произведения, особенно ценна и обозначает личностное «со-бытие» и духовное взаимопонимание: «... здесь взрослый совершает духовное усилие, направленное на приобщение ребёнка к миру человеческих норм и ценностей. Если ребёнок откликается на это усилие, резонирует ему и выходит из натурального плана встречи со взрослым в идеальный (духовный) план, то происходит событие воспитания (физическая встреча становится со-бытием личностей)» [1]. Такой «встрече» учащихся с произведениями несомненно предшествует «встреча» как «со-бытие» учителя с изучаемыми произведениями и их авторами. Учитель является носителем ценностей, определённых смысловых конструктов и отвечает за своё самосовершенствование, как подчёркивает

В.А. Слостёнин [3]. Лишь личная «духовная» встреча учителя позволяет создать благоприятные условия для духовной встречи учащихся с произведением. Согласно афоризму «cura te ipsum»/ «исцели себя сам» задача учителя состоит в самоанализе и духовной встрече с тем материалом, который он передаёт учащимся. Лишь при состоявшейся духовной встрече учителя возможно создание учебного пространства, в котором может состояться учебный диалог на равных и духовная встреча учащихся с произведением. В дальнейшем тексте представлен обзор личных встреч автора статьи с творчеством А.С. Солженицыным как «со-бытиях» личностного плана.

2. Мои «встречи» с А.С. Солженицыным

Мои встречи с писателем А. И. Солженицыным состоялись через его литературное наследие. Встречи земной не получилось. Его произведения «Один день из жизни Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», написаны им в 1950-х годах до моего рождения. В мои школьные и студенческие годы Александр Исаевич жил в эмиграции и не входил в круг моего внешкольного и школьного литературного чтения. В 90-х годах XX столетия, когда я работала школьной учительницей, журнал «Новый мир» выпустил серию романов, ранее известных лишь узкому кругу читателей. В число таких романов входил «Архипелаг ГУЛАГ» А.С. Солженицына. Это была моя первая встреча с автором, которая стала для меня «со-бытием». Возвращение Александра А.И. Солженицына в Россию и его общественная активность прошли для меня вскользь из-за моей эмиграции в Германию. Там, погружаясь в контекст немецкого сообщества я вновь открыла автора и «встретилась» с ним на немецкой земле. Для Александра Исаевича Солженицына Западная Германия была первой страной на его пути вынужденной эмиграции. В Дрездене, место моего проживания, он не был. Его пребывание в Европе было очень коротким. Несмотря на это, именно там в Германии я стала всё чаще «встречаться» с А.И. Солженицыным. Его «Крохотки» сопровождали меня многие годы. Через мои литературные встречи с писателем мне «открылись» параллели его судьбы с Ф.М. Достоевским, писателем, который сравнительно много времени провёл в Дрездене. Достоевского цитирует Солженицын в своей Темплтоновской лекциях: «Достоевский предупреждал: «Могут наступить великие факты и заставить наши интеллигентные силы врасплох». Так и произошло. И предсказывал: «Мир спасётся уже после посещения его злым духом». Спасётся ли? – это нам ещё предстоит увидеть, это будет зависеть от нашей совести, от нашего просветления, от наших личных и соединённых усилий в катастрофической обстановке» [4].

При временной разнице жизни авторов, два столетия, в судьбах этих людей есть много общего:

относительно безрадостное детство, физическое и социальное отсутствие отца;

обучение точным наукам не по призванию, а по обстоятельствам: невозможность оплаты за обучение и болезнь матери, скромные средства;

увлечённость творчеством А.С. Пушкина;

юношеский порыв и увлечённость идеями возможности изменения общества путём интервенции;

тюремное заключение, ссылка, «несвободный» контакт с людьми, встреча с «русским человеком»;

признание «полезности» тюремного заключения: « ... до ареста я многое не понимал... . . . Вся лагерная жизнь постепенно возвращала основу духовного бытия. Это был непрерывный процесс...» – Солженицын.

«... Вообще время для меня не потеряно. ... Люди везде люди ... Я ... отличил наконец людей ...» – Достоевский;

«близость» к смерти, до своего литературного расцвета: Достоевский был осуждён, приговорён к смерти, принял оглашение о помиловании в строю смертников на Семёновской площади; заключённый Солженицын заболел тяжёлой болезнью в лагере;

самовозрождение, возрождение православной веры как внутреннее душевное самоочищение;

вынужденная эмиграция;

прижизненное литературное признание;

неоднозначность общественного мнения к творчеству;

литературное признание сначала на Западе, в Европе, и лишь затем в России.

В литературном творчестве А.И. Солженицына и Ф.М. Достоевского можно прочесть познание смысла бытия всех людей и каждого человека планеты:

Достоевский Ф.М.	Солженицын А.И.
...при полном реализме найти человека в человеке...	...дать образ, восстановить в человеке образ человеческий...

Два великих автора не скрывали своих патриотических чувств к русскому народу, высказывали чувства ответственности за будущее человечество не только в национальном, но и общечеловеческом мировом смыслах. «Человек» в наследии писателей – это интеллигент, студент, селянин, горожанин, заключённый или офицер, – оказывается у жизненного рубежа, где ему необходимо сделать выбор. Этот выбор связан с вопросом поиска своей идентичности, самопоиска и самоутверждения в подчас нечеловеческих условиях. Отмечая «общее» в биографиях писателей, нельзя не отметить различность в их концептуальных поисках о смысле жизни, их индивидуальную особенность:

Достоевский Ф.М.	Солженицын А.И.
Описание острога как постоянного социального места пребывания заключённых.	Описание тюрьмы как постоянная смена лагеря, ночлега, вида деятельности, отсутствие зданий, внезапность перемен, обыски – мечта заключённых о покое.
Отказ от политической свободы, призыв к моральному усовершенствованию.	Призыв к политической свободе, протест против заключения человека, обоснование «свободы» как необходимого условия для жизни человека.
«шефство над человеком»: психологическое описание человека, в котором автор выступает в качестве психотерапевта; своих произведениях он «сопровождает» человека на пути его самосовершенства: старец Зосима «Братья Карамазовы», полицейский Порфирий Петрович из «Преступления и Наказания» .	«активность самого человека»: человек самосовершенствуется путём саморефлексии: «Всё изгрыз в моём рассудке вечный червь – самоанализ...»; проза как документ, «исторический» и «человеческий», наполнена разговором о человеке и ценностях человеческой жизни; актуальность его размышлений о смысле жизни вне времен и пространства.

Насколько возможно сравнивать писателей? Сам Александр Исаевич отмечает в одном из своих интервью, что «... мы пришли в двадцатый век, в котором условия жизни как на другой планете. Сознание нашего народа потрясено до такой степени, что всякие линии, связи с девятнадцатым веком и параллели с девятнадцатым веком становятся трудными, их очень осторожно надо проводить» [5]. Несмотря на это через анализ творчества двух авторов осознаётся движение времени, общественное изменение, которое отражается в актуальных проблемах воспитания, и тем самым становится педагогическим потенциалом в школьном образовании.

3. Педагогический потенциал наследия А.И. Солженицына

Всё отчётливее становится потребность в коренном изменении установок и убеждений относительно образования. Как отмечается в Манифесте 2014, «то, что происходит в повседневной практике в школах, в других образовательных учреждениях, по-прежнему сосредоточено в значительной степени на простой передаче набора фиксированного знания. Существенного значения рефлексии и необходимых универсальных навыков, отношений и ценностей не придаётся» [2]. Ценности непосредственно связаны с эмоциональным измерением наших отношений с миром, построении своей жизни. Вместе: ценности, установки, знания и конкретные действия, видимые и невидимые, создают картину образования. Наследие А.И. Солженицына обладает большим педагогическим потенциалом в этом смысле. Оно побуждает переосмыслить мир как мир, основанный на ценностях и сделать переоценку своих личных ценностей, чтобы «... покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. Неизбежно пересмотреть шкалу распространённых человеческих ценностей и изумиться неправильности её сегодня...» [4]. Автор показывает в своих произведениях ценность и неповторимость человека, которого не смогли разрушить социальный институт „тюрьма“. Контрастное описание жизни людей на свободе показывает их «несвободность» [7].

В среде цифровых технологий, следствием которых является перенасыщение информацией, неспособность и отсутствие времени её переработки, А.И. Солженицын обращает внимание на слабости современного человека: его поверхность и поспешность; расслабление человеческого характера, ведущее к душевной расслабленности; растущее материальное благосостояние при одновременном снижении духовного и чувственного развития. Гражданин Солженицын призывает нас к „остановке“ и подчёркивает важность самоограничения. В своей Гарвардской речи 1978 года Солженицын отмечает, что «...если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья – он не был бы рождён для смерти. Но оттого, что он телесно обречён на смерть, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. Неизбежно пересмотреть шкалу распространённых человеческих ценностей и изумиться неправильности её сегодня. ... Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает

людей над материальным потоком мира» [8]. Самоограничение необходимо и возможно, считает Солженицын, путём добровольного воспитания в самих себе «светлого самоограничения» [9]. Но как привести человека к самоограничению в наше время, учитывая, что у каждого своя мера. В своём произведении автор описывает «добрые плоды» самоограничения и ситуацию, как он к этому пришел: «... дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым и как – добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток. В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был стройными доводами. На гниющей тюремной сололке ощутил я в себе первое шевеление добра. Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца» [10]. Наверное, этим и объясняется возвращение писателя в лоно церкви, признание христианства как регулятора ценностей, призывание современного человека к духовному самовозрождению, а самое главное, призывание к самовозрождению, ограничению не во имя идеи, не по обстоятельствам, а ограничение добровольное по здравому смыслу важности и необходимости, а не конкуренции. Через самоограничение открывает нам Александр Исаевич понимание работы с чувствами на примере выражения счастья, описывая счастливого человека: «...Засыпал Сухов вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножевкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый» [11]. Самосовершенствование через самоограничение подразумевает не только ограничение в материальных благах, это и выражении чувств, будь то гнев, будь то любовь.

Актуальность воспитания чувств в творчестве А.И. Солженицына, определяется с вызовами современной педагогики о развитии чувств и духовности у подрастающего поколения, поскольку процесс формирования знаний неотрывно связан с процессом формирования чувств и ценностных ориентаций, которые управляют поведением. В контексте взгляда на образование как на формирование компетентностей в рамках школьного образования представляется особенно важным принятие факта, что не существует знаний без видимых действий и наоборот. Педагогическая рефлексия творчества А. И. Солженицына учителей, как пример, играет большую роль в развитии чувств у учащихся, осознании смысла жизни и человеческого существования, его устойчивости в мире.

Список литературы:

1. Григорьев, Д.В. Воспитание в сети событий // Воспитательная работа в школе. 2006. – №6. – С. 56.
2. Манифест «Образование – для изменений. Изменения – для образования» 2014 // <https://rm.coe.int/finalmanifesto-ru/16808cf52c> (от 21.11.2018).
3. Слостёнин, В.А., Исаев, И.Ф., Шиянов, Е.Н. // Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 5-е изд., – М. : Издательский центр «Академия», 2006.

4. Солженицын, А.И. Темплтоновская лекция // А.И. Солженицын. Публицистика. Т.1, Ярославль, 1995.
5. Солженицын, А.И. Публицистика. – Ярославль, 1995, Т.3.
6. Солженицын, А.И. Крохотки // А.И. Солженицын. Рассказы, 1958–1966: [сб.] / Александр Солженицын. – М. : АСТ: Астрель. – 210 с.
7. Солженицын, А.И. В круге первом: Роман / А.И. Солженицын. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
8. Солженицын, А.И. Самое драгоценное. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 г. // Слово. 1990. – №4. – С. 28–29
9. Солженицын, А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Звезда. – 1994. – №6. – С. 24
10. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования 1918/1956. – М. : Советский писатель, Новый мир. – 1989.
11. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича // А.И. Солженицын. Рассказы, 1958–1966: [сб.].

Романичева Е. С. (Москва, Россия),

Маранцман Е. К. (Санкт-Петербург, Россия)

РАБОТА СО СТАТЬЕЙ УЧЕБНИКА ПО ЛИТЕРАТУРЕ ОБ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЕ КАК ПОГРУЖЕНИЕ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

***Ключевые слова:** А.И. Солженицын; статья учебника; фактическая информация; стратегия «мышление под прямым углом»; информационные умения; текст «новой природы»; историко-литературный контекст.*

***Аннотация:** в статье на примере работы с текстом об А.И. Солженицыне из учебника II класса показано, зачем и как можно работать на уроке литературы с текстом учебника, какие умения в области работы с информацией можно сформировать у школьников в процессе работы с учебным текстом.*

В последнее время много говорят и пишут, правда, ссылаясь, как правило, на собственный преподавательский опыт, а не на научные исследования, о тех трудностях, которые современные дети испытывают при работе с текстом. К числу таковых в первую очередь относят: неспособность сконцентрироваться собственно на процессе чтения, непонимание значения отдельных слов и выражений, незнание реалий и, как следствие, непонимание содержания текста в целом, неумение вычленить главное, установить логические связи. Полностью согласившись с этим, поставим перед собой вопрос: а как часто на уроке литературы мы занимаемся работой с текстом, как формируем и отрабатываем навыки функционального чтения, т.е. чтения, т.е. чтения с целью поиска информации для решения конкретной задачи или выполнения определенного задания, чтения, в котором «сочетаются» применяются приемы сканирования и аналитического чтения? Предвидим вопросы и возражения многочисленных коллег (о каком функциональном чтении на уроках литературы вы говорите – успеть бы программу пройти), и поэтому сразу скажем: в дальнейшем анализировать художественный текст будет минимальное количество наших выпускников – большинство его будет просто читать, а вот работать с текстом нехудожественным придется всем в течение всей жизни. Это, во-первых. А, во-вторых, если

мы хотим, чтобы школьник владел навыками функционального чтения, то эти навыки тоже надо формировать и развивать в процессе обучения, в том числе и на уроках литературы: они не сформируются сами по себе. В-третьих, постоянное обращение к разным текстам на уроках позволит преодолеть вербализм обучения, когда учитель рассказывает, а ученики вроде как слушают. Но для того, чтобы слово учителя не преобладало на наших уроках, работу с текстом учебника нужно сделать неотъемлемой частью урока каждого урока.

Проиллюстрируем сказанное, обратившись к учебной статье об А.И. Солженицыне [1, с. 218–219]. Обоснуем, почему мы считаем возможным уделить время на уроке литературы работе с биографической статьей о Солженицыне. Дело в том, что в современном образовании отчетливо формируется «новый» тренд, связанный с возвратом к советской школе, как в части организации учебного процесса, так и части возвращения доперестроечных программ и учебников. Так, недавно Рунет облетела фотография девочки с табличкой-требованием вернуть «Повесть о настоящем человеке» и «Судьбу человека», убрав Солженицына. Именно поэтому современному молодому читателю-школьнику необходимо объяснить, почему произведения Солженицына включены в программу, почему они стали знаковыми для литературы второй половины XX века, и объяснить, что называется, на конкретных фактах.

Именно поэтому мы считаем необходимым поработать с информационной статьей об А.И. Солженицыне, помещенной в школьный учебник. Сразу отметим, что выбранная нами статья не «счастлива найдена», не представляет собой адаптацию научной статьи, а специально написана для школьного учебника, иными словами, автор тщательно отобрал те факты, которые составляют необходимый для изучения рассказа «Один день Ивана Денисовича» контекст. Из всей биографической статьи об А.И. Солженицыне (нем представляется, что нет необходимости обосновывать обязательное обращение к биографии писателя в год столетия со дня его рождения) нами выбрано самое начало. Понятно, что если первая страница текста (а объем фрагмента чуть больше печатной страницы – это объем так называемого «залпового» чтения, в процессе которого учащимся не нужно прилагать специальные усилия для поддержания внимания) в общем и целом понятна читателю, то дальнейшая работа пройдет успешно. Прежде чем предложить методику работу с информационным текстом на уроке литературы, мы выдвинули гипотезу, что а) если перед текстом нет мотивирующего задания, то ученик будет читать текст невнимательно, используя только технику сканирования, и поэтому будет затрудняться при ответе на дальнейшие вопросы, б) читая текст, не видит, что именно «скрыто» за отдельными фактами, что не позволяет ему осознать, почему «Один день Ивана Денисовича» можно включить в литературный канон XX века.

Для проверки нашей гипотезы мы предложили ученикам прочитать текст (он полностью приведен ниже), а потом ответить на фактические вопросы по тексту, зачастую выходящие за область изучаемого ими предмета. Подчеркнем еще раз: именно для этого солженицынского рассказа очень важен контекст.

«Имя Александра Исаевича Солженицына знает теперь каждый гражданин нашей страны. Он известен широко в мире как борец с советским строем, как общественный деятель. А.И. Солженицын – Нобелевский лауреат в области литературы.

Солженицын входит в советскую литературу как раз в то время, когда общество находится на подъеме, пересматривая свои приоритеты и избавляясь от страхов сталинизма. Речь Н.С. Хрущева, тогдашнего лидера КПСС, с трибуны XX съезда партии в 1956 году, в которой он разоблачает Сталина как палача и убийцу миллионов ни в чем не повинных людей, положила начало общественному прозрению и осмыслению того, что со страной было в течение многих мрачных лет правления «отца народов».

Несмотря на решительные слова Генсека, правда об истории страны открывается исподволь, очень медленно и осторожно.

И вот, стремительно врывается в литературу совершенно неизвестный никому провинциальный школьный учитель, бывший заключенный Александр Исаевич Солженицын. И не публицистическим, а художественным произведением – повестью «Один день Ивана Денисовича». А.Т. Твардовский (он был тогда главным редактором журнала «Новый мир», в котором и была опубликована повесть Солженицына), в предисловии редакции пишет: «Один день Ивана Денисовича» – это не документ в мемуарном смысле, не записки или воспоминания о пережитом автором лично, хотя только пережитое лично могло сообщить этому произведению художественное, и в силу именно художественного освещения данного жизненного материала оно является свидетельством особой ценности, документом искусства, возможность которого на этом «специфическом материале» до сих пор представлялась маловероятной». Солженицын открыл в нашей литературе так называемую «лагерную» тему. И до сих пор в современном российском обществе нет согласия по поводу того, чем был Сталин для нашей страны, как относиться к репрессиям 30–40 годов. Сколько людей погибло от рук «своих» и за что? И вообще, как оценивать то время? Это время неслыханного героизма людей, защитивших Родину и весь мир от фашистской угрозы, трудовых подвигов по восстановлению хозяйства после войны, и оно же – мрачное время страшных лагерей, где по большей части люди даже не знали, за что они попали туда, за что сидят по десять и более лет. Как мог один человек, пусть и наделенный верховной властью, «скрутить в бараний рог такую страну» (слова А.И. Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ»)? Или он был не один? Что же это за народ, который позволил так надругаться над собой? Почему это стало возможно?

Эти и многие другие вопросы до сих пор волнуют наших современников. Многие, даже в 1962 году, сразу после выхода повести Солженицына, говорили: «Зачем ворошить старое. Ну, указала партия на прошлые ошибки, приняли мы это к сведению, и надо продолжать строить светлое коммунистическое будущее, не оглядываясь, смотря вперед». К. Симонов свою рецензию на повесть назвал «О прошлом во имя будущего». Он верил в то, что «рано или поздно и история, и литература не оставят в тени ни одной из сторон деятельности Сталина... Утешительные мысли, которые раньше иные из нас насильственно пытались внедрять в себя, – что Сталин не ведал, что творится, – оказались рухнувшей легендой». В дело разоблачения сталинизма как государственной и общественной машины подавления и растаптывания личности огромный вклад внес А.И. Солженицын. Вслед за первой повестью, которая всколыхнула всю страну, появляются все новые и новые его рассказы. Автор становится знаме-

нитым, он частый и желанный гость в Кремле, член Союза советских писателей, «Один день Ивана Денисовича» выдвигают на Ленинскую премию».

После того как текст был прочитан учениками (в эксперименте принимали участие группа из 15 человек, куда входили одиннадцатиклассники и выпускники, слушатели подготовительных курсов одного московского вуза) им были предложены следующие вопросы (вопросы, выделенные курсивом, мы предложили, чтобы выяснить, насколько школьники владеют контекстом):

- когда и где был опубликован рассказ Солженицына? *Как вы думаете, почему именно там?*

- в тексте названы имена деятелей отечественной литературы. Кто именно назван? Что вы можете о них сказать?

- кто такой Хрущев?

- какие произведения А.И.Солженицына упомянуты в тексте?

- какие премии по литературе упомянуты в тексте?

Сразу отметим, что ни один из участников эксперимента не смог ответить на эти достаточно простые фактические вопросы полностью. В лучшем случае давали один-два неточных или неполных ответа (например, *произведение было опубликовано после войны; назван Твардовский, он писал о Теркине, Хрущев – глава государства*). На вопрос, почему задание вызвало такое затруднение, отвечали: *никогда не читали учебник, не понимали, что это важно и что нужно запомнить, а зачем это нужно запоминать? это не о произведении Солженицына, нигде не пригодится*.

В общем и целом эти ответы подтвердили нашу гипотезу: учащиеся не вычленяют из текста фактов, не могут их интерпретировать, потому что у них нет привычки обращать внимания на фактическую информацию и осмыслять ее, они не понимают логики приведения фактов именно в такой последовательности, иными словами, не умеют работать с текстом как источником информации, необходимой для развития «умений “внутреннего чтения”», понимания читаемого <...> этой группе умений нужно уделить особое внимание, так как сюда входят те базовые умения, которые лежат в основе почти всех видов переработки информации...» [2, с. 56].

Именно поэтому второй группе испытуемых мы предложили прочитать текст и вычленить из него все факты, предварительно договорившись (для этого мы попросили учеников найти определение факта в любом источнике и вычленить его главные характеристики), какую информацию мы будем считать фактической. Большая часть учеников «спросила у гугла» (ru.wikipedia.org) Факт), поэтому мы поработали с определением факта, взятом из Википедии: «**Факт** (лат. *factum* – свершенное) – термин, в широком смысле может выступать как синоним истины; событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное в противоположность общему и абстрактному», выяснив, что факт – это событие, которое уже произошло в реальности, конкретика факта «подтверждается» упоминанием реальных действующих лиц, временем и «местом действия». После этого мы попросили прочитать статью и выделить в ней факты (они выделены курсивом):

«Имя Александра Исаевича Солженицына знает теперь каждый гражданин нашей страны. Он известен широко в мире как борец с советским строем, как

общественный деятель. *А.И. Солженицын – Нобелевский лауреат в области литературы.*

Солженицын входит в советскую литературу как раз в то время, когда общество находится на подъеме, пересматривая свои приоритеты и избавляясь от страхов сталинизма. Речь *Н.С. Хрущева*, тогдашнего лидера КПСС, с трибуны XX съезда партии в 1956 году, в которой он разоблачает Сталина как палача и убийцу миллионов ни в чем не повинных людей, положила начало общественному прозрению и осмыслению того, что со страной было в течение многих мрачных лет правления «отца народов».

Несмотря на решительные слова *Генсека*, правда об истории страны открывается исподволь, очень медленно и осторожно.

И вот, стремительно врывается в литературу совершенно неизвестный никому провинциальный школьный учитель, бывший заключенный Александр Исаевич Солженицын. И не публицистическим, а художественным произведением – повестью «Один день Ивана Денисовича». *А.Т. Твардовский* (он был тогда главным редактором журнала «Новый мир», в котором и была опубликована повесть Солженицына), в предисловии редакции пишет: «Один день Ивана Денисовича» – это не документ в мемуарном смысле, не записки или воспоминания о пережитом автором лично, хотя только пережитое лично могло сообщить этому произведению художественное, и в силу именно художественного освещения данного жизненного материала оно является свидетельством особой ценности, документом искусства, возможность которого на этом «специфическом материале» до сих пор представлялась маловероятной». Солженицын открыл в нашей литературе так называемую «лагерную» тему. И до сих пор в современном российском обществе нет согласия по поводу того, чем был Сталин для нашей страны, как относиться к репрессиям 30–40 годов. Сколько людей погибло от рук «своих» и за что? И вообще, как оценивать то время? Это время неслыханного героизма людей, защитивших Родину и весь мир от фашистской угрозы, трудовых подвигов по восстановлению хозяйства после войны, и оно же – мрачное время страшных лагерей, где по большей части люди даже не знали, за что они попали туда, за что сидят по десять и более лет. Как мог один человек, пусть и наделенный верховной властью, «скрутить в бараний рог такую страну» (слова *А.И. Солженицына*, «Архипелаг ГУЛАГ»)? Или он был не один? Что же это за народ, который позволил так надругаться над собой? Почему это стало возможно?

Эти и многие другие вопросы до сих пор волнуют наших современников. Многие, даже в 1962 году, сразу после выхода повести Солженицына, говорили: «Зачем ворошить старое. Ну, указала партия на прошлые ошибки, приняли мы это к сведению, и надо продолжать строить светлое коммунистическое будущее, не оглядываясь, смотря вперед». *К. Симонов* свою рецензию на повесть назвал «О прошлом во имя будущего». Он верил в то, что «рано или поздно и история, и литература не оставят в тени ни одной из сторон деятельности Сталина... Утешительные мысли, которые раньше иные из нас насильственно пытались внедрять в себя, – что Сталин не ведал, что творится, – оказались рухнувшей легендой». В дело разоблачения сталинизма как государственной и общественной машины подавления и растаптывания личности огромный вклад

внес А.И.Солженицын. Вслед за первой повестью, которая всколыхнула всю страну, появляются все новые и новые его рассказы. Автор становится знаменитым, он частый и желанный гость в Кремле, *член Союза советских писателей, «Один день Ивана Денисовича» выдвигают на Ленинскую премию*.

Затем учащимся было дано задание: проверить, насколько точно они выделили эту информацию, вновь обратившись «к гуглу». При этом мы также попросили проверить, является ли фактической информация, заключенная в кавычки, т.е. прямая речь. Работая над статьей, учащиеся с удивлением обнаружили, что любой факт подтверждается проверкой по другим надежным источникам, а заодно мы выяснили, какие источники можно считать надежными и почему, что не всякая речь, заключенная в кавычки может принадлежать конкретному лицу. Зачастую именно так нам преподносится «мнение» под видом факта.

Далее мы познакомили учащихся со стратегией «Чтение под прямым углом». Она достаточно проста: в тетради чертится координатная плоскость/задается система координат, где по оси X выписываются и нумеруются «факты», а по оси Y – мнения. А далее делается вывод: что в тексте больше фактов или мнений, иными словами дается оценка фактической информации, приведенной в статье.

После того, как работа с текстом статьи была завершена мы попросили учащихся дать толкование каждому из приведенных фактов. В процессе выполнения этого задания мы выяснили, что многие из фактов, которые и создают контекст, непонятны учащимся, но сам факт своего непонимания они выявили только при выполнении задания. Именно поэтому следующим этапом работы над статьей стало создание комментария к этим фактам. Понятно, что в процессе выполнения этого задания школьники нашли много информации. нашей задачей стало – обучить школьников структурировать ее. Для этого мы предложили ученикам создать текст «новой природы». Для такого текста (иногда его еще называют поликодовым) характерен последовательный отказ от линейных структур, синтез сплошного и несплошного (инфографики, фотографий, рисунков, диаграмм, таблиц, карт и т.д.) текста, который обеспечивает сжатие объема текста при одновременном увеличении информационной нагрузки на одну страницу текста и обязательном наличии словесной конструкции. Создавая текст (мы усложнили задание) необходимо было наглядно показать, что «Один день Ивана Денисовича» стал ключевым для отечественной литературы XX века. Учащимся был предложен следующий алгоритм выполнения задания:

- сжимается «исходный» текст (для это выделяется основная и дополнительная информация),
- словесные конструкции укорачиваются и, если это возможно, заменяются на знаковые,
- фрагменты текста, содержащие причинно-следственные связи, преобразуются в схемы, кластеры и т.д.
- при необходимости текст сопровождается рисунками, графиками, диаграммами, фрагментами карт, фотографиями, которые могут нести основную информацию, дополнять или дублировать ее, представлять альтернативную точку зрения и т.д.

Создать такой текст нужно было на развороте тетради. Таким образом, ученики еще раз обратились к найденному материалу, выбрав из него основное, поработали с иллюстративным рядом (нашли фотографии, которые могут заменить часть текста), представили «вторичный» текст в своей логике, помогающей им проникнуть в контекст, без которого восприятие и понимание текстов А.И. Солженицына и осмысление их места в литературном процессе XX века затруднительно. Кроме того работа с учебным текстом способствует развитию умений работать с информацией, формирует привычку разделять «факты» и «мнения», отслеживать свое непонимание, искать, оценивать и структурировать самостоятельно найденную информацию.

Список литературы:

1. Маранцман Е.К. А.И. Солженицын // Литература. 11 класс. Учеб. для общеобразовательных учреждений. Базовый и профильный уровни. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. В.Г. Маранцмана; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, 2-е издание, – М. : Просвещение, 2010. – С.218–235
2. Читательская грамотность школьника. 5–9 классы. Книга для учителя / под. ред. И.Н. Добротиной. – М. : ИЦ «Вентана-граф», 2018. – 144 с.

Глава 5. А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пашкевич Людмила Степановна,
заведующая отделом абонементов
и МБА Брестской областной
библиотеки им. М. Горького.

28 сентября 2015 г. в Брестской областной библиотеке им. М. Горького прошло торжественное мероприятие — Дом русского зарубежья им. А. Солженицына при поддержке Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь передал в дар Библиотеке комплект литературы (300 экз.) по истории русского зарубежья, русскому языку и литературе, культуре и истории России.

Мероприятие проходило в рамках Года литературы, объявленного в России, при финансовой поддержке Российского книжного союза, в год, когда Брест был назван культурной столицей Беларуси, и в год 70-летия победы над фашизмом Дом русского зарубежья им. А. Солженицына – это уникальный комплекс, состоящий из музея, архива, библиотеки, научно-исследовательского, информационно-издательского и культурно-просветительского центров, чья деятельность нацелена на сосредоточение и изучение культурного наследия Русского Зарубежья, развитие отношений и укрепление связей с соотечественниками за пределами России.

В музейном собрании Дома насчитывается более 8 тыс. предметов, в архиве – более 25 тыс. единиц хранения. Фонд библиотеки — неотъемлемой части До-

ма – представляет историческую и культурную ценность (более 130 тыс. экз. изданий, 80 % из которых – издания эмиграции). Ежегодно библиотека пополняется на 3–4 тыс. экз. книг и периодических изданий. Фонды Дома прирастают и формируются за счёт многочисленных даров русских людей, рассеянных по всему миру, благодаря их бескорыстию, жертвенности и исторической ответственности. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына за время своего существования с 1995 года провёл более 150 книжных выставок в 60 странах мира и передал в дар десятки тысяч томов книг современных российских издательств объединениям соотечественников, проживающим за рубежом, кафедрам зарубежных вузов, в которых преподаётся русский язык как иностранный.

Книжный фонд Брестской областной библиотеки дополнили: «Книга детства» по письмам Ариадны Эфрон, «Дневники» Александра Шмемана, поэзия Марины Цветаевой, Владимира Высоцкого, проза Бориса Зайцева, Ивана Шмелёва, Александра Солженицына, Василия Шукшина, произведения других русских писателей XX в. Среди подаренных книг немало произведений малоизвестных писателей-эмигрантов.

Почётным гостем встречи стал главный библиограф Дома русского зарубежья Виктор Леонидов – составитель многих книг поэтов русского зарубежья, автор многочисленных статей, опубликованных в различных газетах, журналах, энциклопедиях и научных сборниках. Во время встречи он рассказал о Доме русского зарубежья, направлениях его деятельности, своей работе в зарубежных архивах, познакомил с некоторыми книгами, спел несколько песен о русской эмиграции.

Поистине настоящим подарком для участников встречи стало выступление главного редактора журнала «Юность», автора пяти поэтических сборников, лауреата литературных премий им. А. Невского, С. Есенина, Б. Корнилова Валерия Дударева.

Он рассказал об истории создания журнала «Юность» и его современном состоянии; об авторах, которые печатаются на страницах журнала, в т. ч. белорусских, провёл небольшую викторину на знание литературных произведений (награда победителю – свежий выпуск «Юности»), пригласил к сотрудничеству, прочёл несколько стихотворений.

Московские гости помимо книг привезли фильм «Посольство на Таганском холме» – о русской эмиграции: философах, писателях, учёных.

На мероприятии присутствовали: Генеральный консул Российской Федерации в г. Бресте И. Ю. Конякин и исполняющий обязанности руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь В. Л. Мичурин.

**ПОТОЛКОВ Ю. В. СТИХИ О РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
«МАТРЁНИН ДВОР» (1959 г.).**

Грязно-белая коза,
Кошка колченогая,
Да Матрёнина слеза.
Да судьбина строгая.

Всех детей Господь прибрал,
А ведь было шестеро!
И на фронте муж пропал,
Не пришли известия.

Редко – солнце. Чаще – тень.
Боли да терпения.
Лишь работа каждый день –
Только в ней спасение.

У Матрёны жизнь полна
Посвященья светлого:
Помогает всем она,
Не прося ответного.

Но не жить среди людей:
Трудно спорить с сёстрами,
Как Кашей, глядит Фаддей –
Тоже вроде родственник.

Нет любви, а есть раздор,
Есть народ встревоженный.
И стоит Матрёнин двор
Сирий и заброшенный...

Ложь плетёт хоровод...
Весь – насквозь, напролёт,
Стал я ложью.
Маски только важны,
Лица мне не нужны,
Души – тоже.
Но стоит на пути
(Как его обойти?)
Двор Матрёнин.
Вот пред ним я затих,
Как пред чудом святых
Колоколен.
Там старуха живёт,
Не хитрит и не лжёт –
Без секрета.
И в беде, и в труде,
И в людской суете –
Вся из света.

Знать, от Бога она,
Знать, от правды она,
От природы.
Только что её ждёт,
Если кривда плетёт
Хороводы?

О романе А.Солженицына «В круге первом» (1968 г.)

Две тайны, две правды. Два круга судьбы –
Высокая мысль Солженицына.
Он выстрадал муки мечты и борьбы
И всё то, что выстрадал, – высказал.

Круг первый – реальности трудный дом.
В романе он назван – Отечество.
Любовь и гармония в круге втором.
Эмблема его – Человечество.

О, круг второй!.. Задрожит строка:
«Там будет тепло, наверно...»
Но люди романа живут пока
В неистовом

 круге
 первом.

СТОЛЯРЧУК С. СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

В раковом корпусе-панцире
Жить не по лжи, чтобы глянцевоый
Разоблачить декор

И тирании опухоль
По лоскуткам, по крохоткам
В мозгах расщепить в упор.

В той геометрии адовой
Где всякий горазд подглядывать,
Бараков, казарм, общаг,

Найти уголок нетронутый –
Интимность двора Матрениного –
И изумиться, наг

Слабый тростник – человек лишь,
Подобных себе калечивший
И превращавший в пыль

Ради чего-то самого
Главного, но незнамого,
Покамест не сбудется быль.

**ГЛАВА 6. ИЗ ФОНДОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. ГОРЬКОГО**

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Учреждение культуры
«Брестская областная библиотека имени М. Горького»
Информационно-библиографический отдел

**Александр Исаевич Солженицын
в жизни и творчестве
(1918–2008)**

*Из фондов Брестской областной библиотеки им. М. Горького
Биобиблиографический указатель*

Брест, 2018

263

В 2018 году вся мировая общественность отмечает 100-летие со дня рождения А. И. Солженицына.

Произведения писателя и литература о нём широко представлены в фондах Брестской областной библиотеки им. М. Горького. В данный библиографический указатель «Александр Исаевич Солженицын в жизни и творчестве» включены отдельные издания, главы и разделы из книг, публикации из сборников, периодических изданий на русском, белорусском и иностранных языках. Цель издания — систематизация библиографической информации об имеющихся в Брестской областной библиотеке им. М. Горького произведениях писателя и литературы, посвящённой его жизни и творчеству.

Библиографические записи в указателе составлены в соответствии с ГОСТ 7.80–2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание», ГОСТ Р 7.0.12–2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила».

Вся библиографическая информация в указателе объединена в два раздела — «Издания произведений А. Солженицына» и «Литература о жизни и творчестве А. Солженицына».

Материал в подразделах указателя расположен в алфавите авторов и заглавий. В конце каждого библиографического описания указывается инвентарный номер с сиглой отдела хранения издания.

В указатель включён также справочный материал «Краткая хроника жизни и творчества А. И. Солженицына». Все материалы, отражённые в указателе, можно найти в фондах Брестской областной библиотеки им. М. Горького. Пособие не претендует на всю полноту информации по теме.

Указатель адресован библиотечным работникам, преподавателям, литературоведам, студентам, учащимся, всем, кого интересует творчество А. И. Солженицына и литература XX века.

*Составители:
В. А. Горбачевская, А. П. Зайко*

СОДЕРЖАНИЕ

I. Издания произведений А. Солженицына	4
Собрания сочинений	4
Сборники	4
Отдельные произведения	6
Автобиографические произведения	10
Драматургия	11
Поэзия	11
Публицистика.....	11
Литературная публицистика.....	15
II. Литература о жизни и творчестве А. Солженицына	17
Материалы к изучению биографии.....	17
А. Солженицын – лауреат Нобелевской премии.....	28
Воспоминания об А. Солженицыне.....	29
Юбилейные даты	30
А. Солженицын и писатели России и СССР.....	32
А. Солженицын и зарубежные писатели.....	35
Литературное творчество.....	36
Общие работы	36
Отдельные произведения	43
Архипелаг ГУЛАГ	44
В круге первом	48
Вязовое бревно.....	50
Двести лет вместе	50
Двучастные рассказы.....	52
Захар-Калита	52
Красное колесо.....	52
Крохотки	55
Матренин двор	56
Молодняк.....	59
Один день Ивана Денисовича	59
Пасхальный крестный ход	63
Раковый корпус.....	63
Реквием по гению	64
Способ двигаться	64
Публицистика.....	64
Бодался теленок с дубом.....	66
Как нам обустроить Россию?	66
Размышления над Февральской революцией	68
Россия в обвале	69
Библиографические материалы	69

І. Издания произведений А. Солженицына Собрания сочинений

Малое собрание сочинений / А. И. Солженицын. – Москва: ИНКОМ НВ, 1991.

Т. 1 : В круге первом : роман, кн. 1. – 382 с.

1А657959, 1091727Чз, 1091726Кх

Т. 2 : В круге первом : роман, кн. 2. – 382 с.

1А657960, 1094596Чз, 1094595Кх

Т. 3 : Рассказы. – 287 с. – Содержание: Один день Ивана Денисовича ; Матренин двор ; Крохотки ; Правая кисть ; Случай на станции Кочетовка ; Для пользы дела ; Захар-Калита ; Как жаль ; Пасхальный крестный ход.

м396Чз, м395Кх, 1До91407

Т. 4 : Раковый корпус : повесть. – 460 с.

1А657962, м2359Чз, м2358Кх

Т. 5 : Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования, [ч.] 1–2. – 429, [3] с.

1087431Чз, 1087430Кх

Т. 6 : Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования, [ч.] 3–4. – 574, [1] с.

1088335Чз, 1088334Кх

Т. 7 : Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования, [ч.] 5–7. – 527 с.

1097924Чз, 1097923Кх

Сборники

Абрикосовое варенье : [рассказы 90-х годов] / А. И. Солженицын. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус. – 2012. – 365, [2] с. – (Азбука-классика). – Содержание: Адлиг Швенкиттен : повесть ; Эго ; На краях ; Молодняк ; Настенька ; Абрикосовое варенье ; Все равно ; На изломах ; Желябугские выселки : двучастные рассказы ; Лиственница ; Молния ; Колокол Углича ; Старение ; Позор ; Лихое зелье ; Утро ; Завеса ; В сумерки ; Петушьё пенье ; Ночные мысли ; Поминование усопших ; Молитва о России ; Колокольня : крохотки.

1А6174934

Армейские рассказы / А. И. Солженицын. – Москва : Русский путь, 2001. – 170, [3] с. – Содержание: Все равно ; Желябугские выселки ; Адлиг Швенкиттен ; Старое ведро.

1А667305, 1Чз67304, 1Иц67306, 1Кх67303

Военное : сборник / А. И. Солженицын. – Санкт-Петербург : Амфора, 2005. – 461, [2] с. – (Победа). – Содержание: Люби революцию ; Адлиг Швенкиттен : повести ; Случай на станции Кочетовка ; Все равно ; Желябугские выселки ; Старое ведро : рассказы ; К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне : телевыступление.

1А6104264

Колокол Углича : рассказы, крохотки, повесть / А. И. Солженицын. – Москва : Вагриус, 2003. – 588, [3] с. – Содержание: Адлиг Швенкиттен : по-

весть ; Один день Ивана Денисовича ; Матренин двор ; Правая кисть ; Случай на станции Кочетовка ; Для пользы дела ; Захар-Калита ; Как жаль ; Пасхальный крестный ход ; Эго ; На краях ; Молодняк ; Настенька ; Абрикосовое варенье ; Все равно ; На изломах ; Желябугские выселки : рассказы ; Крохотки, 1958–1960 ; Крохотки, 1996–1999.

1А684852

Матренин двор : рассказы / А. И. Солженицын ; [предисловие Л. И. Сараскиной]. – Москва : Детская литература, 2006. – 220, [2] с. : ил. – (Школьная библиотека). – Содержание: Матренин двор ; Один день Ивана Денисовича : рассказы ; Крохотки.

1А6103019, 1До93846, 1До93845, 1До103020

На изломах : малая проза / А. И. Солженицын ; [краткие пояснения Н. Д. Солженицыной]. – Ярославль : Верхняя Волга, 1998. – 604, [1] с. – Содержание: Рассказы, 1959–1966 ; Крохотки, 1958–1960 ; Двучастные рассказы, 1993–1996 ; Крохотки, 1996–1997.

1А643953, 1Кх43952

Не стоит село без праведника : рассказы, [повесть] / А. И. Солженицын. – Москва : Книжная палата, 1990. – 573 с. (Популярная библиотека). – Содержание: Раковый корпус : повесть ; Один день Ивана Денисовича ; Матренин двор ; Правая кисть ; Случай на станции Кочетовка ; Для пользы дела ; Захар-Калита ; Как жаль ; Пасхальный крестный ход : рассказы ; Крохотки.

1080940А6, 1080939Чз, 1080938Кх

Нобелевская лекция ; Рассказы, 1959–1966 ; Крохотки, 1958–1960 ; Раковый корпус : повесть ; Двучастные рассказы, 1993–1998 ; Крохотки, 1996–1999 / А. И. Солженицын ; [вступительная статья В. Радзишевского ; составление, краткие пояснения Н. Д. Солженицыной]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – 668, [1] с. – (Классика. XX век).

1Чз84727

Один день Ивана Денисовича ; Матренин двор / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ : Астрель, [2009]. – 173, [2] с. – (Библиотека школьника).

1А6127299, 1А6127298, 1До127300

Протеревши глаза : [сборник] / А. И. Солженицын. – Москва : Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. – 364, [1] с. – Содержание: Дороженька ; Лагерные стихи (1946–1952) ; В ссылке (1953) ; Люби революцию : неоконченная повесть ; Протеревши глаза («Горе от ума» глазами зэка).

1Кх43955

Раковый корпус ; Рассказы ; Крохотки : в 1 т. / А. И. Солженицын ; [комментарии В. В. Радзишевского]. – Москва : Астрель, 2012. – 1167 с. – (Весь...).

1А6210682

Рассказы / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2012. – 584, [6] с. – (Мировая классика). – Содержание: Рассказы, 1959–1966 ; Крохотки, 1958–1960 ; Двучастные рассказы, 1993–1998 ; Крохотки, 1996–1999.

1Чз63464 1Дч63465

Отдельные произведения

Адзін дзень Івана Дзянісавіча : [апавяданне] / А. І. Салжаніцын // Доктар Жывага : [раман] / Барыс Пастарнак. Лёс чалавека : [апавяданне] / Міхаіл Шолахаў. Адзін дзень Івана Дзянісавіча : [апавяданне] / Аляксандр Салжаніцын ; [укладанне і пераклад з рускай мовы А. Каляды]. – Мінск, 2011. – С. 406–478. – (Выбраныя творы Нобелеўскіх лаўрэатаў).

1А6160105, 1Ч3160104

One day in the life of Ivan Denisovich / Alexander Solzhenitsyn ; translated by Ralph Parker ; introduction by Marvin L. Kalb ; foreword by Alexander Tvardovski. – New York : A Signet Classic, [1963]. – XIV, 158 p.

18ИИ10678

One day in the life of Ivan Denisovich / Alexander Solzhenitsyn ; translated from the Russian by H. T. Willetts ; with an introduction by John Bayley. – London : David Campbell Publishers Ltd., 1995. – 159 p. – (Everyman's Library).

18ИИ1661

Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования : [в 3 т.] / А. И. Солженицын. – Москва : Советский писатель : Новый мир, 1989 ; Минск : Мастацкая літаратура, 1990.

Т. 1. – 588 с.

1074600Аб, 1074599Аб, 1072799Чз

Т. 2. – 639 с.

1074616Аб, 1074612Аб, 1073815Чз

Т. 3. – 574 с.

1079066Аб, 1079065Аб, 1075673Чз

Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования : в 1 т. / А. И. Солженицын. – Москва : Астрель, 2012. – 1516, [3] с. – (Весь...).

1А6173850

Архипелаг ГУЛАГ / А. И. Солженицын. – Санкт-Петербург : Азбука, [2017]. – 1421, [1] с. – (Русская литература. Большие книги). – Именной указатель: с. 1342–1416.

1А6238712

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с.

1А657706, 1067627Аб, 1067629Аб, 1До200106, 1Иц123992

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : Книжная палата, 1990. – 591 с. – (Популярная библиотека).

1067451Чз, 1067450Кх

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : Панорама, 1991. – 750, [1] с. – (Лауреаты Нобелевской премии).

1А6182238, м3243Аб, м3247Чз, м3241Иц

В круге первом : роман / А. И. Солженицын : [в 2 т.] / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2002. – (Мировая классика).

Т. 1. – 428, [1] с.

1А669458, 1Иц86035

Т. 2. – 428, [2] с.

1А669459, 1Иц86034

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : Дрофа : Вече, 2005. – 767 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы : в 100 т.).

1А6103134

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : ОЛМА-пресс, 2006. – 797 с.

1А696545

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2006. – 766 с. – (Книга на все времена).

1А6102174

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2008. – 766 с. – (Золотая классика).

1Иц120883

В круге первом : роман / А. И. Солженицын. – Москва : Астрель, 2010. – 991 с.

1До140051

Красное колесо

Красное колесо : роман-эпопея : повествование в отмеренных сроках в 4 Узлах / А. И. Солженицын. – Москва : Время, 2014– .

Узел I : Август Четырнадцатого / [послесловие А. Немзера]. – 957 с.

А6202107

Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого / А. И. Солженицын // Наш современник. – 1990. – № 1. – С. 68–122 ; № 2. – С. 64–148 ; № 3. – С. 27–91 ; № 4. – С. 113–135 ; № 5. – С. 56–79 ; № 6. – С. 99–126 ; № 7. – С. 60–79 ; № 8. – С. 38–120 ; № 9. – С. 15–87 ; № 10. – С. 21–79 ; № 11. – С. 14–96 ; № 12. – С. 41–119.

[**Красное колесо**. Повествование в отмеренных сроках. Узел III]. Март Семнадцатого (23 февраля – 18 марта) : [главы 1–353] / А. И. Солженицын // Нева. – 1990. – № 1. – С. 9–94 ; № 2. – С. 4–89 ; № 3. – С. 4–78 ; № 4. – С. 4–44 ; № 5. – С. 6–82 ; № 6. – С. 5–90 ; 1991. – № 6. – С. 5–50 ; № 7. – С. 35–70 ; № 8. – С. 65–88 ; № 9. – С. 7–24 ; № 10. – С. 5–101 ; № 11–12. – С. 5–259.

[**Красное колесо**. Повествование в отмеренных сроках. Узел III]. Март Семнадцатого [(23 февраля – 18 марта) : главы 354–531] / А. И. Солженицын // Волга. – 1991. – № 4. – С. 3–54 ; № 5. – С. 48–89 ; № 6. – С. 11–59 ; № 8. – С. 44–110 ; № 9. – С. 37–124 ; № 10. – С. 33–95 ; № 12. – С. 7–70.

[**Красное колесо**. Повествование в отмеренных сроках. Узел III]. Март Семнадцатого (23 февраля – 18 марта) : [главы 532–656] / А. И. Солженицын // Звезда. – 1991. – № 4. – С. 6–76 ; № 5. – С. 31–91 ; № 6. – С. 45–99 ; № 7. – С. 38–133 ; № 8. – С. 5–75.

Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Действие второе. Народоправство. Узел IV. Апрель Семнадцатого (12 апреля – 5 мая) : [главы 1–91] / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1992. – № 10. – С. 3–55 ; № 11. – С. 6–184 ; № 12. – С. 4–165.

Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. [Действие второе. Народопривство. Узел IV. Апрель Семнадцатого (12 апреля – 5 мая). Главы 92–186]. На обрыве повествования / А. И. Солженицын. – Париж : YMCA-PRESS, 1991. – 563, [1], 134, [1] с.

IKx43990

Ленин. Цюрих – Петроград : главы из книги «Красное колесо» : [из «Апреля Семнадцатого»] / А. И. Солженицын ; редактор Н. Д. Солженицына. – Екатеринбург : У-Фактория, 2001. – 410, [2] с.

IKx58203

Наконец-то революция : главы из книги «Красное колесо» : [из «Марта Семнадцатого»] : [в 2 кн.] / А. И. Солженицын ; редактор Н. Д. Солженицына. – Екатеринбург : У-Фактория, 2001.

[Кн.] 1. – 491, [4] с.

IKx58204

[Кн.] 2. – 443, [4] с.

IKx58205

Столыпин и Царь : главы из книги «Красное колесо» : [из «Августа Четырнадцатого»] / А. И. Солженицын ; редактор Н. Д. Солженицына. – Екатеринбург : У-Фактория, 2001. – 444, [1] с.

IKx58202

Царь. Столыпин. Ленин : главы из книги «Красное колесо» / А. И. Солженицын ; редактор Н. Д. Солженицына. – Москва : Астрель, 2011. – 621, [2] с.

IA6161302

Царь. Столыпин. Ленин : главы из книги «Красное колесо» / А. И. Солженицын ; редактор Н. Д. Солженицына. – Москва : АСТ, 2018. – 621, [2] с.

IA6230490

Раковый корпус

Раковый корпус : повесть / А. И. Солженицын. – Москва : Художественная литература, 1990. – 462 с.

1077128Чз, 1077127Кх

Раковый корпус : повесть / А. И. Солженицын. – [Репринтное издание]. – Москва : Центр «Новый мир», 1991. – 364, [1] с. – (Библиотека журнала «Новый мир»).

IIИц55498

Раковый корпус : повесть / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2001. – 509 с. – (Мировая классика).

IIИц55498

Раковый корпус : повесть / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2002. – 509 с. – (Мировая классика).

IA660684

Раковый корпус : повесть / А. И. Солженицын. – Москва : АСТ, 2009. – 509 с.

1До149767

Автобиографические произведения

Бодался телёнок с дубом : очерки литературной жизни / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 6–116 ; № 7. – С. 65–158 ; № 8. – С. 5–124 ; № 11. – С. 119–146 ; № 12. – С. 5–76.

Тверские города : отрывок из «Очерков возвратных лет, 1994–1999» («Иное время — иное бремя») / А. И. Солженицын // Литературная газета. – 2006. – 21–27 июня (№ 24). – С. 1, 8 ; 28 июня – 4 июля (№ 25/26). – С. 8.

Угодило зёрнышко промеж двух жерновов : очерки изгнания / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 9. – С. 47–125 ; № 11. – С. 93–153 ; 1999. – № 2. – С. 67–140 ; 2000. – № 9. – С. 112–183 ; № 12. – С. 97–156 ; 2001. – № 4. – С. 80–141 ; 2003. – № 11. – С. 33–97.

Драматургия

Знают истину танки! : киносценарий для экрана переменной формы / А. И. Солженицын // Дружба народов. – 1989. – № 11. – С. 70–132.

Пьесы / А. И. Солженицын. – Москва : Новый мир : Искусство, 1990. – 414, [2] с. – (Библиотека журнала «Новый мир»). – Содержание: Пир победителей ; Пленники ; Республика труда ; Свет, который в тебе.

1А614217, 1А614218, 1Кх14215

Туняедец : кинокомедия / А. И. Солженицын // Киносценарии. – 1990. – № 3. – С. 3–52.

Поэзия

Дороженька : [повесть в стихах] / А. И. Солженицын // Протеревши глаза : [сборник]. – Москва, 1999. – С. 5–178.

1Кх43955

Лагерные стихи (1946–1952) ; В ссылке (1953) / А. И. Солженицын // Протеревши глаза : [сборник]. – Москва, 1999. – С. 179–210. – Содержание: Воспоминание о Бутырской тюрьме ; Мечта арестанта ; Через две решётки ; Ванька-встанька ; Романс ; «Когда я горестно листаю...» ; Вечерний снег ; Отсюда не возвращаются ; Отречение ; С верхней полки Столыпинского вагона ; Каменщик ; Хлебные чётки ; Право узника ; «Что-то стали фронтовые вёсны...» ; Седьмая весна ; Россия? ; Акафист ; Прощание с каторгой ; Пятое марта ; Возвращение к звёздам ; «Вот и воли клочок. Новоселье...» ; «Под духмяной дурманящей сенью джиды...» ; Три невесты ; Над «Дороженькой» ; Триумвирам ; «Поэты русские! Я с болью одинокой...» ; Напутствие ; «Смерть — не как пропасть, а смерть — как гребень...».

1Кх43955

Публицистика

книжные издания

Двести лет вместе, 1795–1995 : [в 2 ч.] / А. И. Солженицын ; [редактор Н. Д. Солженицына]. – Москва : Русский путь, 2001–2002.

Ч. 1. – 2001. – 511 с. – (Исследования новейшей русской истории ; вып. 7).

1А667309, 1Чз67308, 1Кх67307, 1Иц67310

Ч. 2. – 2002. – 551 с. – (Исследования новейшей русской истории ; вып. 8).

1Чз104129, 1Кх104128, 1Иц104130

Двести лет вместе, 1795–1995 : [в 2 ч.] / А. И. Солженицын ; [редактор Н. Д. Солженицына]. – Москва : Русский путь, 2010.

Ч. 1. – 508, [3] с.

1Кх212529

Ч. 2. – 549, [2] с.

1Кх212530

Двести лет вместе, 1795–1995 : [в 2 ч.] / А. И. Солженицын ; [редактор Н. Д. Солженицына]. – Москва : ПРОЗАиК, 2011.

Ч. 1. – 539, [3] с.

1Аб166769

Ч. 2. – 571, [3] с.

1Аб166770

Как нам обустроить Россию? : [сборник] / А. И. Солженицын ; [составление, краткие пояснения Н. Д. Солженицыной]. – Санкт-Петербург : Азбука, 2015. – 541, [1] с. – (Культурный код). – Содержание: В Советском Союзе (1967–1974) ; На Западе (1974–1994) ; В России (1994–2008).

1Аб208931

Публицистика : в 3 т. / А. И. Солженицын ; [составление и пояснения Н. Д. Солженицыной]. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995–1997.

Т. 1 : Статьи и речи. – 1995. – 719 с. – Содержание: В Советском Союзе (1969–1974) ; На Западе (1974–1993).

1Кх43928

Т. 2 : Общественные заявления, письма, интервью. – 1996. – 620 с. – Содержание: В Советском Союзе (1965–1974) ; На Западе (1974–1981).

1Аб43931, 1Кх43930

Т. 3 : Статьи, письма, интервью, предисловия. – 1997. – 559 с. – Содержание: На Западе (1982–1994) ; Предисловия (1971–1991).

1Аб43933, 1Кх43932

Письмо вождям Советского Союза / А. И. Солженицын. – Париж : YMCA-Press, 1974. – 51 с.

1Кх44046

Размышления над февральской революцией ; Черты двух революций / А. И. Солженицын. – Москва : КоЛибри, [2017]. – 112 с.

1Аб238717

Россия в обвале / А. И. Солженицын ; [ред. Н. Д. Солженицына]. – Москва : Русский путь, 1998. – 203, [3] с.

1Кх43993

«Русский вопрос» к концу XX века / А. И. Солженицын. – Москва : Голос, 1995. – 109, [3] с. – (Без цензуры).

1Кх43991

Offener Brief an die sowjetische Führung (September 1973) ; Lebt nicht mit der Lüge (Februar 1974) / Alexander Solschenizyn. – Darmstadt : Luchterhand, 1974. – 64 p. – (Sammlung Luchterhand).

18Ин439

из периодических изданий и сборников

Александр Солженицын: «Духовное падение гораздо страшнее физического» / А. И. Солженицын ; записал В. Радзишевский // Литературная газета. – 2000. – 24–30 мая (№ 21). – С. 1, 11. – Выступление на встрече с читателями в Российской государственной библиотеке.

Александр Солженицын: «Его цель — показывать прекрасное» / А. И. Солженицын // Литературная газета. – 2005. – 20–26 апреля (№ 16). – С. 1, 12. – Слово при вручении литературной премии Игорю Золотусскому.

Александр Солженицын: «Она никогда не угождала эпохе» / А. И. Солженицын // Литературная газета. – 1999. – 19 мая (№ 19). – С. 10. – Слово при вручении литературной премии Инне Лиснянской.

Александр Солженицын: «Умение обнаружить „историческое вещество“»... Из выступления на торжественной церемонии вручения литературной премии : [литературоведу и филологу В. Н. Топорову] / А. И. Солженицын // Книжное обозрение = The book Review. – 1998. – 19 мая (№ 20). – С. 8, 9.

Будущее зависит не только от правителей. Вечер с Александром Солженицыным / А. И. Солженицын ; записала О. Мартыненко // Московские новости. – 1998. – 26 апреля. – 3 мая (№ 16). – С. 10. – Выступление в Московском Доме архитекторов.

Всероссийскому Патриарху Пимену : великопостное письмо / А. И. Солженицын // Слово. – 1989. – № 12. – С. 44–45.

Конецкий, В. В. Дело праведное / Виктор Конецкий // Советская библиография. – 1989. – № 3. – С. 87–93. – Статья включает текст четырёх писем А. Солженицына 1967–1968 гг.

Кузнецов, А. «Дорога великих сердец» / А. Кузнецов // Музыкальная жизнь. – 2008. – № 12. – С. 20–22. – (Наши публикации). – Переписка русской пианистки Марии Вениаминовны Юдиной и писателя Александра Исаевича Солженицына.

На возврате дыхания и сознания ; Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни ; Образованщина / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 5. – С. 3–46.

Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии наук / А. И. Солженицын // Независимая газета. – 1999. – 3 июня. – С. 8.

Наши плюралисты / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1992. – № 4. – С. 211–225.

Нобелеўская лекцыя па літаратуры / А. І. Салжаніцын // Доктар Жывага : [раман] / Барыс Пастарнак. Лёс чалавека : [апавяданне] / Міхаіл Шолахаў. Адзін дзень Івана Дзянісавіча : [апавяданне] / Аляксандр Салжаніцын ; [укладанне і пераклад з рускай мовы А. Каляды]. – Мінск, 2011. – С. 393–403. – (Выбраныя творы Нобелеўскіх лаўрэатаў).

1А6160105, 1Ч3160104

Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) / подготовка текста, вступление и комментарии Е. Ц. Чуковской // Новый мир. – 2011. – № 10. – С. 134–153.

Письмо IV Всесоюзному съезду писателей (вместо выступления) ; Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР ; Нобелевская лекция ; Жить не по лжи! / А. И. Солженицын // Погружение в трясины : (анатомия застоя) : [сборник] / [сост. Т. А. Ноткина]. – Москва, 1991. – С. 684–701.

1084275Чз, 1084274Кх

Потёмщики света не ищут / А. И. Солженицын // Литературная газета. – 2003. – 22–29 окт. (№ 43). – С. 3.

Прохватилов, В. «Почта по кругу» : (несколько страниц из книги, пока не изданной) / Валерий Прохватилов // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 65–68. – Переписка В. Прохвятилова с А. И. Солженицыным 1967–1969 гг.

Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук, Москва, Посольство Франции, 13 декабря 2000 / А. И. Солженицын // Москва. – 2001. – № 1. – С. 132–134.

Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину, 4 мая 2000 / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 5. – С. 186–189.

Слово при вручении литературной премии Константину Воробьёву и Евгению Носову, 25 апреля 2001 г. / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2001. – № 5. – С. 179–182.

Темплтоновская лекция / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 179–183.

Литературная публицистика

Александр Малышкин : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 10. – С. 180–192.

Алексей Константинович Толстой — драматическая трилогия и другое : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2004. – № 9. – С. 137–144.

Богатырь / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 6. – С. 129–130. – Об Александре Трифоновиче Твардовском.

Василий Белов : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 12. – С. 154–169.

Георгий Владимов — «Генерал и его армия» : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2004. – № 2. – С. 144–151.

«Голый год» Бориса Пильняка : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1997. – № 1. – С. 195–203.

Двоенье Юрия Нагибина : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 4. – С. 164–171.

Давид Самойлов : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 6. – С. 171–178.

Диалогия Василия Гроссмана : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 8. – С. 154–169.

Евгений Носов : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – № 7. – С. 195–199.

Иван Шмелёв и его «Солнце мертвых» : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 7. – С. 184–193.

Из Евгения Замятина : «Литературная коллекция» / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1997. – № 10. – С. 186–201.

Иосиф Бродский — избранные стихи : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1999. — № 12. — С. 180–193.

...Колеблет твой тренажник / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1991. — № 5. — С. 148–159. — Литературно-публицистический этюд (апрель 1984 г.) по поводу выхода серии критических публикаций разных авторов об А. С. Пушкине.

Леонид Бородин — «Царица смуты» : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 6. — С. 149–158.

Леонид Леонов — «Вор» : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 2003. — № 10. — С. 165–171.

Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 12. — С. 122–127.

Окунаясь в Чехова : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1998. — № 10. — С. 161–182.

Пантелеймон Романов — рассказы советских лет : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1999. — № 7. — С. 197–204.

«Петербург» Андрея Белого : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1997. — № 7. — С. 191–196.

Приемы эпоей : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1998. — № 1. — С. 172–190. — О книгах Марка Алданова «Истоки» и Василия Гроссмана «За правое дело».

С Варламом Шаламовым / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1999. — № 4. — С. 163–169.

«Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1997. — № 4. — С. 191–199.

Феликс Светов — «Отверзи ми двери» : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1999. — № 1. — С. 166–173.

Четыре современных поэта : из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын // Новый мир. — 1998. — № 4. — С. 184–195. — О творчестве Семёна Липкина, Инны Лиснянской, Наума Коржавина и Лии Владимировой.

II. Литература о жизни и творчестве А. Солженицына Материалы к изучению биографии

Аўраменка, В. Ад дысыдэнта да імперыяліста / Васіль Аўраменка // Arche. — 2008. — № 9. — С. 235–238. — Жыццёвы шлях пісьменніка.

Айзерман, Л. «Никакой моей вины...»? / Л. Айзерман // Литература в школе. — 2009. — № 2. — С. 22–26.

Александр Солженицын / послесловие В. Калужина // Слово : лит.-худож. ежемесячник Госкомиздатов СССР и РСФСР. — Москва, 1990. — № 1. — С. 19–26. — Публикуется стенограмма заседания Секретариата Союза писателей СССР от 22 сентября 1967 г. по поводу писем А. Солженицына.

Алиханов, С. И. Рассерженный пророк : Солженицын и его зарубежные издатели / Сергей Алиханов // Книжное обозрение. — 2005. — 7 февраля (№ 5). — С. 8. — Рец. на кн.: Возвращение в тайный круг / О. Андреева-Карлайл. — Москва : Захаров, 2004. — 176 с.

Андреева-Карлайл, О. Солженицын. В круге тайном / О. Андреева-Карлайл ; вступительная заметка Д. Урнова // Вопросы литературы. – 1991. – № 1. – С. 192–225 ; № 2. – С. 185–204 ; № 3. – С. 89–127 ; № 4. – С. 188–224 ; № 5. – С. 171–211.

Арнау, Ф. Ветров, он же — Солженицын / Ф. Арнау // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 12. – С. 72–77.

Афанасьев, А. Пророк и Отечество : [открытое письмо А. И. Солженицыну] / А. Афанасьев // Российская газета. – 1998. – 25 июля. – С. 6.

Бакланова, Е. С Солженицыным — рядом / Е. Бакланова // Работница. – 1999. – № 2. – С. 4–6.

Басинский, П. Восемь лет без Солженицына / Павел Басинский // Российская газета. – 2016. – 1 августа. – С. 8.

Басинский, П. Победитель судьбы : [вышла первая биография Александра Солженицына — «Александр Солженицын» Людмилы Сараскиной] / П. Басинский // Российская газета. – 2008. – 1 апреля. – С. 6.

Басинский, П. Стихия Солженицына / Павел Басинский // Российская газета. – 2008. – 9 апреля. – С. 10.

Басинский, П. Улыбка исполина / Павел Басинский // Москва. – 2008. – № 9. – С. 3–10. – Статья посвящена памяти А. И. Солженицына, ушедшего из жизни в августе 2008 года.

Басинский, П. Ушел с миром : [Россия простилась с Александром Солженицыным] / П. Басинский // Российская газета. – 2008. – 7 августа. – С. 1, 9.

Белоконь, А. Каким богам поклонялся Солженицын / Анатолий Белоконь // Литературная Россия. – 2016. – 7–13 октября (№ 34). – С. 6.

Белоконь, А. Лгал ли «ленинец» Солженицын? / А. Белоконь // Литературная Россия. – 2016. – 11 марта (№ 9). – С. 7.

Беляков, С. Год без Солженицына / С. Беляков, А. Рудалёв // Литературная Россия. – 2009. – 7 августа (№ 31/32). – С. 1, 5.

Бернштам, М. С. Проклятый вопрос о цене идей / М. С. Бернштам // Дружба народов. – 1992. – № 4. – С. 167–185. – Статья американского публициста о взглядах на общество А. Солженицына.

Болгария — Солженицыну : [А. Солженицын удостоен в Болгарии первой международной Ботевской премии] // Книжное обозрение. – 2008. – 9–22 июня (№ 22/23). – С. 2.

Болохов, В. Крестный : [о А. И. Солженицыне] / В. Болохов // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 69–72.

Борисенко, И. Александр Солженицын. Думы перед дорогой / И. Борисенко, Ю. Романцов // Эхо планеты. – 1994. – № 20. – С. 18–19.

Бондаренко В. Александр Солженицын как лидер русского национализма / В. Бондаренко // Книжное обозрение. – 1998. – 29 сентября (№ 39). – С. 5 ; 6 октября (№ 40). – С. 5.

Буйда, Ю. Служба Солженицына: раньше он боролся с системой. Сейчас — с историей и читателями / Ю. Буйда // Новое время. – 1995. – № 24. – С. 36–38.

Бушин, В. С. Александр Солженицын / В. Бушин. – Москва : Алгоритм, 2003. – 366 с. – (Властители дум).

ИИц98402

Бушин, В. С. Александр Солженицын — жертва невыученных уроков / В. Бушин // Мы и время. — 1993. — № 30 (август). — С. 7.

Варламов, А. Русский век. А. Солженицын / А. Варламов // Дружба народов. — 2008. — № 12. — С. 202–211.

Василенко, А. Законный наследник дачи Тухачевского : [об А. И. Солженицыне] / А. Василенко // Молодая гвардия. — 1994. — № 10. — С. 267–272.

Василий (архиепископ Брюссельский и Бельгийский). Выдворение А. И. Солженицына и церковные иерархи : из переписки архиепископа Василия / Василий // Звезда. — 2012. — № 12. — С. 175–183.

Винник, И. Р. «Великим человека делает путь». История жизни Александра Исаевича Солженицына : конспект урока русской литературы в 11 классе. Методические рекомендации (пояснительная записка) / И. Р. Винник // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». — 2014. — № 2. — С. 7–12.

Виноградов, И. И. Парадокс великого затворника // Духовные искания русской литературы / Игорь Виноградов. — Москва, 2005. — С. 659–662.

1Ч3104111

Виноградов, И. И. Солженицын — художник // Духовные искания русской литературы / И. Виноградов. — Москва, 2005. — С. 644–658.

1Ч3104111

Винокур, Т. Г. С Новым годом, шестьдесят вторым... / Татьяна Винокур // Вопросы литературы. — 1991. — № 11/12. — С. 48–69.

Воздвиженский, В. Солженицын? Который? // Огонёк. — 1991. — № 47. — С. 4–6 : ил. ; № 48. — С. 28–30 : ил.

Вокруг высылки Солженицына : [публикация документов от 1974 г.] / подготовка к печати и предисловие И. Артюхевича // Свободная мысль. — 1992. — № 6. — С. 81–85.

Вульф, В. «Он вернулся в чужую для себя страну» / В. Вульф // Аргументы и факты. — 2004. — Май (№ 20). — С. 8.

Выдворение А. И. Солженицына и церковные иерархи / публикация, вступительная заметка и примечания К. И. и Н. И. Кривошеиных // Звезда. — 2012. — № 12. — С. 175–183.

Вяземский, Е. Е. А. И. Солженицын в школьном курсе отечественной истории / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова // Преподавание истории в школе. — 2009. — № 5. — С. 68–71.

Габриадзе, Р. Л. Портрет Александра Солженицына. 2011 [Изоматериал] : [репродукция] / Резо Габриадзе // Искусство. Издательский дом «Первое сентября». — 2016. — № 5/6 (май – июнь). — С. 20.

Гегузин, И. Александр Солженицын — ростовский житель / И. Гегузин // Дон. — 1994. — № 45. — С. 208–230.

Гланц, Т. Позор : о восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах / Томаш Гланц ; авториз. пер. с чешского Е. Гланца // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 5. — С. 76–90.

Грязневич, В. Пророк, чудаки, интеллигент / В. Грязневич // Звезда. — 1994. — № 6. — С. 135–145.

Джалагония, В. Александр Солженицын. Жизнь не по лжи / В. Джалагония // Эхо планеты. — 1998. — № 50/51. — С. 24–25.

Джалагония, В. Александр Солженицын. Жизнь лучше не придумаешь / В. Джалагония // Эхо планеты. – 2008. – № 31/32. – С. 18–20.

Джалагония, В. Возвращение / В. Джалагония // Эхо планеты. – 1994. – № 31. – С. 14–15.

Дейниченко, П. Суровая правда / П. Дейниченко // Книжное обозрение. – 2006. – № 3. – С. 20.

«Дорогой Иван Денисович!...» : письма читателей, 1962–1964 / [Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; составление, комментарии, предисловие Г. А. Тюриной]. – Москва : Русский путь, 2012. – 357, [1] с.

1Kx212533

Евтушенко, Е. А. Наш Солженицын / Е. А. Евтушенко // Комсомольская правда. – 1999. – 27 мая. – С. 8–9.

Евтушенко, Е. Обреченный на бессмертие / Е. Евтушенко // Литературная газета. – 1998. – 8 апреля (№ 14). – С. 3.

Журенков, К. Весь Солженицын / К. Журенков // Огонёк. – 2006. – № 46. – С. 8.

Звонарева, Л. История — это мы сами : [эссе о жизни и творчестве] / Л. Звонарева // Юность. – 2002. – № 11. – С. 54–55.

Звягинцев, А. Архипелаг. Как выдворяли из СССР А. И. Солженицына / А. Звягинцев // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2009. – 14 января (№ 3). – С. 35.

Звучащая литература. CD-обозрение Павла Крючкова: голос Солженицына / П. Крючков // Новый мир. – 2008. – № 12. – С. 202–207. – Примечания в сносках. – О записях авторского чтения А. И. Солженицына разного времени на компакт-дисках и аудиокассетах.

Знаменитые писатели : судьба и творчество / Ю. С. Меженко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 335 с. – (Энциклопедии для всех).

1A6118358

Золотусский, И. Портрет максималиста (Александр Солженицын) // Прощай, XX век! Русские писатели. Сокровенные встречи / Игорь Золотусский. – Москва : Алгоритм, 2008. – С. 48–60.

1A6135383, 1Дo135384, 1Чз135382, 1Дч135385

Иванова, Н. Хроника остановленного времени : год Солженицына, или в поисках примиряющей идеологии : 1990-й / Н. Иванова // Дружба народов. – 1998. – № 6. – С. 213–218.

Ивойлова, И. Как изучать Солженицына в школе : [в учебных программах будут изменения] / И. Ивойлова // Российская газета. – 2008. – 12 августа. – С. 10.

Ионин, Л. Жить не по лжи : возвращение Александра Солженицына / Л. Ионин // Новое время. – 1989. – № 30. – С. 42–43.

Киреев, Р. Александр Солженицын / Р. Киреев // Знамя. – 2007. – № 6. – С. 143–146.

Кленов, А. Виждь и внемли : [об А. И. Солженицыне; перепечатка из журнала «Синтаксис», издаваемого во Франции, 1985, № 13] / А. Кленов // Родина. – 1991. – № 8. – С. 25–30.

Комар, В. Встреча Солженицына и Генриха Бёлля на даче у Ростроповича [Изоматериал] / В. Комар // Артхроника. – 2010. – № 6. – С. 41.

Коняев, Н. Уроки Солженицына / Н. Коняев // Студенческий меридиан. – 1990. – № 5. – С. 33–39.

Коняев, Н. Солженицын в обвале / Н. Коняев // Молодая гвардия. – 1999. – № 2. – С. 296–351.

Кормилов, С. Мы забыли, что такие люди бывают: Ахматова и Солженицын / С. Кормилов // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 25–29.

Коряков, М. Щ-854 // Живая история, 1917–1977 / М. Коряков. – Мюнхен, 1977. – С. 363–370.

м20249Кх

Краснов, В. «Мы в долгу перед ним» / Владислав Краснов // Москва. – 2008. – № 9. – С. 11–13. – Статья посвящена памяти А. И. Солженицына, ушедшего из жизни в августе 2008 года.

Кузьмина, С. Ф. Александр Исаевич Солженицын / С. Ф. Кузьмина // Народная асвета. – 1997. – № 5. – С. 75–85 ; № 6. – С. 111–120. – О жизни и творчестве писателя.

Лалакин, Н. Владимирская страница Солженицына : [к биографии писателя] / Н. Лалакин // Литература в школе. – 1994. – № 3. – С. 31–32.

Латынина, А. Н. Солженицын и мы / Алла Латынина // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 241–258.

Лебедушкина, О. «Интеллигенция и есть сознание...» / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2008. – № 12. – С. 206–211.

Левицкая, Г. Н. Александр Солженицын: жизнь и творчество : семинар-конференция / Г. Н. Левицкая, С. Н. Кононова // Литература в школе. – 2008. – № 2. – С. 27–30. – Конспект урока, посвящённого жизни и творчеству Солженицына А. И.

Левицкий, С. А. Этика Солженицына / Сергей Левицкий ; авт. предисл. Юрий Юшкин // Юность. – 2011. – № 1. – С. 101–107.

Лурье, Я. С. Александр Солженицын — эволюция его исторических взглядов / Яков Соломонович Лурье // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 117–125.

Лукьянченко, О. А. Солженицын А. И. (род 1918) // Русские писатели : биографический словарь-справочник для школьников / О. А. Лукьянченко. – 5-е изд. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 204–237. – Библиография: с. 237. – (Большая перемена).

1Чз139922, 1Дч139923

Медведев, Р. А. Национальный патриотизм Солженицына / Р. А. Медведев // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 100–115.

Михайлов, С. Человек-эпоха / Сергей Михайлов // Москва. – 2008. – № 9. – С. 10–11.

Молостов, М. Феномен человека: Андрей Дмитриевич и Александр Исаевич : [Сахаров и Солженицын] / М. Молостов // Звезда. – 2000. – № 2. – С. 147–156.

Москвин, В. Хранилище человеческих судеб / Виктор Москвин ; беседовала Э. Полякова // Эхо планеты. – 2010. – № 7/8 : ил. ; Эхо зарубежной России. – 2010. – № 17. – С. 30–32. – (Эхо зарубежной России. – 2010. – № 17. – С. 30–31). – Журнал в журнале. – О документах по истории русской эмиграции в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

«Не приемлю роман в его неверии...» : вокруг жизни и творчества А. И. Солженицына // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 12. – С. 145–151.

Нива, Ж. Феномен Солженицына : главы из книги / Жорж Нива // Звезда. – 2013. – № 9. – С. 200–220. – Творчество и мировоззрение писателя.

Нижников, С. А. Социально-политические взгляды А. И. Солженицына / С. А. Нижников // Философские науки. – 2014. – № 2. – С. 63–74. – Библиография в примечаниях.

Николсон, М. Солженицын на мифотворческом фоне / М. Николсон ; пер. с англ. М. Щеголевой // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 50–92.

Новоселова, Е. В круге — первый : [А. Солженицын впервые награждён Государственной премией] / Е. Новоселова // Российская газета. – 2007. – 6 июня. – С. 1, 2.

Огрызко, В. Все решали случайные люди. Когда и кто подчистил дело Солженицына / Вячеслав Огрызко // Литературная Россия. – 2014. – 21 февраля (№ 8). – С. 3.

Орловская-Бальзамо, Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн / Е. Орловская-Бальзамо // Новый мир. – 1996. – № 7. – С. 195–211.

Павлов, О. Русский человек в XX веке : А. Солженицын в зазеркалье каратаевщины / О. Павлов // Дружба народов. – 1998. – № 12. – С. 195–202.

Павлов, О. «Солженицын — это Солженицын» / О. Павлов // Москва. – 1998. – № 11. – С. 125–126.

Письменный, М. Парламент Солженицын / Михаил Письменный // Дружба народов. – 2008. – № 11. – С. 179–183.

Польский, Л. Наш земляк А. Солженицын / Л. Польский // Дон. – 1991. – № 1. – С. 168–172.

Попов, Е. Солженицын и юмор / Е. Попов // Столица. – 1991. – № 24/25. – С. 114–119. – Выступление на международном симпозиуме на тему «Юмор и повествование», Турин (Италия), май 1991.

Потапов, В. Сеятель слово сеет : о Солженицыне — на возврате дыхания и сознания / В. Потапов // Знамя. – 1990. – № 3. – С. 204–209.

Противостояние / материал подготовил А. Николаев // Смена. – 1989. – № 22. – С. 8–11 ; № 23. – С. 14–15, 22. – О жизни и творчестве А. Солженицына.

Ранчин, А. М. Солженицын Александр Исаевич / А. М. Ранчин // Большая Российская энциклопедия : [в 35 т. / научно-редакционный совет: Ю. С. Осипов (председатель) и др.]. – Москва, 2015. – Т. 30. – С. 643–644.

1С6219890

Решетовская, Н. Александр Солженицын и читающая Россия : документальное повествование / Наталья Решетовская // Литературная Россия. – 20 октября (№ 42). – С. 12–14 ; 27 октября (№ 43). – С. 12–14.

Самин, Д. К. Александр Исаевич Солженицын // Самые знаменитые эмигранты России / Д. К. Самин. – Москва, 2001. – С. 392–400. – (Самые знаменитые).

1Ч371765

Сараскина, Л. И. Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры / Л. И. Сараскина ; Министерство культуры Российской Федерации, Государственный институт искусствознания. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – 606, [1] с. – (Испытание будущим).

1А6212526

Сараскина, Л. А. И. Солженицын «Я вернулся в Россию вовремя» (телепейзаж с Солженицыным) / Л. Сараскина // Искусство кино. – 1995. – № 9. – С. 32–40.

Сараскина, Л. И. Фронтальная судьба Александра Солженицына / Л. И. Сараскина // Народное образование. – 2010. – № 4. – С. 59–64.

Сараскина, Л. И. Александр Солженицын / Людмила Сараскина. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 934, [1] с., [24] л. ил. – (ЖЗЛ. Биография продолжается...) (Жизнь замечательных людей). – Библиография: с. 929–933.

1А6122369, 1А6128946, 1Иц128947, 1Чз128945, 1Кх212349

Сараскина, Л. И. Россия опять собирается с мыслями / Людмила Сараскина // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 109–116.

Сарнов, Б. М. Феномен Солженицына / Бенедикт Сарнов. – Москва : Эксмо, 2012. – 845, [1] с. – (Диалоги о культуре).

1А6168846

Сидибэ, П. Живите не по лжи : [духовное завещание Александра Солженицына] / П. Сидибэ // Российская газета. – 2008. – 6 августа. – С. 1, 9.

Скарлыгина, Е. Ю. Солженицын и третья русская эмиграция. (К вопросу об одной монографии) / Е. Ю. Скарлыгина // Вопросы литературы. – 2009. – № 2. – С. 381–405. – Рец. на кн.: Сараскина Л. И. Александр Солженицын. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – (ЖЗЛ. Биография продолжается...).

Слово пробивает себе дорогу : сборник статей и документов об А. И. Солженицыне, 1962–1974 / вступление Л. Чуковской ; сост. В. Глоцер, Е. Чуковская ; худож. С. Стулов. – Москва : Русский путь, 1998. – 495 с.

1А644002, 1Кх44001

Соколова, А. Солженицын как зеркало российской демократической революции / Анна Соколова // Литературная газета. – 2003. – 26 ноября. – 1 декабря (№ 47). – С. 2.

Соколовский, В. Солженицын возвращается / Вадим Соколовский // Собеседник. – 1989. – № 32. – С. 14.

Солженицын Александр Исаевич // Большая энциклопедия : в 62 т. – Москва, 2006. – Т. 46. – С. 434.

1С6104330

Солженицын, С. Хорошо иметь троих детей / Степан Солженицын ; беседовал И. Бараникас // Огонёк. – 2003. – № 45. – С. 22–25. – Беседа собственного корреспондента газеты «Московские новости» в США о жизни и творчестве А. И. Солженицына с сыном писателя.

Солженицынские тетради : материалы и исследования / [гл. ред. А. С. Немзер] ; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. – Москва : Русский путь, 2012– .

Вып. 1. – 342, [1] с.

1А6212527

Вып. 2. – 2013. – 336, [1] с.

1А6212528

Спиваковский, П. Феномен Солженицына / П. Спиваковский // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 8–19. – Библиография в примечаниях.

Старый новый дом : [об открытии мемориального музея А. Солженицына] // Книжное обозрение. – 2010. – 12–25 июля (№ 16). – С. 1.

Супруненко, Ю. П. Любовь к путешествиям : [путешествия формировали творческую личность А. И. Солженицына] / Ю. П. Супруненко // Природа и человек. XXI век. – 2012. – № 9. – С. 26–29 : ил.

Супруненко, Ю. Солженицынские версты / Ю. Супруненко // Мир путешествий. – 1993. – № 5. – С. 12–13 : портр.

Супруненко, Ю. Страноведение по Исаичу / Ю. Супруненко // Исторический журнал. – 2009. – № 2. – С. 28–45.

Супруненко, П. П. Неизвестный Солженицын : исследование жизни писателя, путешествие между строк произведений, избранная переписка и свидетельства современников / П. П. Супруненко, Ю. П. Супруненко. – Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2015. – 311 с. – (Биографии выдающихся личностей).

1А6196750

Тищенко, А. В. Феномен Солженицына / А. В. Тищенко // Братина. – 2009. – № 3 (15). – С. 238–245.

Томашевская, З. Б. И сей день не без завтрашнего / З. Б. Томашевская // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 73–81.

Улица Солженицына : [в Риме] // Книжное обозрение. – 2009. – 10–23 августа (№ 31/32). – С. 2.

Урманов, А. В. Поговорим о Солженицыне / А. В. Урманов ; беседу вел Егор Молданов // Литературная Россия. – 2009. – 11 декабря (№ 49). – С. 8.

Шаховская, З. А. О правде и свободе Солженицына ; Новые русисты : [статьи из журнала «Русская мысль», 1971 и 1980 гг.] / З. А. Шаховская ; предисл. В. Бондаренко // Слово. – 1990. – № 3. – С. 81–84.

Шитов, А. Головная боль от Солженицына / А. Шитов // Эхо планеты. – 2011. – № 8. – С. 34–35.

Штурман, Д. Солженицын и национальный вопрос / Д. Штурман // Звезда. – № 9. – С. 121–154.

Юдин, В. Прусские ночи Солженицына : к портрету писателя / В. Юдин // Дон. – 1998. – № 8. – С. 3–6.

Ямщиков, С. Каждое его движение значительно / Савва Ямщиков // Литературная газета. – 2003. – 29 января – 4 февраля (№ 4). – С. 16. – (Читальный зал ; вып. 16). – Об А. И. Солженицыне и проблеме ложных кумиров.

Яржембовский, С. Пророк и его отечество / Станислав Яржембовский // Звезда. – 2008. – № 12. – С. 70–74. – Об особой роли Александра Солженицына в русской литературе: пророка и учителя жизни.

Alexander Isayevich Solzhenitsyn // Методическая мозаика. – 2008. – № 7. – р. 11–15. – О русском писателе Александре Солженицыне.

А. Солженицын — лауреат Нобелевской премии

Великие открытия и люди. 100 лауреатов Нобелевской премии XX века / [сост. Л. М. Мартьянова]. – Москва : Центрполиграф, 2013. – 308, [2] с.

1А6179710

Медведев, Ж. А. Нобелевские лауреаты России. Солженицын и Сахаров: два пророка / Жорес Медведев, Рой Медведев. – Москва : Время, 2015. – 447 с. – (Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых).

1А6209816, 1Кх205811

Медведев, Р. А. Андрей Сахаров и Александр Солженицын / Р. А. Медведев // Вопросы истории. – 2001. – № 11, 12. – С. 3–18.

Медведев, Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын: [очерк] / Р. Медведев // Наука и жизнь. – 2002. – № 3. – С. 44–55. – А. Сахаров и А. Солженицын в 2000 г. по опросу социологических служб и газет названы гражданами России, а также «Человеком столетия».

Мусский, С. А. Сто великих нобелевских лауреатов / С. А. Мусский. – Москва: Вече, 2008. – 478 с. – (Сто великих). – Из содержания: Александр Исаевич Солженицын. С. 94–100.

1Сб130590, 1Чз130589, 1Ом128993, 1Дч130591

Никифоров, С. Н. Каким он был, таким он и остался... : Разбуженные воспоминания... : штрихи к портрету Нобелевского лауреата [А. И. Солженицына] // Наш современник. – 2000. – № 11. – С. 210–227.

«**Нобелиана**» Александра Солженицына / подготовка к печати и предисловие А. М. Петрова // Исторический архив. – 1992. – № 1. – С. 145–158. – Публикация документов 1970–1972 гг.

Петров, В. «Нобелевец» Рябцев при редакторе Восенаго / В. Петров // Дон. – 2004. – № 11. – С. 255–258. – О книге Е. А. Рябцева «Нобелевцы XX века: Шолохов и Солженицын» (Ростов-на-Дону, 2004).

Солженицын Александр // Лауреаты Нобелевской премии : энциклопедия / редкол.: Губский Е. Ф. (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1992. – Кн. 2 : М–Я. – С. 429–432.

м13898Сб, м13896Кх, м13897Чз

Чудакова, М. О. Три «советских» Нобелевских лауреата : [А. И. Солженицын (1970 г.)] // Новые работы, 2003–2006 / Мариэтта Чудакова. – Москва, 2007. – С. 193–233. – (Диалог).

1Аб134835, 1Чз159875

Шитов, А. Страсти по нобелевским лауреатам / Андрей Шитов // Эхо планеты. – 2011. – № 8. – С. 33–35 : ил. – Оценка личности и творчества Б. Пастернака и А. Солженицына в рассекреченных материалах из архивов ЦРУ и ФБР.

Воспоминания об А. Солженицыне

Андреева-Карлайл, О. Солженицын: в круге тайном / О. Андреева-Карлайл // Столица. – 1991. – № 27. – С. 48–49. – Воспоминания о встречах с писателем.

Вишневская, Г. Солженицын и Ростропович / Галина Вишневская // Юность. – 1989. – № 6. – С. 72–73 ; № 7. – С. 81–94. – Фрагменты из автобиографической книги «Галина», изданной в Париже в 1985 г.

Горлов А. Случай на даче / А. Горлов // Нева. – 1991. – № 5. – С. 130–131.

Гродзенский, С. Я. Воспоминания об Александре Солженицыне и Варламе Шаламове / С. Я. Гродзенский. – Москва: Проспект, 2016. – 173, [2] с. – Библиография: с. 171–174.

1Аб215122

Гродзенский, С. Миша / Сергей Гродзенский // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 59–64. – Воспоминания о А. Солженицыне.

Жуков, Н. Встречи с Солженицыным : [дневниковые записи 1971, 1973 гг. / Н. Жуков ; публикацию подготовил к печати С. Панасенко] // Народный депутат. – 1990. – № 7. – С. 113–118 : ил.

Игнат Солженицын. Об отце, уроках и чистке снега, или Жизнь писателя глазами собственной семьи // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2008. – 10 декабря (№ 50). – С. 43.

Копелев, Л. З. Марфинская шарашка / Л. З. Копелев // Вопросы литературы. – 1990. – № 7. – С. 84–96. – Отрывки из воспоминаний об А. И. Солженицыне.

Кузнецова, Т. Разрыв : воспоминания... адвоката А. Солженицына / Т. Кузнецова ; [беседу вёл Д. Варский]. Приказ начальника Главного управления по охране Государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, 14 февраля 1974 г. : [об изъятии произведений Солженицына из фондов библиотек и книготорговой сети / П. Романов ; публикация и комментарии А. Василевского] // Родина. – 1990. – № 11. – С. 49–53 : ил.

Орлов, В. Встреча с Натальей Солженицыной в РНБ / Виктор Орлов // Библиотечное дело. – 2009. – № 4. – С. 37.

Чуковская, Л. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне / Лидия Чуковская ; подготовка текста, вступительная заметка, примечания и публикация Е. Ц. Чуковской // Новый мир. – 2008. – № 9. – С. 70–138.

Юбилейные даты

Архангельский, А. Архипелаг Солженицына : великому русскому писателю — 75 / А. Архангельский // Новое время. – 1993. – № 51. – С. 40–42.

Елисеев, Н. Победитель не получает ничего : к 80-летию со дня рождения / Н. Елисеев // Новое время. – 1998. – № 50. – С. 40–41.

Запевалов, В. Н. Международная научная конференция «Академик А. И. Солженицын. К 85-летию со дня рождения» / В. Н. Запевалов // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 248–253.

Кулешова, А. В. Alexandre Issaievitch Soljenitsyne (1918–2008) / А. В. Кулешова // Иностранные языки в школе : методическая мозаика. – 2018. – № 5. – С. 5–11. – Материал к 100-летию юбилею писателя.

Лавренов, П. Александру Солженицыну — 80 / П. Лавренов // Книжное обозрение. – 1998. – 15 декабря (№ 50). – С. 8.

Любомудров, А. М. Академик А. И. Солженицын : к 90-летию со дня рождения / А. М. Любомудров // Русская литература. – 2009. – № 4. – С. 226–230.

Мильштейн, И. Мессия, которого мы потеряли : [к 85-летию со дня рождения А. И. Солженицына] / И. Мильштейн // Новое время. – 2003. – № 50. – С. 32–35.

Михайлов, С. «Братство, скрепленное родством душ» : к 90-летию Александра Исаевича Солженицына (1918–2008) / Сергей Михайлов // Москва. – 2008. – № 12. – С. 3–5. – О деятельности Русского общественного фонда Александра Солженицына, созданного для помощи политзаключённым и их семьям.

Нодель, Ф. А. Как он входил в нашу жизнь : к 100-летию со дня рождения А. И. Солженицына / Феликс Абрамович Нодель // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 2018. – № 5/6. – С. 54–59.

Платек, Я. Гомер своего времени / Я. Платек // Музыкальная жизнь. – 2008. – № 12. – С. 16–19. – К 90-летию со дня рождения Александра Солженицына. Музыка в произведениях А. И. Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом».

Приходько, Т. Убежденный провинциал : [ко дню рождения А. Солженицына] / Тамара Приходько // Литературная газета. – 2009. – 16–22 декабря (№ 51). – С. 6.

«Путь А. И. Солженицына в контексте Большого Времени» : международная конференция // Библиотекосведение. – 2009. – № 1. – С. 8–10, 2 фот.

Путь Солженицына в контексте Большого Времени : сборник памяти, 1918–2008 / сост., подгот. текста, общ. ред. Л. И. Сараскиной. – Москва : Русский путь, 2009. – 478, [1] с.

1Чз210671

А. И. Солженицын. Писатель и философ : к 95-летию со дня рождения А. И. Солженицына // Философские науки. – 2014. – № 2. – С. 63–74.

Третьяков, В. Т. Альтруизм Солженицына : конспект статьи, написанной к 85-летию великого писателя / Виталий Третьяков // Российская газета. – 2003. – 18 декабря. – С. 3.

Юбилейная церемония в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» // Библиотекосведение. – 2009. – № 1. – С. 10–11, 1 фот. – В память об Александре Исаевиче Солженицыне 11 декабря 2008 г. в Большом зале Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» состоялась церемония гашения юбилейного конверта с оригинальной маркой, выпущенного в честь 90-летия со дня рождения писателя.

А. Солженицын и писатели России и СССР

Абрамов, Ф. Кого ждет время. Шолохов и Солженицын : черновые заметки к задуманной статье / Ф. Абрамов // Нева. – 2010. – № 4. – С. 140–148.

Бойко, Н. Обделенные и обиженные : [субъективная критика в адрес Г. П. Вишневской, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева] / Нина Бойко // Молодая гвардия. – 2013. – № 3. – С. 265–280. – Автор критически отзываясь о таких русских писателях и деятелях искусства, как Г. П. Вишневская, А. И. Солженицын, В. П. Астафьев. Точка зрения автора достаточно субъективна.

Войнович, В. Н. Войнович в роли судьи и пророка : [об А. И. Солженицыне : отрывок из кн. «Портрет на фоне мифа»] / В. Н. Войнович // Московский комсомолец. – 2002. – 8 июня. – С. 7.

Войнович, В. Н. Испытание мифом : [об А. И. Солженицыне : беседа с писателем В. Н. Войновичем] / В. Н. Войнович ; записали А. Шаталов, А. Щуплов // Российская газета. – 2002. – 11 июня. – С. 8.

Войнович, В. Н. Нашедший правоту : [о А. И. Солженицыне : отрывок из кн. «Портрет на фоне мифа»] / В. Войнович // Книжное обозрение. – 2002. – 3 июня (№ 23/24). – С. 31.

Войнович, В. Одна тень Ивана Денисовича : Войнович о Солженицыне : [беседа с писателем / В. Н. Войнович ; записал Илья Мильштейн] // Новое время. – 2002. – № 32. – С. 26–30.

Докторов, Г. Не стоило этого делать / Г. Докторов // Звезда. – 2003. – № 6. – С. 179–181. – Рец. на кн.: Портрет на фоне мифа / Владимир Войнович. – Москва : ЭКСМО-пресс, 2002. – 190 с.

Золотусский, И. С пустым заглавием : (о пасквиле В. Войновича о Солженицыне) // Прощай, XX век! Русские писатели. Сокровенные встречи / Игорь Золотусский. – Москва : Алгоритм, 2008. – С. 60–68.

Аб135383, Дб135384, Чз135382, Дч135385

Иванова, Н. Меня упрекали во всем, кроме погоды... А. Солженицын и И. Бродский / Н. Иванова // Знамя. – 2000. – № 8. – С. 183–191.

Иванова, Н. Сезон скандалов : Войнович против Солженицына / Н. Иванова // Знамя. – 2002. – № 11. – С. 186–187.

Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР, 1967–1970 / публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской ; составление, примечания и послесловие Ю. Буртина // Октябрь. – 1990. – № 8. – С. 174–198 ; № 9. – С. 167–204 ; № 10. – С. 178–203.

Красухин, Г. «Портрет на фоне мифа» и его критики / Г. Красухин // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 77–92. – О писателях В. Н. Войновиче и А. И. Солженицыне.

Круглов, Ю. Деяние, близкое к святотатству : (Шолохов и Солженицын) / Юрий Круглов, Татьяна Владимирова // Молодая гвардия. – 2008. – № 11/12. – С. 215–284. – О негативной роли, которую сыграл в жизни М. Шолохова А. Солженицын, по мнению авторов статьи.

Лакшин, В. Булгаков и Солженицын: к постановке проблемы / В. Лакшин // Советская библиография. – 1992. – № 2. – С. 95–101.

Лакшин, В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» / В. Лакшин ; [предисловие и послесловие редактора] // Литературное обозрение. – 1994. – № 1/2. – 2-я с. обл., с. 26–49.

Лосев, Л. Солженицын и Бродский как соседи / Л. Лосев // Звезда. – 2005. – № 5. – С. 93–98.

Лукьянова, Л. Духовный диалог: И. А. Ильин и А. И. Солженицын / Л. Лукьянова // Москва. – 1998. – № 11. – С. 126–132.

Лукьянова Л. Оздоровляющее жизненное чувство: Солженицын о Пушкине / Лада Лукьянова // Москва. – 1999. – № 10. – С. 193–198. – Библиография: 10 назв.

Лосев, Л. В. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 447 с. – (Жизнь замечательных людей).

Аб122366, Иц129665, Чз129664

Михайлик, Е. Потомки и соучастники / Елена Михайлик // Новый мир. – 2011. – № 10. – С. 196–198. – Рец. на кн.: Солженицын и Бродский как соседи / Л. Лосев. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с.

Небольсин, С. Шолохов, Пушкин, Солженицын / С. Небольсин // Наш современник. – 1992. – № 5. – С. 180–192.

Павлов, Ю. Александр Солженицын о творчестве Василия Белова / Юрий Павлов // Наш современник. – 2015. – № 4. – С. 232–242.

Погорелая, Е. [Рецензия] / Е. Погорелая // Вопросы литературы. – 2011. – № 5. – С. 480–483. – Рец. на кн.: Солженицын и Бродский как соседи / Л. Лосев. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с. ; Меандр. Мемуарная проза / Л. Лосев. – Москва : Новое издательство, 2010. – 430 с.

Рублевская, Л. Миф, писатель, апостол? И это все о нем: [белорусские писатели об Александре Солженицыне] / Людмила Рублевская // Советская Белоруссия. – 2004. – 21 января. – С. 4–5.

Сараскина, Л. «Роман высшей напряженности»: А. И. Солженицын о романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / Л. Сараскина // Литературная газета. – 2003. – 15–21 января (№ 1). – С. 1, 3.

Сачанка, Б. Напісана пярэмом... : [пра адносіны І. Мележа да творчасці А. Салжаніцына] / Барыс Сачанка // Літаратура і мастацтва. – 1990. – 1990. – 5 кастрычніка. – С. 5.

Серебрякова, Е. Г. Солженицын как текст в литературно-публицистической практике диссидентов / Серебрякова Елена Геннадьевна // Вопросы культурологии. – 2014. – № 1. – С. 84–88.

Слово о Солженицыне: [выступления на вечере в клубе фабрики им. Баумана, Москва, декабрь 1988 г.: стеногр. с сокр. / Солоухин В., Шафаревич И., Крупин В., Бородин Л., Распутин В.; предисловие редактора] // Наш современник. – 1990. – № 1. – С. 58–67.

Солженицын успел наградить солдата // Эхо планеты. – 2009. – № 10. – С. 48: ил. – Лауреатом престижной литературной премии Александра Солженицына за 2009 год стал выдающийся прозаик Виктор Астафьев.

Сохряков, Ю. И. Зараза чужебесия // Творчество Ф. М. Достоевского и русская проза XX века (70–80-е годы) / Юрий Сохряков. – Москва, 2002. – С. 186–204. – Библиография в примечаниях. – О творчестве А. И. Солженицына и Ф. М. Достоевского.

IKx98083

Чуковская, Е. Ц. «Чукоккала» и около: статьи, интервью / Елена Чуковская. – Москва: Русский Мир: Жизнь и мысль, 2014. – 474, [1] с. – (Литературная премия Александра Солженицына).

IKx210732

Шубинский, В. Парадоксы книжника / Валерий Шубинский // Новый мир. – 2011. – № 10. – С. 193–196. – Рец. на кн.: Меандр / Л. Лосев. – Москва: Новое издательство, 2010. – 430 с.; Солженицын и Бродский как соседи / Л. Лосев. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с.

А. Солженицын и зарубежные писатели

Бёлль, Г. Четыре статьи о Солженицыне: пер. с нем. / Г. Бёлль; вступительное слово В. Лакшина // Иностранная литература. – 1989. – № 8. – С. 228–237. – Публикуются статьи о рассказах, романе, документальной прозе.

Бьеркегрэн, Х. Когда переводишь гонимого писателя / Х. Бьеркегрэн // Новое время. – 1992. – № 51. – С. 37–39. – Заметки шведского поэта и переводчика о работе над переводами произведений А. Солженицына.

Лиокумович, Т. «Александр Солженицын и Польша» / Т. Лиокумович // Книжное обозрение. – 1997. – 12 августа (№ 32). – С. 12. – Автор статьи о своей книге (Познань, 1997). К истории русско-польских литературных связей.

Нива, Ж. Модели будущего в русской культуре / Жорж Нива // Звезда. – 1995. – № 10. – С. 208–213.

Нива, Ж. Писать по-русски: из книги «Солженицын» / Жорж Нива // Русская речь. – 1990. – № 5. – С. 19–34.

Нива, Ж. Солженицын : главы из книги / Жорж Нива ; пер. с фр. С. Маркишь в сотрудничестве с автором // Дружба народов. – 1990. – № 4. – С. 50–266 ; № 5. – С. 203–251.

Пирс, Д. Родственные души : западные собратья Солженицына по перу / Джозеф Пирс ; перевод с англ. Виктора Уляшева // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 3. – С. 205–216.

Солженицын: мыслитель, историк, художник : западная критика, 1974–2008 / [сост., вступ. ст., введ. к разд.: Э. Э. Эрикссон ; коммент. О. Б. Василевской]. – Москва : Русский путь, 2010. – 718, [1] с. – Библиография в подстрочных примечаниях и в конце статей.

1А6212523

Темпест, Р. О Солженицыне : с другого берега / Ричард Темпест // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 201–204.

У французов свой «Феномен Солженицына» // Эхо планеты. – 2009. – № 16. – С. 44. – В Париже вышла монография о жизни и деятельности А. Солженицына «Феномен Солженицына», автором которой является славист и близкий друг Александра Исаевича Жорж Нива.

Литературное творчество

Общие работы

Архангельский, А. О символе бедном замолвите слово : «малая» проза Солженицына : «поэзия и правда» / Александр Архангельский // Литературное обозрение. – 1990. – № 9. – С. 20–24.

Архангельский, А. Н. У парадного подъезда : лит. и культур. ситуации периода гласности (1987–1990) / Александр Архангельский. – Москва : Советский писатель, 1991. – 330, [2] с. – Из содержания: О символе бедном замолвите слово... («поэзия и правда» в малой прозе А. Солженицына). – С. 245–263.

1097612Аб, 1096085Кх, 1096086Чз

Барабанова, М. В. Идея страдания в творчестве Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына / Барабанова Мария Владимировна // Литература в школе. – 2012. – № 1. – С. 11–13. – Библиография в примечаниях.

Беличенко, Ю. «Распорядок в стране надо чистить...» : заметки о военной прозе А. Солженицына / Ю. Беличенко // Красная звезда. – 1999. – 2 июля.

Бондаренко, В. Стержневая словесность / Владимир Бондаренко // Литературная Россия. – 1989. – 26 мая (№ 21). – С. 10–11. – О прозе А. Солженицына.

Вайль, П. Поиски жанра. Александр Солженицын / П. Вайль, А. Генис // Октябрь. – 1990. – № 6. – С. 197–202.

Вакамия, Л. Р. Риторические конструкции репатриации в произведениях Александра Солженицына / Лиза Риоко Вакамия ; пер. В. Уляшев // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 3. – С. 232–245.

Вознесенская, Т. Лагерный мир А. Солженицына: тема, жанр, смысл / Т. Вознесенская // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 20–24.

Воронов, Ф. В поисках истины : к публикации прозы А. Солженицына / Ф. Воронов // Литературная Россия. – 1989. – 7 июля. – С. 16–17.

Голубков, М. Русский национальный характер в эпосе Александра Солженицына / М. М. Голубков // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 135–146.

Елисеев, Н. Л. Отечественная / Никита Елисеев // Звезда. – 2015. – № 7. – С. 248–260. – О стихотворении И. Бродского «На смерть Жукова» и пьесе А. Солженицына «Пир победителей».

Жигалова, М. П. Обзор творчества А. Солженицына / М. П. Жигалова // Русская литература XX века в старших классах : пособие для учителей общеобразовательных школ / М. П. Жигалова. – Минск, 2003. – С. 158–165.

1А669030, 1Ч369029, 1Ч369028

Зайцев, В. А. Александр Иванович Солженицын / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко // История русской литературы второй половины XX века / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. – Москва, 2008. – С. 360–374.

1Ч3128955, 1А6135395

Зайцев, П. Один век Александра Исаевича / П. Зайцев // Российская газета. – 2008. – 8 декабря. – С. 7.

Залыгин, С. Год Солженицына / Сергей Залыгин // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 233–240. – О публикации произведений А. И. Солженицына в Советском Союзе.

Золотухина, Л. Дети читают Солженицына : опыт межпредметной интеграции / Л. Золотухина, А. Чернышова // Искусство в школе. – 2012. – № 1. – С. 20–21.

Кондратенко, Е. В. Нравственные уроки А. И. Солженицына / Е. В. Кондратенко // Педагогика. – 2009. – № 8. – С. 94–108. – Статья посвящена творчеству выдающегося русского мыслителя А. И. Солженицына.

Кирдяева, О. И. Aleksandr Isayevich Solzhenitsyn (1918–2008) / О. И. Кирдяева // Иностранные языки в школе : методическая мозаика. – 2018. – № 5. – С. 12–21.

Кузнецов, П. Три революции: 1789, 1917, 1991 : послесловие к Жозефу де Местру и Александру Солженицыну / П. Кузнецов // Звезда. – 2010. – № 12. – С. 181–194.

Кулакова, Е. Ю. «Как пламень, русский ум опасен...» / Е. Ю. Кулакова // Читаем, учимся, играем. – 2011. – № 3. – С. 63–72. – Сценарий для проведения литературной гостиной по творчеству А. Солженицына.

Ланин, Б. А. Проза русской эмиграции (третья волна) : пособие для преподавателей литературы / Ланин Борис Александрович. – Москва : Новая школа, 1997. – 207 с. – Из содержания: А. И. Солженицын. С. 177–193.

1Кх29342, 1Ч329343

Ланин, Б. А. Творчество А. И. Солженицына / Б. А. Ланин // Русская литература XI–XX вв. : пособие для абитуриентов / под ред. Н. И. Якушина, В. И. Баранова. – Москва, 2004. – С. 471–478.

1А6116572, 1Ч3116571

Лапіцкая, А. Праведнік — таксама стваральнік / Алеся Лапіцкая // Літаратура і мастацтва. – 2008. – 12 снежня (№ 50). – С. 12.

Лейдерман, Н. Л. Александр Солженицын / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Русская литература XX века (1950–1990-е годы) : учеб. пособие для студентов вузов : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва : Академия, 2008. – Т. 1 : 1953–1968. – С. 260–316.

1Ч3135386, 1А6135387

Лосев, Л. Поэзия и правда у Солженицына / Л. Лосев // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 30–38.

Мавлевич, Н. Читать Солженицына в школе никогда не рано / Наталья Мавлевич // Семья и школа. – 2011. – № 2. – С. 2–5.

Медведев, Р. А. Русский вопрос по Солженицыну / Р. А. Медведев // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 100–115. – Библиография: с. 114–115 (59 назв.).

Минералов, Ю. И. История русской литературы, 90-годы XX века : учеб. пособие для вузов / Ю. И. Минералов. – Москва : ВЛАДОС, 2004. – 221 с. – (Учебное пособие для вузов).

*1А674570, 1А674569, 1Дс74571,
1Чз74568, 1Чз74567, 1Дч74573, 1Дч74572*

Мирошкин, А. Ноябрь шестнадцатого / Андрей Мирошкин // Книжное обозрение. – 2006. – 20–26 ноября (№ 47). – С. 10. – О презентации Собрания сочинений А. Солженицына.

Михалкина, Т. А. Диалектная лексика и ее функционирование в языке произведений А. И. Солженицына / Т. А. Михалкина // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 1998. – № 5. – С. 72–79.

Міхалкіна, Т. А. Лексічныя новаўтварэнні А. І. Салжаніцына / Т. А. Міхалкіна // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. – 1998. – № 1. – С. 39–42.

Мурин, Д. Н. Один час, один день, одна жизнь человека в рассказах А. И. Солженицына / Д. Н. Мурин // Литература в школе. – 1990. – № 5. – С. 103–109.

Мушинская, Т. Ф. А. И. Солженицын : [биография ; о произведениях «Матренин двор», «Архипелаг ГУЛАГ»] // Русская литература XX века : учебное пособие для абитуриентов / Т. Ф. Мушинская. – Минск, 2003. – С. 416–426.

1А675439, 1А674014, 1Дс75440, 1Чз74139, 1Дч75441

Мушинская, Т. Ф. Александр Исаевич Солженицын / Т. Ф. Мушинская // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2008. – № 3. – С. 18–24. – Библиография: 4 назв.

Неверов, А. Неудобность служения : [творчество А. Солженицына] / Александр Неверов // Труд. – 1998. – 2 июля. – С. 3.

Нива, Ж. О двух подвигах Солженицына / Жорж Нива // Звезда. – 2009. – № 6. – С. 196–198. – «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо».

Нива, Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами / Жорж Нива // Звезда. – 2003. – № 12. – С. 143–147.

Паламарчук, П. Александр Солженицын : путеводитель / Петр Паламарчук // Москва. – 1989. – № 9. – С. 180–202 ; № 10. – С. 184–203 ; Литература в школе. – 1989. – № 5. – С. 16–31.

Роговер, Е. С. Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) // Русская литература XX века : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Е. С. Роговер. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург ; Москва, 2008. – С. 469–482.

1Чз132627

Пумпянский, А. Во сне или наяву? / А. Пумпянский // Новое время. – 1989. – № 52. – С. 44–48. – О возвращении на Родину произведений А. Солженицына.

Пумпянский, А. Возвращение / А. Пумпянский // Новое время. – 1994. – № 21. – С. 4–6. – О возвращении произведений А. Солженицына.

Рутыч, Н. Военная интеллигенция в творчестве Солженицына // Литературная Россия. – 1990. – 12 октября (№ 41). – С. 14–15.

Садченко, В. Т. О «математичности» стиля А. Солженицына / В. Т. Садченко // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 39–41; 2007. – № 5. – С. 24–27. – Библиография: с. 27.

Сараскина, Л. Судьба как художественное произведение / Людмила Сараскина // Книжное обозрение. – 2011. – 7–20 февраля (№ 3). – С. 16. – Открытый урок по творчеству А. И. Солженицына.

Семенова, Г. «Чтобы слова не утекали как вода...»: о языке произведений А. И. Солженицына / Г. Семенова // Русская речь. – 1996. – № 5/6. – С. 19–28.

Семенова, Г. П. О языке произведений А. И. Солженицына / Г. П. Семёнова // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 19–31. – (Язык художественной литературы).

Серафимова, В. Д. А. И. Солженицын // Русская литература XX в. (вторая половина): 10–11 кл.: в 2 ч. / В. Д. Серафимова. – Москва, 2003. – Ч. 2: Русская литература XX в. (вторая половина). – С. 154–179.

1А674303, 1Дс80252, 1Чз74302, 1Дч79866

Симонова, Т. Г. Структурная организация мемуарной хроники в современной литературе (книги А. Солженицына, В. Быкова, А. Рыбакова) / Т. Г. Симонова // Сучасны літаратурны працэс: пісьменнік і жыццё: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (Мінск, 11 мая 2006 года) / [рэдкалегія: І. Г. Баўтрэль і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 268–273.

1Чз212867

Синюк, В. Б. Фразеологизмы — яркое средство выразительности у А. И. Солженицына / В. Б. Синюк // Русско-белорусское литературное взаимодействие: история, современное состояние, перспективы: материалы международной научной конференции, 18–19 декабря 2003 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»; под общ. ред. Н. И. Мищенчука. – Брест, 2004. – С. 134–137.

1Бо82006, 1Чз173229

Солженицын Александр Исаевич (род.в 1918 г.) // Большая школьная энциклопедия. Литература / В. В. Быкова и др. – Москва, 1999. – С. 648–655. – Из содержания: Повесть «Один день Ивана Денисовича»; «Матренин двор»; «Архипелаг ГУЛАГ».

А. И. Солженицын // История русской литературы XX – начала XXI века: учебник для вузов: в 3 ч. / сост. и науч. ред. В. И. Коровин. – Москва, 2014. – Ч. 2: 1925–1990 годы. – С. 358–394.

1чз196892

Солженицын Александр Исаевич // Русская литература XX века: учеб.-метод. пособие: в 2 ч. / авт.-сост.: А. Ф. Калашникова, О. П. Ракова. – Минск, 2002. – Ч. 2: Литература 70–80-х годов. – С. 78–86. *1Чз75224*

А. И. Солженицын (1918–2008) // Русская литература XX века : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. / Л. П. Кременцов [и др.] ; под ред. Л. П. Кременцова. – Москва, 2005. – Т. 2 : 1940–1990-е годы. – С. 111–120. – Библиография: с. 120. *1Чз91965*

А. И. Солженицын // Русская литература XX века : учебное пособие для поступающих в ВУЗы. – Москва, 1996. – С. 88–95.

1Кх18358, 1Чз18360, 1Чз18359

Солженицын Александр Исаевич (род. в 1918 г.) // Русская проза конца XX века : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Т. М. Колядич. – Москва, 2005. – С. 320–337. – Библиография: 6 названий.

1А698642, 1А697757, 1А692306, 1Иц98643, 1Кх97666, 1Чз92305

Солженицын Александр Исаевич (род. в 1918 г.) // Современная русская литература : анализ произведений школьной программы / [сост.: Д. И. Довнор, А. И. Запольский]. – Минск, 2003. – С. 207–237. – (В помощь школьнику).

1Иц84716, 1До92242, 1До200166, 1Чз72934, 1Дч127681

Солженицын Александр Исаевич (род. 11.12.1918) // Вся русская литература : учеб. пособие / авт.-сост. И. Л. Копылов. – Минск, 2002. – С. 755–799. – (Учебное пособие).

1Чз61978

Солженицына, Н. Д. Читать Солженицына в школе никогда не рано / Н. Д. Солженицына // Семья и школа. – 2011. – № 2. – С. 2–5.

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2011. – № 5. – С. 9–14 ; № 6. – С. 16–20 ; № 7. – С. 7–11 ; № 10. – С. 10–14. – Биография А. Солженицына и его родных: отца, матери, дедов, образы родных в творчестве писателя. – Библиография в примечаниях.

Шуралев, А. Освобожденная душа : [тема свободы в системе уроков по творчеству О. Волкова, В. Дудинцева, А. Солженицына и др.] / А. Шуралев // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 2001. – 16–22 апреля. – С. 2–4. – (Школа в школе).

Отдельные произведения

Савельев, И. Эта проза — живой организм : к 90-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына / Игорь Савельев // Новый мир. – 2008. – № 12. – С. 171–176. – Примечания в сносках. – О военной диалогии А. И. Солженицына 1998 года — рассказе «Желябугские выселки» и повести «Адлиг Швенкиттен».

Спиваковский, П. Е. История, душа и «эго» / П. Е. Спиваковский // Литературное обозрение. – 1996. – № 1. – С. 48–50. – Рец. на: Два рассказа : Эго ; На краях / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1995. – № 5. – С. 12–50.

Сухих, И. Н. Русская литература для всех. От Блока до Бродского / И. Н. Сухих. – Санкт-Петербург : Лениздат : Команда А, 2013. – 729, [1] с. : ил. – (Классное чтение!).

1До178134

Темпест, Р. Александр Солженицын — (анти)модернист / Ричард Темпест // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 246–263.

Темпест, Р. Герой как свидетель : мифопоэтика А. Солженицына / Ричард Темпест // Звезда. – 1993. – № 10. – С. 180–191.

Темпест, Р. К проблеме героического мировоззрения : (Солженицын и Ницше) / Ричард Темпест // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 93–108.

Умеров, Ш. Александр Солженицын и ненасилие / Ш. Умеров // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 49–54.

Урманов, А. В. Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 380 с. – Библиография: с. 342–253.

1А6138745, 1Чз138744

Фридендер, Г. М. О Солженицыне и его эстетике / Г. М. Фридендер // Русская литература. – 1993. – № 1. – С. 92–99.

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2011. – № 11. – С. 11–17. – А. Солженицын всем своим творчеством напоминает о том, что вырождение нравственности ведёт к разрушению человека и мира в целом.

Чуковская, Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966 / Л. К. Чуковская // Нева. – 1996. – № 8. – С. 5–104. – О читательских предпочтениях А. Ахматовой, в том числе её впечатлении после прочтения рассказов А. Солженицына «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка».

Шпаковский, И. И. Авторская позиция и формы ее речевого воплощения в «малой прозе» А. И. Солженицына / И. И. Шпаковский // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики : сборник научных статей / отв. ред. Т. Е. Автухович ; УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы». – Минск, 2007. – С. 40–44.

1Кх212847

Ячменева, Т. Лагерная проза в русской литературе : (А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов) / Т. Ячменёва // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 1996. – № 32 (август). – С. 10–11.

Архипелаг ГУЛАГ

Арсланов, В. Трудные вопросы Кенгира / В. Арсланов // Октябрь. – 1990. – № 12. – С. 179–186. – По страницам «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

«Архипелаг ГУЛАГ» читают на родине : из писем в редакцию «Нового мира», 1989–1990 / публикацию подготовили Борисов В. М., Левитская Н. Г. ; примеч. Юрасова Д. Г. // Новый мир. – 1991. – № 9. – С. 233–248.

Архипелаг ГУЛАГ // Русская проза конца XX века : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Т. М. Колядич. – Москва, 2005. – С. 330–334.

1А698642, 1А697757, 1А692306, 1Иц98643, 1Кх97666, 1Чз92305

Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования // 100 запрещенных книг : цензурная история мировой литературы / Н. Дж. Каролидес [и др.] ; пер. с англ. Э. Богдановой. – Екатеринбург, 2008. – С. 42–51.

1А6135407, 1Иц135409, 1Чз135406, 1Дч135408

Баранов, В. Все ли дозволено Юпитеру, или К истории одних преждевременных похорон : [по поводу некоторых суждений автора об А. М. Горьком в кн. «Архипелаг ГУЛАГ»] / В. Баранов // Независимая газета. – 1998. – 27 марта. – С. 12. – (Кулиса «НГ» ; № 6).

Борисов, В. М. «Архипелаг ГУЛАГ» читают на Родине : из писем в редакцию «Нового мира», 1989–1990 / В. М. Борисов, Н. Г. Левитская // Новый мир. – 1991. – № 9. – С. 233–251.

Бродский, И. География зла / И. Бродский ; публ. В. Куллэ // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 4–8. – Рец. на кн.: Архипелаг ГУЛАГ.

Виноградов, И. Не верь, не бойся, не проси / И. Виноградов // Московские новости. – 1989. – № 45. – С. 12. – «Архипелаг ГУЛАГ».

Галкин, А. Историю надо помнить : об исторической концепции А. И. Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАГ» // Литературное обозрение. – 1990. – № 8. – С. 13–16.

Еремина, Т. Я. Учебно-исследовательская конференция по книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» / Т. Я. Еремина. – Москва : Чистые пруды, 2010. – 30 с. – (Библиотечка «Первого сентября»).

1Чз141114

Жить не по лжи : сборник материалов, август 1973 – февраль 1974. – Париж, 1975. – 204 с. – Сборник материалов посвящён выходу «Архипелага ГУЛАГ» в декабре 1973 г. в Париже.

1Кх44037

Жить не по лжи : Февраль 74-го — страницы Самиздата / [примеч. ред.] // Юность. – 1990. – № 5. – С. 4–8.

Зазорина, Т. О смерти Елизаветы Денисовны Воронянской : [к истории уничтожения рукописи А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», публикация документов 1973 г.] / Т. Зазорина, В. Иоффе // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 81–83.

Иванова, Н. Пройти через отчаяние / Н. Иванова // Юность. – 1990. – № 1. – С. 86–90. – Рец. на: Архипелаг ГУЛАГ (1918–1956) : [главы из книги] / А. Солженицын // Новый мир. – 1989. – № 8–11.

Латынина, А. Крушение идеократии : от «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ» / А. Латынина // Литературное обозрение. – 1990. – № 4. – С. 3–8.

Медведев, Р. О книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» / Р. Медведев // Правда. – 1989. – 18 декабря.

Медведев, Р. А. О третьем томе «Архипелага ГУЛАГ» / Р. А. Медведев // Правда. – 1990. – 26 августа. – С. 1, 4.

Медведев, Р. «Архипелаг ГУЛАГ» : [о 2-м томе книги] / Р. Медведев // Правда. – 1990. – 18 мая. – С. 3.

Михайлик, Е. Не отражается и не отбрасывает тени : «закрытое» общество и лагерная литература / Е. Михайлик // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6. – С. 356–375. – «Архипелаг ГУЛАГ».

Платек, Я. Гомер своего времени / Я. Платек // Музыкальная жизнь. – 2008. – № 12. – С. 16–19. – К 90-летию со дня рождения Александра Солженицына. Музыка в произведениях А. И. Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом».

Проза 1970–1990-х годов. ГУЛАГ в современной прозе // Русская литература XX века : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. / Л. П. Кременцов [и др.] ; под ред. Л. П. Кременцова. – Москва, 2005. – Т. 2 : 1940–1990-е годы. – С. 284–286.

1Чз91965

Пронина, Е. Книга А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» для школы / Елена Пронина // Литература в школе. – 2011. – № 1. – С. 47.

Резниченко, Г. Возвращение изгнанника : как был напечатан «Архипелаг ГУЛАГ» : из книги «„Новый мир“ в эпоху перестройки» / Г. Резниченко // Родина. – 1991. – № 11/12. – С. 8.

Речков, О. [Полностью поддерживаю...]/ О. Речков // Новое время. – 1990. – № 1. – С. 3. – Отзыв на статью: Во сне или наяву? / А. Пумпянский // Новое время. – 1989. – № 52. – С. 44–48. – О книге «Архипелаг ГУЛАГ».

Самутин, Л. А. Не сотвори себе кумира / Л. А. Самутин ; публикация капитана 2-го ранга С. Г. Ищенко // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 19–27 ; № 10. – С. 46–55 ; № 11. – С. 67–77. – Воспоминания одного из помощников А. Солженицына, хранившего экземпляр рукописи «Архипелага ГУЛАГ», изъятый КГБ в августе 1973 г.

Синюк, В. Б. «Чудовище, пожирающее людей...» : (фигуры и тропы в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») / В. Б. Синюк // V рэспубліканскія Калеснікаўскія чытанні : матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, прысвечаныя 10-годдзю з дня смерці У. А. Калесніка, Брэст, 24–26 лютага 2005 года / рэдкалегія: З. П. Мельнікава і інш. – Брэст, 2005. – С. 261–265.

1Чз212832, 1Бо92093, 1Бо90132, 1Бо90131

Стреляный, А. «Не верь, не бойся, не проси!». Мировоззрение Александра Солженицына : (по «Архипелагу ГУЛАГ» и «Гарвардской речи») / Анатолий Стреляный // Звезда. – 1989. – № 11. – С. 193–202.

Сурганов, В. Один в поле воин / В. Сурганов // Литературное обозрение. – 1990. – № 8. – С. 5–13. – О книге «Архипелаг ГУЛАГ».

Сухих, И. Н. Сказание о тритоне (1958–1969). «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына / И. Н. Сухих // Русский канон : книги XX века / И. Н. Сухих ; ред. Т. Тимакова. – Москва, 2013. – С. 575–617.

1А6212408, 1Чз201960

Сухих, И. Н. Сказание о тритоне : (1958–1968. «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына) // Двадцать книг XX века : эссе / И. Н. Сухих. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 350–387.

1Чз147446, 1А6147447

Сухих, И. Н. Сказание о тритоне : (1958–1968. «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына) // Звезда. – 2001. – № 12. – С. 214–226.

Формозов, Н. Метаморфоза одной метафоры. Комментарий зоолога к прологу «Архипелага ГУЛАГ» / Н. Формозов // Новый мир. – 2011. – № 10. – С. 134–153.

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве. Глава VI. «Окаменелая наша слеза» : («Архипелаг ГУЛАГ» — чаша страданий, трагическая страница истории) / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2012. – № 1. – С. 5–11.

Чуйков, В. От имени живых и погибших : письмо А. Солженицыну в связи с изд. кн. «Архипелаг ГУЛАГ» / В. Чуйков // Диалог. – 1995. – № 5/6. – С. 79–82.

Шумилин, Д. А. Тема страдания и возрождения личности в «Архипелаге ГУЛАГ» / Д. А. Шумилин // Литература в школе. – 1998. – № 8. – С. 36–44.

Эпштейн, М. Н. От золотого правила — к алмазному. Об этике дара и различия / Михаил Эпштейн // Человек. — 2009. — № 1. — С. 49–54. — «Архипелаг ГУЛАГ».

В круге первом

Басинский, П. Выйти из круга / Павел Басинский // Октябрь. — 1999. — № 1. — С. 189–190. — В связи с постановкой в Театре на Таганке (декабрь 1998 г.) спектакля по роману А. И. Солженицына «В круге первом».

Богомолов, Ю. Бодался Остап Ибрагимович с Александром Исаевичем : [о телевизионных художественных фильмах «В круге первом» по одноименному роману А. И. Солженицына и «Золотой теленок» по одноименному роману И. Ильфа и Е. Петрова] / Ю. Богомолов // Искусство кино. — 2006. — № 3. — С. 10–17.

Голованевский, А. Л. Диалоги в романе А. И. Солженицына «В круге первом» / А. Л. Голованевский, К. В. Коваленко // Русская речь. — 2009. — № 5. — С. 44–48. — Библиография: 9 назв.

Латынина, А. «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет» : два варианта «Круга» : взгляд из сегодня : [о романе А. И. Солженицына «В круге первом»] / А. Латынина // Новый мир. — 2006. — № 6. — С. 168–176.

Латынина, А. Н. За открытым шлагбаумом : литературная ситуация конца 80-х / Алла Латынина. — Москва : Советский писатель, 1991. — 335 с. — О романе А. И. Солженицына «В круге первом». — С. 6–44.

1086652Аб, 1086256Кх, 1086651Чз

Латынина А. «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет» : два варианта «Круга» : взгляд из сегодня / А. Латынина // Новый мир. — 2006. — № 6. — С. 168–176.

Лейдерман, Н. По принципу антисхемы : о романе А. Солженицына «В круге первом» / Наум Лейдерман // Звезда. — 2001. — № 8. — С. 191–205.

Лифшиц, М. О. О рукописи А. И. Солженицына... // Вопросы литературы. — 1991. — № 7. — С. 75–83. — Рец. на кн.: В круге первом : роман / А. Солженицын // Новый мир. — 1990. — № 5.

Немзер, А. С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» / А. С. Немзер // При свете Жуковского : очерки истории русской литературы / А. С. Немзер ; ред. Т. Тимакова. — Москва, 2013. — С. 796–822.

1А6210730

Немзер, А. Рождество и Воскресение : [о романе А. Солженицына «В круге первом»] / А. Немзер // Литературное обозрение. — 1990. — № 6. — С. 31–37.

Новодворская, В. И. Человек под вертикалью : [о телефильме режиссёра Г. Панфилова «В круге первом» по одноименному роману А. И. Солженицына] / В. И. Новодворская // Новое время. — 2006. — № 10. — С. 43.

Платек, Я. Гомер своего времени / Я. Платек // Музыкальная жизнь. — 2008. — № 12. — С. 16–19. — К 90-летию со дня рождения Александра Солженицына. Музыка в произведениях А. И. Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом».

Погорелая, Е. Версия действительности / Елена Погорелая // Вопросы литературы. – 2009. – № 4. – С. 97–104. – Экранизация романа «В круге первом».

Потолков, Ю. В. Вынес и эту дорогу железную... // Восхождение : статьи об изучении в школе произведений русской литературы XX в. / Ю. В. Потолков. – Брест, 2004. – С. 82–85. – О романе А. Солженицына «В круге первом».

1Кх82495

Свердлов, М. И. Битвы за классику / М. И. Свердлов // Вопросы литературы. – 2009. – № 4. – С. 105–114. – Экранизация «В круге первом».

Урманов, А. В. Роман «В круге первом» и проблема творческого метода А. Солженицына / А. В. Урманов // Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва, 2009. – С. 147–207.

1А6138745, 1Ч3138744

Чудакова, М. Критерий Спиридона : [о телеэкранизации романа А. И. Солженицына «В круге первом»] / М. Чудакова // Семья и школа. – 2006. – № 3. – С. 17–18.

Вязовое бревно

Курошина, Л. Н. Анализ миниатюры А. И. Солженицына «Вязовое бревно» / Л. Н. Курошина // Литература в школе. – 2011. – № 11. – С. 24–25. – Анализ миниатюры Солженицына: авторский неологизм, ассоциации.

Двести лет вместе

Бондаренко, В. Зачем Солженицын поднял еврейский вопрос : [о книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе»] / Владимир Бондаренко // Труд. – 2001. – 28 августа. – (Деловой вторник ; вып. 21).

В историческом пространстве хватит места для всех... : дискуссия по книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе» / Н. Д. Солженицына [и др.] // Москва. – 2001. – № 9. – С. 198–231.

Каджая, В. «Дело Бейлиса» и Александр Солженицын / Валерий Каджая // Новое время. – 2002. – № 8. – С. 32–35.

Каджая, В. Каленый клин. Саморазоблачение А. Солженицына. Том второй : [кн. «Двести лет вместе»] / В. Каджая // Новое время. – 2003. – № 24. – С. 30–32.

Костырченко, Г. Из-под глыб века : о второй части книги Александра Солженицына «Двести лет вместе» / Г. Костырченко // Родина. – 2003. – № 7. – С. 17–23.

Мелихов, А. М. Двести лет спустя / А. М. Мелихов // Нева. – 2002. – № 5. – С. 168–173. – Рец. на кн.: Двести лет вместе (1795–1995) / А. И. Солженицын. – Москва : Русский путь, 2001. – Ч. 1. – 508 с.

Мелихов, А. Завал обид на пути к общей сказке / А. Мелихов // Звезда. – 2004. – № 7. – С. 194–209. – «Двести лет вместе (1795–1995)».

Мелихов, А. Каленый клин / Александр Мелихов // Дружба народов. – 2002. – № 1. – С. 117–140. – Размышления о книге А. Солженицына «Двести лет вместе (1795–1995)», посвящённой русско-еврейскому вопросу.

Мелихов, А. Три послания : [по страницам кн. А. И. Солженицына «Двести лет вместе», посвящённой русско-еврейской теме] / А. Мелихов // Новое время. – 2001. – № 42. – С. 35–37.

Мильчин, К. Драка за бортом / Мильчин К. // Книжное обозрение. – 2003. – № 41. – С. 27. – О книге «Двести лет вместе».

Мильчин, К. Еще сто лет ненависти / К. Мильчин // Книжное обозрение. – 2003. – 20 января (№ 2). – С. 3. – Рец. на кн.: Двести лет вместе (1795–1995) : [в 2 т.] / Александр Солженицын ; [ред. Н. Д. Солженицына]. – Москва : Русский путь, 2002. – Т. 2. – 552 с.

Мурав, Х. Опасный универсализм : перечитывая «Двести лет вместе» Солженицына / Харриет Мурав // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 217–231.

Пирогов, Л. Двести лет вместе. Полет нормальный / Л. Пирогов // Независимая газета. – 2003. – 16 января. – С. 1. – (НГ-Ex-libris ; № 1). – Рец. на кн.: Двести лет вместе (1795–1995) : [в 2 т.] / Александр Солженицын ; [ред. Н. Д. Солженицына]. – Москва : Русский путь, 2002. – Т. 2. – 552 с.

Смит, И. Современный антиквариат / И. Смит // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 2. – С. 359–362. – Рец. на кн.: Двести лет вместе (1795–1995) / А. И. Солженицын. – Москва : Русский путь, 2001. – Ч. 1. – 508 с.

Фонталин, Л. Нужны ли России евреи : заметки по поводу второго тома кн. А. И. Солженицына «Двести лет вместе» / Л. Фонталин // Дружба народов. – 2003. – № 11. – С. 213–222.

Холмянская, Ф. И. Несколько замечаний о книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе» / Ф. И. Холмянская // Вопросы истории. – 2003. – № 5. – С. 174–175.

Черняк, А. Еврейский вопрос в России глазами Александра Солженицына : [по страницам книги «Двести лет вместе»] / Арон Черняк // Нева. – 2002. – № 4. – С. 194–204.

Двучастные рассказы

Курицын, В. Дымящаяся новизна : [о «Двучастных рассказах» А. Солженицына] / В. Курицын // Литературная газета. – 1995. – 15 ноября (№ 46). – С. 4.

Захар-Калита

Гуральник, Е. М. Воплощение авторского замысла в рассказе А. И. Солженицына «Захар-Калита» : урок-исследование : XI класс / Е. М. Гуральник // Литература в школе. – 1997. – № 4. – С. 124–135. – (Урок современной литературы).

Красное колесо

Аннинский, Л. Памяти Александра Солженицына / Л. Аннинский // Родина. – 2008. – № 9. – С. 35–36. – О произведении Александра Солженицына «Красное колесо».

Баршт, К. А. А. И. Солженицын на пути к «Красному колесу» : конференция в Доме русского зарубежья / Баршт К. А. // Русская литература. – 2012. – № 4. – С. 265–267.

Васильев, В. Ненависть : (заговор против русского гения) : [о Солженицыне и М. Шолохове] / В. Васильев // Молодая гвардия. – 1991. – № 11. – С. 239–263 ; № 12. – С. 225–235. – Рец. на кн.: Красное колесо : повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого / А. Солженицын // Наш современник. – 1990. – № 1.

Елисеев, Н. Л. «Август Четырнадцатого» Александра Солженицына — сквозь разные стекла / Никита Елисеев // Звезда. — 1994. — № 6. — С. 145–153.

Живов, В. Как вращается «Красное колесо» / Виктор Живов // Новый мир. — 1992. — № 3. — С. 246–249. — Литературная критика о романе.

Жидков, Г. П. «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка / Г. П. Жидков // Отечественная история. — 1994. — № 4/5. — С. 216–221.

Жизнь и творчество Александра Солженицына : на пути к «Красному Колесу» : материалы Международной научной конференции, Москва, 7–9 декабря 2011 года / [сост. Л. Сараскина ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына]. — Москва : Русский путь, 2013. — 557, [1] с. — Библиография в примечаниях в конце статей.

1А6212520

Из «Дневника Р-17 (1960–1991)» // Литературная газета. — 2003. — 10–16 декабря (№ 49). — С. 3. — Фрагменты дневниковых записей А. Солженицына, отражающих работу писателя над романом «Красное Колесо».

Кублановский, Ю. М. Образ императрицы в «Красном колесе» / Ю. М. Кублановский // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / сост. и предисл. М. Назарова. — Москва, 1991. — С. 397–416.

1А624848, м1790Кх, м1791Чз

Лесур, Ф. «Люби революцию» : пролог к «Красному Колесу» / Ф. Лесур // Жизнь и творчество Александра Солженицына : на пути к «Красному Колесу» : сборник статей / сост. Л. И. Сараскина. — Москва, 2013. — С. 328–336.

1А6212520

Ликвинцева, Н. В. Богословские и антропологические основания надежды в «Красном колесе» / Н. В. Ликвинцева // Философские науки. — 2014. — № 2. — С. 75–88. — Библиография в примечаниях.

Маерова, К. Заметки о языке и стиле эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо» / К. Маерова // Литературное обозрение. — 1999. — № 1. — С. 55–57.

Немзер, А. С. Диалог с русской классикой в «Августе четырнадцатого» / А. С. Немзер // При свете Жуковского : очерки истории русской литературы / А. С. Немзер ; ред. Т. Тимакова. — Москва, 2013. — С. 823–838.

1А6210730

Немзер, А. С. Как заканчивается «Красное колесо» / А. С. Немзер // При свете Жуковского : очерки истории русской литературы / А. С. Немзер ; ред. Т. Тимакова. — Москва, 2013. — С. 839–859.

1А6210730

Немзер, А. Прозревая Россию : заметки о «Марте Семнадцатого» / А. Немзер // Литературное обозрение. — 1990. — № 12. — С. 19–27.

Никольский, Б. Хрен вы его найдете, или Как мы печатали Солженицына / Б. Никольский // Нева. — 2004. — № 7. — С. 184–188. — К истории публикации в журнале «Нева» в 1991 г. «Марта Семнадцатого» А. И. Солженицына.

Поселягин, Н. [Рецензия на книгу «Красное колесо»] / Н. Поселягин // Вопросы литературы. — 2006. — № 2. — С. 360–363.

Потапов, В. Звезда, река, загадка... Заметки об «Августе Четырнадцатого» / В. Потапов // Литературное обозрение. — 1990. — № 11. — С. 18–22.

Потапов, В. Звезда, река, загадка... : [заметки об «Августе Четырнадцатого» А. И. Солженицына] / В. Потапов // Литературное обозрение. — 1990. — № 11. — С. 18–22.

Спиваковский, П. Е. Символика Вавилонской башни и мирового колодца в эпосе А. И. Солженицына «Красное колесо» / П. Е. Спиваковский // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2000. – № 2. – С. 27–39. – Библиография в примечаниях.

Спиваковский, П. Е. Четыре книги : новые исследования творчества Александра Солженицына / Павел Спиваковский // Вопросы литературы. – 2013. – № 5. – С. 460–472. – Анализ «Красного Колеса».

Суриков, В. О Солженицыне — читая «Август» / В. Суриков // Литературное обозрение. – 1993. – № 7/8. – С. 3–14.

Травин, Д. Я. Авторитарный тормоз для «Красного колеса»: [история предпосылки революции в эпосе А. И. Солженицына] / Д. Я. Травин // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 125–135.

Урманов, А. В. Душа и колючая проволока. Тема растреления, покаяния и духовного восхождения человека в книге «Архипелаг ГУЛАГ» / А. В. Урманов // Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва, 2009. – С. 208–242.

1А6138745, 1Ч3138744

Урманов, А. В. Художественное исследование катастрофы 1917 года в исторической эпосе «Красное колесо» / А. В. Урманов // Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва, 2009. – С. 243–341.

1А6138745, 1Ч3138744

Урок для тех, кто захочет его «выучить» : вышло новое издание книги А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» / подготовила Надежда Старовойтенко // Новое время. – 2014. – № 31 (29.09.2014). – С. 52–54.

Шмеман, А. Зрячая любовь / А. Шмеман // Диалог. – 1991. – № 18. – С. 76–81. – О романе А. Солженицына «Август Четырнадцатого».

Штурман, Д. Остановимо ли красное колесо? : размышления над заключительными Узлами эпоса А. Солженицына : [«Красное колесо»] / Д. Штурман // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 144–171.

Юдин, В. Величие и трагедия русского народа : (о «Красном колесе» А. И. Солженицына) / В. Юдин // Москва. – 1998. – № 11. – С. 132–138.

Якобсон, Р. Заметки об «Августе Четырнадцатого» : пер. с англ. / Р. Якобсон ; коммент. П. Е. Спиваковского // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 19.

Крохотки

Колобаева, Л. «Крохотки» / Л. Колобаева // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 39–44.

Кузнецова, Т. А. Тема Родины в «Крохотках» А. И. Солженицына / Т. А. Кузнецова // Литература в школе. – 2014. – № 11. – С. 4–9 (приложение: Уроки литературы).

Синюк, В. Б. Слово в образной перспективе текста : (А. И. Солженицын «Крохотки») // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы III международной научно-методической конференции, Брест, 22–23 ноября 2007 года / [редколлегия: Е. И. Абрамова, Г. В. Писарук, О. А. Фелькина]. – Брест, 2008. – С. 172–175.

1Б0119871

Матренин двор

Баталова, Т. Тема праведничества в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / Т. Баталова // Литература. Первое сентября. – 2006. – № 15. – С. 33–37.

Беляева, Н. Уроки Солженицына : читаем «Матренин двор» : 9 класс / Н. Беляева // Литература. Первое сентября. – 2006. – № 15. – С. 33–37.

Василенко, Е. Душа человека в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / Е. Василенко // Литература. Первое сентября. – 2003. – № 23. – С. 14.

Козлова, О. Дом, где разбиваются сердца : [А. Солженицын «Матренин двор», Ф. Абрамов «Пелагея»] / О. Козлова // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 1998. – № 28. – С. 7.

Корюкалова, М. П. «Не стоит земля без праведника» : по рассказу А. И. Солженицына «Матренин двор» : XI класс / Корюкалова Мария Петровна // Литература в школе. – 2011. – № 11. – С. 23–24.

Куделько, Н. А. Праведник в рассказах Тургенева «Живые мощи» и А. И. Солженицына «Матренин двор» / Н. А. Куделько // Литература в школе. – 2004. – № 11. – С. 26–27.

Лакшин, В. Я. Писатель, читатель, критик : [о рассказе А. Солженицына «Матренин двор»] / В. Лакшин // Пути журнальные : из литературной полемики 60-х гг. / Лакшин Владимир Яковлевич. – Москва, 1990. – С. 115–135.

1077624Кх, 1078319Чз

Лалакин, Н. Исаич и Матрена : как Солженицын писал «Матренин двор» / Н. Лалакин, Д. Шаталов // Российская газета. – 1994. – 3 августа.

Лалакин, Н. Матренин постоялец / Н. Лалакин // Неделя. – 1993. – № 50. – С. 3.

Лебедева, М. Л. Александр Солженицын. «Матренин двор». Родственные души / М. Л. Лебедева, А. К. Северинец, О. Л. Коренькова // Практическое литературоведение: что сказал писатель / М. Л. Лебедева, А. К. Северинец, О. Л. Коренькова. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 228–244. – (Библиотека учителя).

1Чз197016

Левушкина, О. Н. Образ праведницы в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / О. Н. Левушкина // Литература в школе. – 2010. – № 8. – С. 13–17.

Лекманов, О. А. Русский лес в «Матренином дворе» / О. А. Лекманов // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 2013. – № 6. – С. 29–30. – Анализ и разбор рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор».

Локтионова, М. «Не стоит село без праведника» : размышления о рассказе А. Солженицына «Матренин двор» / М. Локтионова // Литература в школе. – 2010. – № 8. – С. 17–20.

Локтионова, Н. «Не стоит село без праведника» : к изучению рассказа А. Солженицына «Матренин двор» // Литература в школе. – 1994. – № 3. – С. 33–37.

Мушинская, Т. Ф. Праведница. Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» в 9 классе / Т. Ф. Мушинская // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2000. – № 2. – С. 12–23.

Нефагина, Г. Л. А. И. Солженицын. «Матренин двор» / Г. А. Нефагина, В. А. Капцев // Характеристики персонажей из произведений русской литературы / Г. А. Нефагина, В. А. Капцев. – 2-е изд. – Минск, 2010. – С. 285–290.

1Аб150565, 1До150566, 1Чз150564, 1Дч150567

Петрова, О. Н. Проблема положительного героя : (по повести «Один день Ивана Денисовича» и рассказу «Матренин двор») // Принципы анализа художественного произведения : пособие по русской литературе для старшеклассников и абитуриентов / О. Н. Петрова. – 2-е изд. – Москва, 2007. – С. 562–565.

1Аб123926, 1Аб123925, 1До123927, 1Чз120550, 1Дч123928

Поломошнова, Т. А. Интегрированный урок русского языка и литературы по рассказу А. И. Солженицына «Матренин двор» : (IX класс) / Т. А. Поломошнова // Русский язык в школе. – 2011. – № 1. – С. 31–34, 45.

Потолков, Ю. Прощание с Матреной : о рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / Ю. Потолков // Литература. Первое сентября. – 1998. – № 28 (июль). – С. 12.

Решетовская, Н. А. Я знала Матрену Васильевну : [о прототипе героини рассказа] / Н. А. Решетовская // Независимая газета. – 1998. – 25 июля. – С. 16. – (Кулиса «НГ» ; № 13).

Синюк, В. Б. Образный мир рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» / В. Б. Синюк // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., Брест, 25–26 ноября 2009 г. / под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест, 2010. – Ч. 1. – С. 22–27. – Библиография: 6 названий.

1Чз144360, 1Бо145149

Урманов, А. В. Христианская концепция бытия в рассказе «Матренин двор» / А. В. Урманов // Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва, 2009. – С. 56–146.

1Аб138745, 1Чз138744

Черкезова, М. В. А. И. Солженицын в школьном изучении / Меджи Валентиновна Черкезова // Литература в школе. – 2014. – № 9. – С. 32–36. – Материалы для изучения рассказа «Матренин двор» и повести «Один день Ивана Денисовича».

Чернова, И. Голос памяти правдивой : [«Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»] / И. Чернова // Литература. Первое сентября. – 1998. – № 28. – С. 6–9.

Шаталов, Ю. Солженицын поклонился Матрене / Ю. Шаталов // Российская газета. – 1994. – 3 сентября. – С. 7.

Шенкман, В. И. Матренина любовь / В. И. Шенкман // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 2013. – № 3. – С. 33–35. – Анализ рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» на уроке литературы в 11-м классе.

Шпаковский, И. И. Исторические грани вечных истин : урок по рассказу А. И. Солженицына «Матренин двор» в 11 классе / И. И. Шпаковский // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2000. – № 2. – С. 39–54.

Шуралев, А. М. Причастность к жизни. Приемные дети в произведениях А. П. Платонова («Юшка»), М. А. Шолохова («Судьба человека») и А. И. Солженицына («Матренин двор») / А. М. Шуралев // Литература в школе. – 2007. – № 12. – С. 8–11.

Молодняк

Широкова, Л. Н. Проблема нравственного выбора в рассказе А. И. Солженицына «Молодняк» / Л. Н. Широкова // Литература в школе. – 2008. – № 2. – С. 30–32.

Один день Ивана Денисовича

Белинков, А. Почему был напечатан «Один день Ивана Денисовича» / А. Белинков; предисловие Н. Белинковой-Яблоковой // Звезда. – 1991. – № 9. – С. 158–164.

Газизова, А. А. Конфликт временного и вечного в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / А. А. Газизова // Литература в школе. – 1997. – № 4. – С. 72–81.

Гулак, А. Т. О формах повествования в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / А. Т. Гулак, В. Ю. Юровский // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 39–48. – Библиография: с. 47–48.

Гулак, А. Т. Служение реальности: о формах повествования в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / А. Т. Гулак, В. Т. Юровский // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 39–49.

Запевалов, В. Н. Научная конференция «А. Солженицын»: [к 30-летию выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича»] / В. Запевалов // Русская литература. – 1993. – № 2. – С. 251–256.

Зубарева, В. К. И пайку насущную дай нам днесь... / Вера Зубарева // Новый мир. – 2017. – № 11. – С. 141–151. – О романе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

«Ивану Денисовичу» полвека: юбилейный сборник, 1962–2012 / [Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; составители: П. Е. Спиваковский, Т. В. Есина; вступительная статья П. Е. Спиваковского]. – Москва: Русский путь, 2012. – 740, [1] с. – Библиография в подстрочных примечаниях.

1А6212506

Карнаухов, И. Герои Солженицына запели / Игорь Карнаухов // Эхо планеты. – 2009. – № 25. – С. 44: ил. – О премьере оперы «Один день Ивана Денисовича» по одноименной повести А. Солженицына.

Кузнецов, Ф. Ф. День, равный жизни: [о повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»] // На переломе. Из истории литературы 1960–70-х годов: очерки, портреты, воспоминания / Ф. Ф. Кузнецов. – Москва, 1998. – С. 17–25.

1А696632, 1Кх96630, 1Чз96631

Лакшин, В. Я. Иван Денисович, его друзья и недруги / В. Лакшин // Пути журнальные: из литературной полемики 60-х гг. / Лакшин Владимир Яковлевич. – 1990. – С. 32–73.

1077624Кх, 1078319Чз

Ли Хси-мэй. Специфика характеров и особенности языка рассказов А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» («Не стоит село без праведника») / Ли Хси-мэй // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2007. – № 6. – С. 134–140. – Библиография: с. 140 (5 назв.).

Лисовская, Е. А. Литература середины 1950-х – начала 1990-х гг. (обзор). «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына. 11 класс / Е. А. Лисовская // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2009. – № 4. – С. 8–13.

Лифшиц, М. О повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»; О рукописи А. И. Солженицына «В круге первом» / М. Лифшиц // Вопросы литературы. – 1990. – № 7. – С. 74–83.

Малецкая, М. И. А. И. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича»: 11 класс / М. И. Малецкая // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2015. – № 3. – С. 9–13.

Медведев, Ж. А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича» : [пер. с англ.] / Ж. А. Медведев. – [Мюнхен] : Macmillan, 1973. – 223 с.

м20906Аб, м18518Кх, м20905Чз

Максименков, Л. Иван Денисович в Кремле / Л. Максименков // Огонёк. – 2012. – № 45. – С. 36–37. – Пятьдесят лет назад в журнале «Новый мир» была опубликована повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: архивисты утверждают — её с полным основанием можно считать документом пленума ЦК КПСС.

Муромский, В. П. Из истории литературной полемики вокруг повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / В. П. Муромский // Литература в школе. – 1994. – № 3. – С. 26–32.

Нефагина, Г. Л. А. И. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича» / Г. А. Нефагина, В. А. Капцев // Характеристики персонажей из произведений русской литературы / Г. А. Нефагина, В. А. Капцев. – 2-е изд. – Минск, 2010. – С. 283–285.

1Аб150565, 1До150566, 1Чз150564, 1Дч150567

Новодворская, В. И. Товарищ по ГУЛАГу / Валерия Новодворская // Новое время. – 2012. – № 37 (12 ноября). – С. 24–27. – 50 лет книге «Один день Ивана Денисовича».

Петрова, О. Н. Проблема положительного героя : (по повести «Один день Ивана Денисовича» и рассказу «Матренин двор») // Принципы анализа художественного произведения : пособие по русской литературе для старшеклассников и абитуриентов / О. Н. Петрова. – 2-е изд. – Москва, 2007. – С. 562–565.

1Аб123926, 1Аб123925, 1До123927, 1Чз120550, 1Дч123928

Плотко, Т. В. Рассказ А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» : (автор и его герои) / Т. В. Плотко // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2016. – № 2. – С. 44–46.

Решетовская, Н. Преддверие / Н. Решетовская // Воин. – 1997. – № 12. – С. 64–71. – Об истории создания и публикации повести «Один день Ивана Денисовича».

Роговер, Е. С. Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) // Русская литература XX века : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Е. С. Роговер. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург ; Москва, 2008. – С. 470–474. – О повести «Один день Ивана Денисовича».

1Чз132627

Романов, Д. А. Стилистические традиции Л. Н. Толстого в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» : языковая обрисовка героя / Д. А. Романов // Русский язык в школе. – 2010. – № 10. – С. 52–55.

Солженицын Александр Исаевич : [о повести «Один день Ивана Денисовича»] // Русская литература : материалы к экзамену / сост.: И. Л. Жуковский, С. Е. Камашинский. – Минск, 2003. – С. 527–532. – (Консультации перед экзаменом).

1Аб70988, 1Аб130439, 1Аб127653, 1Дс71875, 1До130440, 1Кх70987, 1Чз70160, 1Дч71874, 1Дч70989

Солженицына, Н. Д. 40 лет как один день Ивана Денисовича : [к 40-летию выхода рассказа : беседа с женой писателя] / Н. Д. Солженицына ; записал. А. Щуплов // Российская газета. – 2002. – 19 ноября. – С. 1, 3.

Темпест, Р. Геометрия ада : поэтика пространства и времени в повести «Один день Ивана Денисовича» / Ричард Темпест ; пер. с англ. Н. Жutowской // Звезда. – 1998. – № 12. – С. 128–135.

Урманов, А. В. «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа / А. В. Урманов // Творчество Александра Солженицына : учеб. пособие / А. В. Урманов. – 3-е изд. – Москва, 2009. – С. 11–55.

1Аб138745, 1Чз138744

Фурсенко, А. М. Человек и время в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» : материалы к уроку : XI класс / Фурсенко Анна Михайловна // Литература в школе. – 2012. – № 1. – С. 14–15.

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2011. – № 8. – С. 15–19. – Жизнь и творчество А. Солженицына после освобождения из заключения; анализ повести «Один день Ивана Денисовича»; сопоставление «лагерного» творчества А. Солженицына и В. Шаламова.

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2011. – № 10. – С. 10–14. – Лагерная тема в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в рассказах В. Шаламова.

Черкезова, М. В. А. И. Солженицын в школьном изучении / Меджи Валентиновна Черкезова // Литература в школе. – 2014. – № 9. – С. 32–36. – Материалы для изучения рассказа «Матренин двор» и повести «Один день Ивана Денисовича».

Чернова, И. Голос памяти правдивой : [«Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»] / И. Чернова // Литература. Первое сентября. – 1998. – № 28. – С. 6–9.

Шапиро, Н. А. «Один день Ивана Денисовича» в школьном изучении / Надежда Ароновна Шапиро // Литература. Издательский дом «Первое сентября». – 2015. – № 2. – С. 18–21.

Пасхальный крестный ход

Никитина, Л. К. Прошлое, настоящее и будущее в рассказе А. И. Солженицына «Пасхальный крестный ход». Опыт интегрированных уроков литературы и истории : IX класс / Никитина Людмила Константиновна, Осинцева Виктория Викторовна ; ил. И. Глазунова, Д. Белюкина // Литература в школе. – 2011. – № 8. – С. 31–34 : ил. – Библиография в примечаниях.

Раковый корпус

Клинг, О. А. «...К лучшему в себе, к лучшему себе...» : [попытка портрета Е. Б. Тагера с приложением его отзыва о «Раковом корпусе» и ответа А. И. Солженицына] / О. А. Клинг // Вопросы литературы. – 1991. – № 11/12. – С. 70–91.

Прохорова, Т. Г. Диалог с Л. Н. Толстым в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / Прохорова Татьяна Геннадьевна // Литература в школе. – 2016. – № 9. – С. 27–29. – Библиография: 10 назв.

Солженицын Александр Исаевич // Русская литература XX века : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / авт.-сост.: А. Ф. Калашникова, О. П. Ракова. – Минск, 2002. – Ч. 2 : Литература 70–80-х годов. – С. 82–85. – О повести «Раковый корпус».

1Чз75224

Твардовский, А. Т. Из рабочих тетрадей, январь – февраль 1968 года / А. Т. Твардовский // Библиография. – 1997. – № 1. – С. 127–142. – (Из литературного архива). – Предлагаемые отрывки относятся ко времени борьбы главного редактора «Нового мира» за публикацию романа А. И. Солженицына «Раковый корпус».

Чалмаев, В. А. Александр Солженицын в жизни и творчестве. Глава V. Исповеди на рубеже жизни и смерти («Раковый корпус») / Чалмаев Виктор Андреевич // Литература в школе. – 2011. – № 11. – С. 11–17.

Шкловский, Е. А. Чем жив человек: о повести «Раковый корпус» / Е. А. Шкловский // Литературное обозрение. – 1990. – № 7. – С. 10–14.

Реквием по гению

Митин, Г. А. Реквием по гению: новые рассказы А. Солженицына / Г. А. Митин // Литература в школе. – 1996. – № 1. – С. 42–49. – О рассказе А. И. Солженицына «Реквием по гению», воссоздающем образ маршала Г. К. Жукова.

Способ двигаться

Левушкина, О. Н. Символика рассказа А. И. Солженицына «Способ двигаться» / О. Н. Левушкина // Русский язык в школе. – 2009. – № 10. – С. 51–54.

Публицистика

Александр Солженицын о языке / вступ. заметка Л. П. Крысина // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 35–49. – Публикуются высказывания А. И. Солженицына под общим названием «Грамматические соображения».

Аннинский, Л. Руки творца: читая «Публицистику» Солженицына. Взгляд первый // Дружба народов. – 1996. – № 3. – С. 203–207.

Архангельский, А. И. ...приветствую звоном щита / Александр Архангельский // Новый мир. – 1996. – № 5. – С. 217–219. – В связи с выходом в свет первого тома собрания публицистических произведений А. И. Солженицына (Ярославль, 1995 г.).

Басинский, П. Солженицын — критик? : [в связи с публикацией цикла статей А. И. Солженицына «Литературная коллекция» в журнале «Новый мир»] / П. Басинский // Литературная газета. – 2000. – 19–25 июля (№ 30). – С. 9.

Бондаренко, В. Кредо плюралистов / В. Бондаренко // Слово. – 1990. – № 9. – С. 8–17. – О публицистике А. И. Солженицына.

Варламов, А. Он не заслужил покоя: [жанр автобиографической книги в творчестве писателя] / А. Варламов // Москва. – 2000. – № 1. – С. 182–186.

Гуль, Р. Его «воплъ» услышан: «Учение» Ленина по Солженицыну / Роман Гуль // Слово. – 1992. – № 1/6. – С. 42–47.

Евсеев, Б. Смирение самовидца: [к выходу в свет сборника «Протеревши глаза»] / Б. Евсеев // Книжное обозрение. – 1999. – 26 июля (№ 30). – С. 8.

Красников, Г. «А вы — все те же»: к 20-летию статьи / Г. Красников // Литературная газета. – 2002. – 25 сентября – 1 октября (№ 39). – С. 12. – (Читальный зал; вып. 13). – «Наши плюралисты».

Лесневский, С. «Одно слово правды весь мир перетянет» / С. Лесневский; беседу вел Г. Кузьминов // Книжное обозрение. – 1989. – 11 августа. – С. 8, 9.

Любимов, Б. Плотность творчества и объем жизни: феномен публицистики А. Солженицына / Б. Любимов // Независимая газета. – 1998. – 13 февраля. – С. 12. – (Кулиса «НГ»; № 3).

Медведев, Р. Что ждёт нас впереди?: (о «Письме» А. И. Солженицына) / Р. Медведев // Диалог. – 1990. – № 4. – С. 96–104.

О книге Александра Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов»: [письма в ред.] // Новый мир. – 2001. – № 3. – С. 222–224. – Авт.: Г. Пайпс (США), А. Дольберг (Давид Бург) (Англия).

Распутин, В Тридцать лет спустя : публицистика А. И. Солженицына начала 1970-х годов, до высылки на Запад / Валентин Распутин ; фото Ирины Стин и Анатолия Фирсова // Родина. – 2005. – № 6. – С. 62–67, 2 фот. : ил.

Рокотян, Ю. Христианские корни публицистики Солженицына / Ю. Рокотян // Москва. – 2005. – № 12. – С. 154–159.

Сараскина, Л. И. «Россия опять собирается с мыслями» : о поздней публицистике Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына / Л. И. Сараскина // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 109–116.

Семенко, В. П. О ложных альтернативах : (сталинизм и традиционная Россия) / Владимир Семенко // Москва. – 2010. – № 6. – С. 139–151 : портр. – О публицистике А. И. Солженицына, повлиявшей на формирование мировоззрения читателей.

Синявский, А. Чтение в сердцах / А. Синявский // Новый мир. – 1992. – № 4. – С. 204–210. – Отклик на публикацию эссе А. И. Солженицына «...Колеблет твой треножник» в журнале «Новый мир», 1991, № 5.

Струве, Н. А. О Солженицыне : спор об «Августе четырнадцатого» ; Солженицын о Ленине ; «Октябрь шестнадцатого» ; О «Марте семнадцатого» ; По поводу «Письма из Америки» ; О «Гарвардской речи» Солженицына ; О демократии и авторитаризме. Заметки на полях выступлений А. И. Солженицына // Православие и культура / Никита Струве. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2000. – С. 479–540.

1Иц67312, 1Кх67311

Штурман, Д. После катастрофы. По страницам сборников «Из глубины» и «Из-под глыб» / Д. Штурман // Новый мир. – 1995. – № 2. – С. 108–162.

Бодался теленок с дубом

Бушин, В. Мастер полуправды : [о литературной жизни 60-х годов: в связи с публикацией воспоминаний А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»] / В. Бушин // Молодая гвардия. – 1992. – № 1/2. – С. 250–263.

Симонова, Т. Г. Жанровое своеобразие книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» / Т. Г. Симонова // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики) : материалы международной науч. конф., 15–17 апреля 1997 г. : в 2 ч. / ГрГУ ; под ред. Т. Е. Автухович [и др.]. – Гродно, 1997. – Ч. 2. – С. 149–155.

1Кх39946

Как нам обустроить Россию?

Виноградов, И. Глазами не восторженными, а ясно открытыми... : первые впечатления от работы А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» и от первых на нее откликов / И. Виноградов // Московские новости. – 1990. – 7 октября (№ 40). – С. 14.

Игнатъевф, М. Пророк России смотрит в будущее / М. Игнатъевф // Труд. – 1990. – 21 октября. – По поводу статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября.

«Как нам обустроить Россию?» : [отклики на статью А. И. Солженицына в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6] // Литературная газета. – 1990. – 3 октября (№ 40). – С. 4. – Содерж.: Спасибо за «мы» / Ю. Черниченко ; Он будит нашу мысль / Г. Якунин ; Границы определяет история / Ш. Елеукунов и др. ; Ответственность нации / Г. Старовойтова.

Кондратьев, В. Опять как в 17?.. / В. Кондратьев // Литературная газета. – 1990. – 24 октября (№ 43). – С. 4. – О статье А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября.

Коржавин, Н. М. Работа А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» с разных точек зрения / Н. М. Коржавин, Л. Баткин // Октябрь. – 1991. – № 4. – С. 146–165.

Королев, А. Пророк вне своего Отечества / А. Королев // Советский патриот. – 1990. – 8–14 октября (№ 41). – С. 12. – О статье А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября.

Краснов, М. А. Солженицынская парадигма государственного строительства, или Двадцать лет спустя / М. А. Краснов // ОНС. Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 37–49. – Анализ статьи А. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

Проигран ли нами этот век? : [по поводу статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября : письма в редакцию] / предисловие А. Афанасьева // Комсомольская правда. – 1990. – 28 декабря. – Авторы: А. Дробко, Е. Гришанов, А. Кожевников, А. Степин, Г. Г. Макаров, П. Стефановский.

Россман, В. Конфуций и Солженицын / В. Россман // Культура. – 1990. – 13 октября (№ 41). – С. 3. – О статье А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября.

Страда, В. Почему Солженицын против «имперского дурмана» : [по поводу статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», опубликованной в «Литературной газете», 1990, 18 сентября (№ 38), с. 3–6 и газете «Комсомольская правда», 1990, 18 сентября : из итал. газеты «Коррьере делла сера»] / В. Страда // Литературная газета. – 1990. – 7 ноября (№ 45). – С. 4.

Размышления над Февральской революцией

Выжутович, В. Власть расплатилась за слабость : [активисты молодёжных движений обсуждают статью А. Солженицына «Размышления над Февральской революцией»] / В. Выжутович // Российская газета. – 2007. – 2 марта. – С. 9.

Никонов, В. Крушение империи : [обсуждение книги А. Солженицына «Размышление над Февральской революцией»] / В. Никонов // Российская газета. – 2007. – 16 марта. – С. 12.

Нордвик, В. Наталия Солженицына: весь текст пронизан болью : как создавалась знаменитая статья «Размышления над Февральской революцией» / Владимир Нордвик // Родина. – 2017. – № 2. – С. 5–14.

От анархии — к жесткой власти : [дискуссия по поводу публикации А. Солженицына «Размышления над Февральской революцией»] // Российская газета. – 2007. – 28 февраля. – С. 1, 9.

Рыбас, С. Недетский мускул : [новые аргументы и краски к дискуссии по книге А. Солженицына «Размышления над Февральской революцией»] / С. Рыбас // Российская газета. – 2007. – 3 марта. – С. 10.

Сахаров, А. Н. «Растоптанный Февраль»: (воспоминания) / А. Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2017. – № 4. – С. 92–105. – Представлен взгляд автора на февральские события 1917 г. в России. Анализируется полемика 2007 г. о роли Февральской революции в истории России, которая была вызвана статьей А. И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией».

Третьяков, В. Как же нам собрать нашу историю?: [дискуссия по книге А. Солженицына «Размышление над Февральской революцией»] / В. Третьяков // Российская газета. – 2007. – 6 марта. – С. 1, 9.

Уроки Февраля: [отклики на статью] // Литературная газета. – 2007. – 14–20 марта (№ 10). – С. 2. – Авторы: И. Волгин, В. Логинов, А. Уткин. – «Размышления над Февральской революцией».

Хаос с невидимым стержнем: [историки обсуждают статью А. Солженицына «Размышления над Февральской революцией»] // Российская газета. – 2007. – 1 марта. – С. 1, 9.

Ципко, А. Третьему Февралю не бывать: [дискуссия по книге А. Солженицына «Размышление над Февральской революцией»] / А. Ципко, А. Смирнов // Российская газета. – 2007. – 10 марта. – С. 9–10.

Россия в обвале

Любимов, Б. «Последняя съемка страны»: А. И. Солженицын и его книга «Россия в обвале» / Б. Любимов // Независимая газета. – 1998. – 30 июля. – С. 16. – (Exlibris «НГ»; № 29).

Неверов, А. Неудовольствие служения / Александр Неверов // Во славу Родины. – 1998. – 5 августа. – С. 4. – О книге «Россия в обвале».

Нилов, В. Образованец обустроивает Россию: к выходу книги А. Солженицын «Россия в отвале» / В. Нилов // Наш современник. – 1998. – № 11/12. – С. 181–185.

Библиографические материалы

Возвращение Солженицына: автобиография А. Соженицына. А. И. Солженицын: биобиблиография / составитель Н. Г. Левитская // Советская библиография. – 1991. – № 3. – С. 19–32.

Левитская, Н. Г. Александр Солженицын: биобиблиографический указатель, август 1988–1990 / Надежда Григорьевна Левитская. – Москва: [б. и.]. – 1991. – 126, [1] с.

м11428Сб

Спиваковский, П. Краткая библиография сочинений А. И. Солженицына и работ о нем / П. Спиваковский // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 58–68.

Храбровицкий, А. В. Солженицын; Григоренко / А. В. Храбровицкий // Советская библиография. – 1990. – № 4. – С. 137–144.

Шталь, Е. Н. Биобиблиография А. И. Солженицына: дополнение следует / Е. Н. Шталь // Библиография. – 2010. – № 2. – С. 93–113, 1 фот. – Рец. на кн.: Александр Исаевич Солженицын: материалы к биобиблиографии / Рос. нац. б-ка; [сост.: Д. Б. Азиатцев, Н. Г. Левитская, М. А. Бенина, при участии Г. А. Мамонтовой; отв. ред. Н. Г. Захаренко]. – Санкт-Петербург, 2007. – 800 с. : ил., фот.

Хроника жизни и творчества А. И. Солженицына

1918 г. — 11 декабря родился в Кисловодске

1936 г. — окончил школу в Ростове-на-Дону, поступил на физмат Ростовского Университета

1939 г. — поступил в экстернат искусствоведческого факультета МИФЛИ

1940 г. — 27 апреля женится на Наталье Решетовской

1941 г. — получил диплом с отличием об окончании физмата Ростовского университета

1941–1945 гг. — в армии, от рядового до капитана

1945 г. — арестован на фронте в Восточной Пруссии, 9 февраля; 7 июля осужден

1948 г. — в декабре заочный развод с женой

1953 г. — отправлен «навечно» в ссылку в аул Кок-Терек Джамбульской области Казахской ССР

1953–1956 гг. — учительствует (математика и физика) в Коктерекской средней школе; лечится в Ташкентском «раковом корпусе»

1956 г. — в апреле распущена ссылка по 58-й статье, в июне уезжает в Россию

1956–1957 гг. — учительствует в Мезиновской средней школе во Владимирской области

1957 г. — 6 февраля реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР

1957 г. — повторный брак с Натальей Решетовской

1957–1962 гг. — учительствует в Рязани, в школе № 2

1959 г. — в мае – июне написал «Один день Ивана Денисовича»

1961 г. — в ноябре рассказ отнесён в «Новый мир» Александра Твардовского

1962 г. — в ноябрьской книжке «Нового мира» опубликован «Один день...»

1963 г. — в январском «Новом мире» напечатаны рассказы «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка»

1965–1968 гг. — в несколько приёмов написан «Архипелаг ГУЛАГ»

1966 г. — закончена повесть «Раковый корпус»

1967 г. — в мае — открытое письмо Съезду советских писателей

1968 г. — окончательная редакция романа «В круге первом»

1969 г. — в марте начал писать историческую эпопею «Красное Колесо»; в ноябре исключён из Союза писателей

1970 г. — в октябре присуждена Нобелевская премия по литературе

1971 г. — в Париже выходит на русском языке «Август Четырнадцатого»; в декабре умирает А. Т. Твардовский

1972 г. — развод с первой женой Натальей Решетовской

1973 г. — заключён брак с Натальей Светловой

1970–1973 гг. — рождаются три сына — Ермолай, Игнат, Степан

1973 г. — в конце августа рукопись «Архипелага ГУЛАГа» захвачена КГБ; в декабре первый том «Архипелага...» вышел в Париже

1974 г. — лишён советского гражданства и выслан из СССР

1975 г. — в Париже выходит «Бодался телёнок с дубом»

1976 г. — переезжает из Цюриха в США, штат Вермонт

1978 г. — Гарвардская речь
1975–1989 гг. — пишет «Красное Колесо»; выступает с публицистикой
1989 г. — начало печатания «Архипелага» на родине
1990 г. — публикация статьи «Как нам обустроить Россию?»
1993–1994 гг. — завершает «Очерки изгнания», пишет первые «Двучастные рассказы»
1994 г. — в мае возвращается на родину
1994–1998 гг. — много ездит по российской провинции
1998 г. — публикует книгу «Россия в обвале»; празднует 80-летний юбилей; на сцене Театра на Таганке проходит премьера «Шарашки»
1998–2003 гг. — публикует «Двучастные рассказы», очерки «Литературной коллекции»: «Двести лет вместе», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»
2003 г. — в Москве прошла международная конференция: «Александр Солженицын: проблемы художественного творчества»
2006 г. — начинает выходить 30-томное Собрание сочинений
2007 г. — становится лауреатом Государственной премии; в Иллинойском университете (США) проходит международная конференция «Александр Солженицын: писатель, мифотворец и общественный деятель»
2007–2008 гг. — готовит к печати очередные тома Собрания сочинений; выступает с рядом злободневных публикаций.

Александр Исаевич Солженицын умер 3 августа 2008 года в Москве, похоронен на кладбище Донского монастыря.

Список сокращений названий структурных подразделений Брестской областной библиотеки им. М. Горького

Аб – Отдел абонеента и МБА
Бо – Отдел краеведческой литературы и библиографии
Дч – Отдел литературы для детей и юношества (читальный зал)
Ин – Отдел литературы на иностранных языках
Ис – Отдел литературы по искусству
Кх – Отдел хранения основного фонда
От – Сектор технической литературы
Сб – Информационно-библиографический отдел
Чз – Общий читальный зал
Иц – Информационный сектор по обслуживанию работников государственного аппарата

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГЛАВА 1. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: ИСТОРИЯ, ВЗГЛЯДЫ, СОБЫТИЯ, СУДЬБЫ, ИМЕНА

1. Беженару Людмила Ефимовна, доцент Минобразования Румынии, кафедры Славистики «Петру Караман» Ясского университета «Ал.И.Куза», (Яссы, Румыния), доктор филологических наук по специальности «русская литература» Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария), действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации.

Научные интересы: славянское культурное пространство, русская культура и цивилизация (советский период, советская повседневность, «шестидесятники»), Homo soveticus как ментальный, антропологический и культурологический феномен XX века), концепт «малая родина» в диалоге национальных литератур, русский язык в инокультурном пространстве, диалог культур, методика РКИ, ЕПВО).

Контактные данные: ludbejenaru@gmail.com, Яссы, Румыния, +40753705456

Ludmila Bejenaru. True – memory – freedom in the understanding of A.I. Solzhenitsyn.

Key words: truth; memory; freedom; Solzhenitsyn.

Summary: the Article deals with the concept of Truth-Memory-Freedom in the understanding of Solzhenitsyn, whose work became the mouthpiece of freedom in the Soviet era, in the context of cultural and political life of the USSR in the XX century and the struggle of the author "GULAG Archipelago against totalitarianism of the XX century.

2. Бельскі Алесь Іванавіч, загадчык кафедры гісторыі беларускай літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесар, доктар філалагічных навук.

Контактные данные: a_belsky@tut.by; (8-017) 222-35-82.

Belsky A.I. Alexandr Solzhenitsyn and the theme of repressions in the belarusian literature of the late twentieth century.

Keywords: literature; repressions; victims; the pre-war past; camp reality; collectivization; V. Bykov.

Summary: The author of this article concentrates the reader's attention on the personality of Alexandr Solzhenitsyn as the pioneer of the Gulag theme, focuses on the fictional realization of the topic of Stalinist repressions in Belarusian poetry and prose. A considerable part of the article is devoted to the treatment of anti-Stalinist character of V. Bykov's fictions and the analysis of their plots and imagery, as well as the writer's interpretation of the pre-war events.

3. Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко;

Научные интересы: история русской философии и литературы,

Контактные данные: darenskiy1972@rambler.ru; : + 38-099-67-35-264

Vitaliy J. Darenskiy. The concept of the continuity of soviet and post-soviet history in the book by A.I. Solzhenitsyn "russia in collapse".

Key words: A.I. Solzhenitsyn; “Russia in collapse”; historiosophy; the USSR, morality.

Summary: The historiographical discovery in the book “Russia in the collapse” by A. Solzhenitsyn was the fact that the writer convincingly proved: the collapse is not only the result of someone's evil will (although this factor is obvious), but primarily due to the state in which the country was at the end of the Soviet era. Collapse was inevitable not only for specific historical reasons, but also for moral reasons-people are forced and even obliged to pay for the sins of their “fathers”. The paradox of history is that the deep and true essence of each era is revealed not by itself, but by the era following it, showing the result and the result of the previous one. And the 1990s and just opened the end and “secret” preceding them this “great age”. And “the secret” this is very simple: for all external “screen” of the great achievements was a process of avalanche degradation of the people and the state.

4. Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Брестского государственного технического университета.

5. Кудинов Сергей Иванович, Российский университет дружбы народов, (RUDN Universiti), Россия, Москва, зав. кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета, профессор, д. психол. наук.

Научные интересы: исследование самореализации личности в онтогенезе. Творческая, социальная и профессиональная самореализация личности. Разработка, стандартизация и внедрение психодиагностического инструментария и коррекционно-терапевтических методик сопровождения личности в трудных жизненных ситуациях

Контактные данные: rudn.tgu@yandex.ru; kydinov_si@rudn.ru; +7-962-965-06-16.

6. Михайлова Ольга Борисовна, Российский университет дружбы народов, (RUDN Universiti), Россия, Москва, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета, доцент, канд. пед. наук.

Научные интересы: психология инноваций, психология развития личностного потенциала, экономическая психология, психология профессиональной деятельности.

Контактные данные: olga00241@yandex.ru; mikhaylova_ob@rudn.ru; +7- 906-701-08-22.

7. Андреев Анатолий Николаевич, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), доктор филологических наук, профессор.

Научные интересы: литературоведение, культурология, педагогика.

Контактная информация: anandreev58@mail.ru.

Anatoly Andreev. Mind vs intellect: version of philosophy of literature.

Key words: unconscious, psychics, conscience, intellect, philosophy of literature, information, Pushkin, Queen of spades.

Summary: Here are defined the functions of such concepts as unconscious, psychics, conscience, intellect. Here are demonstrated how these concepts are worked in the Pushkin's «Queen of spades». The proposed view of the story makes it possible to find in it a deep conceptual basis – much deeper than is commonly believed.

ГЛАВА 2. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

1. Борсук Нина Николаевна, канд. филолог. наук., заведующая кафедрой белорусского и русского языков. Опубликовала более 90 работ.

Научные интересы: творчество М.Богдановича в контексте современной белорусской поэзии, литература Брестчины, вопросы методики преподавания русского языка как иностранного.

Borsuk N.N. The dynamics of the knowledge of the philosophy of life by A. Solzhenitsyn (on the basis of analysis of series of books "Krokhotki").

Key words: Krokhotki, lyrical character, story-aphorism, lyrical miniature, genre originality, subject matter of the text, philosophical cycle, small forms of works, neologism.

Summary: In the article the author traces how the focus of writer's interest extends from krokhotka to krokhotka: from observations of the world around, reflections over "moments" of daily routine, understanding the state of mind, spiritual and ethical, moral and aesthetic civil problems (series of books 1968–1960) to aspiration for the knowledge of philosophy of life, laws of the universe (series of books 1996–1999). The unique perception of the world around imprinted in the works of a small form allows to claim that in his works A. Solzhenitsyn defined previously unknown genre in literary criticism, – krokhotka, in which unique experience of the writer's predecessors and contemporaries who work in similar genre forms is reflected. The author of the article also pays attention to the reasons for the writer's appeal to small forms of works.

2. Кравченкова Евгения Алексеевна, ФГБОУ ВО “Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина” (Москва, Россия), доцент кафедры мировой литературы, кандидат филологических наук.

Научные интересы: современная русская проза, творчество В.Маканина, рэп-поэзия.

Контактные данные: eakr@mail.ru Тел.: +7 917 544 9412

Kravchenkova E.A. Solzhenitsyn and russian rap-culture: live not by lies

Key words: Yegor Letov; Gio PiKa; Yevgeny Kazachkov; Gnoinyi; Oxxxymiron; rap; recitative; poems in prose; concepts ‘freedom’ and ‘criminality’.

Summary: the personality and works of A. I. Solzhenitsyn is firmly established in the modern Russian song culture. Rock and rap artists, members of the Internet community have referred to the works of the writer since the late 1980s. The contradictory attitude of contemporary Russian audience to the ideological position of Solzhenitsyn is reflected in the diversity of song genres and intonations of poetic texts. The discourse of freedom and rejection of the unjust prison, which is typical to the writer, is congenial to the viewpoints of participants of hip-hop culture (Yevgeny Kazachkov and Gio PiKa), though the forced emigration of Solzhenitsyn and his mission of the mentor of the Russian people cause sarcasm in freestyle by Gnoinyi in his rap battle with Oxxxymiron in 2017.

3. Захарчук Лидия Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики социальной и начального образования Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Научные интересы: музыкально-эстетическая культура личности, этнокультура, музыкальное искусство, музыкальное образование.

Контактные данные: alexzaharchuk@rambler.ru.

Zakharchuk, L. A. The creative legacy of A. I. Solzhenitsyn in contemporary musical culture.

Keywords: creative heritage, musical culture, opera, dialogue of cultures, musical dramaturgy.

Summary: the article is devoted to the consideration of A. Solzhenitsyn's creativity in the context of the development of modern musical culture. A brief fragmentary analysis of A. Tchaikovsky's opera "One Day by Ivan Denisovich" allows determining the correlation of literary and musical texts, identifying cultural and semantic accents of works.

4. Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков Брестского государственного технического университета, Беларусь. Опубликовал более 120 работ.

Научные интересы: проявление эмпатической мегаидеи в литературоведении.

Potolkov Ju.W. The moral problems of the novel and Solzhenitsyn «The first circle».

Keywords: people; "sharashka" ; traditions of Russian and world literature; stage; camp; moral choice; universal harmony; human dignity; patriotism.

Summary: The article analyzes the moral problems of the novel, the leading of which is the problem of national morality. This morality is presented as the embodiment of universal spiritual harmony. The characters of the work-prisoners of scientific "sharashki" - have to spend years in conditions of imprisonment, humiliation, demagogic social phraseology, stupid lack of culture of the camp authorities. But the participants of the "sharashka" adequately resist the horrors of the Gulag reality: they closely connect their spiritual life with the humanism of the best examples of world literature; retain highly intelligent relationships in their environment; interested and deeply comprehend the historical reality of his time.

5. Коптева Элеонора Ивановна, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», заведующий кафедрой литературы и культурологии, доктор филологических наук, доцент.

Научные интересы: теория литературы, история русской литературы XVIII–XIX вв., философская проза.

Контактная информация: e-mail: eleonora_kopteva@mail.ru, тел.: +7-913-973-54-34.

Kopteva E.I. traditions of the easter story of the 19th century in A. I. Solzhenitsyn's sketch «The easter religious procession».

Keywords: easter story; sketch; image of the storyteller; literary tradition; genre and style features.

Summary: A. I. Solzhenitsyn in a sketch «The easter religious procession» addresses tradition of the easter story of the 19th century. The comparative analysis of the specified sketch with a final part of «The chosen places from correspondence with friends» of N.V. Gogol («Light Sunday») and the story by M.E. Saltykov-Shchedrin «Christ's night» is presented in article. Solzhenitsyn recreates integrity spiritual and epic traditions of the genre and style Russian classics.

6. Осипова Тамара Анатольевна, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины». Доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, кандидат филологических наук, доцент.

Научные интересы: Язык художественной литературы, когнитивная лингвистика.

Контактная информация: tosipova@gsu.by; + 80232603233.

Osipova Tamara Anatolyevna. Representation of social concepts in artistic prose and publicism A. Solzhenitsyna.

Keywords: cognitive linguistics; concept; social concepts; artistic prose and journalism A.I. Solzhenitsyn; representation (verbalization, language expression) of concepts in the text.

Summary: The article discusses the features of the linguistic expression of key concepts of the revolution, Russia in the prose and journalism of A.I. Solzhenitsyn. Common language and individual author's implementations of these concepts are identified.

7. Лупаков В. Э., ГУО «Средняя школа № 10 г. Бреста», учитель химии.

Контактная информация: vlad.vel.sib@mail.ru; +375-33-641-20-76.

Lupakov V. E. Religiousness of the post-war russian village (according to the story "Matryonin yard").

Keywords: A.I. Solzhenitsyn's story "Matryonin Dvor", characterization of the character, religiosity, passionarity, ritual belief.

Summary: The article analyzes the manifestations of Orthodox religiosity and remnants of paganism among the characters in the story by A. I. Solzhenitsyn "Matryonin Dvor". The spread of Christian-pagan dual beliefs in everyday religiousness is shown, short theological criticism of this phenomenon is given.

8. Мельнікава Зоя Пятроўна, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай філалогіі УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна». Аўтар больш за 200 навуковых прац. Аўтар праграм, падручнікаў, вучэбна-метадычных дапаможнікаў па беларускай літаратуры для агульнаадукацыйных школ Рэспублікі Беларусь. **Навуковыя інтарэсы:** гісторыка-функцыянальнае літаратуразнаўства, гісторыя беларускай літаратуры XX–XXI стагоддзяў. **Melnikova Z.P** *Righteousness: Understanding the tragic pages of patriotic history in the works of Alexander Solzhenitsyn and Vladimir Bykov*

Keywords: ideological and philosophical traditions, intellectual and cultural experience, moral and philosophical conceptuality, aesthetic experience of "shastsi-dyasyatnitstva" existential choice, the person and the circumstances, the humanistic ideal, tragedy of life, art requiem.

Summary : the article reveals typological convergence of the individual works of the literary heritage of the Russian writer Alexander Solzhenitsyn and a series of literary works of Belarusian writer V. Bykov. The author of the article states the similarity of ideological and philosophical positions, the role of personal experience of the authors –war veterans in understanding the causes of the tragedies and the big victims of war, as well as the embodiment of the concept of man and the circumstances (novel by Alexander Solzhenitsyn "Adliga Shvenkitten", V. Bykov "Dead not hurt," " Sotnikov ").They stresses the moral and philosophical evaluation. Orientation

on humanistic ideals of the Russian and Belarusian writers during literary and artistic studying of "Gulag" theme (Solzhenitsyn "One day of Ivan Denisovich", "The Gulag Archipelago", Выков "Roundup"). They confirm the moral and philosophical stability and moral quality as a constant humanistic Imperative (ideal).

9. Мартьянова Светлана Алексеевна, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Педагогический институт, заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии, кандидат филологических наук, доцент.

Научные интересы: теория литературы, аксиология, антропология, сравнительное литературоведение, история русской литературы XIX-XX вв.

Martyanova S. A. Works by A. I. Solzhenitsyn and "Prison texts" by V. Hugo.

Key words: V. Hugo, A. Solzhenitsyn, F. Dostoevsky, influence, borrowing, reminiscence, intertext, "prison text".

Summary: The author deals with the influence of artistic ideas and works of V. Hugo on A.I. Solzhenitsyn ("One Day of Ivan Denisovich", "In the First Circle", "The GULag Archipelago"), introduces the concept of "prison text". The specific nature of the appeal to the works of foreign classics in post-revolutionary Russia is noted. Three lines of interaction between the work of Hugo and Solzhenitsyn stand out: quotations and reminiscences, artistic language, ideas about creativity and literature. The achievements of foreign literature were realized by Solzhenitsyn not as a property of bourgeois culture, but as a true word about reality in its artistic reflection.

10. Скибицкая Людмила Васильевна, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, заведующий кафедрой русской литературы и журналистики, доцент, кандидат филологических наук.

Научные интересы: исследование стратегий функционирования современной словесности, малых повествовательных жанров в славянском историко-культурном и литературном контексте.

Контактная информация: silvax@tut.by , 8 (029) 684 79 33

SKIBITSKAYA LIUDMILA. THE PUBLICISTIC DISCOURSE OF A.I. SOLZHENITSYN'S LITERARY WORKS

Key words: *Publicistic works; publicistic discourse; communicative strategies; functioning of literature; minimalization; documentary.*

Summary: The object of the research is A.I. Solzhenitsyn's early and late literary works (short stories, miniatures). The subject – literary communicative practice. The article presents the hypothesis of the publicistic discourse as a communicative strategy of A.I. Solzhenitsyn's literary works.

11. Буднік Вольга Аляксандраўна, Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, выкладчык. Даследуе прозу Івана Пташнікава. Сістэмна даследуе ідэйна-філасофскую канцэптуальнасць, індывідуальна-аўтарскую адметнасць прозы І. Пташнікава праз устанаўленне тыпалогіі героя, паэтыкі твораў і наратыўных стратэгіяў аўтара.

Budnik O. A. THE IMAGE OF THE CONCEPT OF THE WOMAN IN THE STORIES "MATRONA'S YARD" BY A. SOLZHENITSYN'S AND "THREE POUNDS OF RYE" I. PTASHNIKOV

Keywords: the author's concept, the semantic content of the image, the ideological and aesthetic view.

Summary: The author reveals the concept of the woman image in the work "Matrona's yard" by Russian writer A. Solzhenitsyn and in the work "Three pounds of rye" by Belarusian writer I. Ptashnikov. The typological convergence in the fate of Matrona and Alexandrina is stressed in the article. The author establishes the similarity of the ideological and philosophical positions, the role of the author's personal experience in understanding of the causes of the tragedies and dramatic fate of Belarusian and Russian people in the XX th century. The author emphasizes the universal and semantic content of the woman image-concept.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ

1. Шаламова-Красевская Любовь Николаевна, Брестское областное отделение Союза писателей Беларуси, заместитель председателя, поэт, переводчик с белорусского и польского языка.

Контактная информация: krasl53@mail.ru; +375 33 318 22 01;

Lubov Krasevskaia. From Solzhenitsyn to yourself

Keywords: Solzhenitsyn; Siberia; camps; I; the world; creation

Summary: the article shows the author's view of the writer's work and his assessment in modern society, as well as its impact on the creative destiny of the poet and the world around

2. Леўчук Зінаіда Сцяпанаўна, кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С.Пушкіна, аўтар больш за 100 публікацый тэарэтычнага, метадычнага характару.

Навуковыя інтарэсы: філасофія адукацыі, педагогіка вышэйшай школы, маральная культуры асобы, праблемы полікультурнага выхавання.

Levchuk Z. S. "Cancer ward" by Alexander Solzhenitsyn in interpretation of ava thompson».

Key words: post-non-classical culture, interpretation, research, moral problems.

Summary: the article reveals the approach of the American researcher to the work of A. Solzhenitsyn "Cancer corps". The interpretation of the work is given from the position of the "postcolonial theory", which was proposed by the author.

3. Васильев Евгений Михайлович, Житомирский государственный университет имени Ивана Франко, доцент кафедры германской филологии и зарубежной литературы, доктор филологических наук, доцент.

Научные интересы: теория литературы, теория и история драматургии и театра, жанрология, Волынский текст в русской литературе, литература Серебряного века, проблемы художественного перевода.

Контактная информация: emvas@mail.ru; +38(095)502-83-08.

Vasyliiev Ye. M. Personality and creativity of Alexander Solzhenitsyn in igor kachurovsky reception.

Keywords: Solzhenitsyn; Kachurovsky; reception; translation; prison-camp prose. **Summary:** The article deals with the reception of Alexander Solzhenitsyn, his personality and creativity by the Ukrainian poet, translator, literary critic, radio jour-

nalist Igor Kachurovsky. In particular, the visit to Solzhenitsyn described by Kachurovsky contained in a 1974 essay is analyzed. The echoes of Solzhenitsyn's work (first of all, the "Gulag Archipelago") are researched in numerous texts of Kachurovsky. The Ukrainian translations of the Nobel lecture of Solzhenitsyn and four texts from his cycle "Miniatures" made by Kachurovsky are also covered.

4. Левонюк Алла Евгеньевна, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат филологических наук, доцент.

Научные интересы: идиоматика языка, афористика белорусского языка, психолингвистика, методика преподавания русского языка и литературного чтения.

Контактная информация: levonyuk.alla@mail.ru; +375297220569

Levonyuk A. Y. Aphorisms in the oeuvre of A.I. Solzhenitsyn.

Keywords: works; language of the work; artistic image; aphoristic; stylistic figure; trope.

Summary: The article deals with the aphoristic works of A.I. Solzhenitsyn. It is noted that Solzhenitsyn is known to us as the author of very talented works that have become immortal. In addition, it is emphasized that aphorism is one of the oldest forms of philosophical thinking. In laconic by form, but capacious in content sentences a person and his/her world are analyzed in a deep and diversified manner: sometimes they are generalized, sometimes concretized. It is confirmed by examples that all speech tools used by A.I. Solzhenitsyn when creating an aphorism, reflect such quality of this unit of text as paradox, surprise.

5. Сичинава Нелли Гарриевна. Государственный университет Акакия Церетели. Профессор-ассистент, кандидат филологических наук.

Научные интересы: коммуникативная стилистика художественного текста.

Контактная информация: nelli.sichinava@yandex.ru; (+995) 555 15 63 22.

Sitchinava N. G. Features of use of precedent texts in the novel A. Solzhenitsyn "Cancer ward"

Key words: precedent text; reminiscences; allusions; precedent name; interpretation.

Summary: In this paper, an attempt is made to consider the precedent texts in Solzhenitsyn's novel "the corpus of Cancer". The author analyzes various functions and ways of appeal to case texts.

6. Ходынюк Юлия Эдуардовна. Państwowa Szkoła Wyższa im. Papieża Jana Pawła II w Białej Podlaskiej, старший преподаватель, кандидат гуманитарных наук.

Контактные данные: chodyniuk@list.ru , +375 29 727 76 91.

Keywords: lexical units; speech characteristic; jargon.

Summary: The article deals with the problem of the speech characteristics of the characters of the novel by A. I. Solzhenitsyn, speech and stylistic methods of creating an image of a literary hero. The characteristic of the main stylistic layers of the story "one day of Ivan Denisovich" is given. Also the definition of jargon is given, the question of the use of extra-literary vocabulary, dialect and colloquial constructions is considered.

7. Чагайда Юлия Николаевна, УО «Брестский государственный технический университет», доцент кафедры белорусского и русского языков, кандидат филологических наук.

Научные интересы: стилистика, лексикология, когнитивная лингвистика, методика преподавания русского языка как иностранного.

Контактные данные: chagaida@lenta.ru; +375292233543.

Chagaida Yu. N. Onomasiological plan of character in story of A. Solzhenitsyn «Matrenin dvor».

Keywords: onomasiological analysis; nominative units; onomasiological levels; character.

Summary: The article is devoted to the onomasiological analysis of predicative and non-predicative nominations with description of the main character. The A. Solzhenitsyn's story «Matrenin dvor» has served as a basis for the analysis of the given nominative units.

8. Статкевич Елена Васильевна, преподаватель филиала БрГТУ Пинский индустриально-педагогический колледж,

Контактные данные: CNFNRTDBX@yandex.by, +375296258579.

Statkevich E.V. The value of life and ways of their achievement in the works of A. I. Solzhenitsyn.

Keywords: value; value attitude; aesthetic value; beauty; harmony; aesthetic ideal; high school student; criterion of life activity evaluation.

Summary: The article notes that values play a significant role in the formation of creative personality, among which a special place is occupied by aesthetic values. In this vein, the expediency of studying the creativity of modern schoolchildren of Solzhenitsyn is justified.

9. Матичук Чечилия, доктор филологических наук, преподаватель (сотрудник) кафедры русской литературы университета «А.И. Куза», г. Яссы, Румыния.

Научные интересы: критика и история литературы XX-XXI вв., литература русской эмиграции, лагерная проза.

Контактная информация: cecilia.maticiuc@yahoo.com

ГЛАВА 4. ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

1. Кулибина Наталья Владимировна, Московский государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Начальник методического отдела, профессор, доктор педагогических наук.

Научные интересы: Обучение чтению, методика преподавания русского языка, создание электронных образовательных ресурсов.

Контактная информация: <http://ac.pushkininstitute.ru/course1.php>
NVKulibina@pushkin.institute; +7-916-611-02-76

Kulibina N.V. Interactive reading lessons "Kropotkin" by A. I. Solzhenitsyn
Keyword. Russian language; interactive reading lessons; literary text; Solzhenitsyn; learning; digital environment.

Summary: The article describes interactive reading lessons on the works of Solzhenitsyn.

2. Жигалова Мария Петровна, Брестский государственный технический университет, профессор кафедры БиРЯ, действительный член АПСН РФ, доктор педагогических наук, Заслуженный учитель Беларуси, автор более 300 научных трудов по дидактической филологии, в том числе 7 монографий и 18 учебных и учебно-методических пособий, изданных в Беларуси, Германии, Иране, Польше, России, Румынии и др.

Научные интересы: методика преподавания русской литературы, дидактическая филология на постсоветском и мультикультурном пространстве в высшей школе Востока и Запада, преподавание славянских литератур в контексте диалога культур и цивилизаций; художественное произведение как межкультурный универсум: интерпретация и анализ.

Контактная информация: +375 801651 62483; +375 80336444879; zhygalova@mail.ru.

Zhygalova M. P. The works of A. I. Solzhenitsyn in the context of the literary school of education of belarus.

Keyword: Solzhenitsyn; Belarus; creativity; literary education; perception; intertext, interpretation and analysis.

Summary: In the article the methods and techniques of studying the life and works of A. Solzhenitsyn; outlines how identifying the reader's perception, interpretation, and analysis used in the study of the short story "One day of Ivan Denisovich" in the graduating class of the schools of Belarus; the elements of intertextuality; ways of understanding the reader time and space, reflecting the tragic essence of the Stalinist era.

3. Критарова Жанна Николаевна. ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования». Старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук.

Научные интересы: совершенствование современных технологий обучения русской литературы в национальной школе и вузе, культуроведческий аспект, проблема «диалога культур» и межкультурной коммуникации, пути достижения предметных и метапредметных результатов обучения. Автор более 100 научных и учебно-методических работ, в числе которых учебники и методические пособия по литературе (УМК под ред. проф. Черкезовой М.В.), пособия для преподавателей и учащихся, научные статьи, аналитические отчёты, программы. Член Федерального реестра экспертов РАО.

Контактная информация: kritarova@rambler.ru; 8(916)715-57-02.

Kritarova Zhanna Nikolaevna. The study of A. Solzhenitsin's creations in russian school.

Keywords: literary education; Russian school; literature standards; Approximate program; oeuvre of A.I. Solzhenitsyn.

Summary: The article deals with the history of events connected with the study of A.I. Solzhenitsyn's creative works in the Russian school. Analyzed the normative-legislative acts regulating literary education in schools of the Russian Federation, determined the place of the creative heritage of Solzhenitsyn in the curriculum of language and literature. Designated individual works of the writer, the study of which was included in school education.

4. Атрощенко Анна Сергеевна, руководитель образовательных программ Международного центра лингвистической подготовки и профессиональных коммуникаций Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Контактная информация: atroshchenko-as@sziu.ranepa.ru, +7-921-442-14-12.

5. Бисерова Мария Владимировна, специалист Международного центра лингвистической подготовки и профессиональных коммуникаций Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Контактная информация: biserova-mv@sziu.ranepa.ru, г. Санкт-Петербург, +7-921-933-06-36.

6. Кобылянская Л.И., д. психол. наук, конференциар университетар (доцент) Славянского университета Республики Молдова (г. Кишинев, Республика Молдова).

Контактная информация: larisakobylyanskaya@rambler.ru.

7. Койнова-Цёльнер Юлия Васильевна, научный сотрудник кафедры общей дидактики и эмпирического исследования урока Института Педагогического Факультета Технического Университета Дрезден, Ph.Dr., Ph.Dr. phil.

Контактная информация: Julia.Koinova-Zoellner@tu-dresden.de.

8. Романичева Елена Станиславовна, ГАОУ Московский городской педагогический университет, Институт системных проектов, главный научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ.

Научные интересы: методика обучения литературе, обучение смысловому чтению.

Контактная информация: els-62@mail.ru; +79032639046.

Romanicheva E. S, Marantsman E. K. Working with the article of the textbook on the literature about A. I. Solzhenitsyn as a dive in the historical and literary context.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, textbook article, factual information, strategy “thinking at a right angle”, information skills, text of “new nature”, historical and literary context.

Summary: The article on the example of working with text about A.I. Solzhenitsyn from a textbook of 11th class shows why and how it is possible to work in a literature class with the text of a textbook, what skills in the field of work with information can be formed among schoolchildren in the process of working with textbook.

9. Маранцман Елена Константиновна, профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка, Институт детства, ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, доктор педагогических наук, доцент.

Научные интересы: методика обучения литературе.

Контактная информация: elena.marancman@mail.ru; +79052826536.

Romanicheva E. S, Marantsman E. K. Working with the article of the textbook on the literature about A. I. Solzhenitsyn as a dive in the historical and literary context.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, textbook article, factual information, strategy “thinking at a right angle”, information skills, text of “new nature”, historical and literary context.

Summary: The article on the example of working with text about A.I. Solzhenitsyn from a textbook of 11th class shows why and how it is possible to work in a literature class with the text of a textbook, what skills in the field of work with information can be formed among schoolchildren in the process of working with textbook.

ГЛАВА 5. А.И. СОЛЖЕНИЦЫНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

1. Пашкевич Людмила Степановна, заведующая отделом абонемента и МБА Брестской областной библиотеки им. М. Горького.

2. Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент Брестского государственного технического университета.

3. Андреев Анатолий Николаевич, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), доктор филологических наук, профессор.

Научные интересы: литературоведение, культурология, педагогика.

Контактная информация: anandreev58@mail.ru.

Anatoly Andreev. Mind vs intellect: version of philosophy of literature.

Key words: unconscious, psychics, conscience, intellect, philosophy of literature, information, Pushkin, Queen of spades.

Summary: Here are defined the functions of such concepts as unconscious, psychics, conscience, intellect. Here are demonstrated how these concepts are worked in the Pushkin's «Queen of spades». The proposed view of the story makes it possible to find in it a deep conceptual basis – much deeper than is commonly believed.

ГЛАВА 6. ИЗ ФОНДОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. ГОРЬКОГО. БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Горбачевская Валентина Адамовна, библиограф 1 категории Информационно-библиографического отдела Брестской областной библиотеки им. М. Горького

2. Зайко Александр Петрович, заведующий Информационно-библиографическим отделом Брестской областной библиотеки им. М. Горького.

Контактная информация: +375162574877; ibobob@yandex.ru; zaikobob@gmail.com

Научное издание

**АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Текст печатается в авторской редакции,
пунктуации и орфографии*

Ответственный за выпуск: Жигалова М.П.
Редактор: Боровикова Е.А.
Компьютерная вёрстка: Соколюк А.П.
Корректор: Жигалова М.П.

ISBN 978-985-493-443-3

9 789854 934433

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 05.12.2018 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,83. Уч. изд. л. 20,25. Заказ № 1489. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.